

АРКАДИЙ ПЕРВЕНЦЕВ

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ



Д



Аркадий Первенцев

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Рисунки
В. ЛАДЯГИНА

Издательство „Детская литература“

Москва 1966

Р2
П26

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В этой книге напечатана повесть известного советского писателя А. А. Первенцева «Огненная земля». В ней рассказывается об одном из героических эпизодов Великой Отечественной войны в период борьбы за Крым: о патриотической стойкости, самоотверженности и мужестве советских моряков-десантников, которые в невероятно тяжелых условиях, небольшой группой, сумели захватить и удержать весьма важный плацдарм на Керченском полуострове, названный Огненной землей из-за горячих боев, развернувшихся на этом участке.



Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Глава первая

Вторые сутки непрерывно шел дождь. И хотя кончался сентябрь и листья желтели, дождь был шелковый, как называли его жители Рионской низменности. Словно просеянные сквозь сито, сверху сыпались и сыпались мелкие росинки. Теплыми струйками сбегали они по лицу и рукам.

Невесело было жить под надоедливой моросью, день и ночь дышать паром, поднимающимся над этим влажным краем, покрытым роскошной растительностью. Из девственного краснозема вставали могучие стволы грабов и буков, текла серая река, и ночами по берегам ее, в зарослях папоротников и самшита, плакали и хохотали шакалы, звенели южные лягушки и приникали к воде ярко-зеленые ящерицы.

По пробитой в приречном лесу дороге возвращался в город капитан Николай Александрович Букреев на доброезжей кабардинской лошади чисто вороной масти, редкой для этой породы. Букреев, начальник штаба недавно сформированного батальона морской пехоты, задержался в тыловом портовом городе П., чтобы закон-

чить служебные дела. Батальон ушел морем в Геленджик, а он сегодня еще сдавал полигон горнострелковому полку, подходившему сюда от городка Махарадзе.

Сплетенные вершинами грабы и дубы почти не пропускали дождя, но по дороге, изрезанной колесами арб, текли ручьи. Иногда отягченные листья деревьев как бы отряхивались, и тогда сверху слетало облачко теплой воды. Деревьям, опутанным лианами, было душно. Букреев невольно расстегнул ворот, распустил завязанный на шее синий казачий башлык.

Капитан держался в седле с той ловкой и завидной осанкой, в которой долголетняя строевая выучка сочетается с непринужденностью горского наездника. Он сдерживал кобылицу на хорошем шаге, почти незаметно «подрабатывая» шенкелями ее поджарые бока и легко пошевеливая поводьями.

На Букрееве была удобная для верховой езды венгерка, подпоясанная широким ремнем, с пистолетом в обношенной кобуре. На его лице, сильно тронутым летним загаром, почти не было морщин, хотя по начинавшему тяжелеть подбородку и еле заметным складкам у ушей Букрееву можно было дать не меньше тридцати пяти лет.

Позади капитана ехал вестовой — узбек Хайдар; он был в намокшей шинели, заткнутой концами за пояс, с винтовкой за спиной. Хайдар зло понукал низкорослую черноморку, лошадь с грубоватой головой, мощным, несколько растянутым корпусом и широким крупом. Черноморка с трудом нагоняла размашистый шаг кабардинки и часто переходила на рысь.

Выехав из лесу к реке на битую песчаную дорогу, капитан перевел кобылицу на полуиноходь, удовлетворенно наблюдая, как, вытянув шею, стелется его кабардинка. Ритмичное причмокивание подков позади доказывало, что Хайдар не отстал. Тогда Букреев перевел свою лошадь на карьер, используя хороший мах кабардинки.

Дождь теперь стегал по лицу, несмотря на удивительное спокойствие воздуха. На родине Букреева, в Архангельской области, такой дождь называют косохлестом.

Рион катился, облизывая дымные камни. Кое-где на

взрябленном плесе реки закручивались ленивые водовороты, плыла щепка, сброшенная в верховьях лесотесами, неслись похожие на толстый камыш стебли бамбука и пожухлые листья лапины.

Впереди, за железнодорожным мостом, повисшим над рекой, угадывалось море. За мостом, в затоне, торчали мачты судов, приведенных сюда с Азовского моря, с Дона и Кубани в период отхода наших войск. Возле домика с тонкими очертаниями веранд и крыш росли драцены, напоминавшие пальмы. Стадо коз, позванивая колокольчиками, миновав домик, взбиралось на насыпь. Мальчишка в бараньей шапке, скользя босыми ногами по откосу, сгонял коз, крича и швыряя в них камни.

Букреев по-новому рассматривал сейчас места, по которым столько раз проезжал равнодушно. Близилось расставание, и, кто его знает, придется ли снова вернуться сюда. В юности так же была покинута родная Архангельщина, потом Средняя Азия, где он учился в Ташкентском пехотном училище. Отлично окончив школу, он был направлен в пограничные войска на Кавказ. Пятнадцать лет пробыл он на заставах, десять из них — на Черном море. Ему приходилось пробираться по тропам, там, где лошадь не могла пройти, скакать по приморскому шоссе, выходить на сторожевиках в море, а то ночами, приткнувшись где-нибудь у темной скалы, выжидать фелюги контрабандистов и диверсантов. Он и сердце-то испортил себе на своей беспокойной службе.

Лошадь давно уже перешла на шаг. Букреев оглянулся назад и кивком головы подозвал вестового. Хайдар заехал с левой стороны. Сидя на своей мелкой черноморке, высокий узбек был почти на голову ниже капитана.

— Не совсем еще раскис, Хайдар?—спросил Букреев.

— Тело еще сухое, товарищ капитан,— ответил вестовой.

— Может быть, сегодня в последний раз верхом?

— Это очень плохо,— сказал Хайдар и сжал губы.

— Мою Марфушку береги. Она хорошая лошадка.— Букреев потрепал кабардинку ладонью по шее.— Она умная, Хайдар. Меня понимает. Ишь, как она меня слушает, ухом стрижет.

— Возьмите меня с собой, товарищ капитан,— осторожно попросил Хайдар.

— Ну, брат,— Букреев вздохнул,— видно, не суждено тебе побывать в морской пехоте. Останешься здесь. Дождешься нас... Пока будешь в горнострелковом полку. Я тебя порекомендую хорошему командиру, Хайдар.

— Очень плохо, товарищ капитан,— сказал вестовой и отвернулся.

Очевидно, ему было тяжело, и Букреев прекратил разговор.

Въехали на мост. Копыта застучали по доскам, кони приободрились, но, перейдя мост, окунулись по бабки в жидкую грязь.

В городе, по бровкам каменных мостовых, с тихим ворчанием бежала как бы уставшая вода. Подкатав брюки, улицу перебегали несколько молодых краснофлотцев в гвардейских бескозырках, на которых было начертано: «Красный Крым».

У почты — небольшого серого здания — Букреев соскочил с лошади. Ему нужно было сообщить жене, жившей с двумя детьми в Самарканде, что он не может сейчас выполнить свое обещание и выписать ее сюда. Жене, конечно, тяжело будет узнать это, но ничего не поделаешь. Стараясь не показать столпившимся у телеграфного окошечка людям свое волнение, Букреев взял бланк и отошел к столику, залитому чернилами и закапанному клеем. Он написал телеграмму крупным, четким почерком, как будто эти отлично выписанные буквы, доказывающие его спокойное душевное состояние, могли видеть и жена, и две его дочурки. «Связи переездом другую квартиру выезд задержи. Целую любя. Николай». Он перечитал телеграмму, поджав губы и улыбаясь своими черными, влажными глазами. «Кажется, никакого разоблачения военной тайны нет,— подумал он.— А из Геленджика я ей напишу подробнее о дальнейших планах».

Передав в окошечко телеграмму, Букреев вышел на крыльцо, ловко прыгнул в седло и молча поехал к пристани.

В порту было оживленно. Подходила колонна машин с продовольствием и снарядами. Ящиков было много, их складывали штабелями, и часовые мелом метили их косыми крестами, как обычно метят кирпич в кладке. На

баржу катили бочонки с рыбой и солониной, лебедками подавали в трюм ящики со снарядами и авиабомбами. Стоял разноголосый говор, перекрываемый иногда криками старшин, руководивших погрузкой. Пахло сыростью, намокшими пеньковыми канатами и водорослями.

— Начинают тащить снаряды — значит, наступать будем, — сказал военный в дождевике своему спутнику, высокому, худому артиллеристу.

— Не знаю, ничего не знаю, — пробасил артиллерист.

— Бог войны — ничего не попишешь: его кормить нужно.

Военный в дождевике прислушался к сигналам с кораблей:

— Кажется, Курасов возвращается из Батуми. Быстро он обернулся. Ведь только позавчера туда прошел...

В бухту на буксире входил танковоз, переоборудованный из корпуса недостроенного тральщика. К нему, в свою очередь, были прибуксированы понтоны. На танковозе виднелась дощатая будочка и вокруг нее десятка два крытых грузовиков.

Танковоз сопровождали сторожевые корабли, резво ошвартовавшиеся у пирса. Люди из их команд были очень веселы.

Вновь прибывших моряков окружили офицеры кораблей, стоявших в порту. Послышались смех, шутки.

Знакомый Букреева, дежурный по порту капитан третьего ранга Хохловцев, остановился возле него:

— Курасов идет флагманом конвоя. Представьте себе, совсем молодой человек. Ну, сколько ему? Двадцать один — двадцать два? А уже два боевых ордена! А все потому, что имел возможность повоевать при таком командире дивизиона, как Звенягин... А тут мокни в этом проклятом Квакенбурге!

Хохловцев с досадой махнул рукой и пошел к веселой группе моряков, окруживших огромного детину, спрыгнувшего со сторожевого корабля.

— Шалунов! Привет, Шалунов! — еще издали крикнул Хохловцев.

Подойдя ближе, Хохловцев затерялся среди офицеров, столпившихся вокруг Шалунова. На палубе сторожевого корабля-флагмана показался Курасов, невысокий

молодой человек, с неулыбчивыми, чуть раскосыми глазами. Курасов был в кожаном реглане, сдвинутой набок фуражке и сапогах выше колен. Равнодушно оглядев Букреева и его лошадь, он отвернулся и смотрел теперь в ту сторону, где виднелись серые громады линкора и гвардейских крейсеров.

Букреев поехал к своему штабу.

В небе ровно гудел самолет. Люди удивленно поднимали вверх головы, вслушивались.

Букреев остановился возле двухэтажного дома с балконом и фигурной орнаментовкой окон.

— Хайдар, сегодня никуда не поедem. Лошадей можешь отвести на конюшню,— распорядился он.— Потом принесешь обед.

В комнате, куда вошел Букреев, стояли две кровати, письменный стол и несколько пальм в зеленых кадках. Два окна выходили в сад, где новые хозяева успели расположить полевую кухню. На дорожке между олеандрами кряжистый красноармеец, сверкая топором, рассекал дубовые поленья. Дорожка, еще недавно любовно посыпаемая песком, теперь была истоптана конскими копытами и сапогами. Ручьи уносили листья и лепестки цветов.

Букреев разделся и переменял все, вплоть до белья и сапог. Красноармеец в саду успел затопить печь в полевой кухне, и из трубы повалил густой дым, поднявшийся выше магнолий.

Из окон, обращенных к порту, была видна стоявшая на рейде эскадра.

Хайдар принес обед. Букреев задержал его. Было тяжело расставаться с верным своим ординарцем, сопровождавшим ему уже около трех лет, но кому-то нужно было оставаться, хотя бы для того, чтобы сохранить лошадей и не отдать их в чужие руки. Да и в морскую пехоту Хайдар не подходил: тяжело раненный еще осенью 1942 года, при разгроме диверсионной группы врага в районе Туапсе, он плохо владел левой рукой.

— Сегодня мы выпьем с тобой.

— Нет... — Хайдар покачал головой.

— Почему — нет? — Букреев улыбнулся.

— Потому что мне плохо на сердце, товарищ капитан.

— Вот видишь, кроме корявой руки, у тебя еще и сердце того...

— У меня сердце хорошее... Разрешите выйти, товарищ капитан.

— Ну, ты что это, Хайдар? Как тебе не стыдно, дружище?

У Хайдара подрагивали губы, глаза увлажнились.

— Я хочу вам... всего хорошего, товарищ капитан.

— Ну иди... Только тебе не идет быть таким, Хайдар. Я люблю тебя веселым.

Вестовой вышел, и капитан в одиночестве закончил обед.

Букреев прошелся по комнате, поежился от сырости и хотел было немного вздремнуть, но, вспомнив, что остатки хозяйственного имущества батальона до сих пор не погружены, позвонил в порт. В трубке послышался глухой голос Хохловцева, уверявшего, что все направляемое к фронту грузится сейчас на караван Курасова.

За дверьми Хайдар затеял с кем-то перебранку.

— Хайдар! — крикнул капитан.

Вестовой вошел. На темной коже его щек проступили красные пятна.

— Ты с кем там, Хайдар?

— Там один моряк пришел.

— Ко мне?

— К вам, товарищ капитан.

— Что же ты шумишь?

— Я просил его подождать.

— Почему же он должен ждать?

— Я думал, вы легли отдыхать, товарищ капитан.

— Хайдар, ты на моих глазах портишься. Так нельзя. Откуда он, из порта?

Хайдар помялся.

— Чего же ты молчишь?

— Из Геленджика, товарищ капитан.

— Из Геленджика? И ты его не пускаешь? Пусть войдет!

Хайдар впустил широкоплечего человека в мокром плаще с откинутым капюшоном и в бескозырке с надписью: «Севастополь». Моряк, назвавшийся старшиной второй статьи Манжулой, протянул Букрееву пакет. В коротком предписании командира базы адмирала

Мещерякова Букрееву было приказано немедленно выехать в Геленджик, захватив с собой тридцать матросов, списанных с крупных кораблей эскадры в морскую пехоту. Старшим команды назначался Манжула. В частной записке, приложенной к предписанию, адмирал, называя Букреева по имени и отчеству, просил поторопиться, «так как с Тузиным дело обстоит неважно».

Тузин был командиром батальона, непосредственным начальником Букреева.

Прочитав еще раз записку, капитан подумал: «Что же могло стрястись с Тузиным?»

— Вы знаете майора Тузина? — спросил Букреев Манжулу.

— Майор Тузин — наш командир батальона, товарищ капитан.

— Когда вы его видели?

— Перед отлетом, товарищ капитан.

— Так вы сюда добирались по воздуху?

— Так точно, товарищ капитан. Я пришел сюда на попутном торпедоносце.

— Вам посчастливилось благополучно добраться сюда в такую непогоду, товарищ Манжула. А с аэродрома — неужели пешком? Позвонили бы — я выслал бы верховую лошадь.

— От аэродрома я доехал на бензозаправщике, товарищ капитан.

На прикладе автомата Манжулы было что-то изображено. Приподняв приклад, Букреев увидел на нем выжженную фигуру матроса со знаменем в руках и слова: «Мсти за погибших товарищей! Вперед до Берлина!»

— Ну что же, вы, очевидно, устали. Идите отдохните пока и покушайте... Хайдар, понял?

— Так точно, понял, товарищ капитан!

Букреев обратился к Манжуле:

— Примем команду и, вероятно, отправимся в Геленджик морем. В такую погоду воздухом долго не выберемся. Может быть, успеем повоевать на Тамани. Как там дела, Манжула?

— Там хорошо, товарищ капитан. Там сейчас наши ребята из двести пятьдесят пятой Краснознаменной морской стрелковой бригады. Раненых при мне привезли в



Хайдар впустил широкоплечего человека в мокром плаще...

Геленджик. Говорят, набили фашистов на Тамани видимо-невидимо, товарищ капитан.

— Да? Это хорошо! Но нам тоже войны хватит, Манжула.

Букреев подошел к окну и снова посмотрел на корабли, стоявшие в этой будто подожженной воде. Манжула, выхватив из кармана какую-то тряпицу, быстро вытер на полу лужу от воды, стекавшей с его плаща. Потом он сделал шаг к окну, посмотрел на линкор. Букреев заметил, как сжались кулаки у Манжулы, а на лице появилось выражение скорби и безмолвного восхищения.

— Вы давно с линкора, товарищ Манжула?

— Больше года, товарищ капитан.

— Скучаете по корабельным товарищам?

— Их почти не осталось на линкоре. В пехоту ушли, на берег. Скорее бы в Севастополь, товарищ капитан.

— Вот постараемся до него добраться.

— Скорее бы, а то уже три пары подметок сносил на этом Кавказе...

— Ну, кушать и отдыхать,— закончил Букреев.— Даю вам два часа, товарищ старшина.

Хайдар недовольно насупился и вышел первым. Манжула, четко повернувшись кругом, направился за вестовым.

Перечитав записку адмирала, Букреев задумался. Он созвонился с Хохловцевым и попросил его помочь добраться до Геленджика. Хохловцев обещал связаться с Курасовым и одновременно порекомендовал лично договориться с ним. Букреев тотчас же отправился к Курасову.

Глава вторая

Капитан-лейтенанта Курасова Букреев разыскал в портовой столовой, в обществе молодых офицеров конвоя, шумно заканчивавших ужин. В столовой никого, кроме них, уже не было, и румяные подавальщицы, столпившись поодаль у колонны, обвитой можжевельными ветвями, прыскали, наблюдая за веселой молодежью. Офицеры сидели за двумя сдвинутыми вместе столами и следили за Шалуновым, пытавшимся «на спор» разрезать левой рукой крупный белобокий арбуз.

Войдя в столовую, Букреев, незамеченный, остановился у колонны. Курасов с секундомером в руках был, очевидно, «судьей», а может быть, и участником пари.

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...— отсчитывал секунды Курасов.

— Не спеши,— попросил Шалунов, придерживая выскальзывающий из рук арбуз.

— Надо уметь, уметь надо,— подтрунивал Курасов.— Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь...

Шалунов решил резать «от себя». Он сел, уперся в стол локтем правой руки, ею же прижал к себе арбуз и повертел в воздухе ножом. Лицо его стало злым. Может быть, и в самом деле трудно разрезать арбуз левой рукой, может быть, мешала рана на руке, но и вторая попытка окончилась неудачей. Арбуз соскользнул с блюда. Подхваченный десятком загорелых рук, под дружный хохот он был снова водружен на блюдо. Курасов спрятал секундомер. Шалунов дурашливо запричитал: «Проиграл, проиграл, проиграл...» Тогда Курасов вынул небольшой плоский кинжальчик, висевший у него на поясе в ножнах:

— Теперь дайте его мне, астраханцу.

— Флагман, ставлю дюжину бутылок «Букета Абхазии», если отхватишь шляпку с одного маха!— воскликнул Шалунов, вскочив со стула.

— Держите его, а то откажется!— крикнул Курасов.— Ну, учись, Шалунов, у нас, у астраханцев, у арбузников!

Курасов прикусил нижнюю губу и, схватив арбуз, одним взмахом срезал макушку, перевернул арбуз и срезал вторую.

— Туш Курасову, туш!— крикнул он шутливо.

— Я проиграл, Курасов! За мной «Букет Абхазии», если завернешь в Сухуми. Не завернешь— ставлю в Геленджике «Черные глаза». За все убытки я выговариваю себе с этого арбуза серединку,— сказал Шалунов.

— Серединку?— Курасов подвернул рукава.— Я разрежу его так, что серединки не будет. Это тоже надо уметь... Я делаю так...— Курасов опять прикусил губу, пригнулся и покрутил кинжальчиком.— Девушки, можете учиться, как нужно правильно резать арбуз. Ближе, ближе! Для вашей профессии пригодится...

Подавальщицы, стыдливо подталкивая друг друга и пересмеиваясь, подошли поближе. Тут Курасов заметил Букреева, стоявшего в тени колонны и с улыбкой наблюдавшего это веселье.

Курасов опустил нож. Сначала вспыхнули его уши, а потом краска расползлась по всему лицу.

— Чего же, Курасов? — спросил Шалунов. — Я мечтал постичь твое искусство.

Но теперь все заметили капитана в армейской шинели и сразу замолкли.

— Я к вам, товарищ Курасов... — сказал Букреев. — А здорово вы справились с арбузом!

Курасов подал руку и, не глядя на Букреева, сухо спросил:

— Чем могу служить, товарищ капитан?

Курасов слушал Букреева, собрав у глаз мелкие морщинки; его смуглое молодое лицо сразу изменилось.

— К сожалению, я не могу захватить вас в Геленджик, — сказал он, рассматривая забрызганные песчаной грязью шпоры Букреева.

— Вам должен был звонить капитан третьего ранга Хохловцев.

— Он мне не звонил, — сдержанно сказал Курасов. — А даже если бы он мне и звонил, что ж такого? Он не может приказать мне. Я сам отвечаю за караван: за корабли, за груз и за пассажиров. Но, к счастью, пассажиров мы не берем.

— Почему?

— Потому что наши «гиганты» не приспособлены для перевозки пассажиров. Да у нас и места нет. Вы же знаете, что такое «морской охотник», товарищ капитан?

Курасов взял ломоть арбуза и сосредоточенно принялся выковыривать острием кинжала семечки, густо усыпавшие сахаристую мякоть.

— Но вы поймите, я направляюсь к фронту, в действующую армию.

— А кто из военных сейчас не направляется к фронту, в действующую армию? Если бы я брал всех, мне бы на корабле негде было повернуться.

Курасов, очевидно, твердо решил отказать. Лицо его как бы говорило: «Всё, товарищ капитан. На вашем месте я бы ушел».

Букреев решил сдержать свое раздражение.

— Тогда простите, товарищ капитан-лейтенант.— Он щелкнул шпорами.

Шалунов вздохнул, пожал плечами и дружелюбно улыбнулся Букрееву.

Курасов окинул Букреева холодным взглядом:

— К сожалению, ничего не могу.

— Жаль. Если бы меня сегодня не вызвал адмирал Мещеряков, я бы мог не торопиться.

— Мещеряков? — переспросил Курасов.— Вас вызывает адмирал Мещеряков?

— Я еду к батальону.

— К какому батальону? — быстро спросил Шалунов, отодвигаясь от стола вместе со стулом.

— К отдельному батальону морской пехоты, в Геленджик. Со мной отправляется команда, тридцать краснофлотцев, списанных в пехоту.

Курасов смущенно улыбнулся.

— Простите, товарищ капитан...— Он подыскивал слова.— Я обычно отказываюсь брать с собой посторонних людей. Мы идем медленно. Иногда приходится тянуться за тральщиками. Удобств никаких. Но если вы по вызову адмирала...

— А для нашего адмирала мы постараться готовы! — Шалунов прижал к груди свои большие ладони.

— Итак, завтра на рассвете, товарищ Букреев,— сказал Курасов.— Вы знаете, где мы ошвартовались?

— Да, знаю. Команду тоже берете?

— Безусловно. Мы их распределим по кораблям. Они помогут в походе.

— А вы, Курасов, все же здорово арбуз-то...— сказал, прощаясь, Букреев, делая вид, что между ними ничего особенного не произошло.— Все астраханцы такие?

— Просто я владею левой рукой так же, как правой, вот и весь секрет,— смущенно сказал Курасов.— А вообще левой рукой арбуз разрезать очень трудно.

— Курасов словчил! — шутливо возмутился Шалунов.— Он левша! Дюжина бутылок снова у меня в кармане.

Букреев вышел. На улице стойко держался туман. Луч корабельного прожектора медленно опускался все

ниже и ниже. Букреев задержался на ступеньках у выхода из столовой, наблюдая борьбу электрического света и влажных паров воздуха. Через закрытую дверь доносился гомон молодых голосов. Букреев шагнул вниз и оторопел от неожиданности. Близко возле него стояли вооруженные люди. Это был Манжула, дожидавшийся капитана, и его друг, старший краснофлотец Горбань, списанный с линкора «Севастополь» в морскую пехоту и попавший в «тридцатку».

— Мы вас проводим, товарищ капитан,— сказал Манжула.

И втроем они пошли к штабу.

Глава третья

На рассвете Букреев верхом приехал на пристань. Туман еще больше сгустился. Если бы не чрезвычайные обстоятельства, выход в море не был бы разрешен. Шалунов, исполнявший обязанности флаг-штурмана, был озабочен.

— Плавание в таком тумане вообще беда, а когда еще знаешь, что кругом рыщут подлодки... — мимоходом сказал Шалунов, пожимая руку Букрееву.— Ну как-нибудь, Букреев. На траверсе Очемчир, говорят, ясно...

Шалунов исчез в тумане. И только по скрипу сходни можно было догадаться, что он поднялся на корабль. Хайдар держал под уздцы лошадей и смотрел на капитана грустными, преданными глазами.

Кабардинка нервничала, прислушиваясь к звукам, несшимся с кораблей: к стуку ящиков, крикам матросов, грохоту перекачиваемых пустых железных бочек. Букреев огладил ее шею:

— Хайдар! Ты сам присматривай за ней...

Букреев замолчал, ему не хотелось говорить. Было жаль Хайдара; жаль и лошадей, прослужившей ему больше трех лет; жаль города и даже этих бесконечных дождей, перемежающихся с туманами.

Было горько оттого, что мечта о приезде сюда семьи не осуществилась; было тревожно: впереди опасные труды.

Вблизи него все чаще пробегали матросы в рабочей одежде. Фыркнули и загудели судовые моторы. Сырые запахи утра как бы прослоились запахами отработанного бензина и машинного масла. Появился Манжула, и с ним опять Горбань — светлоглазый сильный моряк, лет двадцати пяти, с приятным лицом и какой-то хитровато-безмятежной улыбкой. Манжула и Горбань привели команду. Получив разрешение Букреева на посадку, Манжула скомандовал, и моряки «тридцатки», как они себя сами шутливо окрестили, пошли на корабли. Манжула вернулся и остановился рядом с Букреевым, пренебрежительно поглядывая на Хайдара и лошадей. Хайдар заметил взгляд Манжулы, и его губы недружелюбно скривились.

— По кораблям! — прокричал вахтенный с борта флагманского корабля. — Кто там на берегу!

Букреев обнял Хайдара и пошел на корабль.

— Прощай, Хайдар, — сказал Манжула уже с палубы.

Узбек шагнул вперед:

— Его... товарища капитана...

Манжула понял, что значат эти слова.

— Как-нибудь, Хайдар!

— За капитана не беспокойся, чернобровый, — добавил Горбань и тревожно сказал: — Что-то моей сестренки нет, Манжула. Обещала проводить, а вот опоздала.

Моторы заработали сильнее, палуба под ногами задрожала. Два матроса стали у кнехтов, чтобы сбросить швартовы. Горбань, не скрывая беспокойства, перегнулся вперед, схватившись за поручни.

— Александр! Саша! Горбань! — картавя, прокричал из тумана девичий голос.

— Она, Раечка!

Горбань перемахнул через поручни и пропал в тумане.

Курасов сдвинул к переносице тонкие брови и буркнул так, чтобы его слышал стоявший у мостика Букреев:

— Вот почему я не люблю пассажиров. — И приказал боцману: — Снять со швартовых!

Корабль как бы выпрямился. Медленно начали покачиваться у борта причальная тумба, кони, вскинувшие головы, Хайдар в своей длинной шинели и фуражке

пограничника, косо поднятые дышла орудийных передков, подготовленных к погрузке...

Горбаня не было, и раздосадованный Букреев строго отчитал Манжулу, отвечавшего за порученную ему команду.

— Горбань никогда не отстанет, товарищ капитан! — вытянувшись во фронт, оправдывался Манжула.

— Он уже отстал...

В этот миг Горбань появился из тумана и бежал вдоль причальной линии, вероятно думая переброситься на палубу, как говорят моряки, «с параллельного курса».

— Возьмите его! — закричала девушка. — Что вам, жалко?

Последняя фраза рассмешила всех на корабле. Все увидели ее красивое веселое лицо, локоны черных волос, выбившихся на лоб из-под мичманки-берета.

Курасов, решив помочь Горбаню, крикнул в мегафон: — Товсь, дурья башка!

Корабль стал отрабатывать поворот, и за кормой заворчало и захрипело. Горбань, выждав удобный момент, с разбегу прыгнул на корму. Девушка в морской форме смеялась и приветливо махала рукой. Курасов в ответ махнул рукой и ствернулся. Пристань пропала из глаз. И если бы не шум рассекаемой воды, могло бы показаться, что корабль поплыл в облаках.

Шалунов вышел из рубки, вслушиваясь в понятные ему голоса моря.

— Тут пустяки кому-нибудь пузо пропороть. Тут нужны уши и глаза, — сказал он Букрееву. — Вот выйдем за боны, полегче будет. А ваш парень все же ловко прыгнул... Давай лево, лево клади! — закричал он вдруг штурвальному и принялся помогать ему, перебирая своими огромными руками отполированные рукоятки штурвального колеса.

Мимо прошли высокие борта тральщика.

Манжула привел Горбаня, и он стоял перед Букреевым с провинившимся видом.

— Вы всегда такой, товарищ Горбань? — строго спросил Букреев, все же испытывая чувство симпатии к этому голубоглазому парню с таким хорошим, открытым лицом.

— Прошу прощения, товарищ капитан.

— Прощение прощением, товарищ Горбань, но нужно быть точным. Ведь вы могли отстать от команды. Хорошо ли?

— Нехорошо, товарищ капитан.

— Вас за что списали с линкора? — спросил Букреев, припоминая просмотренные им характеристики моряков «тридцатки».

Горбань потупился и молчал. Шалунов пришел ему на помощь.

— Небось на берегу пошумел? Чего ты молчишь, как красная девица? В морской пехоте все грехи отмолишь, браток.

— Так точно, пошумел, — улыбаясь Шалунову, сказал Горбань. — А сестренка выручила. Сама командира просила, товарищ капитан.

— Я угадал... — сказал Шалунов. — Ну, вышли за боны, теперь дышать будет легче... На берегу у нашего брата вечные приключения, товарищ Букреев. Вот на меня самого четверо бандитов накинудись в темном переулке в Батуми. Глаз ни за что ни про что подбили. Беда прямо. Решили изувечить самого красивого парня на Черном море! — Шалунов подмигнул Горбаню. — Хорошо, что я не растерялся, расшвырял их всех до последнего.

Горбань смотрел на Шалунова с уважением, а тот, поймав его взгляд, расправил плечи. Курасов, искоса наблюдавший за всеми, сошел с мостика:

— Ты, Шалунов, побудь за меня, а я гостя устрою.

— Есть, товарищ капитан-лейтенант! — бодро ответил Шалунов.

— Пойдемте, я вам укажу вашу каюту, — сказал Курасов Букрееву.

Они спустились по отвесному трапу и очутились в тесном коридорчике с четырьмя дверями. Указав на одну из дверей, Курасов сказал:

— Займите мою каюту.

— А вы, товарищ Курасов?

— Мы дома, — строго сказал Курасов.

Кабюта маленькая, холодная, с жесткой, наглухо прикрепленной к полу койкой, крохотным столиком-тумбочкой с книгами на нем и сеткой над столиком. На стене прикреплен портрет миловидной девушки в

морской форме с нашивками главстаршины; на крюке покачивались фуражка и немецкий автомат.

Иллюминаторы были задраены, яркий электрический свет давала лампа, ввинченная в плафон у потолка.

Все было знакомо. Букрееву приходилось ходить на таких кораблях.

Сняв фуражку, Букреев зачесал назад свои черные поредевшие волосы, посмотрел на часы. Прошло всего двадцать минут после начала похода. Он прилег на койку и заснул. Проснувшись, почувствовал присутствие в каюте другого человека. Это был Курасов, решивший с ним позавтракать.

Курасов держался сейчас предупредительно-вежливо. Завтрак состоял из кислой, плохо прожаренной вместе с колбасой и салом капусты да мутного теплого чая.

— Камбузов и коков на нашем корабле нет,— сказал Курасов.— Приспособили какую-то дырку, крутится там вокруг примуса один краснофлотец в порядке очереди. И на том спасибо. У нас дело грязное. Но все же я рад, что приходится воевать на малых кораблях.

Курасов хмурился и, избегая взглядов Букреева, рассказал о том, как он «скучал» на Каспии, как его оттуда переправили вместе с кораблем сухим путем, как он сразу же напал на «золотую жилу», назначенный в краснознаменный дивизион Героя Советского Союза Звениягина.

Дребезжащий продолжительный звонок прервал их беседу. Курасов, торопливо надев пальто и зюйдвестку, вышел. Корабль принял положение по «боевой тревоге». Появились немецкие самолеты. Моторы заработали сильнее. Мимо стекол иллюминаторов пронеслись зеленые кипящие струи. Через пятнадцать минут тревога окончилась. Самолеты прошли невдалеке.

Букреев поднялся на палубу. Под солнцем, выглядывающим из-за туч, светились отполированные детали орудий и пулеметов. Вдалеке ломаными курсами шли «морские охотники».

Ветер, дувший от скалистых белых берегов, зачерненных поверху кустарниками, гнал по морю барашки. Иногда ветер срывал с поверхности моря облачка, при-

летавшие на палубу мельчайшими брызгами. Шалунов весело отряхивался и смеялся, поворачивая лицо навстречу ветру и брызгам.

— Море-то, а? Чудесное море! — восклицал он восхищенно. — Я, знаете ли, в море становлюсь во сто раз здоровее, право слово. В любую штормягу дыхание свободней. Тут, братцы вы мои, пыль — минус, газы — минус.

Манжула и Горбань сидели с группой матросов «тридцатки» на корме, возле глубинных бомб, расположенных на специальных рельсах-салазках. Моряки смеялись, слушая Горбаня, который в конце концов вскочил на ноги и прошелся по кругу, ловко отбивая чечетку. Шалунов тронул Букреева за рукав шинели, указал глазами:

— Ребята ваши занимаются проработкой инструкций по десанту, товарищ капитан, а?

— Вероятно, — с улыбкой сказал Букреев. — Кстати, скажите мне, вам приходилось на этом корабле подходить к берегу во время высадки десанта?

— Так и подходили.

— Осадка все же глубокая?

— Смотря где. На Новороссийск было самый раз, а вот у Соленого озера ссыпали ребяток прямо в воду. Лучше всего, конечно, на мотоботе. Рекомендую. Только, если переход велик, мотоботы надо буксировать, а у берега пускать своим ходом... Хотя заранее не угадаешь, что лучше, что хуже. Раз на раз не приходится. Дело само подскажет... Лучше я вам посплетничаю, как вы Курасова подсидели.

— Я подсел Курасова?

— Классически подсидели! — Шалунов добродушно рассмеялся. — Ведь Курасов в каюте цветы вез.

— Какие цветы?

— Полную каюту, из Батуми. Цветы разные, я их названий не знаю... Невесте везет цветы, сам пресную воду меняет.

— Какой невесте?

— Вы видели карточку у него на стенке? Есть такая, главстаршина Таня Иванова. В Геленджике работает, в военно-морском хирургическом госпитале.

— Но почему же он убрал цветы из каюты?

— Вас стесняется. Молодой и застенчивый в этих вопросах.— Шалунов наклонился к Букрееву и рассказал о том, как Курасову пришлось перенести цветы из своей каюты в то помещение, которое они использовали под камбуз. Но там и так повернуться негде, и поэтому Курасов приказал не зажигать примусов, чтобы не поднимать на камбузе температуру.— Девушка, скажу откровенно, вполне заслуживает. Такая девушка! Я бы и то для нее пальму вывернул с корнями.

Веселый и общительный Шалунов поделился с Букреевым своей мечтой получить корабль. Но мечта оставалась мечтой. Вакантных мест было мало. Пока Шалунов удовлетворялся ролью помощника Курасова и штурмана. Шалунов любил свой корабль, говорил о нем, словно о живом существе. Что такого, что это всего лишь небольшое военное суденышко, с деревянным, обшитым тонким железом каркасом, наполненное моторами, бензином, оружием и боевыми припасами? Что такого, что людям экипажа приходится жить в коротких и узких клетках? Они сознательно лишили себя всех удобств, чтобы набрать побольше снарядов и бензина. Катер не отапливался и зимой промерзал насквозь, зато летом нагревался так, что хоть спички зажигай о его стены. Люди любили свои маленькие корабли, гордились ими и совершали на них подвиги. Вся команда Курасова была награждена орденами.

В Туапсе караван пришел ночью. Здесь было холоднее. В осенней дымке угадывался город. Из ущелья доносили запахи осеннего леса. Чернели проломы мола и камни, наваленные кое-где.

Над горами появились лучи прожекторов, они медленно прощупывали тягучие облака, переваливающие через хребты Предкавказья. Караван бесшумно входил в порт. Суда скользили по темной воде, медленные и настороженные. За пристанью, близко возле берега, жались сторожевые корабли. Их мачты напоминали поредевший после артиллерийского налета лесок. На пирсах двигались люди, вспыхивали и гасли огоньки фонарей.

На причалах были подготовлены к погрузке бунты зерна и муки, скирды прессованного сена, противотанковые пушки, ящики со снарядами и патронами, бочки

с бензином, авиационные моторы, зашитые в сосновые коробки.

Порт жил войной. Здесь по крадущимся огням прожекторов, по затаенному дыханию города, бухты, причалов уже чувствовалось приближение фронта.

В Туапсе предстояло пробыть до утра. Побродив по пирсу с Шалуновым и проверив свою команду, Букреев решил вернуться на корабль. Ему хотелось повидать Курасова. Узнав его издали, он прошел к нему на корму. Заслышав шаги позади себя, Курасов обернулся и расставил руки, что-то прикрывая.

— Идите спать, товарищ капитан! — зло сказал он.

— Что-то не спится, товарищ Курасов.

— Вам постелили в моей каюте.

— Вы что здесь делаете, Курасов?

— Да какое вам дело? — вспыхнул Курасов. — Что вам, наконец, надо?

Букреева поразили этот тон, неприкрытое раздражение Курасова. Букреев, в свою очередь, хотел резко ответить командиру корабля, но, присмотревшись, заметил цветы, расставленные на дымовых шашках.

— Простите, — произнес Букреев и пошел от него.

— Там вам постелили, — вдогонку повторил Курасов. — И отдыхайте, ради бога.

В голосе его теперь уже слышались нотки извинения, смущения. Букреев спустился по трапу и вошел в каюту. Горбань писал за столиком письмо; он вскочил, но выпрямиться в низкой по его росту каюте не мог.

— Я сейчас уйду, товарищ капитан.

— Устроимся как-нибудь вместе, — сказал Букреев.

В борт лениво плескались волны. На канонерской лодке, стоявшей на рейде, пробили склянки. Букреев разделся и лег. Через несколько минут Горбань погасил свет и пристроился на полу, прислонившись спиной к двери и зарывшись лицом в ворот бушлата.

Глава четвертая

В Туапсе Курасов прихватил баржу, груженную бочками с авиационным бензином, предназначенным для анапских аэродромов.

— Караван «разжирел», — неодобрительно заметил Шалунов.

Немцы следили за Туапсинским портом, ночами минировали выходы из порта и коммуникацию к фронту. Поэтому пришлось добавить в конвой еще три сторожевика и идти по фарватеру, проверенному приданными каравану тральщиками. Караван, приспособляясь к тральщикам, вынужден был уменьшить ход. В этих местах германской подводной лодкой был недавно торпедирован транспорт. Конвойным кораблям приходилось идти осторожно, прощупывая море на переменных курсах. Тральщики, проведя караван по наиболее опасной зоне, оставили его. Теперь наблюдение еще усилилось. Курасов не сходил с мостика. Присланные командиром базы Мещеряковым самолеты сопровождения до самого вечера кружили над караваном, сменяясь через равные промежутки времени. Воздушная вахта была снята только с наступлением густых сумерек.

Букреев почти весь переход оставался на палубе, хотя ветер усилился и от боковой качки мутило. Транспорты уже не были видны. Горы приблизились и стали как бы выше. Были заметны пролетевшие низко над водой какие-то птицы; изредка с берега доносился вой шакалов, похожий на хохот и плач. Во время боев шакалы перекочевали на юг. Букреев удивленно прислушивался к шакальему вою.

Флагманский корабль шел в минных полях. Вся команда была вызвана наверх. Шалунов был сосредоточен и напряжен.

На берегу мигали условные световые точки, помогавшие вести корабли. Миновали скалистые обрывы Толстого мыса и вошли в Геленджикскую бухту. Шалунов появился на палубе.

— Ух! — выдохнул он. — Вы знаете, что такое холодный пот, Букреев? Холодный пот бывает у штурмана и у командира корабля, когда проходишь эти горячие минные поля. Тут мы своих нашвыряли да немцы засоряют каждую ночь.

На пристани у коренного причала слегка покачивались ошвартованные борт о борт баржи. Пахло рыбой и варом. Монотонно поскрипывали канаты в клюзах. Сверху иногда срывались капли дождя, и только

кое-где в проломах облаков поблескивали тусклые звезды.

Горбань первым перепрыгнул на баржу, у которой ошвартовался сторожевик, и принял у Букреева чемодан. Неустойчивая узкая палуба осталась позади. Букреев перебрался через высокий борт баржи. Горбань, посвечивая фонариком, шел впереди, предупреждая его о попадавшихся на пути швартовых или других препятствиях. Все делалось им с ласковой и не обременительной для Букреева заботой.

Когда Букреев почувствовал под ногами скрипучие, но устойчивые доски причала, Горбань виновато спросил:

— Товарищ капитан, вы никому не говорили про то...

— Про что?

— Как это я прощался с сестренкой... Чуть не отстал...

— Ах, вы вот о чем, Горбань!

— Не говорите командиру батальона, а то сразу заметит с плохой стороны. Я буду стараться исправиться, товарищ капитан.

— Ладно,— с шутливой строгостью в голосе пообещал Букреев.— Ничего не скажу.

— Спасибо! А то я дал слово своему командиру корабля загладить проступок, и вот опять... тут получилось...

Их разговор перебил Манжула.

— Вас ожидают, товарищ капитан,— доложил он.

— Кто ожидает?

— Капитан Батраков. У машины, товарищ капитан.

Батракова, заместителя командира батальона по политчасти, Букреев знал еще по П., где тот вместе с ним и Тузиным принимал участие в формировании батальона из севастопольцев, бакинцев и раненых, передаваемых после выздоровления из госпиталей. Тогда, формируя часть, они жили на окраине города, в центральной усадьбе совхоза, среди тропической растительности. Там же Букреев обучал Батракова верховой езде, прививая ему, бывшему ленинградскому рабочему, любовь к коню. Букреев вспомнил щупленького Батракова, выезжавшего на прогулки в широкополой шляпе,

которую шутливо называли «сомбреро», и в полотняной рубашке, чтобы плохой посадкой не компрометировать перед горцами достоинство офицера.

Букреева обрадовало, что он вот-вот увидит Батракова, приехавшего на пристань встретить его.

В Геленджике Букреев бывал и любил этот городок, но сейчас все казалось ему здесь унылым и чужим. Вот здесь был ресторан «Крыша». Сейчас возле полуразрушенного здания, как бы продавленного сверху, шоферы монтировали скат. Аккумуляторная лампочка освещала каменную стену с амбразами и кучу консервных банок, заброшенных картофельными очистками.

Курасов оказался недалеко от Букреева. Он кого-то искал. Когда какая-то девушка в морской шинели и мичманке попала в свет его фонаря, он окликнул ее, и они исчезли в темноте.

— Видели нашего флагмана, Букреев? — спросил выросший перед ним Шалунов.

— Его встретила девушка. Очевидно, та самая Татьяна?

— Вы угадали... Жаль, что вы не могли разглядеть ее. Приятна внешне и проста душой, как говорится. Сегодня, наверное, опять прибежала через забор... Ну, до скорого и приятного свидания. Не забывайте бедных моряков, капитан.

Шалунов зашагал к будке дежурного.

Манжула подъехал на грузовой автомашине. Краснофлотцы «тридцатки» быстро попрыгали в кузов. К Букрееву направился невысокий человек в таком же ватнике, как у Манжулы.

— Букреев, здравствуйте! — глухим голосом сказал подошедший. — Можно поздравить с благополучным прибытием?

— Товарищ Батраков, здравствуйте! — Букреев радужно пожал ему руку. — Спасибо, что встретили. Такая темнота, хоть глаз выколи.

— Темнота типично южная. Это не ленинградские белые ночи. Ну, пожалуй, поедem... Манжула, ребята все устроились?

— Устроились, товарищ капитан.

— Добро. Я, Букреев, поеду с ребятами, а вам при-

дется в кабинке с шофером. Хотел вас с шиком доставить на легковой, но не вышло у меня. Господин Тузин куда-то сами выехали... С вами поедет комбат капитан Букреев на Толстый мыс,—приказал Батраков водителю.— Садитесь, товарищ Букреев.

Букреев задержался у кабинки:

— Вы рангом ошиблись. Только начальник штаба, а не комбат...

Батраков тихонько засмеялся:

— Мне и невдомек, что вы не в курсе последних событий. Тогда садитесь ближе к шоферу, мы вместе устроимся, кабинка просторная. Я по пути все расскажу...

Машина выбралась из района порта и пошла при полном свете фар, освещая развалины, дома́ без изгородей, окруженные деревьями, зачастую с обломанными ветвями.

Геленджик не был похож на прежний, ничем особым не выдающийся, но все же аккуратненький приморский городок, куда приезжали отдохнуть и полечиться. Мостовые были разворочены, и над дворами, заросшими молодняком, светлели протоптанные по обнаженной земле тропинки. За городом пришлось сбавить скорость. Завыли и заскрежетали передачи на ухабистом подъеме. Справа шумело невидимое море.

— Тузина сняли,—сказал Батраков, поглядывая на Букреева глубоко запавшими глазами.— Сняли и назначили вас. А на штаб поставили Баштового — он был начальником штаба у майора Куникова. Потому и пришлось вас срочно вызывать. Дел уйма, Букреев.

— За что же сняли Тузина?

— Зря не снимут. Не тем человеком оказался... Я могу вам коротко рассказать. Еще когда мы прибыли сюда, в Геленджик, Тузин сразу же схватился за живот, потому что встретивший нас начальник политотдела базы Шагаев напугал его.

— Чем напугал?

— Сказал, что скоро в десант. Тут Тузин сразу изменился. «Знаешь,—говорит,—начинает, мол, что-то лома-а-ать меня, живо-от болит». Я ему: «Подожди болеть, надо людей выгружать, устраивать их, кормить». А он ушел, и мне пришлось все самому. Дальше такая

же история. Вижу, надо работать с батальоном, а командира фактически нет. Тут стали забирать от нас людей на таманскую операцию, вливать новых, переменили почти весь офицерский состав. Принялся Тузин куролесить, переругался с новым народом. Пришлось докладывать Мещерякову. Тот проверил, доложил члену Военного совета. Член Военного совета вместе с Мещеряковым сам в батальон приезжал. Тузина, значит, того... Вот вас и вызвали. Потому что не сегодня-завтра Тамань очистят, Крым подоспеет.

Машина остановилась возле двухэтажного здания, метрах в пятидесяти от края изрытого траншеями обрыва. Возле второго такого же здания, обращенного тоже фасадом к морю, собрались моряки. Слышались веселые выкрики и быстрый ритмичный топот. Кто-то под баян отбивал чечетку. Часовой, моряк с автоматом, узнал Батракова и посвистал в боцманскую дудку, вызывая дежурного.

— Сегодня кто дежурный по батальону? — спросил Батраков.

— Старший лейтенант Цибин, товарищ комиссар, — сказал часовой, называя Батракова по-старому, комиссаром.

— Командир роты автоматчиков Цибин, — сказал Батраков. — Вы его еще не знаете. Под Новороссийском отличился. Сибиряк.

Цибин, высокий и стройный офицер, подошел уверенной походкой и представился.

— Вот что, Цибин, — сказал Батраков, — принимай новичков, а мы с комбатом поедem к адмиралу.

— Есть, товарищ комиссар. А насчет ужина?

— Вернемся, тогда будет видно. Команду перемыть и накормить.

— Есть перемыть и накормить команду, товарищ комиссар. К какой их роте? Можно у меня устроить?

— Ты уже хочешь новеньких себе прикарманить, Цибин? Утро вечера мудренее. Завтра командир батальона решит.

Цибин направился к казарме. Моряки «тридцатки» стояли кучкой у машины.

От казарм со двора, в одиночку и группами, к «тридцатке» стали собираться моряки. Сюда же перекочевал

баянист. Замелькали красные точки зажженных папирос.

— Ребята! — крикнул еще издали кто-то. — Новый комбат прибыл!

— Тсс!.. — зашикали на него.

Букреев перепоясался, расправил на голове фуражку, подождал, пока Батраков расскажет Горбаню, куда снести чемодан и где ожидать их возвращения.

— Ну, поедемте, товарищ капитан, — сказал Батраков, окончив разговор с Горбанем.

— Итак, как Чацкий, «с корабля на бал»? — пошутил Букреев. — Может быть, погладимся, почистимся? Все же с дороги.

— Не успеем. Мы должны быть ровно в двадцать один час. В нашем распоряжении всего тридцать пять минут. А Мещеряков любит аккуратность.

В кузов прыгнул Манжула.

— Манжула тоже с нами? — спросил Букреев.

— Привыкайте, — ответил Батраков. — В морской пехоте вестовые — чистое наказание. Глаз с тебя не спускают. Недаром Мещеряков называет их телохранителями.

Грузовик, раскачиваясь своим устойчивым корпусом, катил теперь гораздо быстрее. Они ехали к городу по прямой дороге над обрывами. Кое-где встречались воронки от бомб. Букреев молчал, стараясь собраться с мыслями и подготовить себя к волновавшей его встрече.

Глава пятая

Адмирал Мещеряков сравнительно недавно служил на Черном море.

После успешной штурмовой операции, закончившейся освобождением Новороссийска и Анапы, Мещеряков и начальник политотдела капитан первого ранга Шагаев готовили морскую пехоту и корабли к десантным операциям в Крыму.

Адмирал поджидал Букреева на командном пункте, в одноэтажном здании казарменного типа на окраине города. Склонившись над столом, Мещеряков внимательно перечитывал представленный ему политотделом док-

лад о состоянии батальона. Здесь же, в кабинете, находился Шагаев. Когда карандаш Мещерякова закручивал на полях доклада какую-нибудь завитушку, Шагаев чуть-чуть приподнимался, пытаясь искоса разглядеть, на чем останавливал свое внимание адмирал.

— Парторг Линник всего-навсего сержант,— сказал Мещеряков.— Почему бы ему не присвоить офицерское звание? Все же быть партийным организатором в отдельном батальоне морской пехоты... — Адмирал, опустив глаза, продолжал читать.

— Батраков считает его на своем месте, но офицерское звание... — Шагаев замялся.— Батраков советует подождать.

— У Линника за плечами Мысхако. Его Куников знал, Старшинов и Ботылев хвалили... В общем, Шагаев, после крымской операции Линника не забудьте.— Мещеряков откинулся в кресле так, что его лицо попало в тень, зато грудь ярко осветилась, и орден Суворова заиграл рубчатыми гранями золотых лучей.— Где-то я читал занятное изречение: «Нужно, чтобы офицеры ожидали от своих адмиралов повышения. Без этого что будет значить для них хорошее или дурное мнение их начальников?» Изречение очень разумное...

— Да, изречение разумное,— подтвердил Шагаев, быстро перебирая в памяти подначальных ему людей, которых, может быть, он обошел представлениями к следующему званию или награде.

— По-моему, люди в батальоне подобраны хорошо,— сказал Мещеряков, не меняя позы.— Хорошо и то, что Батраков сразу же раскусил этого Тузина и мы вовремя от него избавляемся.

— Еще до боя — расстройство желудка! — Шагаев рассмеялся. Мясистое и красное его лицо еще больше налилось кровью, глаза сузились, плечи подрагивали.

— Шагаев, у вас генеральский смех,— пошутил Мещеряков.— Помните, Гоголь описал генеральский смех?

— А как же, как же, Иван Сергеевич, помню. В «Мертвых душах».

— Правильно, в «Мертвых душах». Слава богу, мы, кажется, избавились от последней «мертвой души», от Тузина. И я лично доволен, что наш выбор остановился на Букрееве...

— Но он еще не воевал,— осторожно вставил Шагаев.

— Ему просто не дали этой возможности.

— Начинать сразу с десанта?

— Он начинал на заставе. А пограничники всегда воевали, Шагаев. Помните, как пограничники штурмовали Новороссийск? Орлы ребята! Не хуже наших матросов высадились и уцепились за берег. У Букреева пятнадцать лет стажа, опыт! А как он блестяще уничтожил на побережье диверсионную банду! Нашим матросам нужен именно такой командир для боев на суше. В операциях по освобождению Крыма мы будем по-прежнему подчинены армейскому командованию, нам очень важно в десантном батальоне иметь хорошего, разумного армейского командира...

Вошел адъютант, худощавый молодой офицер с безукоризненной выправкой и четкими, спокойными движениями. Мещеряков вопросительно посмотрел на адъютанта:

— Букреев? Угадал?

— Прибыли капитан Букреев и капитан Батраков по вашему приказанию, товарищ адмирал,— раздельно, как будто любясь каждым аккуратно отрубленным словом, доложил адъютант.

— Просите.

Мещеряков поправил абажур на лампе, приосанился. Увидев вошедших в кабинет Букреева и Батракова, он встал из-за стола и направился к ним.

— Ожидал, ожидал! Не представляйтесь, Николай Александрович. Наслышан.

— Откуда, товарищ адмирал?

— О, вы очень хорошо улыбаетесь! — воскликнул Мещеряков.— Но улыбка слишком, я бы сказал, гражданская. С нашими орлами нужно что-нибудь такое...— Он прищелкнул пальцами.

— Я...

— Не смущайтесь,— сказал Мещеряков.— А вы, я вижу, с характером, Букреев. Если бы это вам сказал не адмирал, пожалуй бы, сцепились. Ишь, как у вас побледили уши! Ну ничего, ничего... Знакомьтесь, Николай Александрович, с товарищем Шагаевым и присаживайтесь.

Мещеряков в непринужденной беседе «прощупывал» нового командира батальона самыми разнообразными перекрестными вопросами: каково здоровье, плавает ли, охотник или рыболов, умеет ли ставить парус, знаком ли с немецким оружием, где семья, какие получает письма из дому, каковы отношения с Тузиным...

Букреев понимал скрытую цель всех этих вопросов. Ему было ясно, что десанту придается большое значение, что дело не за горами, что батальону предстоят тяжелые испытания, что адмирал, заочно назначив его командиром, сейчас проверяет, пока не поздно, правильность назначения.

Пятнадцатилетнее пребывание в армии и в погранвойсках помогло Букрееву разобраться во всем происходящем сейчас. Узнав теперь от самого Мещерякова причину отстранения Тузина, он не стал отзываться о нем плохо. Он знал Тузина с хорошей стороны. Правда, они не воевали бок о бок, а ведь только тогда начинается настоящая проверка... Конечно, поведение Тузина ничем не оправдано. Он никогда не жаловался на болезнь, это был примерный здоровяк.

Адмирал потребовал усиленной подготовки батальона.

— Надо учить батальон азартно,— говорил он убежденно.— Я выделил вам плавсредства, учите людей быстро грузиться, успешно достигать берега, моментально выбрасываться на берег. Подберите здания в городе, учите их блокировать, забрасывайте гранатами, штурмуйте. Приучите всех к огню, к настоящей боевой обстановке, к точному взаимодействию.

Букреев сосредоточенно слушал адмирала. И тот, продолжая наблюдать Букреева, окончательно утвердился в первоначальном своем решении.

— К вам, Букреев,— адмирал уже не называл его по имени и отчеству,— в батальон влились ветераны десантных атак, люди, с которыми вы еще незнакомы. Нам пришлось, так сказать, перетасовать несколько батальонов, чтобы равномерно улучшить их личный состав.

— Мне говорил об этом капитан Батраков, товарищ адмирал.

— Вероятно, он сказал вам, что многих людей из вашего батальона, сформированного в П., мы решили

передать Ботылеву, и он с ними уже на фронте, а от него взяли к вам ветеранов, рядовых и офицеров.

— Мне и об этом говорил капитан Батраков.

— Отлично! Конечно, вас не должны особенно радовать такие мероприятия. Лучше прийти в батальон знакомый... Но ничего не попишешь, Букреев. Мы должны форсировать Керченский пролив, и это в первую очередь должны сделать морская пехота и корабли. Поэтому мы равномерно укрепляем все звенья штурма. Я хочу предварительно заочно познакомить вас с офицерами батальона.

Мещеряков, полузакрыв глаза, откинулся в кресле и, пригибая на руке пальцы, принялся перечислять офицеров, давая им характеристики. Чтобы так говорить о людях, как говорил он, нужно было знать их лично.

Мещеряков хвалил Баштового, начальника штаба батальона, называл его другом Цезаря Куникова и его соратников по борьбе на «Малой земле», что служило отличной рекомендацией. Тепло говорил адмирал о командире первой стрелковой роты Рыбалко как о человеке примерной исполнительности и храбрости: «Где нужно проломить — проломит, где нужно удержать — удержит»; о командире пулеметной роты Степняке — красавце, песеннике и храбреце; о молчаливом сибиряке Цибине, командире роты автоматчиков, герое новороссийского штурма; о Яровом, Горленко, Курилове, молодых, отважных офицерах, о многих других... Букреев понял, что Мещеряков любит всех этих людей — они вырастали на его глазах; ему, может быть, хотелось похвалиться ими. Букрееву стало ясно, что в батальон пришли люди, специально подобранные, — это был цвет офицерского состава морской пехоты.

— Я вас, кажется, уморил, — закончил Мещеряков. — Сами лучше меня узнаете всех. В бою! В бою засияют новые имена... И вот мой совет, Букреев: держитесь Батракова. Он вам первый помощник и друг..

Мещеряков нажал кнопку звонка, в дверях показался адъютант.

— Ужин прикажите подать.

Адъютант вышел. Мещеряков поднялся из-за стола, посмотрел на часы. Очевидно, прием был закончен. Букреев встал:

— Разрешите идти, товарищ адмирал?

— Нет, нет, оставайтесь и вы, так сказать, на стакан чая. Моряки гостей голодными не отпускают... Да,— Мещеряков замахал руками,— чтобы не забыть!

Он встал, вышел в соседнюю комнату и вернулся с морской фуражкой в руках:

— Вам, Николай Александрович. Как бы «посвящение в рыцари». Появиться перед моряками должны в этой фуражке обязательно. Ну-ка, наденьте... В аккурат, как говорит мой шофер. Носите до славы. А она не за горами... Теперь поднимем бокалы за нового моряка, капитана Букреева!

Глава шестая

Тщетно прождав до ночи Букреева и Батракова, задержавшихся у адмирала, начальник штаба батальона Иван Васильевич Баштовой решил уйти домой. Оставив в штабе командира взвода связи лейтенанта Плескачева, Баштовой вышел на улицу.

Тучи расходились, и на проясневшем небе заблестели звезды. Потеплевший ветерок шевелил на деревьях листья. В темноте слышался их неумолчный тонкий шелест. Казалось, тысячи бабочек, уцепившись за ветви деревьев, трепыхали крылышками.

Баштовой постоял под деревьями, прислушался к этому странному шуму и, расстегнув китель, пошел домой по береговой дороге. Под ногами скрипела щебенка. Причудливые кусты боярышника представлялись совершенно неподвижными, как скалы. На спуске Баштовой ускорил шаги, предвкушая домашний уют.

Совсем недавно его жена Ольга была автоматчицей их батальона. Девушка из казачьей семьи, она присоединилась в Анапе к отряду Куникова, отходившего тогда к Волчьим Воротам. Потом участвовала в боях под Новороссийском, у балки Адамовича и цементных заводов, и высадилась с десантом на Мысхако, где на восточном берегу Цемесской бухты был отвоеван моряками Цезаря Куникова важный стратегический плацдарм, названный «Малой землей». Здесь Баштовой получил сведения, что немцы вырезали в Анапе всю семью Оль-

ги — одиннадцать человек — за то, что она ушла с моряками. Баштовой и Ольга тяжело переживали это горе. Оно сблизило их еще больше. У Баштового умерла мать, когда он сражался за Одессу, брата-пулеметчика убили под Севастополем, отца давно не было. Судьба соединила его с Ольгой на поле сражения, они любили друг друга.

Теперь у них четырехмесячный сын — Генька, самый молодой «куниковец».

Мещеряков стал его «крестным», заменив погибшего Куникова. И теперь адмирал выбирает время, чтобы захватить в домик Баштовых и помянуть своего «крестника».

Баштовой замечал, как тоскует жена, с тревогой ожидая часа расставания. Она не могла теперь идти с ним, но отлично понимала, что такое десант морской пехоты, что такое «первый бросок».

Вот близко дом. Баштовой почти бежал, то и дело ступая в лужи. Не беда! Он снимет дома сапоги, и Ольга просушит их. Вместо сапог он наденет домашние туфли, скроенные и сшитые ею из его старой шинели. Она сейчас так удивительно просто и ловко хозяйничает в их домике...

Он навсегда запомнит контратаку на школу Станички — предместья Новороссийска. Школа стояла батальону немало жизней, но немцы штурмом снова захватили ее. Тогда при свете германских ракет моряки молча пошли в контратаку. Ольга поднялась вместе со всеми и достигла кирпичной разрушенной стены. Многие были убиты. Ольга упала, и он ринулся к ней, думая, что она тоже убита, но увидел, как сильно ее руки сжимают автомат. Короткие красные с голубым искры вырывались из ствола, и плечо ее дрожало от плотно прижатого к нему приклада. Они отбили школу Станички в ту ночь...

Баштовой, запыхавшись, почти вбежал на крыльцо и постучал. Жена как будто ждала его, где-то близко притаившись, — так быстро она открыла дверь.

— Ваня, так долго сегодня!

— Оля, не спишь?

— У нас гости. Ждем тебя. Звенягин пришел с Тамани.

— Павел пришел? Отлично. Я давно не видел его.

— У нас Курасов с Таней...

— Тоже отлично, Оля.

— Как может быть иначе? — сказал Звенягин, выходя навстречу хозяину. — Хотел бы я знать, как мог ты сказать иначе? Здорóво, Иван!

— Здравствуй, Павел! — Баштовой обнял Звенягина. — Вас с Тамани прислали за нами?

— Эх, ты, сразу за дела...

Звенягин, маленький, с откинутой назад головой, пошел вперед. В комнате на диване возле Курасова прикорнула Татьяна. Услышав шум, она встряхнула головой — светлые волны волос рассыпались, — высвободила из-за спины Курасова руку и протерла глаза.

— Пришел?

— Пришел, — ответил Курасов.

Таня, не скрывая радости, спрыгнула с дивана навстречу Баштовому.

— Танюша, здравствуй, дорогая, здравствуй!.. — сказал Баштовой и обратился к Курасову: — Ты должен рассказать нам про нашего нового командира, поскольку ты привез его.

— Что он может сейчас рассказать? — заметил Звенягин. — Здесь разве узнаешь человека? В деле сразу разберемся, кто каков. И в новом вашем комбате скоро разберетесь...

— Скоро? — переспросил Баштовой, взъерошивая свои белокурые волосы.

Звенягин, старательно размешивая сахар в чае, ответил не сразу.

— К тому идет, — протянул он. — На Тамани доколачивают немцев, на Крым надо выходить, а то и так наш левый черноморский фланг что-то отстал. Украинский фронт уже к Днепру вышел. Долго казенный харч зря нам переводить нельзя... Ну ладно, Иван. Ты видишь, как мы самоварчик сообразили с Татьяной? Сами ставили. Поет, как Лемешев. Ходим к тебе и завидуем, Ваня. Ты же человек необыкновенный.

— Действительно, такое скажешь...

— Ты счастье на войне нашел, жизнь. Многие теряют сейчас и счастье, и жизнь, и уверенность, а ты находишь... — Звенягин повернулся к Курасову, по-прежнему сидевшему молчаливо возле Тани. — Учись, парень, у Баштовых правильной жизни.

— Учусь, Павел Михайлович.

— Врешь, не учишься! — Звенягин засмеялся. Его узкое смуглое лицо сразу стало очень юным, живые черные глаза заблестели. — Курасов, ты нашел хорошую дивчину. Нашел счастье на войне, женись!

Курасов смутился, искоса посмотрел на Таню:

— Павел Михайлович, может быть, перейдем на другой курс?

— Говорите, говорите, Павел Михайлович, — попросила Таня.

— Да что мне говорить? Вы вот думаете, я не знаю, чего вы к Баштовым зачастили? Учитесь семейной жизни.

— Да ничего подобного! — смутился Курасов.

— Чего там — ничего подобного! Тянет вас на огонек. — Звенягин подошел к чуть завядшим розам, гладиолусам и астрам, расставленным на тумбочках и на комод, наклонился над цветами. — А вот цветы надо было догадаться привезти и Ольге!

— Мы и принесли Оле, — сказала Таня.

— Ты принесла, а не он. А тебе кто? Курасов. Вез из Батуми, знаю. Необычайное происшествие на флоте: морской офицер в здравом уме и твердой памяти везет из Батуми в Геленджик цветы, в пути ухаживает за ними.

— Неужели это так необычно? — спросила Ольга.

— Необычно. Если бы Курасов утопил подводную лодку, и то меньше бы говорили... Так вот, Татьяна, распишем вас, как говорится, в том же самом геленджикском загсе, куда водили мы Баштовых... Я принимаю, Курасов, ее в свой дивизион. Муж и жена должны быть вместе... Уйдешь, Татьяна, из госпиталя от своего начальника?

— Я и так от него уйду.

— Послушаем, — склонив голову набок, сказал Звенягин. — Каким образом? Опять через забор?

— К Букрееву уйду, в батальон... Я хотела сразу перейти в батальон, но Тузин мне не нравился.

— Так, так, продолжай.

— Тузин не понравился. Такой это раскисший сухарь!

— Точно, — подтвердил Звенягин.

— Вот теперь и попрошусь в батальон к Букрееву.

— К Букрееву? Тут надо померекать.

— Я была в морской пехоте. На перевалах была зимой.

— На перевалах! На перевалах матросы бились на земле, а ты позади раненых перевязывала,— строго начал Звенягин.— А морская пехота в десанте совсем другое. Спроси у Ольги, что это значит. Все равно что сесть в консервную банку и поплыть на ней по морю, а по этой банке будут бить, как говорится, из всех возможных и невозможных. Ты знаешь, как немцы побережье укрепляли? Так вот, Татьяна, повоевала ты достаточно. Можешь в самое пекло не лезть. А война кончится, бросите автоматы, пистолеты и займетесь мирным делом.

— Рано еще об этом говорить, — возразила Таня. — Рано... — Она порывалась что-то еще сказать, но, видимо, сдерживалась. Щеки ее горели.

— Прости, если что не так,— сказал Звенягин,— и давай поставим другую пластинку.

— Нет, я хочу продолжать разговор. Я хочу доказать, почему мне не только хочется, но и необходимо туда, на передовую, в настоящий бой.

— Ну что же, доказывай.— Звенягин внимательно посмотрел на нее.

— Вы знаете, мой муж убит под Москвой. Ребенок оставался с мамой...

— Мама? Где? Что же ты молчала до сих пор! — воскликнул Баштовой.

— Мамы нет, и нет... ребенка. Не спрашивали, и молчала.

Таня закрыла лицо руками. Курасов усадил ее рядом с собой.

— Что с матерью все же? — спросил Баштовой, присаживаясь к Тане.— Умерла, что ли?

— Не знаю.— Таня отняла руки от лица.— Мама была в Новороссийске, а потом неизвестно где... Когда мы вошли в город, там была всего одна женщина, на Анапском шоссе. Я сразу поехала туда. Это была чужая женщина. Мамы не было...

Таня рыдала. На лице Курасова выступили красные пятна. Баштовой поправлял фитиль лампы, искоса поглядывая на Звенягина.

— Да... — Звенягин подошел к Тане и положил руку

ей на плечо.— Может быть, мать где-нибудь на Кубани? Искала?

— Искала, не нашла.— Таня всхлипнула.— Не нашла. Ее, наверное, угнали в Крым. Она старенькая, и маленький ребенок...

— Ну, плакать перестань, Таня. А надо было раньше сказать обо всем. Тому же Курасову сказать. Мы высаживали десанты на Тамани, перехватывали караваны. Знали бы — искали бы твоих. А теперь что? Надо ждать, пока освободим всю Тамань. На Тамани не будет — в Крыму найдем.

Таня отняла руки от лица:

— Не хотела говорить. Теперь сказала. И не могу я здесь сидеть спокойно.

— Твое дело, Таня,— строго сказал Звенягин.— Оспаривать твоё право не стану. Хотя не советовал бы все же в морскую пехоту. Матросы ворвутся в Крым и без тебя.

— Я попрошусь к Букрееву.

— Ладно. Разве вас, женщин, переспоришь!..— Звенягин посмотрел на часы.— Ого, мы заболтались! До свидания, хозяйева... Ты, Курасов, можешь оставаться... Ольга, будь здорова.

Звенягин надел плащ, застегнул все пуговицы. Попрощавшись с Таней, он вышел вместе с Баштовым на крыльцо.

Небо прояснилось еще больше. Были видны припавшие к хребту утренние Стожары; Большая Медведица перевернула свой ковш у тяжелой, почти неподвижной тучи. На больших ночных аэродромах вспыхивали и гасли голубые лучи посадочных прожекторов. Звенягин прислонился к замшелому столбику крылечка.

— Вот, Иван, сколько всякого — и хорошего и плохого — в этом мире,— тихо сказал он.— Меня этот разговор с Татьяной разволновал. Что жизнь? Как тот вон прожектор: засиял на миллион свечей и потух. Сегодня Таня всхлипывала, а мне припомнилась моя мама. Она старенькая у меня, Иван. В Ставрополе живет. Ждет меня и день и ночь. Пишет — умывальник медный ежедневно чистит для меня. Думает, вероятно, что мы очень грязными с войны придем.

— Она не ошибается, Павел.

— Нет, кто вернется, тот вернется с войны с чистой душой... Помню свой Ставрополь, дожди весенние, теплые, по бровкам на Лермонтовской улице вода несется. А ты, сопливый, бездумный мальчуган, летишь по воде, рад... Проводи меня донизу.

Они спускались к причалу. Звенягин молчал. Краснофлотцы на малом катере — каэмке, как называют его черноморцы, — при появлении командира дивизиона вскочили. Звенягин, на ходу пожав руку Баштовому, прошел на корму. Катер отчалил и пошел через бухту к Солнцедару.

Баштовой поднялся вверх по тропке. Его ожидали жена и Таня.

— А где Курасов?

— Он куда-то ушел, — тихо ответила Таня. — И пусть уходит.

— Вы что с ним, не поцарапались ли?

— Как будто нет, — уклончиво ответила Таня и первая пошла к домику.

Глава седьмая

Майор Тузин в присутствии начальника штаба Баштового сдавал батальон. Хотя Букреев и Тузин были сослуживцы, майор вел себя подчеркнуто официально.

— Ты на меня в обиде, Тузин?

— Дуй, дуй до горы! — просипел тот.

Что означала эта фраза, объяснить, конечно, было трудно.

— Вот еще пэтээры, — небрежно бросал Тузин, — грозное оружие. Одиннадцать штук с комплектами патронов. Фляг четыреста тридцать.

— Людей, давай людей. Имущество уже Баштовой принял.

— Людей? — Тузин засунул ладони за пояс и из-под своих опухших век смотрел на Букреева с явным недоброжелательством. — Читай списки...

— Может, дадите кому-нибудь характеристики, товарищ майор? — спросил Букреев раздражаясь. — Многих я не знаю — влились новые люди.

— Мои характеристики — дым из трубы. Не хочу да-

же голову ими тебе забивать. Похвалишь кого-нибудь, присматриваться начнешь: почему Тузин хвалил? Не хочу карьеру кое-кому портить.

— Ну, тогда я разберусь здесь с начальником штаба, и... если будете сегодня нужны, мы позовем вас, товарищ майор.

— Можно идти, товарищ капитан? — издевательски спросил Тузин.

— Да.

Тузин, повернувшись через левое плечо, вышел из штаба, нарочито печатая шаг.

Букрееву было неудобно перед Баштовым.

— Будто его подменили, — сказал он смущенно. — Ведь был неплохой командир и товарищ.

— Вы разве не заметили, товарищ капитан: он выпил, — сказал Баштовой.

— Представьте, не заметил. Я совершенно не могу узнавать пьяных. Мне казалось, он просто взвинчен. Ведь все же неприятно сдавать часть.

— Очень неровный он человек. То лебезит перед каждым, то не подступись к нему. Моряки любят искренность в командире. Если моряка за дело отругают — не обидится, а если ни с того ни с сего приласкают — удивится и присматриваться начнет. — Баштовой сложил бумаги. — Со всем разберемся, вы не беспокойтесь. Писанина вся на моей ответственности, не забивайте ею себе голову, товарищ капитан. Люди, материально-техническое снабжение в порядке. Сегодня все закончим, и можете отдавать рапорт адмиралу.

Доносились резкие залпы минометных батарей, стрелявших по щитам в море, и заглушенная расстоянием ружейная и пулеметная перестрелка. Это батальон проводил занятия у мыса и в лесу, у подножия хребта.

— Складывайте все эти папки в шкаф да поедemте со мной к батальону, — сказал Букреев.

— У меня есть одно предложение, товарищ капитан, — сказал Баштовой, когда они вышли к машине. — Что, если после ученья мы пройдем к могиле Куникова и почтим его память? В батальоне у нас есть куниковцы, это поддержит людей... Как вы думаете?

— Я согласен. Хотя лично я и не имел счастья встречаться с Куниковым, но всегда уважал и ценил его.

Баштовой приготовился открыть дверку машины, но задержался. Его лицо, прорезанное по всему лбу до самой переносицы шрамом, приняло суровое выражение.

— Видите его, Тузина? — Начальник штаба показал рукой.

Тузин стоял возле камбуза, спиной к штабу. Возле него розовощекий кок Кулибаба любовно рассекал на колоде говяжью тушу. Красные с жировой желтизной куски мяса так и летели из-под его широкого топора на брезент, раскинутый возле колоды. Подручный кока, худой и узкогрудый паренек в бескозырке, которая (сразу было видно) перешла к нему с чужой головы, почтительно слушал майора, опустив по фартуку длинные руки. Вот Тузин присел на корточки к брезенту и, тщательно выбрав кусок мяса, завернул его в газету. Кулибаба облокотился на топор, неодобрительно наблюдая за майором. Когда Тузин встал и что-то сказал коку, тот, не обращая уже на него внимания, яростно «ухал» топором.

— Так у майора бывает зачастую, — сказал Баштовой. — Свежее мясо достал Батраков, а он тут как тут. Никогда сам о питании бойца не подумает, только о своем...

Машина бежала по извилистой дороге, изрезанной колеями. Пожелтевшие кустарники, скрученные так, как будто их специально сплетали, все время сопровождали их.

По-летнему высокое ясно-голубое небо оттеняло ломаную линию хребта, заросшего лесом. Стрельба приближалась, и, хотя батальона еще не было видно, по звукам можно было определить его расположение.

Батальон только что «отштурмовал» крутой берег горной речки. Берега носили следы недавней «атаки»: отпечатки сотен подошв, сломанные ветви и промятые в кустарниках продольные лазы. Еле уловимый сернистый дымок еще не рассосался в воздухе. Батраков, окруженный людьми, сидел на камне и что-то убежденно и резко говорил. Увидев подошедшего из-за кустов Букреева, Батраков скомандовал батальону «смирно» и доложил о происшествии.

Командир первой стрелковой роты старший лейтенант Рыбалко только что во время занятий допустил ошибку.

Вместо того чтобы приданными ему пулеметами обеспечить атаку с флангов и в промежутках между взводами, пулеметы отстали от цепей и начали вести огонь поверх голов, тогда как удаление цепей от пулеметов не обеспечивало безопасности такой стрельбы. В результате двух моряков легко ранило.

Букреев сразу припомнил характеристику Рыбалко, данную адмиралом.

— Но Рыбалко все же сломил «противника»? — Букреев ободряюще улыбнулся смущенному Рыбалко.

— Сломил, товарищ капитан! — рявкнул Рыбалко.

— Помолчите, товарищ старший лейтенант! — строго заметил Батраков.

— Виноват, товарищ капитан! — не меняя позы, отрубил Рыбалко.

Его украинский выговор и смешливые глаза с огоньком природного лукавства понравились Букрееву. Рыбалко — один из любимцев в батальоне, и ему многое прощается. Букреев догадался и о причине взволнованности Батракова: ведь он проводил занятия, и вот сразу, при новом командире, получилось как-то плохо.

Батракова окружали офицеры, одетые в такие же куртки морской пехоты, что и рядовые. Некоторых из них Букреев знал — они входили в первое формирование в городе П., но большинство было ему незнакомо. Рядовые сидели под деревьями, курили, прислушивались к разговору.

Узнав о прибытии на ученье нового командира батальона, люди приподнимались, стараясь рассмотреть его.

Букреев приказал позвать раненых.

— Разрешите обратиться, товарищ капитан? — сказал командир пулеметной роты старший лейтенант Степняк. — Мне кажется, командир роты старший лейтенант Рыбалко неправильно форсировал речку.

— Почему неправильно? — Рыбалко сразу вспыхнул. — Этот Степняк всегда что-нибудь...

— Не перебивайте! — Батраков сердито посмотрел на него.

Степняк с подчеркнутой снисходительностью выдержал паузу.

— Рыбалко всегда любит фронтальные прорывы и поэтому безрассудно лезет напролом. — Степняк подчерк-

нул последнее слово.— Его знаменитое «сломыв» когда-нибудь выйдет ему боком.

— Сейчас трудно решить, кто прав, кто виноват,— спокойно сказал Букреев, выслушав Степняка.— Успех штурма укрепленной полосы иногда в большей мере зависит именно от стремительности, от натиска. Во время же учебных занятий всегда бывает трудновато решить, так или не так проведена операция. Ведь противник-то условный и вообще все условно... Я помню — еще в военной школе в спорных случаях нам приводили в пример одного старого капитана, который сорок лет служил в армии, сорок лет на маневрах брал своей ротой одну и ту же горку и все время ошибался.

Офицеры одобрительно засмеялись.

Манжула привел раненых. У одного из них, Воронкова, некрасивого, угрюмого человека с широкими, сильными плечами, была перевязана рука; второй, Кондратенко, бравого вида старшина минеров с эсминца «Беспощадный» с двумя орденами Красного Знамени и медалью за оборону Севастополя, совсем не был перевязан. Букреев обратил внимание на то, что Кондратенко, в отличие от всех, был без куртки, в одной гимнастерке.

— Ну что же, Воронков, придется в госпиталь,— сказал Букреев.

— Из-за этого в госпиталь? Я сейчас могу этой рукой все что угодно... товарищ капитан.

— А вы куда ранены, Кондратенко?

— Почти никуда, товарищ капитан. Чуть оцарапало. Кондратенко стиснул зубы, и Букреев видел, что ему трудно удержаться от стога.

— В чем же дело? — Букреев вопросительно посмотрел на Рыбалко.

— Кругом! — скомандовал Рыбалко.

Кондратенко повернулся кругом. Гимнастерка пониже левой лопатки была косо разорвана, свежее пятно крови расплзлось к подмышкам, спускалось к поясу.

— Почему до сих пор не перевязали, товарищ старший лейтенант? — спросил Букреев Рыбалко.

— Он не позволял, товарищ капитан. Такой чертяка!..

— Кругом! — скомандовал Букреев.

Кондратенко снова стоял лицом к командиру батальона.

Выгоревшая до белых ниток бескозырка Кондратенко с надписью «Беспощадный» была надвинута немного на лоб, чтобы не был виден чубчик. На носу и подбородке выступили крупные капли пота.

— Если ранен, надо перевязать рану,— сказал Букреев.— Потеря крови выводит из строя. Отказ от перевязки равносителен симуляции.

Кондратенко вздрогнул, пошатнулся, но сдержал себя; у настороженных и сразу озлобившихся глаз его как бы сбежались морщинки.

— Два наряда вне очереди за отказ от перевязки...— Букреев пытливо наблюдал за Кондратенко. Он, как бы изучая эти недобрые огоньки во взгляде Кондратенко, выдержал паузу.— За мужество благодарю, товарищ Кондратенко!

Букреев сделал шаг вперед, протянул ему руку, и Кондратенко пожал ее. Задержав его широкую ладонь в своей руке, Букреев заметил, как исчезло недоброе выражение с лица Кондратенко, глаза стали светлее. Букреев отпустил его руку.

— Немедленно сестру, и отправьте его в госпиталь на моей машине.

По затаенному дыханию и настороженности моряков, стоявших вокруг, Букреев понял: малейшая растерянность сразу же выбила бы почву из-под его ног; сейчас он пока победил в этой первой встрече с моряками, и одобрителный шепот, уловленный им, доказывал это.

— Старший лейтенант Рыбалко, постройте батальон!

— Есть построить батальон, товарищ капитан!

Люди стояли не шелохнувшись. Букреев внимательно смотрел на их молодые, здоровые лица. Сейчас даже трудно было отличить ветеранов от новичков, так как ордена и медали были скрыты под куртками. «Тридцатка» стояла в первой шеренге роты автоматчиков, и они отличались от остальных только формой: черными брюками, бушлатами и новенькими бескозырками, на которых сияли названия славных, немало повоевавших черноморских кораблей.

— Батальон! Слушай мою команду!— Букреев поднял голову, напряг тело, сразу забыв про свое плохое

сердце.— Напра-во! Направление к могиле Героя Советского Союза майора Цезаря Куникова, шагом ма-арш!

Батальон шел в походных колоннах по грунтовой колесной дороге. Покачивались плечи, бескозырки и оружие.

Букреев шагал рядом с Батраковым. Ему хотелось определить, что сблизило Батракова с моряками и заставило их ценить и уважать его. По внешнему виду он отличался от любого бойца батальона. Даже в костюме его была допущена вольность: вопреки полевым условиям и службе в морской части, он носил цветную армейскую фуражку, неловко сидевшую на голове, отчего его оттопыренные уши казались еще больше. Щупленький, узкогрудый, с опущенными, выдвинутыми вперед плечами, он шел задумавшись, смотря прямо перед собой светлыми, удивительно ясными глазами.

...Когда немцы подошли к Перекопу, Батраков оставил курсы политруков на мысе Фиолент и был назначен в батальон морской пехоты, сформированный из моряков Дунайской речной флотилии. Тогда же в боях за Севастополь «комиссар дунайцев» завоевал себе уважение и первую славу.

Потом была «Малая земля», штурм Новороссийска и другие десанты. Батракова видели везде, он был таким же ветераном, как Рыбалко или Степняк, Цибин или командир роты пэтээровцев Яровой.

...Кончился обветшалый, осенний лес. Дорога привела к окраине города. Кладбище почти примыкало к окраине и занимало большую неогороженную площадь. Виднелись старые кресты и заброшенные могильные плиты со съеденными временем надписями.

Возле старого кладбища, что ближе к городу, торчали столбики с прибитыми на них дощечками. Это были братские могилы черноморцев, павших при штурме Новороссийска. Между могилами еще валялись носилки с черной от крови парусиной. На носилках сюда приносили убитых и хоронили в братских могилах.

Выделялись огороженные могилы летчиков. Обломки воздушных винтов, как кресты, возвышались над дощатыми памятниками. Среди могил ходили несколько женщин. Они читали редкие надписи, неслышно плакали.

Баштовой ускорил шаги и первым подошел к могиле

Куникова, огороженной штакетником, выкрашенным в голубой цвет. Памятник, деревянный конус со звездой из жести, был тоже покрашен голубым — под цвет моря, по требованию моряков-куниковцев. К памятнику была прибита железка с надписью:

Герой Советского Союза
МАЙОР ЦЕЗАРЬ ЛЬВОВИЧ КУНИКОВ
1909—1943 гг.

*Погиб смертью храбрых
в борьбе с немецкими захватчиками.*

У ограды стоял Звенягин. На глиняном холмике могилы лежали цветы.

— Павел!

Звенягин медленно повернул голову на оклик Баштового, но остался в прежней позе, положив одна на другую опущенные руки, в которых он держал свою старую фуражку.

— Поговоришь с нашими, Павел?

— Нет. Сами поговорите.

Звенягин натянул фуражку на голову и пошел, не оглядываясь, по кладбищу, всматриваясь в цифры на дощечках и надписи.

Рыбалко разворачивал роты, чтобы удобнее выстроить их вокруг могилы. С восточной стороны мешала ограда, возле нее оказались пулеметчики Степняка, но так как места не хватало, многим пришлось поместиться с той стороны ограды и оттуда выглядывать, приподнимаясь на носках. Стрелки первой роты по приказу Рыбалко заняли места впереди.

Автоматчики Цибина успели незаметно потеснить стрелков Рыбалко — им тоже хотелось быть впереди и увидеть могилу. Среди бойцов Ярового нашлись моряки, хоронившие своего бывшего командира: их пропустили ближе к офицерам.

Женщины, ходившие по кладбищу, приблизились и держались кучкой.

Высоко в воздухе, почти не взмахивая крыльями, плыл коршун.

— С автомата бы его! — сказал молоденький русский

моряк, стоявший позади и из-за малого своего роста ничего не видевший за спинами товарищей.

Его приятель, долговязый парень с худой мускулистой шеей и черными не улыбочивыми глазами, внимательно проследил за коршуном.

— Не попадешь, Шулик,— сказал он,— высоко ходит, да автомат, сам знаешь, прицела почти не имеет... — Брызгалов вгляделся через головы.— Начальник штаба что-то будет объяснять.

— Водят по кладбищам! — недовольно пробрюзжал Шулик.— И так не сладко, а тут вспоминают, что и у тебя билет с пересадкой.

— Да замолчите вы, чекалки! — укорил их пожилой пулеметчик в рыжей шапке-ушанке.

Присутствие в батальоне пожилого человека объяснялось только тем, что Курдюмов, или, как его называли, дядько Петро, был рекомендован командованием флота в морскую пехоту, так как отлично знал побережье и добровольно пожелал сражаться с фашистскими захватчиками.

Шулик хмыкнул и заломил бескозырку:

— Ты что, дядько Петро?

— Непутевщина,— со вздохом сказал Курдюмов.— Охота у вас все по крышам голубей гонять. Подучиться бы вам еще, зеленой вербе.

— Подученным умом до порога жить, дядько Петро! — огрызнулся Шулик.

Курдюмов отвернулся. Шулик, хихикнув, подтолкнул Брызгалова:

— Осечка у дядька Петра, Брызгалов.

Брызгалов не поддержал приятеля.

Баштовой начал свою речь.

Брызгалов слушал начальника штаба, слушал его теперь и Шулик, подняв голову кверху, слушал Курдюмов, стиснутый двумя пулеметчиками, слушали все.

Баштовой говорил взволнованно, взмахивая сжатым кулаком.

Он рассказывал о том, как ночью под четвертое февраля этого года десантный отряд майора Куникова бесшумно подплыл к берегам, занятым противником,— к восточному берегу Цемесской бухты.

Люди насторожились. Им, готовящимся к такому же

делу, тоже нужно подбираться именно так — бесшумно. Люди притихли, и теперь слышен был даже назойливый гул шмеля.

Начальник штаба говорил:

— Выполняя клятву советской Родине, моряки шли на подвиг, на смерть или победу... — Баштовой как бы сближал Куникова с этими простыми людьми, описывая его внешний вид: — На груди автомат, в теплом, стального цвета ватнике, в такой же шапке-ушанке, слегка надвинутой на брови, неся на себе две тысячи патронов и десять гранат, майор Куников одним из первых подошел на флагманском катере к вражескому берегу и начал грозный победный бой с врагом. Он быстро парализовал береговую оборону немцев и вместе со своими отважными друзьями-моряками выполнил приказ командования, захватив плацдарм, и ворвался в предместье города — Станичку, которую сейчас жители Новороссийска называли Куниковкой...

Шулик так внимательно слушал, что дядя Петро, искоса взглянув на него, одобрительно кивнул головой.

Баштовой рассказывал, как восемь дней отряд Куникова вел бой на «Малой земле», как не сдвинулись ни на шаг моряки, как погибали боевые друзья майора — офицеры Костиков, Таранов, как, прикрыв Куникова своей грудью, свалился верный и бесстрашный его адъютант Хоботов, прошедший вместе с ним тяжелый путь от Азовского моря.

— Мы победили. Плацдарм был взят, отвоеван, удержан...

Баштовой рассказал, как Куников был в самых опасных местах и как вместе с моряками бесстрашно бросился в контратаку.

Восемь дней сражался Куников, а одиннадцатого февраля не стало старшего морского начальника «Малой земли», как его называли моряки.

Позади Букреева стоял незаметно подошедший Звенягин и внимательно слушал.

Когда Букреев после начальника штаба решил говорить и снял свою морскую фуражку, Звенягин с любопытством приподнял брови. Сейчас, после очень простой и человеческой речи Баштового, так легко допустить ошибку. Все ясно, цель достигнута. Что может добавить новый

и еще неизвестный боевыми делами командир батальона?

— Друзья моряки,— тихо сказал Букреев,— мне еще не пришлось рядом с вами сражаться. Но я — советский офицер, пятнадцать лет своих отдавший армии. Я верю в вас, а вы доверьтесь мне. Клянусь здесь, перед могилой героя — майора Куникова, что я буду стараться быть подобным ему... Клянусь быть верным народу, партии, Родине...

Букреев хотел еще что-то сказать, но моряки уже подняли, по традиции морской пехоты, бескозырки на дула винтовок и автоматов и как бы проголосовали доверие своему новому командиру.

— День первый, всегда трудновато, — сказал Звенягин, представляясь Букрееву.— Потом сами привыкнете. К вам привыкнут. И все пойдет нормально.

Глава восьмая

Поручив батальон Батракову, Букреев искал Тузина, чтобы вместе с ним явиться к адмиралу. Манжула хотел сопровождать комбата, но тот приказал ему оставаться на занятиях.

День первый, как выразился Звенягин, начинался неплохо. Букреев был доволен общим состоянием батальона и офицерским составом.

Букреев шел быстро, чтобы проверить сердце.

Тузин появился неожиданно из-за кустов шиповника, усыпанного яркими плодами, выделяющимися на фоне умирающей листвы.

— Майор, а вы мне нужны! — весело воскликнул Букреев.— Надо идти к адмиралу.

Тузин остановился, зажав потухшую папиросу под широкими, рыжеватыми с проседью усиками.

— Так... Уже — майор, уже — вы...

— Тю, чертило! Тебе, право, не угодишь, Тузин.

Тузин вынул зажигалку, сделанную из прозрачного авиационного стекла, с надписью: «Участнику Отечественной войны майору Тузину». Крутя закопченными пальцами колесико, он старался прикрыть надпись, и это Букреев посчитал хорошим знаком. Холодная



Моряки подняли бескозырки на дула винтовок и автоматов.

голубоватая искра, сверкнувшая несколько раз, фитиль не зажгла. Тузин спрятал зажигалку в карманчик для часов и выбросил окурочок.

— Подсидел, подсидел ты меня, Букреев. Не знал тебя, оказывается... Ловок.

— Не глупи, Тузин... — сдержанно сказал Букреев. — Все для меня было полной неожиданностью. Я когда узнал, что с тобой неважно...

— Что же, выслуживайся, — хмуро взглядываясь в лицо Букреева из-под своих нависших бровей, процедил Тузин. — Не поздно ли только начал? Много времени зря потерял. Хотя тогда не то... отступали. Теперь самый раз... Дуй, дуй до горы, товарищ командир батальона!

— Мне просто странно слышать от тебя... такое, — с раздражением заметил Букреев. — Ведь ты все же офицер, а не базарная торговка. Как не стыдно только!

— Ну что же, сообщи. Скажи Батракову, у него есть политдонесения. Помог меня сковырнуть, поможет и добить. Да... Не успел с катера сойти, не успел в батальоне появиться — и сразу к адмиралу. Далеко пойдешь, Букреев. Ты что же это, меня оговаривал по радио или телефонно-телеграфной связи? Манжулу за тобой послали, «телохранителя». Специальным самолетом. Фигурой какой ты стал, а?

— Чепуху ты городишь, Тузин... Сколько выпил? Весь исцарапался.

— Выпил двести граммов. Точно. Оборвался, собирая шиповник, или, как некоторые выражаются, витамин цэ. Понятно?

Тузин похлопал по оттопыренным карманам, покачался на широко расставленных ногах, сбил на затылок фуражку. На лбу прилипли редкие волосинки, пояс спустился, сапоги были запылены.

— Ничего не понимаю, Тузин, — брезгливо разглядывая его, сказал Букреев. — Вижу одно: в таком виде нельзя тебе появляться на глаза адмиралу. Я хотел сегодня закончить все формальности.

— Почему? Пойдем к адмиралу. Я собирал витамин цэ... Мозолил всем глаза и рвал ягоды. — Он вывернул карманы, и шиповник посыпался на землю. — Ягоды или, как там их, плоды, овощи — словом, витамин цэ.

— Заладил, как сорока! Смешно.

— Смешно? Нет, не смешно... Это я для того, чтобы поднять твой авторитет. Меня Батраков учить вздумал: «Не подрывай авторитет нового командира». Вот я и не подрываю. Раз, по заявлению нового командира, сделанному самому адмиралу, я люблю витамин цэ — значит, я должен его собирать. Букреев не может ошибаться, врать... Теперь понял?

— А-а-а, — Букреев улыбнулся, — вот ты к чему? Смешной ты человек. Знаешь, давай-ка я тебя отведу домой, проспись, а потом к вечеру отпрапортуем.

— Ты должен теперь говорить по их, по-морскому: «Отдавать рапóрт...» Рапóрт. Вместо кóмпаса — компáс. Ударять на «а». А потом еще киль, корма, клотик, трап, гальюн.— Тузин подступил к Букрееву, ухмыльнулся.— Морской картуз надел. Ловко! Ха-ха... Сразу подмазываться. Верный ход. Пятнадцать лет носил такую фуражку,— тут он ударил щелчком по своему козырьку,— и за пятнадцать минут такая перемена. К ним не подмажешься, Букреев.

— К кому это — к ним?

— К морякам. Все едино ты останешься для них чужаком. Какие бы перья себе в хвост ни вставлял! Потолкуй с ними. Каждый из них минимум адмирал Нахимов или матрос Кошка. У тебя орденов нет, а у них?.. Звенят от плеча до плеча. Ты знаешь, что такое куниковцы? У тебя их душ полтора ста. Люди, отравленные славой.

— Чепуха, Тузин. Знаю куниковцев. Настоящие герои. И остальные — герои. И если ты этого не понял, то вполне правильно тебя отстранили от командования. Какое доверие тебе оказали, а ты...

Букреев со сдержанным раздражением бросал слова, зная, что смысл их вряд ли дойдет до сознания этого обиженного человека.

— Не шуми, Букреев. Меня на красивое слово не возьмешь. Герои? Верно. А тебе от этого легче? Ты командир без роду и племени, а они — герои. С ними можно воевать, но не нам. Им нужен свой громобой. А ты офицер-интеллигент. Даже наружность у тебя не та.

— По-моему, ты очень заблуждаешься, Тузин. А вот возьми Куникова — каков он был внешне? Средний человек. И интеллигент был Куников и нисколько не ухарь!

Тузин выслушал Букреева, скривив толстые губы и отряхивая карманы. Когда Букреев замолчал, он, прищурившись, посмотрел на него.

— Так, — протянул Тузин, — так говоришь — Куников? — Тузин повысил голос. — Куников шел с моряками от Азова. Узнай у Баштового. Сам Баштовой тоже училишкой был. Но за ним шлейф: Одесса, морские десанты. Так и Куников. Он для них еще до Мысхако таким же был, как Рыбалко или Яровой. То, что он был каким-то редактором газеты в Москве, их не касалось. Вон Горленко — есть такой командир пульвзвода у Степняка — игрушки месил из глины когда-то и сам об этом везде трубит, но теперь-то он кто? Пойми, Букреев, я хитрее тебя всегда был. Начинать сразу так, как ты решил, опасно. Слوميшь голову, слوميшь, как пить дать! Вот тогда вспомнишь майора Тузина, своего бывшего приятеля. Даже если батальон выиграет, ты проиграешь. Морская пехота — это тебе не раз-два, левой, правой. Это не просто пехотная армейская часть. Куниковцы были, ботылевцы были, а букреевцев не будет!

Отлично начатый день был испорчен. Сухо расставшись с Тузиным, Букреев изменил направление, решив пройти к центру города окраинными улицами, памятными еще с далеких дней. Здесь он когда-то гулял. Знакомая ему семья жила примерно вот на этой всхолмленной улице, в домике, оплетенном диким виноградом. Ничего не сохранилось — ни домика, ни беседки, ни яблонь. Все было смято войной. В воронки налилась вода, озеленив щебенку почвы; привядший курослеп окружал почерневшие остатки фундамента. Рассматривая столб калитки и на ней жестянку с номером дома, Букреев увидел Манжулу, стоявшего в нескольких шагах от него, у шелковицы.

— Вы почему здесь, Манжула? — спросил Букреев. — Я ведь приказал вам остаться.

— Комиссар послал спросить, не нужна ли вам машина, товарищ капитан.

Появление Манжулы не вызвало удивления: еще вчера было решено прикомандировать Манжулу к Букрееву, а Горбаня — к Батракову.

— Мы пойдем пешком, Манжула. Кстати, вы видели майора Тузина?

— Так точно, товарищ капитан. Я видел его, когда вы с ним говорили.

Они пошли рядом. Манжула односложно отвечал на вопросы и держался скромно, понимая разницу в их служебном положении.

Глава девятая

Большой красный шар солнца опускался над морем, когда Букреев возвратился к казармам. Он прошел пешком довольно большое расстояние, и это освежило его, успокоило. Поведение Тузина теперь казалось просто глупым и недостойным офицера.

Послав Манжулу справиться об ужине, Букреев остановился у обрыва. Скалы, в беспорядке громоздившиеся у берега, горели со стороны, обращенной к солнцу, а с другой стороны все так же темнел мох, и из холодных расщелин поднимались струйки пара. Плес бухты был позолочен заходящим солнцем; шхуны и сейнеры мирно покачивались на якорях. Носились и кричали серебристые чайки, а ближе к берегу плавали перелетные дикие утки. Над хребтом с угрюмым спокойствием поднимались облака, окаймленные красным цветом. Что-то тревожное было и в окраске скал и облаков, и в крике чаек... Песчаный язык Тонкого мыса, покрытый веселой позолотой, вытянулся из сизого мелкоколосья, придавленного черными зданиями и конусом церковной колокольни. А дальше, на другой стороне бухты — к Кабардинке и Новороссийску, — застыли высоты, заросшие деревьями.

По горизонту на море виднелись катера охраны внешнего рейда, и за ними в каком-то кровавом сиянии двигался, дымя трубами, караван, возвращавшийся с фронта на юг. С моря, все увеличиваясь в размерах, летел самолет, похожий на птицу, схватившую каждой лапой по огромной рыбине. Это был ближний морской разведчик с подвешенными внизу поплавками — устаревшая машина, но на закате своих дней прославленная черноморскими летчиками как бомбардировщик под Севастополем, Мысхако, на перевалах и на Тамани.

Послышалась песня. По приморской дороге шел ба-

тальон. Букреев, обрадовавшись и песне и людям, быстро спустился с обрыва. В голове колонны шла группа офицеров и среди них — ссутулившийся и ритмично размахивающий руками Батраков. Поравнявшись с командиром батальона, он остановил колонну.

— Решил сегодня пораньше привести народ,— сказал он, подходя.

Впереди автоматчиков шли песенники, собранные со всех рот, во главе с запевалой Степняком. Моряки шли, расстегнув ворота гимнастерок, чтобы были видны тельняшки. Батраков смотрел на них, не скрывая восхищения, и тоже расстегнул ворот гимнастерки.

— Степняк! — крикнул он. — «Софью Павловну»!

Степняк, озорной, любующийся собой красавец, сразу же завел высоким и чистым тенором:

Познакомился я с Софой раннею весной.
Софа, ангел, Софа, душка,
Софушка, вы ангел мой!

Песня перекинулась к стрелкам Рыбалко, а потом к пэтээровцам Ярового. В этой песне привлекало не ее легкомысленное содержание. «Софью Павловну» пели на «Малой земле», в сражениях за перевалы и в тяжелые дни отхода к южным портам. Теперь, когда шло наступление, ее пели особенно весело.

Роты входили в казармы.

Батраков и Букреев направились к штабу. Из казармы высыпали люди. Они умывались тут же во дворе, поливая водой друг друга прямо из ведер. Стоило только прозвенеть колоколу — двор опустел, и к камбузу наперегонки бросились дневальные с посудой.

Еще издали Букреев заметил на крыльце штаба девушку с выпущенным по суконной фланелевке матросским воротником. Она маршировала по крыльцу, громко стуча каблуками. Очевидно, проходило шуточное обучение строевому шагу. Батраков, заметив недоуменный взгляд командира батальона, безнадежно вздохнул.

— Кто это? — спросил Букреев.

— Еще одна обуза.

— Какая?

— Главстаршина Иванова Татьяна. Невеста Курасова...

— Она ведь работает в военно-морском госпитале, как мне говорили.

— А теперь просится к нам в батальон,— неодобрительно произнес Батраков.— Не пойму, что у нас — медом намазано, что ли? Столько желающих...

— Мне ее хвалили... Я ее знаю, правда, понаслышке.

— Смотря за что хвалили! А вот из госпиталя не знают, как ее ловчее сбегать. Там все вверх дном перевернула.

— Она хочет к нам?

— Хочет...

— Как ваше мнение?

— У нас и так девчат больше десятка. Пулеметчицы, медсестры, две даже противотанковые ружья таскают.

— Но, кажется, в штате медчасти не все заполнено. Мне докладывал Баштовой.

— Не только Баштовой. За нее десятка два заступятся. Звенягин и то просит... Дело, конечно, ваше. Но в десанте девчата ни к чему — одна канитель с ними.

Последние слова были сказаны Батраковым так, чтобы не услышала Таня. Посмотрев пренебрежительно на нее и нехотя ответив на ее приветствие, замполит прошел в штаб.

— Разрешите обратиться, товарищ капитан? — Таня подошла к Букрееву, подбросив руку ко лбу.

— Пожалуйста, товарищ главстаршина.

Букреев мог внимательно рассмотреть девушку, о которой так много говорили. Ему припомнились и Курасов, и его цветы, и разговоры Шалунова, и вообще слухи, которые сопровождали эту светловолосую девушку с открытым взглядом серых глаз. Золотые нашивки главстаршины на погонах, берет с флотской эмблемой и вся морская форма, отлично сидевшая на ней,— все это шло к ней. Таня просила о переводе в батальон, приводила какие-то невразумительные доводы и, окончательно сбита с толку молчанием Букреева, запнулась и остановилась на полуслове.

— Насколько я понял, вы хотите перейти служить в морскую пехоту?

— Да, товарищ капитан. И если вы думаете...

Она взглянула на него сразу же потемневшими глазами.

— Вы обдумали свою просьбу, товарищ главстаршина? — мягко спросил Букреев.

— Я все обдумала, товарищ капитан.

— Ну что же... Я согласен...— ему хотелось назвать ее просто Таней, как ее называли все,— товарищ главстаршина...

Таня подсказала:

— Иванова, товарищ капитан.

— Завтра оформляйтесь. Я отдам распоряжение.

— Разрешите идти, товарищ капитан?

Он кивнул головой, и она, подбросив вверх руку, круто повернулась и сошла со ступенек. Букреев, не оглядываясь, прошел в штаб.

— Все же не женское дело быть автоматчиком,— убежденно сказал Батраков, узнав о решении Букреева.— Противоестественное дело. Надо же палить из ружья, бросаться в атаку, а может быть, и врукопашную.

— Да, тяжело. Но что поделаешь,— заметил Букреев.— А вот скажите вы: девушки в бою храбрые?

— Храбрые? — переспросил Батраков.— Храбрые. Но только потому, что всего не понимают.

— Не представляют?

— Может, и не представляют.

— Храбрые и самоотверженные,— подтвердил Баштовой.— Если девушку пошлешь под огнем как связного — пойдет и дойдет. Если прикажешь вперед в атаку — не задумается. Если нужно не сойти с места в обороне — не сойдет. Это мое личное наблюдение, и никто не станет его оспаривать.

— Оспаривать не буду.— Батраков засунул в ящик стола бумаги, которые он просматривал.— А вообще шут с ними! Вон, поглядите...— Батраков забарабанил пальцами по стеклу.

Букреев и Баштовой подошли к окну. Они видели, что к Тане, стоявшей у обрыва, подъехал на мотоцикле Курасов.

Курасов устроил Таню на багажнике, сел впереди, оглянулся. Таня положила ему руки на плечи. Курасов нажал стартер. Мотор затрещал, и через минуту голубая полоска дыма повисла над кустами по дороге в горы.

Глава десятая

Выход батальона задерживался. Это помогало лучше провести подготовку.

Войска Северо-Кавказского фронта девятого октября завершили разгром таманской группировки противника и полностью очистили от немцев Таманский полуостров. Тем самым закончилось начатое раньше освобождение территории казачьей Кубани. Доведя войска до водного барьера Керченского пролива и сузив протяженность фронта, командующий, выполняя приказ Ставки, отдал на центральные участки советско-германского фронта значительную часть своих дивизий. Еще до того, как была разгромлена группировка немцев за «голубой линией», как называли таманский участок фронта германские генералы из-за обилия водных преград, командующий отпустил с Кубани кавалерийские полки кубанских казаков, шедших с ним от Каспия. Кавалерия при атаке укрепленного и холмистого Таманского полуострова не имела оперативного простора, а переданная на Украину, она значительно помогла армиям, действовавшим по Северному Приазовью, Днепру и далее к Одессе.

Теперь с Тамани уходила еще часть войск — участников освобождения Северного Кавказа и Кубани — для новых подвигов, о которых вскоре узнала вся страна.

Фронт вышел к морю, и потому снова возрождалась Отдельная Приморская армия. Появились новые армии и дивизии, появились новые имена военачальников.

Букреев отлично понимал свое значение в общем гигантском механизме, собранном для окончательного разгрома врага. Он знал одно: ему был доверен батальон, и он должен сделать все, чтобы оправдать доверие и выполнить в полную меру своих сил порученную ему задачу.

...Манжула, своими постоянными заботами напоминавший Хайдара, нашел для своего командира комнатку у тихих хозяев-старичков. При появлении такого важного, по их мнению, квартиранта они еще больше притихли, ходили бесшумно, а по ночам о чем-то долго перешептывались в соседней комнате. Комнатка, занятая Букреевым, была обставлена по-провинциальному — на-

чиная от обязательного фикуса в глиняном горшке и вплоть до выпиленных лобзиком настенных украшений. Она имела, впрочем, одно несомненное преимущество — выходила окнами в сад.

На аллеях лежали мягкие листья, осыпавшиеся с деревьев. С тихим шелестом залетали они на серое дно заброшенного фонтана, украшенного статуей.

В короткие минуты отдыха Букреев бродил по саду, ощущал увядание деревьев, едва согретых скудным осенним солнцем.

Домá почти по всей улице были разрушены. Улицу как бы повалили наземь. Прибрежным домам особенно досталось от германских пикирующих бомбардировщиков. Улица обрывалась у бухты, подрезанная глубокими окопами, оплетенными колючей проволокой. В те дни черноморские города превращались в крепости, оцети-нивались, раскидывали по сторонам от себя крылья минных полей и траншей... Вражеский десант угрожал приморским городам: к борьбе с ним готовились. Но немцы еще ни разу не рискнули высадить десант, хотя в их руках были удобные базы и отличные десантные суда, переправленные на Черное море из Ла-Манша. А сколько раз противник видел у захваченных им берегов суда черноморцев и черные бушлаты наших моряков!

В освобожденном Новороссийске Букреев детально изучил систему германских приморских укреплений. Мины, ползучка, спрятанная в траве, несколько рядов колючей проволоки, траншеи с бетонными колпаками для пулеметов и противокатерных пушек, ходы сообщения ко второй линии окопов, убежища от бомбежек и артиллерийского огня. Дальше — бойницы в стенах и фундаментах зданий, баррикады и перед ними снова мины и волчьи ямы. Укрепления были сломлены героями сентябрьского штурма, но они были окроплены кровью черноморцев. Это были первые жертвы на пути к освобождению Севастополя.

Букреев настойчиво и требовательно проводил подготовку батальона.

Штурм с моря должен быть молниеносным. Придавленный огнем артиллерии, противник должен увидеть перед собою стремительных матросов-десантников.

«Сломив берег», надо штурмовать в глубину. Врагов, оставшихся в живых, заливают лава второй волны десантников, а группы прорыва, вломившись в глубину неприятельской обороны, двигаются вперед и вперед. Первый удар — все. Неудача первой волны — провал всей операции. Батальон Букреева шел в первой волне войск, штурмующих Крым.

Букреев приказал организовать на берегу моря тренировочные площадки. Десантники учились сбегать по трапу на берег, занимать свои места на судах, высаживаться по трапу и вплавь. Каждый обязан знать, кто за кем сбегает с корабля, чтобы при ночной высадке не вышло беспорядка. Выбирая тип корабля для десантников, Букреев, так же как и его предшественники, остановился на мелких судах.

Они могли вплотную пристать к берегу, и люди, особенно в условиях зимней высадки, не выкупавшись в воде и не промерзнув, конечно, окажутся боеспособней. Кроме того, высадка с мелких судов может пойти быстрее, а в десантной операции дорогá каждая секунда.

Секунда — приготовились; секунда — судно у берега; секунда — бросились и дальше, по стуку секундной стрелки, — уцепились; летят гранаты; первый прыжок; пока еще не стих грохот разрыва, штык и кинжал у горла врага!

Опыт показал, что для удобства управления боем десантный отряд надо делить на небольшие штурмовые группы с таким расчетом, чтобы каждая группа была посажена на одно судно и могла самостоятельно сражаться. Но одновременно нельзя утрачивать единство целого. Комок ртути, брошенный на ладонь, вначале рассыпается, но тут же стягивается воедино мускульным движением собранной воронкой ладони. Так ощущал Букреев опыт предшественников. Ртуть должна обязательно сбегаться к центру. Обязательно! Мельчайшие частички, распыленные на большой площади, — ничто. Раздумывая над этим, Букреев невольно сжимал кулак и долго держал его сжатым.

Батальон не мог сразу брать с собой тяжелое оружие — орудия, танкетки. Быстроту «первого броска» ничто не должно стеснять. Высадку должна поддержать

артиллерия с нашего берега. Поддержать не только на том участке, где будут нанесены секретные линии удара, но и на широком фронте, чтобы сбить с толку противника и распылить его внимание.

Букреев посещал артиллеристов и советовался с ними. На Тамань ушли гаубичные и пушечные артиллерийские полки, батареи подвижного дивизиона, известные расчеты офицеров Исаюка, Гарматы, Андрианова... Но оставались береговики — опытные люди, понимавшие, чего хотел от них Букреев. Для широкого артиллерийского наступления нужно много пушек. Сотни стволов должны быть направлены на противника. Кроме того, должно быть и нападение с воздуха. Букреев понимал, что успех десанта зависел не только от подвига группы моряков, но и от объединенных усилий армии, флота и авиации. Порвется одно звено в этой цепи, и может рухнуть в море протянутая через пролив цепь. Летчики и артиллеристы должны точно знать, где находятся люди десанта. Поэтому надо укрепить связь, сигнализацию.

Батальон брал с собой все, что нужно: телефонные аппараты, кабель, радиостанцию. Но нежная аппаратура «высшей связи» (как называли на фронте радиотелефонную связь) могла быть повреждена — ведь немного нужно, чтобы вывести ее из строя. Поэтому на вооружение поступала дублирующая система «низшей связи»: свистки, условные оптические сигналы и проч. Батраков и Баштовой рекомендовали установить связь внутри боевых групп — рот и взводов.

...В день отдыха роты направлялись в гарнизонную баню. Наконец-то бойцы шли по улицам города налегке. Молодые люди, с которых было снято бремя оружия, расправили плечи, повеселели.

Наблюдая за своими людьми, Букреев вспомнил почти забытого им майора Тузина. Он ушел из батальона незаметно, заместителем начальника в какую-то тыловую часть. Букреев припомнил его суждения о сложности роли командира в отряде морской пехоты и невольно подумал о своей морской фуражке, притронулся к ней рукой.

Батраков стоял рядом с ним, влюбленно поглядывая на своих «орлов». На его голове была все та же фу-

ражка с цветным околышем. Букреев рассказал Батракову свой разговор с Тузиным о «маскараде». Батраков внимательно слушал комбата.

— Чепуха! Что тот Тузин понимал?

— Но вы-то... носите пехотную фуражку,— заметил Букреев.

— Я? — Батраков расплылся в улыбке.— Ко мне так привыкли. Вроде военной хитрости: красный околышек во время боя видней.

— Для противника?

— Чепуха — для противника! Для противника я не стал бы стараться. Для своих... Ведь у нас ни погон не бывает на ватниках, ни других различий. А в бою все так закопятся, так станут друг на друга похожи, что отличить невозможно. Вот тут и нужно отличие. У меня — околыш.

— Вот оно что! Тогда меня могут с кем-нибудь спутать,— пошутил Букреев.

— Кому надо — не спутает.

Таня, уже принятая в батальон, шла рядом с командиром пулеметного взвода Горленко. Девушки гарнизона имели свой банный день, но как медицинская сестра она должна была, проводив роту, дежурить на санитарном посту.

Таня и Горленко служили раньше в 144-м батальоне.

— Они вместе сражались на перевале,— сказал Батраков.

— Вот оно что! Не знал...

— Такие подробности сразу и не узнаешь,— ответил Батраков, с восхищением вслушиваясь в грянувшую песню:

Не остановит никакая сила
Девятый вал десантного броска.
Пусть бескозырку за борт ветром сбило —
Земля родная крымская близка.

— Слышите? Это, пожалуй, получше «Софьи Павловны».

— Новая песня?

— Новая... Яровой сам роту подучил. Хороший он парень, этот Яровой.

Матросы пели:

Девятый вал дойдет до Митридата,—
Пускай гора над Керчью высока!
Полундра, фриц! Схарчит тебя граната!
Земля родная крымская близка.

Глава одиннадцатая

Ночью Букреев обходил казармы батальона. Он шел уверенными шагами хозяина по выскобленным до желтизны полам коридоров и делал кое-какие замечания дежурному, старшему лейтенанту Цибину. Манжула неслышно двигался за ними.

Люди спали, разметавшись после жаркой бани, на соломенных матрацах, на нарах, сколоченных из толстых ветвей деревьев и теса. Букреев с удовлетворением видел, что теперь уже никто не спит на полу, в одежде и обуви, под головами у людей подушки, а не коробки с пулеметными лентами или автоматные диски. Оружие, поблескивая сизой смазкой, стояло в пирамидах. Букреев находил, что Геленджик достаточно далек от фронта, чтобы искусственно не создавать здесь фронтовых условий и не доматывать силы людей после тяжелых полевых занятий. Солдат должен уметь молниеносно изготавиться по тревоге, но его нельзя беспрерывно держать в напряжении.

Моряки, в свое время приученные на кораблях к аккуратности, быстро возродили и на суше корабельные порядки. Но все же приказание Букреева о побелке стен встретило неодобрение: «Чего их белить? Все равно скоро уходить». Сейчас, видя выбеленные стены, застекленные рамы, чистые постели и полы, Букреев был доволен.

Уставшие за день люди спали тревожным, но глубоким сном.

Ежедневно в батальон приносили сотни конвертов, и, когда почтальон вытряхивал мешок с письмами, их быстро расхватывали сильные, подрагивающие от волнения руки. Люди вскрывали конверты и жадно читали письма, оставаясь наедине с теми, кто называл их в письмах Петями, Колечками, Ванечками... Им писали матери,

отцы, сестры, любимые девушки. Для них они — прежние: ласковые, нежные, застенчивые ребята; дети — для матерей, братишки — для сестер, сверстники — для девушек, учившихся вместе с ними в школах, маршировавших в пионерских лагерях, танцевавших на вечеринках.

Яровой спал на койке, строго сдвинув брови и сложив на груди смуглые руки. Любимец своей роты, он заслужил на поле боя погоны офицера. Позади Ярового спали бойцы его роты. Казалось, рота и сейчас распределялась так, чтобы мгновенно, по приказу своего командира, броситься к оружию.

Каганец отбрасывал на лица спящих неровные световые блики. Букреев заметил, как Яровой чуть приоткрыл глаза и взглядом провожал его, пока он осматривал оружие, обувь, промоченную при высадке.

— Обувь надо просушивать, — заметил Букреев Цибину. — За этим должны следить дневальные.

Пулеметчики Степняка спали в большом зале на нарах, поставленных вокруг пулеметов, укутанных промасленными чехлами. Степняк лежал так, что его голова была ниже крутой волосатой груди, порывисто подымавшейся от дыхания. Во сне подрагивали и насмешливо кривились его губы, и у глаз, оттененных длинными, словно девичьими ресницами, собирались насмешливые морщинки. Рядом со Степняком спал сержант Василий Котляров, бывший пулеметчик мотобота, прошедший свой путь от Измаила до Геленджика, а с другой стороны — Шулик и долговязый Брызгалов. У Шулика совсем юное лицо, русые, рассыпавшиеся после мытья волосы, тонкое запястье руки, и на ней — татуировка, наполовину прикрытая рукавом тельняшки.

Брызгалов, в отличие от своего друга, спал тревожно, лежал на животе, уткнув лицо в ладонь. Он глухо стонал, иногда громко вскрикивал. Тогда стриженная его голова приподнималась от подушки. Поводив сонным, мутным взором по комнате, он снова опускал голову на ладони и засыпал.

Дневальный Курдюмов — дядя Петро — стоял возле Букреева, осматривавшего пулеметы, и с неудовольствием следил за бормотанием Брызгалова. Брызгалов опять что-то закричал. Курдюмов придвинулся к нему и слегка толкнул его прикладом винтовки.

Брызгалов поднялся, протер глаза:

— Тревога?

— Спи, спи... тише! — зашипел дядя Петро.— Командира побудишь. Сам знаешь, какой у него сон соловьиный.

Брызгалов, так и не поняв, что от него требуют, провел тем же бессознательным взглядом по Букрееву, по Цибину и заснул.

— Тут девушки, товарищ капитан,— сказал Цибин, когда они остановились перед закрытой дверью.

Букреев повернулся и своей молодцеватой походкой кавалериста молча вышел на улицу.

— Вы можете идти отдыхать,— сказал он Цибину.

Цибин ушел. Букреев, ожидая, пока шофер и Манжула заведут остывший мотор «газика», смотрел, как дрожит искристый свет прожектора над острыми верхушками деревьев на той стороне, в Солнцедаре. Сюда с аэродрома тяжелых бомбардировщиков, работавших всю ночь, доходили неумолчные шумы. Море плескалось о камни, где-то далеко подвывал шакал, и слышался однообразный шум автоколонн, идущих через Михайловский перевал и Геленджик к Тамани, где собирались силы наступления.

— Куда сейчас, товарищ капитан? — спросил Манжула.

Мотор работал на малых оборотах. Водитель пробовал передачи, рычали шестерни сцеплений.

— Домой, Манжула,— сказал Букреев.

...Цибин постоял у окна, наблюдая, как светлый ус автомобильных фар последний раз скользнул по черепичной крыше невысокого домика и погас.

— Беспокойный командир,— сказал незаметно подошедший дядя Петро.— Что бы спать...

— Каждому свои заботы,— ответил Цибин и пошел через казарму первой роты к девушкам, которые были устроены в отдельной комнате. У них не было нар, а стояли койки с одеялами и подушками. На окнах висели занавески, сшитые из марли. Здесь, так же как и везде в казармах, стояла пирамида с оружием. Девушки спали, за исключением Тани и Нади Котляровой, сестры-хирургички, некрасивой плотной девушки с мужскими плечами и прямыми, коротко остриженными волосами.

— Не спите еще? — сказал Цибин.

— Не спим,— ответила Надя.

— Командир батальона обход делал. Хотел к вам зайти — не зашел.

— Напрасно,— сказала Таня.

Цибин пристально посмотрел на нее и, ничего не сказав, обратился к Наде:

— Письмо читаешь?

— Письмо, товарищ старший лейтенант.

— Плакала, что ль?

— Может быть.— Надя натянула одеяло до подбородка.

— Меньше к сердцу принимай, что из дому пишут. Помню, стояли мы на Шапсугском перевале... Вы, кажется, там тоже были, Таня?

— Была.

— Так вот... Стоим насмерть, позади море, флоту быть или не быть, досада такая, что, кажется, грыз бы кулаки, а тут письмо от жены... Долго кружило оно, пока получил его на Шапсугском перевале. И в том письме только про одно — телка сдохла. Не знал я той телки, без меня купили, без меня сдохла, и целое письмо про телку... Слезы и тому подобное. А тут за флот душа болит... Что она понимала там, в Сибири, жена моя...

— Ее винить тоже нельзя,— сказала Надя,— у нее — свое, у вас — свое.

— Может, и так,— согласился Цибин и, постояв еще с минуту, ушел медленными и тяжелыми шагами.

Надя заплакала, утирая слезы пододеяльником. Таня, перегнувшись со своей кровати, утешала ее. Надя плакала над письмом брата, вернувшегося из госпиталя без ноги, и слова утешения были для нее, как часто бывает в таких случаях, какие-то пустые.

— Хорошо хоть жив, Надюша.

— Без ноги,— всхлипывала Надя.— Девятнадцать ему всего. Всего девятнадцать...

Таня пересела к ней на кровать, накрылась одеялом и, прислонившись к Наде, поглаживала ее волосы.

— Горе везде, Надя. Война принесла много горя.

— Я знаю, знаю... Иди, Таня. Ты замерзла. Обулась бы. На мои... Простудишься...— Надя повернулась к ней.— У тебя ведь тоже горе, Таня?

— Да...

— Прямо не верится. Такая красивая, образованная и...

— Что?

— Счастливая с виду...

— Счастливая? Почему ты так решила, Надя?

— У тебя хороший жених.

— Ты разве знаешь его?

— Знаю.

— Кто же?

— Капитан-лейтенант Курасов.

— Кто тебе сказал?

— Все знают. Гарнизон невелик.

— Вот оно что! — Таня задумалась. — Да, он хороший, Надя.

— И все же горе и у тебя... Я не спрашиваю, не надо. Зачем? А то опять разревусь... Где бы достать брату хороший протез? С протезом было бы совсем незаметно.

Надя тяжело вздохнула, отвернулась и притихла.

...Батраков сидел за столиком в комнатке небольшого дома, где он жил вместе с начальником особого отдела и помощником командира батальона по хозяйственной части, и писал письмо жене.

Он нежно любил свою семью, отделенную сейчас от него тысячами километров. Жена и трое детей ушли из Ленинграда под бомбежками и с трудом добрались до Кировской области, где и задержались. Там умер их младший ребенок. Письмо о смерти сына Батраков получил в госпитале в Сочи, где лечился после того, как был тяжело контужен в Севастополе и почти потерял слух.

Мало кто знал, что комиссар, холодно опускающий в карман письма жены, оставшись один, торопливо рвал конверт и десятки раз перечитывал каждую строку, как бы впитывая в себя то, что писали ему жена и старшая дочь, которую он представлял себе только такой, какой видел в последний раз, — с тонкими косичками, в коротком сереньком платьице и с нотной папкой с черными завязками.

Батраков писал, то улыбаясь, в веселых тонах расписывая свое житье-бытье, то насупливаясь, когда все

же приходилось кое о чем говорить серьезно и советовать, как поступить, если...

Горбань дремал в проходной комнате на топчане, надвинув на лоб бескозырку и обняв левой рукой автомат.

В полудреме он думал об оплошности Манжулы, сосватавшего комбату комнату в противоположной части города, куда без машины не так-то легко добраться. Хотя и Манжулу обвинять было несправедливо: не мог же он поступиться удобствами комбата ради того, чтобы два друга с линейного корабля «Севастополь» постоянно общались!

Горбань думал, что сухопутные военные специалисты слишком много занимаются подготовкой к такому простому делу, как сражение. Чего, казалось бы, легче — ворваться с моря с «полундрой» на берег и расшвырять неприятеля? Горбаню нужно было отличиться на суше, чтобы загладить свой малый грех и снова возвратиться на линкор. Но когда же представится возможность отличиться в бою? Не придется ли ему всю войну вот так подрыхать на топчанах, таская с собою оружие, могущее истребить не менее сотни оккупантов?

Зазвонил телефон. Медленно поднимая к уху трубку, Горбань услышал в ней голос начальника штаба, срочно требующего капитана Батракова. Тон был такой, что нужно было (хотя этого не мог видеть начальник штаба) вытянуться, произнести «есть» и сразу, ворвавшись в комнату к замполиту, отрубить ему вызов штаба.

Батраков обладал способностью понимать Горбаня с полуслова. Увидев его, он встал, с шумом отодвинул стул и направился к телефону. Разговор был чрезвычайно короток — он походил на обмен условными сигналами.

— Найти немедленно помощника по хозяйственной части, — приказал Батраков, — и в штаб.

— А вы куда, товарищ капитан? — Горбань бросился за ним.

— Исполнять! — отрезал Батраков, не оборачиваясь. — И с ним ожидать нас в штабе.

Горбань сообразил, что означает слово «нас», бросил

вдогонку капитану привычное «есть» и, не проверив даже, кто подъехал за Батраковым на машине, исчез в темноте.

Глава двенадцатая

Сняв гимнастерку и сапоги и надев туфли, Букреев расхаживал по своей комнате. За тонкой перегородкой слышались голоса Манжулы и стариков хозяев. Букреев невольно прислушался к разговору за стеной.

— Разве можно так,— сокрушенно говорил старик.— Сколько он спит? Три часа в сутки?

— Что потопаешь, то и полопаешь, дедушка,— ответил ему Манжула.

— Может, чайку подогреть? — вмешался робкий голос старушки.

— Какой же чай, бабушка, раз достал я два кавуна и парного молока,— ответил Манжула.

— Нельзя мешать молоко и арбуз, для желудка плохо.

— До войны нельзя было, бабушка, а з́а́раз все можно. З́а́раз все смешалось.

Букреев постучал в стенку. Манжула появился в дверях:

— Я вас слушаю, товарищ капитан.

— Вы, товарищ Манжула...— Букреев подыскивал слова,— дали бы... покой хозяевам. Они же пока не числятся у нас в батальоне.

— Есть, товарищ капитан.

За стенкой после ухода Манжулы наступила полная тишина. Букрееву даже стало тягостно. Хоть бы кашлянул кто-нибудь или перекинулся словом. Его приказ был выполнен ординарцем с поразительной точностью.

Подъехавшая к дому машина вывела его из задумчивости. Кто-то шел по саду. Кто бы это мог быть? Букреев посмотрел в окно. На крыльце стоял человек. Стук. Так стучал обычно Батраков.

Замполит вошел в комнату и своим тихим голосом передал срочный вызов адмирала.

Пока Букреев натягивал сапоги, Батраков рассказал о том, что, вероятно, Звенягин уже поднял корабли по

тревоге, так как он слышал звон рынд¹ на той стороне бухты и возле причалов.

Букреев защелкнул пряжку пояса и поправил пистолет.

— Очевидно, идем морем?

— Стало быть, морем.

— Неужели сразу в операцию?

— Что? — переспросил Батраков.

— Я говорю, неужели сразу отсюда в операцию?

— Не думаю.— Батраков пожал плечами.— Если высаживаться куда-нибудь на Судак или Алушту, тогда другое дело, но на Керченский отсюда невыгодно.

Они вышли к машине в сопровождении Манжулы. На яблонях покачивались ветви, с шелестом падали последние листья. В проломах туч, идущих от мыса Дооб, как в прорубях, отражались звезды. У причалов Тонкого мыса зафыркали моторы.

Машина шла мимо темных редких домов и высоких деревьев. По дороге из Кабардинки, то пропадая, то появляясь, бежали автомобильные огни. Может быть, кто-нибудь спешил сюда с флотского командного пункта.

Батраков сидел рядом с Манжулой, спокойный, молчаливый и как будто равнодушный ко всему. Букреев хотел перекинуться с ним словечком, но неожиданно почувствовал досаду на своего заместителя и одиночество. Он не мог тогда еще понять и оценить поведение человека, для которого приближение бури лучше ненадежного штиля.

У Мещерякова сидел, как всегда тщательно выбритый и предупредительный, Шагаев.

В штабе все было по-прежнему спокойно. Карта военных действий советско-германского фронта была исколота булавками, прихватывающими красный шерстяной шнур. На левом фланге шнур делил на равные части Керченский пролив, уходя вниз от косы Чушки к западной оконечности Таманского полуострова и обрываясь разлохмаченными линиями на траверсе мыса Панагия.

Мещеряков говорил по телефону с командующим флотом, когда в кабинет вошли Букреев и Батраков.

¹ Рында — по-морскому: колокол.

Предложив им кивком головы садиться, адмирал продолжал разговор. Закончив, он встал, поздоровался с Букреевым и Батраковым, неторопливо разъяснил им цель вызова и их задачи. Они сводились к тому, что нужно было по тревоге поднять батальон, обмундировать в новое — зимнее, — погрузить на суда и выйти к фронту. На сборы и погрузку давалось два часа. Все хозяйственное имущество и обоз оставлялись. С собой взять только носимый запас боеприпасов и провианта.

— Моряки вас доставят в целости и сохранности до Таманского полуострова! — веселым голосом закончил Мещеряков. — С моря вас отлично обеспечат, а с воздуха позаботится генерал Ермаченков... Желаю удачи, Николай Александрович и... Николай Васильевич. Какое совпадение! Сразу два Николая. Добрый знак! Николай-то Мирликийский всегда был добрым хранителем моряков. А тут сразу два Николая! Мы с Шагаевым от вас далеко не отстанем. Машиной выезжаем, как только справимся со всеми делами. Но на Таманском полуострове наш старший начальник — командующий фронтом. Ваш начальник и мой начальник.

У дверей, предупредительно раскрытых адъютантом, адмирал задержался:

— Вот память... Чуть было не забыл! Насчет ваших семей...

У Батракова сразу вспыхнули уши.

— Что с семьями?

— Ничего худого, Николай Васильевич! Просто мы втихомолку от вас договорились с Военным советом и решили ваши семьи выписать в Геленджик. Поближе к вам...

— В Геленджик? — Букреев удивленно посмотрел на Мещерякова.

— Здесь скоро будет вполне безопасно, Николай Александрович.

Букрееву стало неловко, так как адмирал мог неправильно понять его удивление.

— Я не насчет безопасности семьи, товарищ адмирал. Хотя это тоже важно. Но моя семья очень далеко отсюда.

— В Самарканде. Знаем и улицу, и номер дома.

— Им будет трудно самим выехать оттуда, так же

как семье Батракова из Кировской области. У нас детворы много...

— Моя жена сама выедет отлично,— обрадованно перебил Батраков,— выедет! Ко мне выедет хоть на край света!

— А все же мы направим за ними людей,— сказал Мещеряков, улыбнувшись.— В Кировскую область поедут моряки-вятичи, побывают и у себя дома и привезут «батрачат». А в Самарканд мы решили направить Хайдара.

— Хайдара? Вы знаете Хайдара, товарищ адмирал?

— О, вы, по всему видно, Букреев, плохого мнения о нас! — Мещеряков указал на себя и смеющегося Шагаева, стоящего рядом с ним.— Хайдара, кстати, обнаружил товарищ Шагаев. Ему же принадлежит инициатива вызова сюда ваших семей... Ну, спешите. Еще раз желаю удачи на переходе. В Тамани встретимся.

Букреев и Батраков молча сели в машину и ехали, не проронив ни слова, почти до самого порта. Подъехав к порту, они всматривались в крестовины мачт сторожевых кораблей, подходивших к причалам. Звенягин привел свой дивизион, и порт как бы проснулся. Вспыхивали фонарики, освещая то часовых с автоматами на груди, то конную бричку с высокими колесами, заваленную клейменными мешками с мукой, то моряков в высоких сапогах и кожаных костюмах.

Когда снова пошли безжизненные улицы, голые деревья и черные кусты, Батраков приник к уху Букреева и громко сказал:

— Умница адмирал-то, а? Теперь надо воевать хорошо, чтобы вернуться.

Глава тринадцатая

Батальон, поднятый по боевой тревоге, выстроился во внутреннем казарменном дворе. По-прежнему немолчно, дремотно-лениво шумело море, и в лесу, у гор, плакали не то совы, не то южные филины.

Вызванные из строя ротные и взводные командиры отделились от своих шеренг, подошли, откозыряли. Выслушав комбата, офицеры не задавали вопросов — все

было известно: получить новое — зимнее — обмундирование, боевые припасы и выйти к местам погрузки. Командиры разъяснили задачу своим подразделениям, и люди, повинувшись отрывистым, отданным вполголоса командам, побежали в казармы.

— После того как мы сами переоблачимся, я соберу на несколько минут парторгов и комсorghов,— сказал Батраков.

— Хорошо,— согласился Букреев.— И кстати надо посмотреть, чтобы люди ничего лишнего не набирали.

В казармах люди переодевались в ватные стеганые куртки и штаны, армейские гимнастерки, меняли сапоги и ботинки. Не слышалось обычного при побудках балагурства. Бойцы были внимательно-серьезны. Новички, следуя ветеранам, тщательно осматривали свои вещевые мешки, облегчая их; пришивали дополнительные карманчики для запалов. Полученные всеми меховые шапки прятали в мешки и оставались — пусть в старых и холодных, но родных бескозырках. Черные верхи бескозырок затягивали чехлами хаки.

Ровный, густой гул стоял в казармах.

Помощник командира батальона по хозяйственной части, толстый и обычно медлительный человек, бегал по коридорам, покрикивал, суетился. Он побаивался комбата и, заметив его, еще пуще старался показать свое служебное рвение. Он разносил угрюмого старшину, работающего в складе материально-технического снабжения.

— Что случилось, товарищ старший лейтенант? — спросил Букреев.

— Маета, маета, товарищ капитан! — Он вынул платок, вытер потную шею.— Беда, если сам не досмотришь, сам не проследишь. Вот этот,— он указал на старшину,— полторы сотни противотанковых гранат передал пулеметчикам. Все набиваются патронами и гранатами до пазух...

— А что же, консервами набиваться? — строго перебил его Батраков.— Или лапшой?

— Но ведь мне разъяснили, что боевые припасы они получают там, а я должен выдать только обычную норму.

— Где — там? — спросил Букреев.

— На Тамани. В армейских складах, товарищ капи-

тан. Продпаяк я выдаю на пять полных суток. А они все требуют гранаты и патроны.

Букреев посмотрел на Батракова, на его смеющиеся глаза, и понял, что такое поведение моряков ему по сердцу. Но приказ его, комбата, должен быть беспрекословно выполнен. Впереди был поход, и неизвестно, когда они дойдут до конечного пункта.

— Продовольствие...— Букреев помедлил,— должно быть захвачено полностью, до последнего грамма. И вы мне за это отвечаете, товарищ старший лейтенант. Боевые припасы отпускать по норме, указанной мной... Никаких самовольных поступков.

— Слушаю, товарищ капитан. А ваше обмундирование я выдал вашим ординарцам. Они вас ждут... Разрешите сопровождать, товарищ капитан?

— Продолжайте заниматься своим делом.

— Подобрали обмундирование лучшее, что могли. Но, извините, не в магазине...

В этот миг помощник увидел автоматчиков, сваливших вороха старого обмундирования возле бачков с питьевой водой. Не dokonчив начатой фразы, он вприпрыжку побежал по коридору, мелькая толстыми икрами, обтянутыми хромовыми голенищами сапог.

— Тузина выдвиженец этот толстомясый,— хмурясь, сказал Батраков.

— Но пока он должностное лицо в батальоне.

— Боеприпасов жалко. Что их, солить?

Букреев понимал, что упрек замполита в какой-то мере относился и к нему, к Букрееву.

— Видите, Николай Васильевич,— мягко сказал Букреев,— мне очень по душе люди нашего батальона, скажу больше — я полюбил их. Но мне непонятно одно...

— Что именно?

— Почему моряки, образец дисциплины и строевой четкости, сходя на сушу, кое-что забывают...

Батраков приблизился, поднес ладонь к уху, стал очень внимательно и, как показалось Букрееву, настороженно слушать.

— Приказ есть приказ,— продолжал Букреев,— и я буду всегда требовать от своих людей безусловного выполнения приказа.

— Правильно. Но чем они приказ нарушили? Берут больше гранат? Ну и пусть берут на здоровье.

— Гранаты пусть берут, но не за счет продовольствия. При операции я могу согласиться — больше боеприпасов, меньше караваев, но на подходе, когда нужно накопление сил для броска...

— Конечно, вы тоже правы,— согласился Батраков,— но десантник научен опытом. Он приучен на тетю не надеяться. Вот увидите, когда пойдем на Крым, ничто не остановит. Письма будут выбрасывать, белье, а патроны брать.

— Тогда и приказ им будет такой.

В комнате, указанной помощником по хозяйственной части, кроме Манжулы и Горбаня, их поджидали парторг батальона Линник, застенчивый пожилой человек, и комсомольский организатор Курилов, молодой лейтенант с узким лицом и волевым подбородком. Батраков на ходу снял пояс, сбросил сапоги. Он начал переодеваться и одновременно инструктировал Линника и Курилова.

Букреев слышал, что его мысль о беспрекословном выполнении всех приказов разъяснена замполитом со строгой отчетливостью. Он лишний раз мог убедиться в том, что его заместитель очень практичен и целеустремлен в политической работе, ясно определяет задачи коммунистов и комсомольцев в предстоящей операции. Батраков с партийной добросовестностью выполнял свои обязанности на войне, так же как в свое время на Кировском заводе он обтачивал на токарном станке детали; так же как потом, мобилизованный в политотдел машинно-тракторной станции, он в башкирской деревне скромно, но с железной настойчивостью проводил линию партии, доверившей ему работу в деревне.

С сожалением сбросив свои темно-синие бриджи, залосненные от седла, Букреев надел холодные и жесткие ватные брюки со штрипками. Следуя примеру замполита, он впервые надел тельняшку, а на нее — армейскую гимнастерку с вышитым на рукаве якорем на черном фоне шеврона, окаймленного золотым сутажом.

— Ворот расстегнуть? Морскую душу показать? — пошутил Букреев.

— Морская душа и без показа видна. Ее нарочно не покажешь, не застегнешь. Вот какие дела, Букреев.— Батраков прикрепил к поясу полевую сумку, повесил на плечо автомат и тихо добавил: — Я пока свой народ обговорю, ты... вы... — поправился он, — черкните письмецо домой, жинке.

— Почему именно сейчас?

— Шагаев просил. Чтобы с человеком, который за ней выедет, передать. А то уйдем в десант, другие дела придут... Письма надо передать сегодня же Шагаеву.

— Хорошо, Николай Васильевич. А вы?

Батраков покраснел, вынул из кармана письмо в мятом конверте и застенчиво сунул его Букрееву.

— Вообще, примета нехорошая... Письмо... Но у нас причина иная. Ну, я пошел.

— Через пятнадцать минут тронемся, — сказал Букреев, пристукивая сапогами, тугими от шерстяной портянки. — Сапоги я, Николай Васильевич, решил оставить старые. Не люблю необношенной обуви.

— Они у вас... ничего.

Батраков вышел в сопровождении Линника и Курилова. В коридоре на баяне заиграли «Землянку». Это была, как говорил Баштовой, любимая на «Малой земле» песня Цезаря Куникова. Букреев придвинул ближе лампу, вынул блокнот, вечное перо. «Самарканд... как это далеко...» И листок бумаги, на котором он в правом уголке поставил дату, казалось, не мог дойти туда, к границам Китая и Афганистана.

Не изменяя привычке, Букреев писал крупным и четким почерком:

«Родная моя, Ленушка! Это письмо передаю с Хайдаром, который выезжает за вами в Самарканд. Наше желание быть вместе или хотя бы поближе исполняется в канун очень важного для меня дня. Наша будущая встреча, может быть, явится наградой за то, что я должен сделать. Ты догадываешься, о чем я говорю? Оснований для беспокойства у тебя не должно быть. Ведь наконец-то начинается моя прямая работа по единственной моей специальности, которую я изучал свыше пятнадцати лет. Часто, скажу откровенно, я сетовал на то, что ничем почти себя не оправдал, что спокойствие семьи моей, спасение Родины добывалось как бы дру-

гими руками. Мне было тяжело, а как профессионалу-военному — просто стыдно, хотя, может быть, таких, как я, и приберегали для решительного удара по врагу. Видишь, я начинаю хвастать... Итак, сегодня сердце мое бьется спокойнее, чем всегда...»

Букреев посмотрел на часы. Прошло шесть минут. Он перечитал написанное и понял, что все это не то, не те слова. «Чепуха какая-то», — подумал он. Ведь нужно было просто рассказать по-деловому о принятом им решении о переезде, и всё. Он продолжал на втором листике блокнота: «Ты выедешь вместе с детьми в Геленджик и займешь мою комнату, где я оставляю кое-какие вещи у хороших старичков хозяев. Здесь подождешь меня. Береги детей, особенно на пароходе от Красноводска до Баку. Каспий сейчас штормит, и простудить дочурок нетрудно. Во всех дорожных заботах вполне положишься на Хайдара. Ты, надеюсь, не забыла его?»

Не перечитывая, Букреев надписал адрес на конверте.

— Манжула, вот эти два письма немедленно ответьте начальнику политотдела базы капитану первого ранга Шагаеву. Оттуда — прямо к пристани.

Букреев вышел из казармы вместе с Манжулой. Батальон, готовый к походу, был уже во дворе. В коридорах на полу виднелись следы сапог, валялась солома, много рваной бумаги. Стало сразу неуютно, холодно. Где-то хлопнуло окно, и по пустым помещениям разнесся звон разбитого стекла.

Во дворе слышался тихий гомон.

К Букрееву подошли батальонный врач майор медицинской службы Фуркасов, Баштовой и Батраков.

— Я говорю нашему комиссару, что зимой неприятно идти в десант, — сказал доктор, протирая стекла очков.

Фуркасов был известен Букрееву еще по городу П., где доктор «следил за его сердечком».

— Прошу объяснить, Андрей Андреевич.

— Не люблю купаться в холодной воде. У меня — шут ее дери! — нудная и ничуть не романтическая болезнь, люмбаишиалгия. Что-нибудь говорит вам это название?

Фуркасов был добряком по натуре, весь склад его характера был глубоко мирным, воинственных людей он не понимал, в чем откровенно признавался.

— Вам-то тонуть еще не приходилось, доктор? — спросил Букреев.

— Если бы мне приходилось тонуть, вы не имели бы удовольствия видеть сейчас перед собой своего начальника медсанчасти, товарищ капитан. Я родился и рос, как вам известно, в Оренбургских степях и плаваю как топор.

Все коротко посмеялись.

Батальон был построен Степняком. Букреев спустился с крыльца. Сырая трава пружинила под ногами, и сырость ощущалась всем телом. Из лощины поднимался туман. Букреев скомандовал, и голос его возвратило эхо.

...Батальон двигался мимо кустов можжевельника и боярышника, похожих на огромных птиц, заночевавших возле дороги. Моря из-за кустов не видно было, и оно шумело где-то далеко внизу. Вот и белостенный домик начальника штаба. В одном окне светилась тонкая полоска. И ночь как бы сразу потеплела, головы людей повернулись к домику, и все притихли, как бы боясь растревожить его мирный покой. Среди идущих по дороге много тех, кто хорошо знает автоматчицу Олю, теперь жену начальника штаба. Баштовой побежал вперед — проститься. Теперь все слышали женский приглушенный плач, всхлипывания и расстроенный голос Баштового.

Таня, поравнявшись с калиткой, крикнула из строя: — Оля, прощай, родная!

И опять тишина, топот ног. Потерянный за изгибом дороги домик многое напомнил всем. Теперь лучше молчать и думать. Под подковками сапог вспыхивали искорки.

Баштовой догнал колонну и пристроился к головной группе офицеров.

Пулеметная рота замыкала колонну. Шулик и Брызгалов шли в последних рядах. Позади них шли дядя Петро, бывший подводник Павленко, рассудительный украинец с Полтавщины, и два друга — Воронков и Василенко, вместе отслужившие еще до войны

в Тихоокеанском флоте и призванные с орудийного завода.

Шулик придерживал обеими руками тяжелый станок пулемета, прикрепленный к спине. Он недовольно, по привычке, брюзжал:

— Одна ночь как ночь выпала, и ту отняли.

— Война ночи боится,— утешил Брызгалов.

— Сейчас, видать, по всему фронту суета, солдату спать некогда,— сказал Воронков.

Шулик полуобернулся.

— Проснулся наконец-то, Воронков. А то чую, кто-то позади меня сопит и сопит.

— Суета наперед нас поспешает,— заметил Павленко в ответ на слова Воронкова.— Не она за нами, а мы за ней. Такое уж наше дело — мыкать по свету, Шулик.

— Я уже замыкался на этих побегушках.

— Толк хоть есть от твоей маеты, Шулик,— сказал дядя Петро.— Грешно сейчас судьбу гневить. По всем фронтам немец побег.

— Гонят его везде, дядя Петро,— согласился Шулик.— А помнишь деньки-денечки? Коряво нам приходилось. Знай отступали.

— Моряки не отступали,— сказал Павленко.

— Тебе просто посчастливилось, Павленко. Ты тогда под водой плавал и ничего, что снаружи, не видел. А мне довелось Керченский пролив, от Камыш-Буруна до Таманского порта, еще в сорок втором форсировать, в мае месяце, друг ты мой...

— Легко его брать, пролив? — деловито спросил до этого молчавший Василенко.

— Смотря на чем его брать и когда. Я тогда его брал, повторяю, в мае, на камере. Надул камеру своим духом и пошел грести отцовскими веслами.

— Руками, что ли?

— А то чем же!

— Ты давние времена припомнил. Теперь наши уже Днепр перефорсировали — на тот берег вышли,— сказал Воронков.

— Мне Днепр не довелось оставлять, потому и не могу про него ничего вспомнить, кроме того, что мальчишкой в нем чуть было не утсп.

— Там, по всему заметно, тоже моряки работают,— заметил Брызгалов.

В разговор снова вмешался дядя Петро:

— Моряки? Где же их столько набрать? Пехота немца бьет. Красная Армия. Под Киевом как будто и работали моряки, но всего одна бригада. Мне невдомек, ребята: командира бригады Потапова, случаем, не туда перекинули?

— Потапов, слышно, на Балтике,— сказал Павленко. Воронков тихо рассмеялся:

— Теперь немца так погнали с Тамани, что камеры не успели приспособить. Передавали раненые ребята из двести пятьдесят пятой бригады: на одной только Чушке тысяч десять его выложили...

— Не видал — не знаю.— Шулик поерзал плечами, затежшими от ноши.— Тамань на этот раз без Шулика размоталась.

Рота шла в положении «вольно», как обычно при ночных маршах. Пулеметчики тихонько переговаривались во всех взводах. Иногда шагавший по обочине Горленко прикрикивал, и разговоры замолкали, но ненадолго.

— Побанились хотя вовремя,— сказал Павленко.

— Теперь долго до мочалки будем добираться,— поддержал его Шулик.— Банить будут соленой водой да шрапнельным веником.

— В Крыму сообразим,— сказал дядя Петро.— И в Феодосии бани имеются, наверняка знаю.

— До Федосьи вытрусешь кости,— пошутил Шулик.— До Феодосии Керчь надо через пролив взять, а потом Турецкий вал, Акмонайские укрепления, а там еще Три Колодезя и еще...

Входили в город. На окраине, по всей длине улицы, остановилась на ночь колонна грузовых машин. В разгороженном саду, под яблоней, выделявшейся своей низкой и округлой кроной, горел костер. Вокруг огня стояли и сидели на корточках красноармейцы. На машинах спали сидя мотострелки, и кое-где у кабинок стояли люди.

— Этим чудакам везде, как у тещи на именинах,— неодобрительно заметил Брызгалов.— Тут объекты рядом, а они огни открыли...

— Теперь немцу не до твоих объектов,— перебил его Воронков.— Пущай ребята погреются. Ночи на этом Кавказе холодные.— Он взгляделся в сторону костра.— Василенко, может, машины с Горького идут, наших горьковчан узнаем?

— А что они тебе, если и узнаешь?

— Письмишко бы самый раз подкинуть. Тут шоферы, бывает, по маршруту гоняют машины в оба конца.

— Вряд ли, Воронков.

Солдаты, заметив колонну, оставили костер и направились к дороге. Спавшие на грузовиках вставали, спрыгивали на землю. Колонна была разбужена, и везде зачернели силуэты вооруженных пехотинцев.

Роты без взаимного сговора подтянулись, выровнялись в четверках, «взяли ногу». Они шли под взглядами людей другой воинской части — солдат, знавших, что такое настоящий шаг и выправка каждого взвода. Может быть, их наблюдали сейчас будущие соратники по штурму Крыма. Моряки вышагивали, как на параде.

Привычное ухо Букреева сразу уловило изменение ритма движения.

— Слышите, комиссар? — спросил Букреев.

Батраков оглянулся, его глаза блеснули, и на лице можно было угадать одобрительную улыбку.

От грузовика к грузовику переходил уважительный говор:

— Матросы пошли!

— Морская пехота тронула! Десантники!

— Раз моряки тронули, на Крым пойдем.

Высокий боец в накинутой на плечи шинели крикнул с трехтонки:

— Севастополь братъ, морячки?

— Это тебе не пышка,— дружелюбно ответил ему Кондратенко, шагавший во главе взвода матросов «тридцатки».— Его и на ладошку не кинешь — горяч.

Моряки слышали товарищеское одобрение красноармейцев:

— Морская пехота тронула! Матросы!

— Эти дадут фашистам духу!

Букреев удовлетворенно прислушивался к этим возгласам, так же как к ритмичному рокоту подкован-

ных сапог позади себя. Как бы то ни было, но и его неусыпными заботами создана эта воинская часть. Он чувствовал за собой сильный и слаженный отряд.

...В районе пристани моряков встретили Манжула и Шалунов, одетые в кожаные костюмы, высокие штормовые сапоги, зюйдвестки. Они сразу напомнили Букрееву благополучный переход от П. Это было как бы добрым предзнаменованием. Шалунов, как всегда общительный и веселый, попросил разрешения комбата развести роты по кораблям. Не один десант сажал Шалунов на суда. Перешучиваясь с офицерами (почти все ему были знакомы по прошлым операциям), Шалунов каждой роте указал направление. Везде у него были расставлены распорядители, и потому никто не голпил на пирсе. Люди растекались по кораблям с быстротой, похвальной даже для такой хорошо обученной десантной части.

С урчанием плескалась вода. Доски причала, казалось, то поднимались, то уходили из-под ног. Ошвартованные борт о борт сторожевые катера выделялись тонкими крестовинками антенных мачт, контурами своих рубок и кругами зачехленных прожекторов.

Подошел Звенягин и, скупно похвалив Букрееву его людей, закурил. Казалось, он хвалил за хорошую погрузку больше по привычке, а думал о чем-то другом, более важном для него. На кораблях слышались беззлобные перебранки, которые, очевидно, бывают при всех посадках, стук складываемых на палубу пулеметов и металлических ящиков с боеприпасами. Медчасть погрузилась к Курасову. Невдалеке, скрытые темнотой, разговаривали сам командир корабля, Фуркасов и Таня.

— Жизнь разумного существа, — говорил доктор, — со всеми ее неприятностями — драками, десантами — все же отличная штука. И жизнь именно человека. Ведь подумать только, мог бы я прийти в этот мир какой-нибудь козявкой, дождевым червем или, хуже того...

Звенягин вытряхнул из трубки пепел.

— Жизнь... Все о ней говорят. Вы слышали, Букреев: ворон как будто триста лет живет. И все летает, каркает, кого-то клюет. За триста лет можно все крылья себе расшатать, а?

Возле пирса остановилась автомашина. Свет фар упал на побеленную будочку дежурного и погас. Кто-то

хлопнул дверкой машины. Звенягин прислушался к быстрым и уверенным шагам.

Это приехал Шагаев. Он подошел, поздоровался.

Букреев пожал большую холодную руку Шагаева и доложил о погрузке.

— Итак, через три минуты в поход? — Шагаев поежился. — А где Батраков?

— Он на корабле, — ответил Букреев. — Прикажете его позвать, товарищ капитан первого ранга?

— Нет, не надо... — Шагаев стоял, высокий, полный, заложив руки за спину. — Адмирал просил извинить его отсутствие. Он срочно вызван на флотский командный пункт. — Шагаев посмотрел на часы. — Давайте, Звенягин. Только не теряйте радиосвязи с берегом. Прошлый раз сами отбивались от авиации, а сообщите нам — подкинули бы истребителей. — Шагаев обратился к Букрееву. — Письма я получил. Иван Сергеевич просил передать вам, что все обещанное будет строго выполнено.

...На палубе, узкой и неустойчивой, сидели и лежали люди. Кое-кто спал. К мостику пришлось проходить между телами, вещевыми мешками и оружием. Возле палубных орудийных установок стояли комендоры.

С появлением Звенягина на командном мостике все пришло в движение. Его приказания, отданные резким голосом, были повторены всему дивизиону.

Разом заработали моторы. Все двенадцать кораблей почти одновременно отвалили от пирса. Горы отодвинулись, и чаша бухты, оттененная мертвым звездным светом, становилась все меньше и меньше.

У мостика флагманского корабля стояли Баштовой и Манжула. Баштовой напряженно всматривался в быстро уходящие высоты Толстого мыса. Над обрывом мелькнул, погас и снова вспыхнул огонек. Звенягин наклонился к Букрееву.

— Ольга морзит своему, — сказал он. — Тяжело ей сейчас одной оставаться... Все же лучше, когда семья подальше...

На выходе из бухты посвежело. И, как это обычно бывает при свежей погоде, море сильно запахло солью и рыбой, водорослями, прелой древесиной и травами. Корабли проходили фарватер при боковой качке.



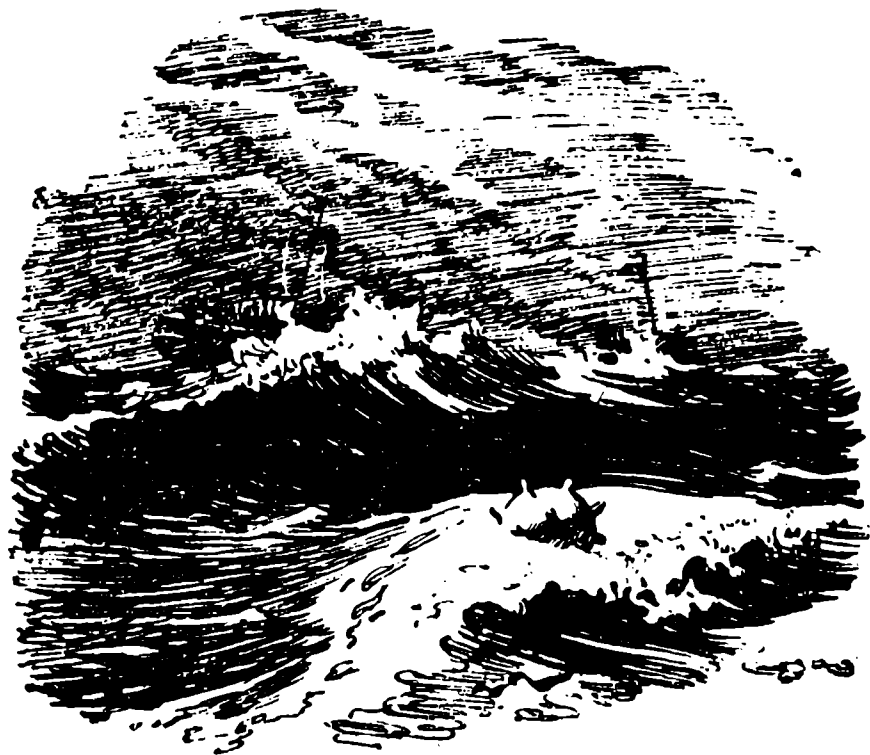
— Морская пехота тронула! Десантники!

Волны били в один борт, и холодная водяная пыль прилетала на палубу.

У берегов еще была заметна белая кайма прибоя. Но вот она исчезла. Над скалами мыса Дооб засигналил небольшой прожектор. Это был прощальный привет уходившим кораблям от гвардейцев береговых батарей.

Справа лежала пустынная Цемесская бухта, а в глубине ее, у обветренных, неласковых гор, угадывались развалины Новороссийска.

Звеньягин круто повернул, и корабли легли на курс к Таманскому полуострову.





Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

Глава четырнадцатая

Обогнув скалистые обрывы Мысхако, Звенягин вытянул дивизион в строгую кильватерную колонну. Светосигнальная лампа флагмана бросила последние узкие и прерывистые пучки разноцветных лучей и погасла. Корабли подтянулись и теперь неслись вперед, как бы связанные пенной грядой бурунов.

Возле палубного орудия стояла Таня, прислушиваясь к однообразному мрачному шуму моря. Ветер забрасывал на корму соленые брызги, посвистывал в мачтах и задранных кверху стволах зенитных пулеметов. Таня видела Курасова, стоявшего позади коренастого штурвального.

Чуть накренившись на правый борт, шел корабль Звенягина, по положению в строю именуемый «передним мателотом». Необычное слово «мателот» казалось Тане сейчас каким-то таинственным прозвищем и очень подходило к этому темному и как будто крылатому кораблю.

И Курасов и Звенягин представлялись теперь Тане не просто хорошими друзьями, а людьми недосягае-

мыми. Курасов не оборачивался, хотя и знал — Таня стоит позади и наблюдает за ним. Она догадывалась, что даже и сейчас Анатолий думает о ней.

С мягким, утомительным рокотом работали моторы. Корабль, то окунаясь носом, то припадая на корму, догонял белые гребни волн и подминал их под себя. Раздавленные волны уходили в темноту ночи.

Таня прислонилась спиной к орудию и смотрела на неясные очертания гористых берегов. Вспомнилось недавнее прошлое, связанное с этими местами. Тогда они плыли на теплоходе «Аджаристан» из Ялты в Новороссийск. Эти же, сейчас темные, берега от Анапы до Абрау-Дюрсо стояли тогда голубой искристой стенкой, и даже скучные известняковые осыпи и срезы радужно играли под солнцем. Каждое деревце, резко очерченное от комля до верхушки, сверкало блестками листьев и туго натянутой на стволы тонкой корой. С берегов доходили запахи нагретой жарким солнцем виноградной лозы, опьяняющие ароматы зреющего хмеля, пшеничных и кукурузных полей, щедро брошенных золотыми квадратами в долинах и на взгорьях.

Влюбленный в Таню паренек, комсомольский работник, с которым она познакомилась на курорте, в Мисхоре, был рядом с ней. Дельфины, алчно ожидавшие подачки, кружились возле теплохода; один выплыл совсем близко. Таня непроизвольно прижалась к спутнику. И тогда, впервые за время их знакомства, застенчивый белобрысый паренек, Матвей, вдруг обнял Таню сильными руками и горячо поцеловал.

В Новороссийске Матвей гостил у них в семье на правах жениха. Мать одобрила Танин выбор.

Лето пролетело очень быстро. Таня перевелась в Москву. Почти ежедневно они встречались у Манежа, там, где скрещивалось много трамвайных и троллейбусных линий, и вместе возвращались в свою квартиру на Красной Пресне. Счастливые, безмятежные дни!

Потом пришла война. Матвей однажды возвратился домой в скрипучих сапогах и гимнастерке. На рукавах были нашиты красные звезды — по тогдашней форме политработников.

Матвей приник к спавшему ребенку. Таня запомнила вид его, сразу возмужавшего, сосредоточенного и реши-

тельного. Все мирное было сразу отброшено и на время забыто.

— Езжай к маме в Новороссийск,— сказал Матвей,— там спокойнее и лучше будет для ребенка...

В Новороссийске она узнала о гибели мужа в боях под Москвой. В зимнюю штормовую ночь она вышла на улицу, завернувшись в платок. Лысая гора гудела от норд-оста. Железный вегер срывал крыши, уносил заборы, переворачивал вагоны. В бухте тревожно ревели корабли. Скрипели и гнулись стволы обледенелых деревьев. В ту ночь Таня увидела бойцов морской пехоты. Они прошли мимо нее, скрипя подошвами сапог. Брови, ресницы — все было бело от мороза, сурово и грозно.

Не сознавая, что делает, Таня пристроилась к колонне. Моряки шли спасать от норд-оста корабли, которые должны были уйти в осажденный Севастополь. Она работала рядом с моряками. Когда ее разглядели — удивились. Командир батальона уставился на нее тяжелым и непонимающим взглядом. «Ты откуда, деваха? — спросил он.— Норд-остом с Лысой горы принесло?» Она не могла сразу ответить на грубый вопрос, заданный хриплым голосом простуженного человека. Ее поддержал офицер из батальона. Это был Горленко. «Товарищ майор! Она поработала с нами. Севастопольцы и ей должны сказать спасибо!» — «Так ты-то чего страдала вместе с нами, деваха?» — более ласково спросил командир батальона. «У меня немцы убили мужа. Мужа убили». Майор присмотрелся к ней внимательно: «Где убили?» — «Под Москвой». — «Под Москвой...» — протянул с уважением майор.

Горленко напоил ее чаем из алюминиевой фляжки, дал хлеба и овечьего сыра. Потом приписали, по ее просьбе, к батальону медицинской сестрой. Уходя из дому, она видела, как мальчишка тянулся к ней пухленькими ручонками.

Все в ее воспоминаниях было светло до страшной черты, проведенной по жизни беспощадной рукой войны. На ее плечи как будто взвален был непосильный груз, который вот-вот раздавит ее. Подчас была она нервна, грубила начальству. Ее называли холодным словом: «недисциплинированная». Правда, люди внимательно

пытались разгадать причину ее поступков, заглянуть в ее душу, но она не могла делиться со всеми. Ее мысли были там, в городке, отделенном от нее только невысокой лесистой грядой. Потом город освободили. Но он был пуст и зловещ. Куда-то угнали ее добрую мать с ребенком. Может быть, по кремнистым дорогам, под кнутом и прикладом, пошла она с внуком на руках...

— Как тяжело! — простонала Таня.

Слова, произнесенные вслух, заставили обернуться к ней стоявшего рядом комендора.

— Шли бы спать, сестра, — сказал он. — Тут зябко. — И, помолчав, добавил: — Кабы не вахта, я давно бы похрапывал в кубрике...

Таня слышала комендора, но, что он говорил, не поняла. Она жила сейчас в своем собственном мире, и не хотелось уходить из какого-то полузабытья, и пусть в мыслях кружилось все — и хорошее и худое, — но она была сама с собой.

Низкий по тону гул чужих моторов, нараставший со стороны Крыма, словно разбудил Таню. Теперь она слышала и гул хорошо работавших авиационных моторов, и шум моря. Ей показалось, что в разрыве облаков появилась и исчезла большая крестообразная тень.

Боевая тревога разбудила всех. Повернули пулеметы, матово блеснули спущенные из приемников ленты. Связные перебрались поближе к штурманской рубке. Таня инстинктивно, как бы ища поддержки, очутилась возле Курасова.

— Иди вниз, Татьяна! — резко бросил он.

— Я останусь здесь.

Курасов, не обращая на нее внимания, наклонился к штурвальному, правая его рука легла на коробку машинного телеграфа. Самолеты сбросили осветительные бомбы, не накрыв каравана. Волны, освещенные мертвенным светом, как будто сразу застыли.

На парашютах спускались «лампы», тучи летели теперь растрепанные, дымчатые. Осветились берега, овальные спады высоток, покрытых кудряшками кустов, промоины овражин, выброшенный на песчаную отмель баркас.

— Триста тысяч свечей каждая бомбочка,— сказал Шалунов, вышедший из рубки.— Любой семье на всю жизнь освещения хватило бы.

Корабли пока не открывали огня, чтобы не обнаружить себя.

Парашюты с «лампами» опустились на воду, точно большие белокрылые птицы.

Вот они взмахнули крыльями, исчезло последнее белое пятно, и снова стало темно. Гул самолетов постепенно затих к весту.

Курасов тихо, но тоном приказания сказал Тане:

— Спокойной ночи.

Таня спустилась по отвесному трапу. В каюте на койке, прислонившись к стене, сидел доктор. Надя Котлярова устроилась у столика, поставив локти на раскрытую книгу со страницами, очерченными кое-где зеленым карандашом. Прямые волосы девушки свесились, и на них болтался дешевый гребень. Надя спала, подперев кулаками полные свои щеки, покрытые веснушками.

Таня села рядом с подругой и машинально вытащила из-под ее локтей книжку. Надя не проснулась. Доктор скосил глаза, исподволь наблюдал за Таней.

— Да,— вымолвила она, смотря перед собой затуманенными от слез глазами.

— Таня,— позвал доктор.

Она встрепенулась:

— Вы не спите, Андрей Андреевич?

— Дремлю... Таня, вы, по-моему, напрасно раньше времени ослабляете свою нервную систему.

— Не понимаю, доктор.

— Что вы там делали наверху?

— Ничего... Приходили немцы и сбрасывали сабы.

— Установим, что сабы — это светящиеся авиационные бомбы,— сказал доктор.— Но зачем вам лишний раз наблюдать подвеску этих небесных ламп? От их света мне всегда становится не по себе.

— Почему?

— Кажется, это тот самый свет, которым освещена дорога туда, к большинству, как выражался Лев Николаевич Толстой.

Таня сняла мокрую куртку, повесила ее на стул:

— Картина была изумительная, Андрей Андреевич.

— Я знаю изумительные картины Иванова, Репина, Сурикова. Но сабы! Собачья кличка. Недостойно называть их культурным словом «картина».

За тонкой обшивкой колотилось море. Поскрипывало железо. С иллюминаторов капало. Казалось, что море уже просачивается в каюту. На крючке покачивалась фуражка Курасова, сшитая, в подражание фуражке Звениягина, с узкими полями и прямым козырьком. На стене висела фотографическая карточка Тани. Таня была снята в берете, из-под ворота морской шинели виднелся китель, окаймленный белым подворотничком, через плечо перекинута лямка санитарной сумки. Таню снимал военный фотокорреспондент после возвращения батальона с перевала. Курасову карточка сопутствовала в походах и, как он уверял, приносила ему счастье.

Продолжительное зазвонил колокол. Надя приподняла голову, повела сонными и мутными глазами:

— Боевая, Таня?

— Да,— произнесла Таня.

— Когда только дойдем до Тамани! Ночи краю нет. Надя прикрыла уши ладонями и опять задремала.

— У нее великолепная нервная система...— сказал доктор.— Там, кажется, начинается еще одна изумительная картина.

От орудийных выстрелов задрожал корпус корабля. Открыл огонь крупнокалиберный зенитный пулемет.

— Разбудите Котлярову.

Доктор невольно вздрагивал, хотя он делал усилия, чтобы сдержаться. Таня растолкала подругу, и та проснулась, потерла кулаками глаза.

— Воздух,— спокойно установила Надя.

— Раненых придется перевязывать здесь, Котлярова.

— Есть, товарищ майор медицинской службы.

Надя деловито очистила столик, накрыла полотенцем и принялась извлекать из сумки шприцы, флаконы, коробку с хирургическим инструментарием.

Взрыв авиационной бомбы прошел ржавым, скрежещающим звуком по всей обшивке. Корабль тряхнуло. Доктор очутился у дверей каюты. Тонкое листовое железо отделяло их сейчас от бездонных глубин

Черного моря. Небольшая пробоина, и вода ворвется сюда.

Скорострельные пушки продолжали бить. Корабль, трясаясь и напрягая свои машины, мчался вперед.

Доктор понял, что корабль ведет бой, и люди там, наверху, и люди в трюмах, отсеках не потеряли присутствия духа. Стеснительно оглянувшись, он прикрыл глаза. На висках его пульсировали утолщенные зигзагообразные жилки.

Стреляли соседние корабли. Звуки боя там, наверху, разлетались по огромным просторам моря и воздуха, а здесь... Их металлическая узкая коробка, завинченная блюдечками иллюминаторов, с дверью, придавленной снаружи, ныряла в волнах, стучала и гудела. Послышался характерный свист пикирующего бомбардировщика. Корабль круто развернулся, и в каюте всех бросило влево. Грохнуло далеко за кормой.

— Раненых пока нет,— сказал доктор,— но нас самих, кажется, доколотят...

Таня взяла в руки книгу, страница была подчеркнута Курасовым:

— «Всякое живое существо в силу инстинкта боится смерти,— читала громко Таня,— но человеку дана воля, чтобы побороть этот инстинкт. Звери не только боятся смерти каждый для себя, но и боятся смерти других, себе подобных. Когда какое-нибудь животное впадает в предсмертную агонию, то все окружающее его стадо разбегается. Человек поборол в себе это чувство... более того, человек с древних времен стремится побороть в себе опасение за свою жизнь, и военная доблесть, в которой пренебрежение к смерти есть главное, давно уже была в наибольшем почете...»

— Чего замолкли? — спросил доктор.— Читайте.

Таня захлопнула книгу:

— Я больше не могу.

Орудия палубных установок стреляли реже. Взрывов не слышалось ни вблизи, ни в отдалении.

— У человека с достаточно сильной волей хватит самообладания, чтобы побороть в себе чувство страха,— сказал доктор, будто в чем-то оправдываясь.— Человек не может не слышать пальбы пушек, прикрепленных почти к его темени, но он должен приучить себя, чтобы

шум этих пушек не мешал ему исполнять свое дело, хотя бы оно требовало сильного мозгового напряжения... Я лично с удовольствием люблюсь и прямо-таки искренне завидую нашей Наде.

Надя расчесала гребнем волосы.

— А вы знаете, отбой,— сказала она,— слышите?

— Слышим.— Доктор погладил усики.— Ансамбль песни и пляски объявил небольшой антракт. Удивительно, ни одного раненого, а казалось...

— Подождите, доктор,— попросила Таня, прислушиваясь к шуму в коридоре и громким голосам.

В каюту вошел Курасов. Он был возбужден, глаза блестели, струи воды стекали с его кожаного пальто. Он снял зюйдвестку, стряхнул ее и рассмеялся:

— Тридцать шесть бомб сбросили на дивизион! И ни одной — в цель!

— Поздравляю! — Доктор шутливо отвесил поклон Курасову.— Только мне не по нутру вся ваша статистика. Не попал — и хорошо. Чего вы над ними смее-тесь?

— Ну а как же! Сколько селитры зря сгорело!

— А если бы не зря сгорело, пришлось бы по методу Садко путешествовать,— пробрюзжал доктор.— М-м, да,— он прищурился, поманил пальцем Надю.— Мне все же хотелось познакомить вас, Надя, с правилами подъема и спуска раненых в узкие судовые люки.

— Товарищ майор медицинской службы, нам показывали...

— А вот я еще раз проинструктирую. Пойдемте-ка. Курасов и Таня остались одни.

— Я думал о тебе там,— сказал он.— Я только сейчас понял, что значишь для меня ты...

Глава пятнадцатая

Шла крупная, так называемая спорная волна. Ветер дул теперь в лоб, как бы стараясь развернуть в обратную сторону курчавины барашков. Рассвет прояснил гористые берега, открыл море по всему горизонту, но окраска всего окружающего была по-осеннему серая и хмурая.

После боя с немецкими бомбардировщиками корабли шли снова в кильватерном строю. Букреев, не покидавший мостика с начала перехода, удовлетворенно пересчитал суда. Их по-прежнему было двенадцать. Караван не потерял ни одного корабля, ни одного человека. Никто даже не был ранен. Букреев смотрел на Звенягина с чувством товарищеского одобрения.

Звенягин засунул руки в карманы кожаного пальто. На нем были фуражка, надвинутая на лоб, высокие сапоги на толстой подошве. Его перчатки-краги лежали на ящике с сигнальными флагами.

Десантники спали, накрывшись плащ-палатками. Вахтенные краснофлотцы стояли на своих местах. На вороненом стволе крупнокалиберного пулемета, на зубьях патронов тускло поблескивали, словно литые, капли воды. Корабль нырял, то зарываясь в волну, то выбрасывая нос, и тогда по засаленным его скулам резво слетали водяные струи.

Звенягин старался не встречаться глазами с Букреевым. Ночью, во время боя, когда корабль должен был быстро уклониться от пикирующего на него «Юнкерса», растерялся штурвальный. Так как было темно и маневр вначале ограничивался небольшой площадью, они чуть не врезались в корабль Курасова. Звенягин, раньше всех понявший опасность, отстранил штурвального и, быстро переложив руль, спас положение. Никто, кроме него самого, не знал, что он пережил в этот короткий миг. Может быть, их корабль и не налетел бы на Курасова, так как тот тоже успел отвернуть. По всей вероятности, и не нужно было самому бросаться к рулю. Но, припоминая подробности, Звенягин понимал, что иначе он поступить не мог. Это был его сорок шестой бой! Сорок шестой бой!

Манжула выглянул из люка. Его сосредоточенные невеселые глаза остановились на Букрееве. Потом показалась коричневая рука, ухватила за закраину, и Манжула, броско выпрыгнув на палубу, направился к мостику, умело балансируя на своих крепких коротких ногах. В его руках были термос и что-то завернутое в салфетку.

— Я принес чай, товарищ капитан,— сказал Манжула, останавливаясь у мостика.

— Чай?..— удивленно переспросил Букреев.— Слышите, Павел Михайлович?.. А в узелке что?

— Гренки, товарищ капитан.

По лицу Звенягина пробежала улыбка. Звенягин поправил фуражку, сбив ее немного набок, подмигнул:

— Удивительный народ наши краснофлотцы, Букреев! Вскипятить чай и нажарить гренки на нашем тарантасе!

— Выпьете чаю, Павел Михайлович?

— Еще бы! И, если можно, с гренками.

Звенягин взял кружку. Отхлебнув несколько глотков, он передал кружку штурвальному, а сам стал на его место.

— Мы люди морские, брюки костромские! — крикнул он.

Вахтенные комендоры, услышав голос командира дивизиона, заулыбались, принялись расталкивать спящих десантников. Из-под мокрой парусины показались заспанные лица. На палубе становилось людней и веселей. Неожиданно, пробив узкие облака, скользнули лучи солнца, и водяная бесцветная пыль заиграла всеми цветами радуги.

Дивизион догнали два гидросамолета-разведчика. Сверху, на распорках, как на тонких ногах, рокотали моторы с толкающими винтами: гидросамолеты пролетали совсем близко. Были видны летчики в черных шлемах, штурманы, стрелки-радисты под целлулоидными колпаками турельных хвостовых пулеметов. Экипажи самолетов были известны всем морякам дивизиона, они базировались рядом, на Тонком мысу. Моряки читали номера машин, махали зюйдвестками.

— Эмбээры¹ шарят по проливу,— сказал Звенягин, провожая самолеты глазами,— узнают, что там подготовили для нас фрицы.

Потом появились желтопузые «кобры», быстрые, с острыми змеиными носами, со скошенными крыльями.

Все знали летчиков воздушной дивизии Героя Советского Союза Любимова, летавших на «аэрокобрах». Может быть, во главе этой шестерки истребителей летел

¹ Э м б э э р — так называют гидросамолет типа «МБР-2», то есть морской ближний разведчик.

сам Любимов, ас Черного моря, продолжавший свою опасную и почетную службу, несмотря на потерю ноги в 1941 году в бою под Ишунью. Самолеты поднялись выше и скрылись за облаками.

Вскоре морская авиаразведка передового дозора предупредила Звенягина о появлении активных групп москитного флота противника, крейсировавших на входе в Керченский пролив, очевидно с расчетом произвести атаку каравана. Звенягин, получивший приказ не подвергать перегруженные корабли риску морского сражения, все же держал курс к проливу. Казалось, этот герой морских сражений решил пренебречь указаниями командования и сразиться с врагом. Беспрерывно действующая радиосвязь выяснила у воздушного эскорта, что противник, очевидно, решил не выходить на оперативный черноморский простор, а устроить засаду в устье пролива. Звенягин кодировал: «Прошу немецких разведчиков не отгонять».

Южное побережье Таманского полуострова открылось пустынными, ровно срезанными берегами, с белой каймой прибоя. Справа в облачной дымке угадывались горы Крыма, ближе — возвышенности Тамани. Перемычка далекой вулканической гряды как бы связывала западное побережье с заклубленными облаками высотами Предкавказья.

Тамань! Древняя таинственная земля лежала перед взором Букреева. Вспомнились давно прочитанные книги о коралловых океанских островах, о Саргассовом море. Волны кипели у побережья, и нигде нельзя было обнаружить признаков жизни. Как будто они были первыми мореплавателями, подходившими к этому необитаемому полуострову.

На траверсе мыса Железный Рог показались два неприятельских самолета. Выполняя приказ флагмана, немецких разведчиков не отогнали. Пройдя над кораблями, самолеты скрылись.

Корабли круто повернули к земле, к тому пункту, где сосредоточивались десантные войска.

Букреев передал на все корабли команду приготовиться к высадке. Берег приближался. Теперь были хорошо различимы железные остовы полузатопленных самоходных немецких барж и незаметный издали, при-

липший к воде причал. Крутое побережье заканчивалось песчаным отмельным подбоем, по которому неслись длинные пенные волны. Чайки, отяжелевшие от обильной пищи, уже без крика выхватывали глушеную рыбешку, засеребрившую море. Бакланы охотились в одиночку, подолгу прицеливаясь к добыче и спускаясь на нее с устремленными вперед клювами.

— Немцы здесь недавно бомбили, — равнодушно заметил Звенягин. — Имейте в виду, Букреев: нужно очень быстро произвести рейдовую разгрузку. К причалу нам не подойти, — здесь очень мелко.

Корабли бросили якоря, но не глушили моторов. От причала сразу же отвалили многовесельные шлюпки и связанный из бревен плот, идущий на шестах, которыми упирались в мелководье. На веслах и на шестах работали моряки, радостно кричавшие еще издали.

Десантники умело подтянули к кораблям шлюпки, распределились, сами сели на весла и быстро пошли к берегу. Плот, нагруженный в первый рейс имуществом взвода связи, возглавлялся лейтенантом Плескачевым, ловко, по-рыбачьи работавшим шестом. Плот легко подносило на волне, опускало, но не захлестывало.

— Не сломайся, Плескачев! — крикнул Рыбалко, устроившийся на корме шлюпки.

— Сломаюсь — починят, Рыбалко! — отозвался Плескачев, налегая на шест.

Наспех сколоченный причал был оборудован деревянными полами, разлохмаченными и потертыми при швартовке. Сваи не успели потемнеть. Доски тоже еще не набухли и потому не гнулись, а стучали под ногами. Рыбалко, выскочивший первым на помост, определил по этим признакам, что сооружение недавнее. На причале поджидали краснофлотцы. На поясах у них висели кинжалы и трофейные пистолеты.

— Севастополь воевать, братки? — спросил пулеметчиков широкоплечий краснофлотец.

— Сусликов по степи гонять! — огрызнулся Шулик, не любивший загадывать ничего раньше времени.

— Тут сусликов нет. Тут самые слепыши. А крыс сколько, братки!..

— Давай помогай! — оборвал его Шулик. — Любишь ты, вижу, парень, языком ножи точить.

— Как — языком? — обидчиво спросил краснофлотец, пренебрежительно измеряя взглядом низкорослого Шулика. — Ты с какого корабля будешь?

— С крейсера святого лентяя... Тащи-ка лучше вот весь этот хабур-чабур подальше от водоплеска. Ишь какая волна играет...

Плот вторично возвращался со взводом пэтээровцев. Люди сгрудились, удерживая на весу свои длинноствольные ружья и ящики с патронами. Яровой приспособил вместо правила доску, и плот двигался теперь скорее и не крутился.

Шлюпка с Букреевым и Баштовым шла под ударами весел опытных моряков «тридцатки». Красиво ошвартовавшись, шлюпка снова полетела к кораблям, и на веслах остались моряки «тридцатки» с гвардейского крейсера «Красный Крым», очевидно успевшие соскучиться по своей моряцкой работе.

Букреев огляделся. Крутой, метров в тридцать, глинистый обрыв тянулся к западу. В противоположной стороне белело резко отличное от морской синевы соленое озеро, вернее, лиман с солончаковым побережьем и низкими камышовыми порослями. Ветер гнал по озеру сытую волну и со степи сносил в море бурьяны, которые снова прибивались к берегам, мокли и гнили, смешанные с водорослями.

Батальон быстро выгружался и располагался пока у берегов. Пулеметчики ставили на катки пулеметы, минометчики просматривали лямки. Все проверяли и подгоняли снаряжение, перебирали в ладонях запалы гранат, протирали автоматы и винтовки.

Причалила последняя шлюпка с автоматчиками.

Усиленный рокот моторов донесся с моря. Корабли уже снялись с якорей и, разделившись на две группы, разошлись в разные стороны. Одна группа направилась к Анапе, вторая, под командованием Звенягина, пошла к Таманскому порту, куда можно было прорваться даже в светлое время суток прорытым в войну каналом у основания Тузлинской косы. Три орудийных выстрела донеслись с флагманского корабля. Это был прощальный салют Звенягина. Чайки сбились в стаи, закричали. Моряки подняли на винтовки и автоматы бескозырки и долго приветственно махали уходившим кораблям.

Глава шестнадцатая

Поднявшись на крутобережье, Букреев и Батраков увидели плоскую побуревшую степь, расцвеченную светло-голубыми островками полыни. Большие лиманы, похожие на озера, отделялись от моря солончаковыми мочажинами. На лиманах табунилась дичь, доносился писк не то бекасов, не то чибисов. По небу двигались длинные серые облака. Букреев закурил папироску и посмотрел на притихшего Батракова. Хитринка играла в уголках букреевских губ и в прищуре его черных умных глаз. Он улыбался по-особенному, не разжимая губ, и тогда подрагивали щеки от этой сдержанной улыбки и подбородок, лежавший на туго затянутом воротничке гимнастерки.

— Квартиру нам дали без мебели, Николай Васильевич, а? И хозяев пока нет.

— Нас должны встретить, Шагаев говорил.

— Встретят. Где-то в этих травах расположилась целая дивизия, а посмотреть — пустыня.

В глубине степи виднелась какая-то ферма. Туда вела дорога, но возле нее не замечалось никакого движения. Еще дальше чернели плохо различимые строения, похожие на кошары — степные загоны для овец.

Оттуда к пристани бежала легковая машина. Она шла напрямик, по бездорожью. Батраков, наблюдая ее из-под ладони, сказал:

— К нам едут.

Роты располагались на завтрак. Моряки ломали бурьян на топливо. Пресной воды поблизости не нашли, и Букреев приказал подошедшему Баштовому пользоваться водой из фляг; костров пока не разжигать.

С Керченского полуострова через пролив слышались глухие, но сильные взрывы. Букреев внимательно вслушивался.

Машина остановилась возле роты Ярового, шагах в пятидесяти от того места, где стояли Букреев и его заместитель. Из машины неторопливо вылез невысокий армейский офицер, в сером плаще с полевыми погонями полковника.

— Наверное, сам полковник Гладышев, — догадался Букреев. — Пойдем-ка представляться.

Полковник направился навстречу. Его сопровождал незнакомый худощавый офицер с тонким бледным лицом, одетый в меховую дубленую безрукавку.

По сырой траве оставались ясные следы, или, как говорят степняки, оставалась сокма. На поlynной кружавинке, покрытой кучками глинистой земли, выброшенной слепышами, полковник остановился, поджидая Букреева и Батракова. Когда они подошли и откозыряли, полковник назвал себя. Это был командир Новороссийской стрелковой дивизии Гладышев, которому придавался их батальон для десантной операции. Офицер в меховой безрукавке оказался подполковником, начальником штаба дивизии.

— Поздравляю вас с благополучным прибытием, товарищи,— сказал Гладышев.— Вас немцы хотели подхватить?

— Вы уже знаете? — удивленно спросил Букреев.

— Слухом земля полнится. Или, как говорится, у каждого слуха найдется свое ухо,— пошутил полковник и серьезно добавил: — Я был как раз у командующего фронтом, когда Звенягин радировал о нападении бомбардировщиков...

У Гладышева оказался слабоватый голос, не соответствующий его плотной фигуре. На гладко выбритом лице пролегли морщины, доказывающие, что ему далеко за сорок.

Во всей одежде: новенькой фуражке, замшевых перчатках, начищенных сапогах, сейчас забрызганных росой, чувствовалось, что полковник подготовился к встрече. Аккуратный Букреев с сожалением оглядел свой ватный костюм, прошитый полосами, вымазанные грязью головки сапог.

Командир дивизии держался вначале начальнически-небрежно, но после нескольких минут разговора, словно рассмотрев и оценив новых подчиненных ему офицеров, стал более прост.

— Костров пока не разжигайте,— сказал он в подтверждение приказа Букреева,— немцы следят. Перед вашим приходом бомбили причалы. К счастью, никакого результата.

— И рыбки наглушили, товарищ полковник,— заметил подошедший Баштовой.

— Рыбу они мастера глушить. Да... Ваш маршрут вон к той фактории.— Гладышев указал в сторону фермы.— Располагаться придется в степи, не прогневайтесь. Место выберете сами, только биваки должны быть скрыты от воздушного наблюдения. Вы придаетесь полку майора Степанова и от него получите продовольствие и пресную воду. Сегодня же свяжетесь с ним и представитесь начальнику политотдела. Вы их найдете в той же фактории.

Полковник с подчеркнутым удовольствием произнес слово «фактория». Это не резало уха, так как на фоне пустынной степи, напоминающей какие-нибудь льяносы или пампасы, подходило именно такое слово.

— Мы хотели попросить вас добавить нам автоматов,— сказал Букреев,— нам нужно еще примерно полтора ста или двести.

— Для кого?

— Для минометчиков и пэтээровцев. Обычно в десанте, когда выходят из строя минометы и противотанковые ружья, расчеты используются в качестве автоматчиков.

— Отлично! — Полковник подумал.— Автоматы получите... Вы учтите, товарищ подполковник. Видите, как важно быть опытным десантником... Кстати, товарищи моряки, у меня полки неплохие, но в десантах не участвовали.

— Мы знаем,— многозначительно сказал Батраков.

— Не участвовали,— повторил полковник, внимательно присматриваясь к Батракову.— Хотя и штурмовали Новороссийск. Очень просил бы вас помочь. Выделите опытных десантников и пришлите в наши подразделения для обмена опытом. Нам предстоит дело серьезное. Слышите?

В направлении Керченского полуострова снова грохнуло одновременно несколько взрывов, пронесшихся над степью рокочущими, как горное эхо, волнами.

— Что там происходит? — спросил Букреев.— Мы тоже обратили внимание.

— Готовятся к приему гостей. День и ночь идут взрывные работы. Строят укрепления.

— Вот оно что! — Баштовой повернулся и прислушался.— Там местность позволяет укрепиться с моря.

— Вы там бывали?

— Как же, товарищ полковник...— Баштовой помялся.— Вместе с майором Степановым, если мне память не изменяет. Ведь он там воевал в сорок втором?

— Да, он был там.— Гладышев посмотрел на часы.— Мне пора. Я лично в десанте буду впервые. Приходите, кое-что подскажите. Вы специалисты этого сложного дела.

Букреев, поймав дружеский, но хитроватый взгляд замполита, невольно покраснел.

— Я тоже молодой десантник, товарищ полковник,— признался Букреев.

Полковник приподнял черные, но уже с проседью брови, рассмеялся.

— Впервые? Шутите? Но вы же...— он щелкнул себя по козырьку,— моряк.

— Моряк, так сказать, по призванию, но не по специальности. Я пограничник.

— Пограничники, особенно если с Черного моря, все равно моряки. Одна закваска. Заходите, потолкуем...

Гладышев дружески распростился со всеми, сел в машину. Вскоре брезентовый кузовок его автомобиля скрылся на приозерной дороге.

— Ну как? — спросил Букреев.

— Сказал слепой — побачим,— уклончиво ответил Батраков.

— А вы, Иван Васильевич?

Баштовой помялся. Лицо его было хмуро и совсем невесело.

— Я ничего...

— Тут что-то не так, Баштовой. Чего опечалились?

— Гладышева я не знаю, но вот майора Степанова помню. Неужели к нему попадем?

— А что майор Степанов? — заинтересовался Батраков.

— Знаю я его, к сожалению.

— Знаешь? Давно?

— Давненько. Еще по керченской операции. Не могу похвалить при всем желании.

— Керченская операция сорок второго года,— раздумчиво произнес Букреев.— Наше отступление? В мае?

— Ну, не десант, конечно.

— Как же вел себя майор Степанов во время керченской операции?

— Плохо! — зло выпалил Баштовой. — Попалил людей.

— А он вас знает?

— Меня? — Баштовой рассмеялся. — Еще бы... Напомните ему Камыш-Бурун. Мы с ним столкнулись на переправе. Дело у нас почти до пистолетов дошло.

— Ты парень-кипяток, — сказал Батраков, заминая разговор. — По-моему, пойдете-ка выполнять приказ и двигать к этой, как ее, фактории...

Глава семнадцатая

Вечером командир полка майор Степанов поджидал Букреева в «фактории». По стенам комнатки ползла грибковая плесень, кое-где штукатурка была оббита и виднелись косые сплетения дранки. В окнах, заколоченных жестью от консервных банок, посвистывал ветер.

На койке лежали соломенный матрац, прикрытый верблюжьим одеялом, и тощая подушка. На столике, сшитом из ящичных досок, возле полевых телефонных аппаратов стояли тарелки.

В углу, возле поставленной торчком мохнатой кабардинской бурки, виднелись два автомата с залосненными ремнями, насыпанные на пол гранаты и с полдюжину крупных таманских арбузов.

Степанов, человек средних лет, худощавый лицом, но округлый в поясе, разговаривал с молоденькой девушкой, дежурной по медчасти сестрой.

— Все же я так и не понял, освободили ли вы южную ферму для медчасти батальона морской пехоты? — спросил майор и окинул печальным взглядом нехитрую снедь, расставленную на столе.

Девушка тряхнула головой, пожала плечами.

— Я спрашиваю, — повторил майор.

— Не можем же мы выгнать своих в степь, чтобы поместить этих... краснофлотских девушек, товарищ майор.

— Что? — Майор сделал строгое лицо.

— Я уже сказала.— Девушка облизнула яркие губы, выпрямилась, опустив руки по швам.

— Выполнить мое приказание, товарищ сержант медицинской службы!

Девушка подбросила руку к пилотке:

— Можно идти, товарищ майор?

— Идите...

Майор, оставшись один, улыбнулся и, подойдя к столу, удобней переставил еду. Потом вынул из кармана перочинный нож, снабженный десятком необходимых в походе принадлежностей, и, отщелкнув вилку, положил нож к одному из приборов:

— Куприенко!

В комнату вошел, пригнувшись в низких дверях, Куприенко, веселый и предприимчивый украинец, вестовой майора.

— Я вас слушаю, товарищ майор.

— У вас больше ничего нет в запасах, Куприенко?

— Ничего нема, товарищ майор.

— Может быть, найдется что-нибудь на полковой кухне. Пригласили гостей, моряков, и вот нате... Вот если ты попадешь к морякам...

— Вобщем я в гостях у моряков ни разу не був, товарищ майор,— весело ответил Куприенко,— но насчет кухни... Ячневая каша на угощение — ни то ни се. Да и моряки ее не уважают.

— А ты откуда знаешь?

Куприенко улыбнулся, показав белые, как сахар, зубы:

— Сегодня в обед выдали морякам ячневой каши. Зашумели, товарищ майор.

— Зашумели? Мне никто не докладывал.

— Докладывать и нечего. Просто зашумели, и всё. Начиняют, мол, нас, моряков, шрапнелью. Вроде они к такой пище непривычные.

— Вот оно что! Но ели все же?

— Мало кто, товарищ майор. У них свои харчи. И колбаса в банках, и сало, и печенье. А воду как пьют... Посчитать, бочек десять отвезли им в степь. Действительно моряки, товарищ майор.

— Тебе уж и воды стало жалко, Куприенко,— оте-

чески пожурил майор, — экий ты жадный. Ну, иди, друг, раз у тебя, кроме тары-бары, ничего к столу не припасено.

Куприенко помялся у дверей.

— Ты не договорил всего, Куприенко? А?

— У меня есть банка бекона, товарищ майор. Могу принести.

— Вот видишь, а темнил.

— Мне один морячок подарил, земляк оказался. Он адъютантом у командира батальона. Манжула по фамилии.

— Земляков успел разыскать. Общительный у тебя характер.

— Який от батька достался.

В коридоре слышались голоса, и в комнату вошли Букреев и Манжула.

Майор приветливо потряс руку командиру батальона, предложил раздеваться.

— Батракова почему не прихватили?

— Устраивает ночевку. Как бы дождь не пошел ночью. Да... Путешествовал к вам с опаской. Такая темь! Чего доброго, на мину наскочишь.

— Тут этого добра сколько угодно. Случаи были... В окрестности появились собаки одичавшие. Ну, им, конечно, невдомек, куда люди мин понасовали. Подрывались. Откуда-то черт корову принес приبلудную — тоже взлетела на воздух. Ну, та пошла, конечно, на говядину.

Куприенко принес банку бекона и долго раскладывал ломтики на тарелке, изредка лукаво посматривая на застывшего у двери Манжулу.

— Куприенко, вы оформляете, как в «Астории». Хватит вам упражняться...

Куприенко подмигнул Манжуле и увел его за собой. Вскоре за дверью слышались их приглушенные голоса.

Майор пригласил гостя к столу. Сам же, попросив разрешения, снял сапоги и переобулся в домашние туфли.

— Предпочтительней мне, конечно, служить в авиации и, в крайнем случае, в кавалерии, а не в пехоте, — сказал майор. — Мозоли и, очевидно, что-то подагриче-

ское. Был на юге, лимоны уничтожал. Один знаменитый доктор порекомендовал.

— Помогало?

— Ничего себе. Длительное действие лимонной кислоты и прочая чепуха. Ноги я простудил под Туапсе, когда перевалы держали. Вот была кудрявая служба, Букреев! Ну, с первым знакомством! И за успех нашего совместного и, так сказать, дерзкого по замыслу десантного предприятия!

Настороженный намеками Баштового, Букреев с невольным предубеждением отнесся к майору, хотя распоряжения Степанова говорили в его пользу. Полк сразу же пришел к ним на помощь: потеснился в своих мизерных помещениях, снабдил дополнительными плащ-палатками, брезентами, отпустил свежий хлеб. Батальон, лишенный пока своего хозяйства, был огромным бесприютным детищем, потребности которого не так-то легко удовлетворить. Требования ротных старшин иногда встречали противодействие хозяйственников полка. Днем вспыхнуло несколько коротких перепалок. Но последнее, решительное слово осталось за «хозяином», и Степанов всем, чем мог, удовлетворил батальон.

Утомленный хлопотами и проголодавшийся Букреев много и аппетитно ел — это нравилось майору. Незаметно беседа перешла на щепетильную тему, затронутую сегодня Баштовым. Степанов вспомнил Баштового и догадался, что начальник штаба рассказал о их знакомстве.

— Видите ли, Букреев, — начал майор, — я, конечно, могу и не оправдываться перед вами. Но сами знаете, идем на большое дело, и такое дело, где главное — уверенность в каждом. Вернее... доверие к каждому. Мы проверяем солдат, младших командиров, подбираем достойных людей для десанта, так что надо говорить об офицерах, а тем более о старших начальниках. Вы давно в партии, Букреев?

— Членом партии с двадцать девятого года. До этого был, как и полагается в моем возрасте, комсомольцем.

— Я вступил в партию несколько раньше. Но мне и лет побольше. Словом, мы можем говорить сейчас с вами на равной ноге, если только можно так выразиться.

По-честному, напрямик. Я не хочу обиняками голову морочить, Букреев... Баштовой очень меня ругал?

— Не так, чтобы очень... Вернее, он толком ничего и не рассказал. Какая-то у вас горячая встреча произошла на Камыш-Бурунской переправе. Где-то вы... «людей попалили». Я понял: вашу часть разбили?

— Понятно.— Степанов вздохнул, веки его дрогнули.— Ну что же, Букреев, если прямо сказать, я, конечно, командир битый и, может быть, этим наученный... С Баштовым мы встречались на Керченском полуострове в апреле — мае сорок второго года. Сами знаете, Букреев, тогда время было, отличное от сегодняшнего. Отступления, неудачи, нервное время... На полуострове у нас получилось вообще плохо в мае сорок второго года. Были ошибки у командования фронтом, были ошибки у нас, у среднего звена. Словом, немцы воспользовались и тем и другим и напледали нам. Баштовой тогда тоже был в морской части. Ничего не скажешь — моряки были магнитом, вокруг которого как бы собиралось все наиболее решительное, смелое, я бы сказал — безгранично смелое. А у меня был молодой состав в батальоне, новички. Опыта не было еще ни у них, ни у меня. Да... Если Баштовой сказал, что я «попалил людей», может, и так. Мне самому тяжело до сих пор. Тогда у меня из бока снарядом первый фунт мяса вырвало, Букреев. Но я в госпиталь не лег, и дырка на ходу заросла. Это не особая заслуга моя, но, может быть, и это штришок для моего портрета...

Степанов встал, прошелся по комнате, пришепывая туфлями и заложив руки в карманы бриджей.

Ветер посвистывал за окном. Невдалеке были одичавшие собаки. Через короткие промежутки времени стреляли орудия, донося сюда, в заброшенное степное жилье, рокошующие звуки, напоминающие о войне.

— Потом мне пришлось хлебнуть и горячего и холодного,— продолжал Степанов.— От рубежа Дона я отступал в арьергарде. Надо было прикрывать отход армии к Главному Кавказскому хребту. Местность вам известная, зацепиться не за что. В то время я понял смысл слов «оперативный простор». Помню, влезешь на скирду, замаскируешь в копнах полковые полуавтоматические пушки и ждешь. Появились... Бегут по этому

оперативному простору, как на ладони, словно гончие собаки, черные германские танки. Бегут то кучкой, то врозь, обнюхивают каждый стог, каждую левадку, каждый полевой домик. Именно гончие собаки! Такими я их запомнил. Шарят, нюхают, стойку делают и, чуть что заметят, прут во весь дух, и за каждым танком пыль до небес, позади — дым космами: скирды поджигают, копны, хатенки. И могли бы те танки бежать таким макаром хоть до Ирана, но вот на пути сидят подобные моим орлята и ждут. Обвяжутся снопами, подтянут снарядов к себе побольше, и вижу только: оборачиваются ко мне, к моему командному скирду, ждут сигнала.— Степанов взъерошил волосы.— Вот в те денечки и побелело у меня наполовину мое оперение. До самого Терека так отходили. Под Терекком меня немного чиркнуло,— майор пырнул пальцем куда-то себе в грудь,— лечился, выздоровел и через Грузию — на перевалы, под Туапсе...

Скажу откровенно, тянет рассказать о пережитом. Под Туапсе вам театрик известный. Все эти знаменитые гора Индюк, скалистые гребни, террасы, теснины, седловины и котловины. Подтянули мы свой полк на передовую. Чем дальше, тем ущелье уже, горы выше и выше. Осень, тучи низкие, дождь идет беспросветно и кругом — стрельба. Какая! Бой в горах и в степи разный. Звуки совсем иные. Эхо звуки множит, ущелья то хохочут, то ухают, то гремят. И кажется, стреляют только в тебя.

Ехали мы всё медленней и медленней, а затем и совсем остановились. Помню, подходит к нам часовой, по штыку вода катится, руки синие, и говорит: «Дальше ехать нельзя. В полутора километрах немцы». Выгрузились. Заняли оборону возле Шаумяна — знаете это место? — оседлали дорогу. Какие там лили дожди, Букреев! Мы стоим внизу, а немцы — вверху. А на нас и потоки дождя льются и пули летят. Красноармейцы мои стояли в воде круглые сутки, недели. Пухли ноги, появились болезни: чирьи, дизентерия. И ничем нельзя помочь. Блиндажи строили, но их заливало. Грунт такой скалистый, что вода стояла, как в бассейне. Ведрами вычерпывали.

Продовольствие доставить невозможно. Сколько по-

легло на взгорках людей с наплечными термосами! За каждым человеком немцы охотились. Не знаю только, сумеет ли кто-нибудь описать правдиво то туапсинское наше стояние «на смерть»...

Сейчас некоторые стараются легонько все представить, так сказать, на тормозах спустить. Никаких, мол, трудностей советские войска не переживали, все было размечено, расчерчено, дождик и тот шел по приказанию... Помню, как мы мокли. Ужас! Сухого дерева нет, а раз нет сухого дерева, нельзя развести бездымный костер. Нет костра — нет горячей воды, пищи. А если задымишь, начнет бить батарея — чаю не захочешь. Сидим близко от врага. За их спиной были дороги, Кубань-матушку захватили, и жареное и пареное, а за нами что? Море. Этого Баштовой не знает обо мне... После того мне такая хибарка дворцом кажется!..

Букреев и Степанов закурили. Сизые полосы дыма повисли в комнате.

— Как там мои ребята? — побеспокоился Букреев. — На бурьянах спят. Правда, лучше вашего Туапсе, но все же...

— Ничего с ними не будет. Ребята у вас молодые, крепкие. Я сегодня глянул на них. Ну, батенька мой, один к одному!

— Да, ребята у меня великолепные! Надежное войско. А главное — отлично подготовленное. Вы говорили о боях у Туапсе. Скажите, разве не лучше было использовать там специальные горнострелковые части?

— Разве напасешься горных стрелков, Букреев? Приходилось держать весь Кавказский хребет. У немцев были горные части. Убивали мы их, в плен брали. Хорошее спецобмундирование: короткие куртки, шаровары, высокогорные ботинки, штурмовые костюмы. Снаряжены были альпийскими веревками, альпенштоками, кошками, скальными крючьями. И мы отобрали из полков более здоровых ребят, послали учиться в Лазаревскую. Спустя немного и у нас появились «горные орлы», в ботинках с когтями, в специальных куртках, в гольфах и шерстяных чулках. Получили навыки горной войны, знали, как дышать на подъемах, спусках и тому подобное. А потом интересное дело получилось с этими башмаками. Погнали мы немцев, и представьте себе —

в азарте некогда было переобуваться. Попали в Краснодар в ботинках с когтями. Ребята смеялись: «Товарищ майор, дайте хоть какую-нибудь горку взять штурмом».

Степанов замолчал, искоса посматривая на собеседника. Букреев покуривал, наблюдая, как ветерок, забивавшийся в окно, разрывает кольца табачного дыма и относит их в угол.

— Спать будете у меня, Букреев,— предложил Степанов,— на моей кровати.

— Зачем же вас стеснять? Я устроюсь где-нибудь.

— Не выдумывайте и разоблачайтесь. Я вас, очевидно, уморил своими воспоминаниями?

— Нисколько.

— Я доволен, что очистил душу. Но вы почему-то не реагируете, Букреев?

Букреев глубоким, одобрительным взглядом посмотрел на майора, и тот понял, что слова иногда бывают излишни.

— Я все же пойду проверю людей, товарищ майор.

— Только возвращайтесь сюда. Иначе вы не друг кесарю.

— Я не друг кесарю, но вашим другом постараюсь быть. И если вы разрешите, я поведаю о нашем разговоре Баштовому.

— Как хотите. Если для пользы службы, как говорится,— пожалуйста...

Букреев вышел из домика. Манжула отказался остаться и следовал за своим командиром. Во дворе стояли повозки, и лошади разбрасывали сено. Часовой осветил Букреева и Манжулу карманным фонариком.

Небо было затянуто облаками, воздух сырой и холодный. Все предвещало непогоду. Бурьяны ломались под ногами; казалось, они намерзли.

— Как бы не легла ранняя зима...

— Может, пролив тогда замерзнет,— отшутился Манжула.

По бурьянам шмыгали мыши и с тихим посвистом перебегали крысы. Море и лиманы шумели волной. По ветру стлался приторный запах мертвечины. Вероятно, трупы убитых закапывали мелко. Доносилась собачья

азартная грызня. Низко пролетела какая-то ночная птица, пропала в темноте, но взмахи ее крыльев еще были слышны. В степи, среди высоких бурьянов, стоявших в темноте, как камыш, спал батальон. Часовые прохаживались возле оружия, связанного шатровыми кучками. Дежуривший по батальону Рыбалко подошел к Букрееву.

— Дождя не будет, Рыбалко?

— Уже срывается, товарищ капитан.

— Где комиссар?

— Он с Яровым. Я могу проводить, а то з́араз не разберешься, где кто.

— А начальник штаба где устроился?

— Он на ферме, ось там.— Рыбалко ткнул куда-то рукой.— Манжула знает... Манжула, чуешь? Ферма, что коло лимана?

— Найдем, Рыбалко.

— Коли там будете, товарищ капитан, пожурите дежурную сестру с полка. Ни в какую душу не хотела пустить наших девчат под крышу. Я ее хотел прикладом уломать...

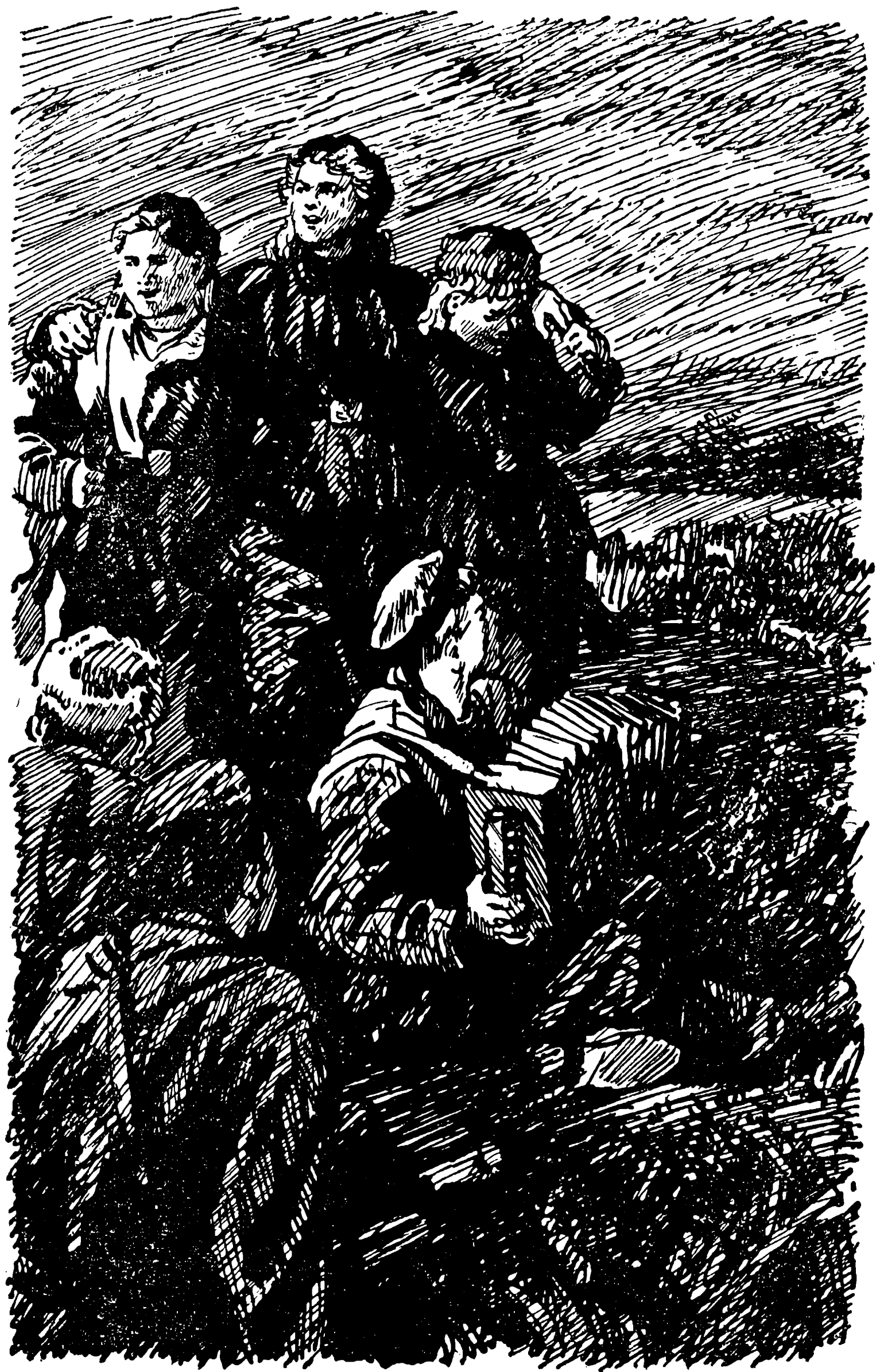
— Разве можно женщину прикладом? Никогда не поверю, лучше на себя не наговаривайте.

— Да я пошутковал, товарищ капитан.— В темноте сверкнули его зубы.— Ежли вы к ферме, то вправо не берите, там минное поле... Манжула, держи леворучь, ты же знаешь...

На ферме играла гармоника. У полуразрушенной кошары собрались девушки, и с ними Шулик, Горленко и неизвестный офицер из армейской пехоты. Букреев узнал среди девушек двух автоматчиц из роты Цибина и Таню. Увидев Таню, он нерешительно задержался в тени кошары.

— Послушаем,— сказал Букреев, словно извиняясь перед Манжулой.

Шулик тихо подыгрывал на гармонике и пел приятным тенорком. Букреева заинтересовала неизвестная ему грустная песня. В войну рождалось и жило или скоропостижно умирало множество песен известных и неизвестных авторов. Неужели сам Шулик придумал эти слова? В песне была тоска по городу Николаеву, а Шулик был оттуда.



У полуразрушенной кошары собрались девушки...

Он был из Николаева,
Ходил он по морям.
Война, война несла его,
Как парус, по волнам.
Моряк уходит в плаванье,
Где моря синева,
И слышатся у гавани
Прощальные слова:

«Если скажут, если скажут, что погиб я,
Вы не верьте,
Не пришел еще последний час!
Ах, милый город Николаев,
Николаевские верфи,
Я уверен, мы еще с тобой увидимся не раз».

Припев подхватили, и голос Шулика потерялся, но зато возникли голоса Нади Котляровой и еще чей-то женский высокий, сильный голос, вырывавшийся из общего тона. Припев плавно угас, вступила гармоника, и снова тягучий и выразительный голос Шулика:

Гремят, грохочут выстрелы
Лавиной с темных гор.
Ах, ночь новороссийская,
Суровый разговор!
Лежит моряк израненный,
Разбита голова,
Дружку он шепчет тайные,
Заветные слова:

«Если скажут, если скажут, что погиб я,
Вы не верьте...»

Манжула, уставший от ходьбы, вздремнул, ухватившись за дрючковину, торчавшую из стены. Палка лопнула под тяжестью его тела, с кошары обрушился слеглый кусок соломенной крыши.

— Кто там? — крикнул Горленко.

Узнав комбата, все поднялись.

— Надо бы спать, товарищи. Время позднее.

— Сейчас разойдемся, товарищ капитан, — сказал Горленко. — Ну, друзья, по казармам...

— Шулик, вы чудесную песенку пели, — похвалил Букреев.

Шулик последний раз «рыпнул» басами, сдвигая ме-

хи. Потом перебросил ремень через плечо и простился

Горленко сопровождал автоматчиц и Надю Котлярову. Таня осталась одна.

— Как вам на новом месте, Таня? — спросил Букреев, поздоровавшись.

— Ничего, товарищ капитан.

Они пошли к домику.

— Вы не можете ли сказать, Николай Александрович, — она вдруг назвала его по имени-отчеству, — благополучно вернулась в Тамань вторая группа кораблей, ходившая в Анапу?

— Была небольшая стычка в проливе, но корабли не пострадали.

— И личный состав не пострадал?

— Кажется, кто-то из командиров кораблей...

Таня встрепелась:

— Убит? Ранен? Кто именно?

— Только не Курасов, Таня. Уверяю вас. Тяжело ранен командир одного корабля...

Таня постояла, порывисто подала руку и ушла.

Букреев направился к «фактории».

Глава восемнадцатая

Ранним утром, при первом же прикосновении Манжулы, Букреев вскочил, быстро оделся и вышел на улицу. Степанова нигде не было видно. А хотелось поблагодарить его за гостеприимство.

Два солдата-санитара пришивали мелкими гвоздями парусину к носилкам. Дробные удары молоточка по перекладинам напоминали работу дятла по сухому дереву. Возле сарая, откуда тянуло запахом свежего конского навоза, Куприенко чистил светло-рыжего трофейного венгерца, с желтыми подпалинами на морде и в пахах и беловато-рыжей гривой и хвостом. Букреев взглядом знатока осмотрел лошадь и позавидовал Степанову.

Порода проглядывала в передних сухих, с отлично развитой мускулатурой ногам, в такой же сухой и нервной голове с раздувающимися ноздрями, во всем сло-

жении. На конечностях, под тонкой и эластичной кожей, были ярко выражены впадины, выступы, очертания костей, связок, сухожилий и сосудов. В строении экстерьера и горячности что-то напоминало Букрееву оставленную им кабардинку. Куприенко умело работал щеткой. Со сноровкой кавалериста он оббивал ее ловкими и быстрыми взмахами о скребницу и беззлобно покрикивал на венгерца, когда тот, боясь щекотки, приплясывал и отпрыгивал.

Ночью шел дождь. По небу медленно передвигались удлиненные облака, уходя к синей гряде Предкавказья. Кругляки перекасти-поле приникли возле похожих на казачьи бунчуки татарников, кое-где сохранивших малиновые чалмы своих цветов. Травы после дождя теперь не свежели, а горкли и гнили.

Букреев направился к южной ферме, куда его с утра Батраков пригласил прийти позавтракать. Вокруг поротно врылась в землю и замаскировалась бурьяном пехота.

Автомашины и повозки, так же как полевые кухни и орудия, были спрятаны в ямах-капонирах, прикрытых сверху камышовыми снопами. Степь жила своей новой, подземной жизнью.

Серый легкий чернозем, смешанный с солончаками, задерживал дождевые лужи, и они поблескивали в лучах встающего солнца. Казалось, среди травы набросаны серебряные блюда. Кое-где валялись немецкие гранаты, похожие на весовые гири.

— Вы зря, товарищ капитан, напростец идете,— предупредил Манжула.— Надо по дорожке. А то здесь подрываются.

К ферме вела телефонная линия. Столбы были спилены немцами. Заржавевшая проволока скрючилась над дорожкой.

Моряки проснулись, ломали полынь на костры, умывались соленой водой, принесенной из лимана. На траве проветривались плащ-палатки.

Кое-кто брился, некоторые чистили и смазывали оружие. Невдалеке от биваков кружила и каркала воронья стая.

Возле кошары, за низеньким казачьим столиком, уселись Батраков, Рыбалко, Баштовой и комсорг Курилов.

Горбань хлопотал, то бегая в домик, то возвращаясь. Таня посыпала золой дорожку.

— Хозяйничаем?

— Приходится, товарищ капитан.— Таня откинула со лба светлую прядку волос.

— Завтракали? Или пойдемте с нами...

— Спасибо. Мы уже с девушками позавтракали.

Букреев подсел к столу, снял фуражку и перевернул ее донышком книзу. Баштовой подвинул ему миску с вареной картошкой, отрезал кусок хлеба.

— Если только у героического майора не попотчевались, Николай Александрович, в самый раз картошечки перехватить. Чистый крестьянский продукт.

Букреев прищурился на начальника штаба, усмехнулся уголками губ.

— А вы все-таки майора забыть не можете, Иван Васильевич.

— Прямо скажу, не могу. Сейчас он в кавалеристы переквалифицировался, говорят?

— Напрасно вы на него,— Букреев перебросил в руках дымящуюся картофелину,— напрасно...

— Не думаю.

— После завтрака потолкуем, Иван Васильевич...— Букреев разрезал картофелину на четыре части, круто посыпал солью и принялся есть.— Кстати, Николай Васильевич,— обратился он к Батракову,— сегодня обещали доставить двести автоматов и еще кое-что из снаряжения.

— Неужели доставят? — недоверчиво спросил Батраков.

— А почему бы и не так?

— Такая аккуратность в глухой степи...

— Воюем давно, пора привыкнуть.

Под обломанной сучковатой акацией на колоде сидел старик с белой, почти позеленевшей бородой и чинил сеть. Его старческие, с синими жилами руки медленно перещупывали сеть, глаза, почти лишенные ресниц, слезились. На старике были надеты латанные немецкие штаны, на плечи накинут тулупчик. Возле деда, натянув холстинную рубаху на колени, притих мальчонка, с любопытством и несколько испуганно поглядывавший на новых людей.

- Деду, а деду, кто это?
- Русские. Говорю, русские...
- Из Москвы?
- Может быть, и из Москвы.
- Это от их немцы убегли?
- От их.

Дед шевелил белыми губами, покачивал головой над ветхой снастью.

— Что же это внучонок своих не узнаёт? — спросил Батраков.

— Не узнаёт? — Дед приставил ладонь к уху.

— Своих внук не узнаёт! — прокричал Горбань старику.

— Да сколько ему было, когда вы ушли? Посчитать, еще был несмышлениш. Для него сейчас тот свой, кто по шее не колотит.

— Горбань, пригласи старика к столу, — сказал Батраков и очистил место возле себя.

Старик подошел, степенно сел. От картошки он отказался, но чай пил с удовольствием, откусывая сахар довольно крепкими еще зубами.

Вдали все еще раздавались взрывы.

— Еникаль¹ гудит, — сказал дед. — Раньше, когда рыба шла, говорили: «Еникаль гудит». Теперь все порох и порох. Вот чиню сеть-самоловку, затоплял ее при немце. Была ловкая снасть-перетяга, на три длинника была, а теперь на полчала не выгадаешь. Она и султанку не удержит...

— Как при фашистах жили? — спросил Баштовой.

— Жили? — Старик провел рукой по бороде, охватив ее ладонями сверху донизу. — Жизни-то не было... У меня семья была, я сам шестнадцатый. Всех угнали... — Две мелкие слезинки покатались по изъеденной морщинами коже и потерялись в бороде.

— Прямо не могу такое слышать! — Баштовой сжал кулаки. — Бил бы их, сволочей! А у моей Ольги всех в Анапе вырезали.

Старик кивнул головой, открыл глаза:

— В Анапе то же самое... Вор крадет не для при-

¹ Е н и к а л е — крепость в восточной части Керченского полуострова. Еникале стоит на обрывистом мысу; возле нее по проливу всегда идет сильная волна.

были, а для гибели. Земля пустует. Какую непашь развели... Вот тут для вас степь, а здесь пахали, совхоз был когда-то. Мышвы никогда столько не было, как теперь. Был фашист спервоначалу гордый и злой и на глаз колючий, все видел на три сажени в землю. А потом, как загудели ваши пушки, попала на них будто куриная слепота. Бегит на тебя и не видит. А думали мы, у их, как у голодных волков, кости из зубов не вырвешь.— Старик запахнул полу колушка, пошевелил бескровными губами.— Спасибо за чай-сахар. Дай бог вам помощи.

— Чего мальчонка к столу не идет? — спросил Горбань.— Зову его, зову... Дичок совсем...

— Не пойдет,— ответил старик.— Мальчишка уже большой, стыдится. Без штанов он. Одна рубаха, да и та светит, как сетка-наметка.

Старик, поблагодарив еще раз «за чай-сахар», степенно направился к своему месту под акацией. Батраков встал и, поманив Горбаня, пошел с ним в хату. Вскоре оттуда долетели голоса Батракова и его адъютанта, разговаривавших в повышенном тоне.

Батраков, выйдя на крыльцо, позвал старика.

— Опять душа открылась у комиссара,— заметил Рыбалко,— ишь як до старика нахилился.

Замполит в чем-то убеждал старика. Тот отнекивался, и доносились его: «Ни-ни». Потом старик прокричал в хату: «Трошка, возьми!» Трошка вышел. В руках он держал синие шаровары Батракова. У мальчишки было сияющее, но испуганное лицо. Горбань рассерженно подтолкнул мальчишку под бок. Батраков сказал с укоризной:

— Ты, Сашка... чтобы больше не было...

— Последние штаны, товарищ комиссар! — буркнул Горбань.— Да и велики они на мальчонку. По голову в них влезет.

— Перешьют. Не будь дядькой Гринева.

Горбань был сбит с толку непонятым укором:

— Каким дядькой?

— «Капитанскую дочку» читал?

— Читал. Но где ж там, товарищ комиссар?

— Заячий тулупчик помнишь? Савельича-дядьку?

— А-а-а! — Горбань заулыбался.— Штаны еще совсем новые. Я бы мог свои отдать, краснофлотские...

— Перестань, добряк Иванович. Знаю тебя.

Минуту все молча прихлебывали чай. Батраков поглаживал выгоревшие волосы мальчишки.

— Я в ямке пересидив,— тихо сказал мальчишка.— А мамку угналы.

— А знаешь, куда угнали?

— В Германию,— строго ответил мальчишка.

— Вот ты, Горбань, Сашка, черт твоей душе! Лучше бы вот такие дела матросам рассказывал. А то штаны, штаны... Курилов,— Батраков обратился к комсorghу,— сегодня же собери комсомольцев. В ротах расскажите о зверствах немцев на Тамани... И вот такие примеры имей в виду.

— Есть провести собрание,— ответил Курилов.

— У меня сынок помер,— сказал Батраков, ни к кому не обращаясь.— Доголодался в Ленинграде до дистрофии и в Кировской области не оправился.

— Дистрофия? — Рыбалко наморщил смуглый лоб.— Ей-бо, не чув такой хворобы.

— Дистрофия.— Батраков страдальчески искривил губы.— Да... Вот если еще раз доведется встретиться с гитлеровцами, буду молотить их за одно это слово.

— До немца рукой подать,— сказал Баштовой.

Батраков встал, отряхнулся:

— Что же, Николай Александрович, пойдем к ребятам.

— Сегодня надо поразмять их, позаниматься,— сказал Букреев,— чтобы от такой ночевки не простудились.

По дороге к батальону Букреев рассказал о своей беседе с майором Степановым.

— Что ж, есть причины для раздумья...— сказал Баштовой.

На грузовых машинах, в клейменых ящиках, привезли автоматы. Моряки окружили машины, щупали ящики. Техник-лейтенант, еще юноша, с девичьим румянцем на щеках, пошел навстречу командиру батальона, на ходу оправляя пояс и желтые наплечные ремни. Подойдя, он смущенно всматривался то в Букреева, то в Батракова, то в начальника штаба. Поднесенная к козырьку фуражки рука повисла в воздухе.

— Чего вы растерялись? — Букреев улыбкой подбодрил техника-лейтенанта.

— Вероятно, вы капитан Букреев?

— Я капитан Букреев, командир отдельного батальона морской пехоты. Вы, очевидно, из гладышевской дивизии?

Техник-лейтенант четко отрапортовал. Автоматы были присланы Гладышевым.

Приказав разгрузить машины, Букреев направился к «фактории», где его встретил Степанов.

— Букреев, могу порадовать.

— Чем порадовать, товарищ майор?

— Вызывали нас с полковником в штаб фронта. Вон туда, над лиманом, ездили. Через три дня идем в город Тамань — сосредоточиваться у исходных для десантов пунктов.

— Вся дивизия?

— Вся целиком. Дело приближается, Букреев... — Майор помедлил, поиграл плеткой, потом как бы мимоходом спросил: — Говорил с Баштовым?

— Да...

— Шут его знает, вот если что западет мне в голову, никак не отвяжется. Таким стал докукой... Ну, пойдем в хатку, расскажешь, да кстати за арбузом обсудим, как нам за эти три дня лучше сдружить наших людей.

Глава девятнадцатая

Дни проходили в усиленной подготовке. Бойцы батальона, предчувствуя приближение операции, рьяно занимались с утра и до вечера. Люди на заре поднимались из-под плащ-палаток, ломких от наморози. Бурьяны трещали под ветром. С лиманов снимались стаи птиц и уходили к югу. Море билось о берега, и на сплошь забеленной барашками поверхности его почти не показывались корабли. Самолеты летали на низких высотах, наполняя тревожным ревом моторов мокрую застуженную степь. Ночами, пробивая облака, опускался красный свет луны, освещая серые туманы, ползущие над землей.

Стаями ходили теперь по степи крысы; то и дело слы-

шались нервные автоматные очереди, отгонявшие грызунов.

Вдали, почти у вулканической гряды, с сумерек и до утра вспыхивали фары автомобилей и, лежа на земле, можно было ясно слышать гул бесчисленных моторов автоколонн. Атака Крыма готовилась по широко начертанному плану. И батальон был только ковшом воды, влитой в кипучий поток, текущей к окраинам Таманского полуострова.

Букреев — в который уже раз — подсчитывал свои силы. Ему иногда казалось, что внимание, которым его окружили, не оправдано им. Может, и он сам и командование преувеличивают значение одного батальона в таком деле, как штурм огромного полуострова.

В батальоне находилось в строю восемьсот тридцать два активных бойца. По численности это немного, если сопоставить батальон с колоссальными массами войск, двинутых в наступление. Но восемьсот тридцать два здоровых, обученных, готовых на все моряка — это значительно.

Батальон имел шестнадцать станковых и тридцать пять ручных пулеметов, пять тяжелых минометов, двадцать три противотанковых ружья, около четырехсот автоматов, полуавтоматические и трехлинейные винтовки. Человек двести были вооружены пистолетами, и все, рядовые и офицеры, были снабжены кинжалами, которыми искусно владели.

Все десантники дополнительно вооружались ручными и противотанковыми гранатами. Каждый десантник брал с собой до двух тысяч патронов, десять ручных и две-три противотанковые гранаты. Пулеметчики, минометчики, бронебойщики, кроме первых номеров, вооружались автоматами с полтысячью патронов к ним, а также гранатами.

Что представляли собой пехотинцы Степанова, с которыми нужно было штурмовать Крым?

Букреев вспомнил одну из встреч еще в первый день высадки на полуострове.

Опустошив фляги с пресной водой, моряки подошли к «фактории», где не обнаружили ни одного колодца.

Первой заволновалась вторая стрелковая рота, самая «шухарная» рота, как называл ее Батраков. Неожиданно

данно всем этим здоровенным ребятам захотелось пить. Тогда в полк был откомандирован хозяйственник, лейтенант Стрелец; он возвратился, сидя на двуколке с пожарной бочкой, запряженной двумя трофейными строевиками. Моряки бросились наполнять фляжки. В это время, после ночных занятий, возвращалась стрелковая рота из полка Степанова.

Усталые, запыленные красноармейцы шагали, перебранные шинельными скатками, с котелками у пояса и саперными лопатками в брезентовых чехлах.

От строя отделились два красноармейца и трусцой, как бегают пожилые и уставшие люди, приблизились к бочке с водой. Рассматривая их, Букреев видел седоватые бороды, лица, смятые морщинами. Это были солдаты из поколения отцов, призванных в армию в зрелом возрасте, воевавших в прошлую войну и с «германом» и с «турком». На них все было аккуратно пригнано, гимнастерки собраны позади «чубчиком».

— Пехота чай пить спешит! — крикнул какой-то морячок из второй роты.

Его дурашливый выкрик не поддержали. Моряки внимательно присматривались к подошедшим к ним бойцам. У них были нашивки ранений на груди и по ордену Отечественной войны с золотыми лучами.

— Испить бы, — попросил один из них.

Моряки указали на командира батальона, и красноармейцы по всей форме обратились к нему за разрешением. Когда Букреев позволил им напиться и наполнить вязанку фляг, красноармейцы с чисто крестьянской умелой аккуратностью, не пролив ни одной капли, наполнили фляжки.

— Где были ранены? — спросил Батраков.

— Еще на Тереке, товарищ капитан.

— Там же и ордена получили?

— Никак нет. Ордена за штурм Новороссийска, товарищ капитан. Тогда нашу дивизию маршал товарищ Сталин повелел именовать Новороссийской...

— Хорошо, — похвалил Батраков. — Ишь какие молодцы! Выходит, вместе с нами брали Новороссийск.

— Как же, моряки нам помогли, товарищ капитан. А мы... им.

— А сейчас знаешь, что впереди?

— Говорят, Крым... Керчь...

— Ну как, возьмем?

Оба красноармейца с недоумением переглянулись, точно не понимая вопроса, а может быть, искали в нем другой, скрытый от них смысл. Их встретившиеся взоры как бы говорили: «Ну кто такое спрашивает? И можно ли задавать такие вопросы?»

Молодые ребята в бескозырках, с полураскрытыми, как у детей, ртами притихли и ждали ответа.

— Ну как? — повторил Батраков.

— Как же иначе, товарищ капитан! Надо взять... в него уперлись.

Солдат провожали с озорной веселостью. Кондратенко, участник новороссийской операции, догнал их на дороге, и в руках его мелькнула полосатая тельняшка.

— Ты что, тельняшку подарил? — спросил лейтенант Шуйский из пулеметной роты.

— Ребята больно хорошие, товарищ лейтенант.

— Какие же они ребята тебе?

— Ну... воюем вместе — значит, ребята. Придем по домам, тогда, может, и назову его папашей.

— Зачем тельняшки лишился? — Цибин неодобрительно покачал головой.

— Я загадал, товарищ старший лейтенант... Вместе с тем солдатом будем брать Севастополь.

Этот эпизод вспомнил сейчас Букреев.

...Вечером был получен приказ командира дивизии о выступлении. Букреев отдал все распоряжения и вышел во двор. Связисты быстро сворачивали провода, поскрипывая катушками. Медицинская сестра набрасывала на высококолесную таврическую бричку матрацы, подушки, клеенчатые пакеты с бинтами и медикаментами. Куприенко подседлывал венгерца. Конь приплясывал и храпел, когда Куприенко, ткнув его кулаком в бок, туго затягивал переднюю подпругу.

Солнце погружалось в густые облака. С северо-востока тучи еще больше уплотнялись и прижимались свинцовыми краями к овальным вершинам, похожим на естественные бастионы.

Моряки снимались с биваков и выстраивались на дороге.

Из капониров выезжали автомашины, орудия, повоз-

ки конного обоза. Земля выбрасывала из своих недр людей, машины, лошадей — все, что радушно приютила.

Степанов, в бурке, верхом на коне выехал из «фабрики». Оттуда же покатили брички. Последние лучи солнца, пробившие облака, скользнули по всаднику, и на секунду показалось, что человек в черной бурке едет на огненно-золотом коне. Потом солнце спряталось в сырую далекую облачность, и все стало как обычно.

— Через две минуты трогаем, Букреев,— сказал Степанов, свешиваясь с седла.— Вы, как и полагается по правилам десанта,— впереди. Под Таманью придется развести колонну пожиже. Немцы сегодня активно обстреливают Тамань.

— Илья Муромец...— сказал Батраков вслед майору.— Ну что, Букреевич, может, песенку на первом километре рванем?

— Можно и песню.

Колонна тронулась. Букреев шагал впереди, по дороге, окаймленной помятыми кустами бурундука, полыни и кавалерника. Манжула нес два вещевых мешка, автоматы (свой и командирский) и четыре диска патронов.

Из-за кустов татарника выпрыгнул земляной заяц, поднялся на задние лапы, повел длинными стоячими ушами и как будто застыл своим песчано-желтым тельцем. Автоматчики грянули морскую, десантную. Заяц мелькнул белым брюшком и хвостом с кисточкой черных и светлых волос и сразу пропал.

Автоматчики пели:

Девятый вал дойдет до Митридата,—
Пускай гора над Керчью высока!
Полундра, фриц! Схарчит тебя граната!
Земля родная крымская близка.

Батальон шел в том направлении, где ясно возвышалась на другой стороне пролива гора Митридат. Оттуда долетали громовые раскаты, и казалось — гора вспыхивала и гасла. Степанов промчался вперед. Горько и пряно дышала степь. Тяжело махая крыльями, пролетел на ночевку орел.

Внезапно упала такая темнота, что казалось, невозможно было выйти из этой вязкой черноты в ясную, звездную ночь и ощутить степь, напоенную легкими за-

пахами, веселую степь с верещаньем кузнечиков и криками засыпающих птиц.

Песня давно смолкла.

Начался дождь. Позади зачавкали сапогами. На спуске с холма блеснули яркие огни автомашин. Мимо пронеслись трехосные фургоны, выхватывая фарами из темноты фигуры моряков, сникшие мокрые бурьяны и блески дождя. А когда автоколонна пролетела, словно встречный поезд, обдав волнами теплого воздуха и яркого света, ночь стала еще непрогляднее.

Подъем в горку осиливался с трудом. Дорога раскисла, грязь липла и тащилась за подошвами. Намокший ватник стягивал разгоряченное тело. Букреев скорее чувствовал, нежели видел идущих возле себя. Букреева догнал доктор Фуркасов; по своему обыкновению, он побрюзжал насчет «собачьей службы и разных затей».

— У нас в батальоне почти нормально, Николай Александрович,— сказал Фуркасов,— почти. Но ускорять движение нельзя.

— Есть отставшие?

— Нет, что вы!

— До Тамани не больше двадцати километров. Скорее дотянем — скорее на отдых, Андрей Андреевич.

Поднявшись на горку, Букреев увидел поблескивающее вдали море и светлые выгнутые линии летевших через пролив снарядов. Насыщенный озоном воздух разносил орудийные выстрелы.

Доктор отстал, но вместо себя прислал Таню. Букреев слышал за своей спиной приглушенный шепот Манжулы и Тани. Букреев нарочито замедлил шаг. Таня, продолжавшая идти в прежнем темпе, натолкнулась на него:

— Простите, товарищ капитан.

— Как ваше самочувствие?

— Несколько приподнятое, в предчувствии... Наконец-то приближается...

— Понятно, Таня.

Он с удовольствием выговаривал ее имя.

— Я смотрю, Николай Александрович, на эту чудесную картину... И думаю... война издалека красива, а?

— Возможно, Таня.

— На перевале, помню, плохо было. Там давили, стискивали ущелья. А вот чтобы так снаряды оставляли следы, я не видела там. Если расскажешь, не поверят. Сочинила, мол, девчонка...

Таня засмеялась.

Смех ее заставил Батракова очнуться от нахлынувших дум о семье.

— Кто тут?

— Главстаршина Иванова, Таня,— ответил Горбань.— Она ничего. Пускай...

— Ну их! — Батраков, чтобы не раздражаться, прибавил шагу.

Через несколько часов марша Тамань выросла неясными очертаниями низеньких домиков, мелких деревьев. На окраине поджидал Степанов. Сюда же подъехал на машине Гладышев.

— В кюветы! В кюветы! — закричали красноармейцы, выставленные у въезда в город.

Два снаряда упали в полукилометре. Взрывом осветило домик под очеретовой крышей и голую высокоствольную акацию. Грохот еще долго затихал в степи.

Квартиреры подъехали на грузовой автомашине и доложили Гладышеву о местах расквартирования дивизии. Колонна втянулась в Тамань.

— Вы видели, Николай Александрович, как два бризантных упало? — сказал Фуркасов.— Невольно вспоминаю кавказского офицера в бурке, с двумя пистолетами... Как там у него: «Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще вдобавок меня хотели утопить».

Дождь стучал по брезентовым крышам фургонов. Попалась заночевавшая на улице батарея тяжелых орудий. Артиллеристы сидели у тягачей и у лафетов.

Батальон прошел почти через весь городок, спускаясь и поднимаясь по холмистым скользким улицам. Все было темно, неприветливо, сыро. Наконец остановились у каких-то домиков и сараев. Люди с фонарями развели роты на постой. Моряки заполняли дома, сараи, навесы, крытые камышом и соломой. Полк Степанова передвигался дальше, в конец улицы.

Глава двадцатая

Утром северный ветер перегонял облака от Азовского моря к Черному, но проглядывало и солнце. Дождевые туманы недолго задерживались на местных почвах, растворенных песком и как бы согретых близко залегающей нефтью. Поля и заброшенные огороды лежали мокрые, затоптанные войсками. На участках с изломанными будылями кукурузы и подсолнуха ржавели брошенные немцами пушки и снаряды. В степи валялись автомашины, перевернутые, сожженные или просто брошенные впопыхах и ободранные теперь до скелетов.

По дороге от Соленого озера к Тамани мчались легковые машины. Здесь и «ЗИСы», забрызганные грязью, и вездеходы, с тактом хорошо воспитанных подчиненных бежавшие на почтительной дистанции.

В одной из машин ехал маршал — представитель Ставки. Он высок, и ему пришлось изловчиться, чтобы удобно усесться в машине.

Маршал воевал с юных лет — ему привычны были поля сражений и хлам на них, всегда остающийся после разбитого противника, и воронье над полем недавней битвы, издавек чувствуемое поживу.

Сидевший позади молодой подполковник внимательно и жадно рассматривал брошенные орудия, скелеты машин, воронки, залитые водой и окруженные вырванной взрывами землей.

Маршал скосил глаза к подполковнику:

— Фанагория...

— Где, товарищ маршал?

Маршал указал на холмистое, поросшее дикими травами место, господствующее над степью и над морем.

— Неужели та самая, суворовская Фанагория, товарищ маршал? — спросил подполковник.

— Та самая. Эта крепость — последнее звено в цепи крепостей, возведенных на Кубани при основании так называемой «линии». Суворов командовал пять лет Кубанским казачьим корпусом и много сделал для этого края...

— Я этого не знал.

— Неудивительно. — Маршал, не поворачивая туловища, посмотрел на подполковника и шутливо доба-

вил: — В этот период своей деятельности Александр Васильевич заслужил всего только один орден Владимира с девизом: «Полезь, честь и слава».

Дорога приблизилась к морю. По Таманскому заливу катилась волна-белогорбец. Близ отмелей волны встречались, поднимались стеной, бросались на обрывы и убегали, шипя, стуча камнями. Крутояр гудел по всему побережью. Кое-где выныривали и окунались в пенистом нагоне трупы германских солдат, опутанные, как пряжей, морской травой камкой. Больше двадцати тысяч трупов оставили немцы в этом месяце на землях и водоплесках освобожденной Тамани.

Во второй машине ехали генерал армии — командующий фронтом, Мещеряков и Шагаев. Командующий пригласил к себе Мещерякова и Шагаева затем, чтобы проверить некоторые свои решения, принятые перед сегодняшним совещанием. Мещеряков был назначен командовать предстоящей десантной операцией на этом участке.

Задуманный план штурма Керченского полуострова был рискованным и трудным. Войска подтягивались к побережью, и, конечно, нельзя было скрыть передвижения крупных соединений пехоты, автобронечастей, переброски артиллерийских парков, складов боеприпасов, амуниции, продовольственных баз; нельзя было не заметить сосредоточения плавучих средств с Черного и Азовского морей. И задача командования состояла не в том, чтобы скрыть факт сосредоточения войск и материалов, а в том, чтобы не дать противнику разгадать направление главного удара. Пусть противник думает, что под угрозой нападения находится все побережье Крыма, пусть распыляет внимание и средства. Разведка доносит, что враг поспешно укрепляет Феодосию, Судак, Алушту и даже Ялту и Евпаторию.

Для прыжка на Крым удобным, естественным трамплином была песчаная коса Чушка, близко подходившая к Керченскому полуострову. Коса Чушка тянулась на восемнадцать километров, являясь как бы насыпью недостроенного моста через Керченский пролив. Немцы ожидали отсюда нападения и укрепляли противоположные берега, лежавшие у подножия отрогов горного кряжа, запиравшего пути с моря в глубину Керченского

полуострова. Чушка на всем протяжении простреливалась германской артиллерией.

На этой узкой и плоской песчаной полосе, обмываемой двумя морями, должны были сосредоточиться советские дивизии со всей техникой. На косе нельзя было оборудовать причалы, скрытые от огня и наблюдения, нельзя было выкопать укрытия и артиллерийские позиции: на глубине пятидесяти сантиметров появлялась вода.

Ночь тоже не помогала: лучи прожекторов достигали причалов, и батареи противника могли даже ночью вести прицельный огонь.

И все же Чушка оставалась единственно удобным пунктом для нанесения главного удара.

Отвлечь внимание противника, обмануть его, заставить броситься к другому месту, а в это время высадить с Чушки стратегический десант — такие задачи ставились перед десантом демонстративным, тактическим. Подтянутые к станице Таманской группировка войск и части флота и должны были провести этот тактический десант.

Подготовка проводилась так, что все считали это направление главным. Никто, в том числе и старшие офицеры десантных войск, не знал подлинных замыслов командования. Противник, почувствовав угрозу с Тамани, начал перетаскивать на участок южнее Керчи артиллерию, прожекторные установки, солдат. Приходилось спешить.

Если немцы отобьют атаку, не позволят высадиться Гладышеву и Букрееву, задуманная операция может потерпеть неудачу.

Командующий говорил об этом с Мещеряковым, нервно поглаживая рыжеватые с проседью усики.

— Я не считаю нужным слишком засекречиваться перед своими доверенными офицерами, если дело касается их жизни и смерти. Но здесь нужно на время поступиться этим принципом. Никто не должен знать общую стратегическую задачу. Пусть каждый будет уверен, что ему нужно вцепиться в берег и держаться, пока не подоспеет вся армия. Скажи офицерам — попадет к рядовым, а там просочится к населению, а там и к тем шпионам, что оставлены врагами.

— Я согласен с вами,— сказал Мещеряков.

— Когда мы высадим главные силы северо-восточнее Керчи, тогда только пусть они узнают о значении своего подвига... Таково же мнение маршала.

Генерал посмотрел в окно машины усталым и задумчивым взглядом.

Машина подходила к окраине Тамани.

Красноармейцы контрольно-пропускного пункта, заметив командуящего, вытянулись во фронт, откозыряли. Генерал нехотя поднял морщинистую руку к голове, но вдруг оживился, обернулся назад.

— Узнали кого-нибудь? — спросил Мещеряков.

— По-моему, ребята из моей двадцать пятой Чапаевской. Я их, пострелов, всех в лицо знал. Как дрались! Чудесный народ...— Генерал откинулся на сиденье, обратился к Мещерякову: — Прошу довести до сведения и сознания всех матросов и офицеров десанта: храбрецы, наиболее отличившиеся при форсировании пролива, будут представлены к званию Героев и награждению орденами...

В городе машины рассредоточились и пошли к назначенному месту одновременно.

Командующий взглянул на часы.

— Мы потеряем лишние полчаса,— сказал генерал, словно извиняясь.— Я хочу проехать к памятнику запорожцам.

Машина повернула в боковую улицу.

— При обороне Одессы интерес к истории города принес большую пользу,— сказал командующий.— Это помогало в беседах с людьми... Помогало, так сказать, «обратить взор». Севастополь был для меня действительно священным русским городом. Я не мог без волнения ходить по Малахову кургану, по тем местам, где ходили Нахимов, Корнилов, Истомин... А памятник погибшим кораблям наполнял мою душу трепетом. Как тяжело, помню, я расставался с Севастополем! Мне казалось, что почетнее умереть на каком-либо бастионе, подобно севастопольским адмиралам. Но приказ и чувство долга были выше. И все же день оставления города был самым тяжелым днем моей жизни...

Машина буксовала на рыхлом подъеме, размятом гусеничными тягачами и танками. Автомобиль рычал и повизгивал.

С пригорка свалилась гурьба мальчишек и наперегонки понеслась к машине.

— Сохранились ребятишки,— тепло заметил генерал.— Так и прорастет молодняк. Туго, не сразу, но прорастет. Как дубнячок.

Одолев подъем, машина мягко покатила по мокрому песку. По бокам появлялись редкие домики с черепичными и камышовыми крышами и частые развалины; горчали почерневшие трубы. Иногда за изгородями угадывались махровые астры или оранжевыми точками в поблекшем бурьяне мелькали гвоздики.

— Древний городишко,— сказал Шагаев,— а наружно — станица и станица. Крымская или Абинская, пожалуй, почище и побогаче были.

— Крымская и Абинская в праправнуки Тамани не годятся,— заметил Мещеряков.— Здесь, как в Египте, с каждого камня на тебя смотрят века.

— Интересно, как люди древности, располагая примитивными средствами сообщения и такими же познаниями в географии, умело и точно определяли стратегические пункты...— задумчиво произнес командующий, словно отвечая на собственные мысли. Он поднял глаза, сразу повеселевшие и очень добрые.— Как вам известно, Тамань отвоевал у хазар еще Святослав. Из Киева именно сюда пришел он и создал здесь свое удельное княжество. Когда мы взяли Тамань, мне принесли высеченный на камне герб города. Я приказал отправить его в музей. На гербе сверх эмблем рыболовства и соляного промысла — великокняжеская шапка. Видите, какая штука! В честь удельного русского княжества. Тамань, или, как ее называли, Фанагория, Тмутарха, может быть, самое давнее поселение и крепость в Предкавказье.

— А Новороссийск, Краснодар? — спросил Шагаев.

— Новороссийск как будто основан еще при понтийском царе Митридате, а Краснодар, или бывший Екатеринодар, в сравнении с Таманью просто младенец. Полтора-два лет ведь Краснодару-то всего. Это не давность. А ведь отсюда, с Тамани, может быть, для пиров Александра Македонского вино вывозили. Тамань раньше считали островом — очевидно, река Кубань вливалась в Азовское и Черное моря двумя устьями, отделяла полуостров от материка... Но это все древняя

история. А вот немцы не даром избрали Таманский полуостров плацдармом. Отсюда они решили броситься на Кавказ, на Баку и дальше, по своему сумасшедшему плану. Удобный стратегический пункт, проверенный древними... Кажется, подъехали. На минутку выйдем, хоть кости разомнем.

— Здесь, кстати, я вижу наших хорошо знакомых моряков,— сказал Мещеряков, вылезая из машины.

— Кто же эти моряки? — спросил командующий.

— Звенягин и Курасов,— ответил Шагаев.— Они тоже, вероятно, любители древностей.

— Если только у вас поворачивается язык назвать древностью прекрасную девушку, которая их сопровождает.— Мещеряков засмеялся.— Звенягин! Не уходите! Застеснялись?..

Девушка эта была Таня; она благоразумно решила удалиться, откозыряв высокому начальству.

Командующий поздоровался с Курасовым и Звенягиным и подвел их к памятнику.

Запорожский казак смотрел на Тамань, и в его бронзовом лице были выражены и величие, и гордость, и угадываемая в небрежно спущенном усе и в уголках губ добродушная усмешка гуляки-бражника. На жупане и на складках его шаровар, которые молва считала пошире Черного моря, виднелись свежие осколочные царапины и пулевые отметины — следы недавнего боя. На памятнике были высечены слова Антона Головатого, наказного атамана и поэта кубанского казачьего войска:

В ТАМАНІ ЖИТИ — ВІРНО СЛУЖИТИ, ГРЯНИЦЮ ДЕРЖАТИ,
ХЛІБА РОБИТИ, А ХТО ПРИЙДЕ З ЧУЖИХ —
ЯК ВОРОГА БИТИ.

На дороге с песчаными намывами и следами буксующих грузовиков валялась фанерка в форме стрелы, и на ней было по-немецки написано: «Таман».

Солнце, пробив облака, бросило сверху ослепительный пучок лучей. Генерал зажмурился и поднял вверх голову. Лучи многоцветно рассыпались по памятнику, позолотили потеки песка, сбежавшие по бугру к морю. И вдруг заискрилась водяная пыль, летавшая над хмурой белогорбой волной, и чайки блеснули перламутровыми брюшками.

Наползла туча, все потемнело.

Командующий машинально снял фуражку и стоял так, с обнаженной головой, седеющий, задумчивый. Оглянувшись, заметил, что за ним наблюдают, вытер лысеющую голову платком, надел фуражку.

— «В Тамані жити — вірно служити, гряницю держати, хліба робити, а хто прийде з чужих — як ворога бити». — Генерал весело сказал: — Ей-богу, товарищи, нам не стыдно перед этим дядькой стоять, а?

С крымского берега долетел гул. Генерал задержался у дверки машины.

— Что вы думаете насчет этой музыки, адмирал?

— По-моему, укрепляют Камыш-Бурунский участок.

— Этого мне не хотелось...

— Вчера мы щупали береговые укрепления, товарищ генерал армии, — сказал Звенягин.

— Каким образом?

— Ходили туда на двух бронекатерах.

— И что же?

— Огонь сильный. Один катер еле дотащили обратно.

Генерал оглядел Звенягина и, ничего больше не сказав, сел рядом с водителем. Машина быстро покатила по скосу.

Глава двадцать первая

Совещание проходило в саду. На яблонях шелестели редкие пожелтевшие листья. Сучья были сырые, на вишнях слезилась размоченная клеевина, а с северной стороны уже белели ознобы.

Сад был окружен ротой Цибина. Везде, в просветах деревьев и за изгородями, покачивались бескозырки автоматчиков. Высшие командиры сидели за столом под деревьями, остальные участники совещания расположились на траве, на мутовках деревьев, на колодах. Здесь были морские офицеры, командиры малых кораблей, сил прикрытия, поддержки, охранения, коменданты посадки и высадки и вперемешку с ними пехотные армейские офицеры — командиры десантных частей, артиллерийские офицеры — флотские и армейские.

Букреев был вместе со своим замполитом, начальником штаба Баштовым и майором Степановым. Пол-

ковник Гладышев сидел невдалеке от маршала на табурете и что-то аккуратно и неторопливо вписывал в блокнот, лежавший у него на коленях. Маршал внимательно разглядывал всех собравшихся офицеров, а те, в свою очередь, глядели на него с любопытством и уважением. Маршалу сопутствовала большая и ранняя слава издавна, когда большинство этих молодых офицеров были детьми и восхищенно по школьным книгам изучали его жизнь.

Красные хлыстики молодого вишенника, отмякшие от мороза и дождей, пахли клеем и горечью. Вишенники были опутаны паутиной; нарушая тишину сада, тонко и жалобно жужжала попавшая в сети осенняя серокрылая муха.

Звенягин снял меховую куртку, бросил ее на развилину сучьев. Среди офицеров, одетых с щеголеватой старательностью, было странно видеть Звенягина в поношенном смятом кителе и без орденов. Букреев подошел к нему.

— Поздравляю, Букреев. Сегодня ты именинник.

— Все мы именинники, Павел Михайлович.

— Мы что? Извозчики. Подадим тарантасы, ссадим — и готово...

— Тарантасы-то хотя подадите на всех четырех колесах?

— Колес хватает, да по дороге кочки. Сегодня всю ночь дизельные самоходки гудели, мины швыряли. Самолеты тоже пельмени сбрасывали.

Звенягин сломал былинку и отвернулся. За изгородью неподвижно стоял часовой-автоматчик. Звенягин знал его, но фамилию не вспомнил. Кажется, с «Ташкента»? Звенягин хотел прочитать надпись на ленточке, но она потускнела.

Букреев докладывал одним из первых. Его сообщение о состоянии батальона вызвало одобрителный шепот за столом.

За Букреевым пристально и с удовольствием наблюдал Мещеряков, поддакивал ему, поддерживал репликами.

Когда Букреев поделился своими соображениями о переброске через пролив артиллерии, командующий утвердительно кивнул головой.

— Хороший офицер,— сказал он Мещерякову.

После Букреева доложил Гладышев. И наконец выступил Звенягин. Прислонившись к яблоне, он говорил тихим голосом, запинаясь и подыскивая слова. Мещеряков наклонился к Шагаеву:

— Что-то Звенягин плох.

— Волнуется. Сколько начальства...

Звенягину поручалась почетная боевая задача: первому прорваться к берегам, занятым противником, и высадить штурмовые группы десанта. На совещании Звенягин доложил подробности операции. Командующий, повидавший за годы войны разных людей — и храбрецов и трусов,— слушал его внимательно; он знал Звенягина и доверял его военному опыту. Перед высоким военным собранием стоял человек, на которого можно было положиться. За ним слава блестящих десантов... Но почему Звенягин явился на совещание в изношенном кителе, небритый, без орденов и медалей?

«Ему необходимо передохнуть,— подумал командующий, пытливо изучавший во время доклада каждый жест и выражение лица Звенягина.— Но не время...»

После совещания командующий подозвал Звенягина и пошел с ним в дом. Там, оставшись наедине, генерал спросил его:

— Вы уверены?..

— Уверен. Только бы не разыгрался штормяга, товарищ генерал армии.

— Проведете операцию, и я походатайствую перед вашим начальством... Вам будет тогда самый раз отдохнуть...— Он дружески положил руки Звенягину на плечи: — Желаю удачи и... следующей награды. Куда только вы будете вешать ордена, Звенягин, а?

Разговор с командующим приободрил Звенягина. Двадцать километров предстояло пройти сквозь минные поля, под артиллерийским огнем, под прожекторами и прицельными снарядами противокатерных батарей. Первому прорваться и проложить дорогу через пролив! Но ведь раньше было еще похуже. Хотя бы под Новороссийском.

Погода опять испортилась. Сверху сыпался не то дождь, не то мелкий снежок. Звенягин вышел из дому, расстегнул ворот, поднял голову. Он вспомнил приветливый Ставрополь, где протекало его детство, мелкую речушку Ташлу, Архиерейские пруды, где научился плавать, раскаленные суховеи, прилетавшие из ногайских степей, такие суховеи, что не раскрывай на улице книгу — сразу скрутит трубками все листы; вспомнил мать — трудолюбивую и любящую; она ждет не дождется его. А где теперь товарищи его игр? Как мелькали их босые пятки, покрытые песочной пылью! А когда ливень, какая теплая вода неслась по Лермонтовской улице! По голым ногам били щепки...

«Зачем? К чему эти нахлынувшие воспоминания? — тревожно подумал Звенягин и усилием воли как бы оттолкнул их. — Сейчас война...»

Вот Куников перед десантом подолгу просиживал в его комнате на Тонком мысу, пил из кружки чай и все думал, соображал. Нельзя ли, мол, приспособить камышинки, чтобы его десантники, высадившись вдали от берега, могли, подобно древним, незаметно подкрасться к врагу. Он не переставал думать о своих людях до самого конца...

Зимой, в феврале, Звенягин на катере вез его с «Малой земли» тяжелораненого. Куников просил воды и почему-то яблоко. Воды ему дали, но яблок не было...

Звенягин спустился к морю. На берег с шипением выносились волны. Вдали вспыхивали прожекторы над Керчью, у Эльтигена. С горы Митридат точно бросили золотой меч, размельчивший в искристую пыль крупинки дождя. Свет оттуда был золотой, но вражеский.

Потом пришли воспоминания совсем недавних, мирных заокеанских походов — Порт-Саид, Сингапур, яркие гавани Цейлона. Он, капитан торгового судна, мог позволить себе надеть шелковую безрукавку, белые туфли. Легкие и какие-то светлые ветры ходили под шелком рубахи, по мускулам, запеченным тропическим солнцем...

Звенягин, скользя по глинистой тропке, поднялся на берег, направился в город.

По улице мимо памятника запорожцам шли бойцы морской пехоты. Перегруженные люди тяжело дышали.

Ни смеха, ни шутки, ни песни; ночь и люди как бы на-сдине с собой. Это шли к пристани пехотинцы Букреева. Где-то здесь и он сам, счастливый тем, что идет на такое крупное дело.

Люди проходили мимо. Своими острыми глазами Звениягин различал их простую форму. Он знал: все, от рядового стрелка до командира роты, до комбата, одеты в одни и те же ватники. Узбекская хлопчатка, подбитая ватой, прошитая нитками. Бескозырки или шапки. Оружие — пулеметы, автоматы, винтовки, длинные и тонкие тела противотанковых ружей — положено на плечи. Патроны везде — в подсумках, в карманах, в вещевых мешках. Все сделали рабочие Урала, Волги и Сибири. Недоедая и недосыпая, люди тыла прислали сюда, к морским окраинам Кубани, оружие, патроны и одежду...

По Керчи была береговая артиллерия. Сюда подтянулись окрашенные в шаровой камуфляж морские орудия гвардейцев.

Дух напряженной до предела страны как будто носился здесь, грозный, благословляющий и торжественный.

Глава двадцать вторая

Бойцы подтягивались к пристани в сплошной темноте. Ветер свежел. У пирса ошвартовались моторные боты. Стрельба почти прекратилась и с той, и с нашей стороны. Разделенные водами пролива, противники притихли. Так почему-то всегда бывало перед штурмом. Потому так страшна на войне тишина.

Посланный Курасовым Шалунов разыскивал командира дивизиона, освещая фонариком попадавшихся ему людей. Шалунов находился в особенном состоянии душевного подъема. Еще бы: наконец-то ему дали свой корабль! И в такой момент!

Он не задумывался над тем, что привело его к «цели». Предшественник Шалунова, командир «морского охотника», в последнем бою, в устье пролива, был тяжело ранен осколком снаряда. Его в безнадежном состоянии свезли в армейский госпиталь, и место освободилось.

Шалунов не встретился с комдивом совершенно случайно. Когда Звенягин, постояв у пирса, направился в каморку коменданта причала, Шалунов задержался возле Горленко, проводившего «напутственную беседу» со своим взводом.

— Вижу я, кое-кто из вас вполне прислушивается, баллы прикидывает,— говорил Горленко.— Задание есть задание. Чем хуже погода, тем нас меньше там ожидают. Не пугаться... держаться друг друга. При любом плохом случае тогда все будет в порядке. Сплочение — сила. Любой ценой, вплоть до потери катера, вы должны выбираться к берегу и греться только в атаке. Нырнете, пулеметы не бросать, тяните их по дну. Выскочишь без оружия, кому ты нужен? Автомат автоматом, а пулемет для пульвзвода — основное оружие.

Горленко окончил беседу и, осмотревшись по сторонам, заметил Шалунова, узнал его:

— Как ты возле нас очутился? А у нас тут свой, семейный разговор.

— Ты вот насчет потери катера зря. Ишь как ты легко с чужим добром расстанешься! Только бы пулеметы вытащить, а катер пропади пропадом?

— Каждый баран за свои рога отвечает.

— Так-то оно так...— Шалунов огляделся, хотя по-прежнему было темно; дождик перестал, и небо чуть-чуть прояснилось.— Нашего комдива не видел, Горленко?

— Где же ему быть? С Букреевым.

— А Букреев где?

— Вот в той стороне, под обрывом, халабуда. Ты должен знать. У коменданта.

— Так бы и говорил. «Халабуда, халабуда»! Прощай, браток...— Шалунов задержался, решив все же похвалиться Горленко.— Мне-то корабль дали. Небось слышал уже?

— Нет, не слышал. Что ж, поздравляю! Теперь ты сам хозяин своему счастью.

— Скажи гоп, когда перескочишь! — Шалунов игриво толкнул в бок Горленко.— Ну, я потопал.

Звенягин уточнял обстановку с Букреевым. Вошедшего Шалунова он поманил к себе; тот шагнул на цыпочках и опустился возле него. Звенягин положил руку

на плечо Шалунова и внимательно смотрел на Баштового, азартно разъяснявшего расчеты высадки. Все было заранее обсуждено, и Звенягин с трудом воспринимал причины возбуждения начальника штаба. Почти ничего не менялось, несмотря на то что ветер усиливался и низкобортные мотоботы могло залить, несмотря на то что на том берегу, в пункте высадки, агентурная разведка обнаружила еще одну роту и две батареи и в Керчь перебрасывались солдаты противника, доставленные воздухом из Франции. Ничего нельзя было изменить. Пересматривай не пересматривай нагрузку судов, но их больше не станет. Все расписано и рассредоточено в разных пунктах погрузки. Кроме авангардного батальона Букреева, через пролив перебрасываются дивизия Гладышева, батальон Краснознаменной бригады морской пехоты и гвардейская стрелковая дивизия.

Можно облегчить суда, сняв часть людей для второго броска, но тогда расчленилась бы ударная сила батальона. Звенягин одобрил Букреева, категорически требовавшего не дробить батальон, «удар нанести сжатым кулаком, а не растопыренными пальцами». Так действовал и Куников перед высадкой на Мысхако. Куников своего не уступал, горячо «выторговывал» у командира высадки каждое лишнее место на судне.

Батраков и Линник тихонько занимались своим делом. Нужно было проверить и передать политотделу письменные клятвы десантников. Звенягин знал: в предыдущих десантах случаи нарушения клятвы были редки. За выполнением клятвы, помимо командиров, следили сами моряки и обычно наказывали клятвопреступников смертью.

Звенягин подтолкнул комиссара и попросил показать ему клятву командира батальона. Батраков передал бумагу, на которой букреевским почерком было написано:

«Мне поручена почетная и ответственная задача командовать батальоном морской пехоты в десантной операции по освобождению родного Крыма. Я как офицер-большевик даю клятву, что не пожалею своих сил, крови, а если потребуется, и жизни для победы над злейшим врагом человечества — германским фашизмом. За все муки наших родных — отцов, матерей, жен и детей — буду мстить беспощадно...»

Звенягин держал в руках листок бумаги. Простые слова клятвы вдруг стали для него как бы физически ощутимы. Вспомнились появление Букреева в Геленджике, его черные испытующие глаза и весь он, собранный и настороженный перед новыми, незнакомыми людьми, вспомнились могила Куникова и речь, по смыслу напоминавшая слова этой клятвы: «Не пожалею своих сил, крови, а если потребуется, и жизни».

Букреев сидел сейчас весело-возбужденный, деловитый, и ничего трагического нельзя было заметить на его смуглом лице. Звенягин невольно пощупал свою небритую бороду. Хорошо, видно, он со стороны! Черный, одичавший. Смотреть противно!

— Прочитал?

— Прочитал, Батраков.

— Давай-ка сюда...

— Подожди... А еще?

— Что еще?

— Еще покажи!

— Интересуешься политработой? Полезно. Вот прочитай — краснофлотец Зубковский.

— Автоматчик, что ли?

— Пэтээровец.

Звенягин читал текст, вначале размашистый, как будто ухарски распахнулась матросская душа, но затем буквы сдвигались в словах и строчки притирались друг к другу:

«Я клянусь тебе, горячо любимая Родина, что не пожалею своих сил и жизни для борьбы с заклятыми врагами — немецко-фашистскими захватчиками. Буду драться до тех пор, пока сердце бьется в моей груди».

— Зубковский — молодой парень? — прочитав, спросил Звенягин.

— Молодой.

— С какого корабля?

— Не помню... Линник, не помнишь, откуда Зубковский?

— С «Червоной Украины».

Звенягин знал матросов «Червоной Украины». Экипаж «Червонки», как называли свой крейсер моряки, сошел на сушу с клятвой отомстить за свой погибший корабль. «Червонцы» дрались под Севастополем, на

перевалах, летали на транспортных самолетах в донские степи навстречу наступавшим войскам 6-й германской армии, бились за Сталинград, за Волгу.

«Червонцев» знали и в морской пехоте, и в воздушно-десантных частях: это были бесстрашные разведчики, подрывники, опытные охотники за «языками». «Червонцы» мстили за свой корабль и мечтали построить еще лучший крейсер и назвать его «Червоной Украиной».

...Линник мастерил самокрутку со старательностью и бережливостью к каждой крошке табаку, свойственной людям, прожившим в нужде. Шалунов попросил у Линника кисет и тоже закурил. Дым плохого и крепкого табака повис полотнами. У Звенягина закружилась голова.

— Брось курить, Шалунов.

— Есть, товарищ капитан третьего ранга...

Шулунов смял папироску.

— Развели зелье, людей не видно,— мягко укорил Звенягин.

Линник погасил недокурок, вытряс оставшийся табак в кисет.

— С зельем туговато,— сказал он.

Баштовой свернул кальки, где были начертаны пути движения десантных судов, места выгрузки, направления ударов каждого взвода, и спрятал их в полевую сумку.

Снаружи раздались громкие голоса, без стука распахнулась дверь, в комнату вошел Мещеряков, вслед за ним — Шагаев и высокий адъютант, пригнувшийся в дверях.

— Вот где они, заговорщики! А накурили, а надышали! Моряки, а не любят озона.

Адмирал снял перчатки и поздоровался со всеми.

Здороваясь, весело, но испытующе он смотрел каждому в глаза, и все заметили, что под внешней беспечностью адмирала скрыты и отеческое беспокойство, и тревога старшего начальника за успех операции.

— Шалунов, получил корабль, теперь смотри держись!

— Есть держаться, товарищ адмирал!

Шалунов просто светился от радости: с ним первым заговорил адмирал.

Мещеряков говорил с Букреевым:

— Командующий лично исправил ошибку ваших хозяйственников. Догадались выдать десантникам консервы в больших банках. Вот таких! — Он показал руками. — Звенягин, вы не помните, сколько весит вот такая банка свиной тушенки?

— Банка свиной тушенки?.. — Вопрос Мещерякова застал Звенягина врасплох. — Разные бывают, товарищ адмирал...

— Сразу видно, никогда сами не имели дела с провиантом. Конечно, у вас такими делами занимается кок.

— Нет... почему кок?

— Большие банки не годятся, — сказал Мещеряков, — вскрыет парень, сразу не съест, куда ее девать? Там хранить негде — выбросит, а потом зубы на полку... Баштовой, это ваше упущение.

— Я говорил лейтенанту Стрельцу, предупреждал его, товарищ адмирал. Просил обменять на маленькие банки. Разрешите исправить.

— Все уже сделано — обменяли, выдали. Командующий распорядился.

Букреев понял, почему адмирал с ходу, как говорится, затеял разговор о таких мелочах. Мещеряков старался рассеять их дурные мысли.

Пока Шагаев занимался с Батраковым и Линником, адмирал бегло проверил обстановку: число подведенных плавсредств и кораблей поддержки, связь с армейскими частями, как доведена задача до каждого...

На прощание Мещеряков сказал:

— Сообщите морякам, что наши войска, наступающие на Крым между Днепром и побережьем Сиваша, продолжают преследовать отступающего противника. Сейчас маршал по прямому проводу говорил с командующим Четвертым Украинским фронтом. Войска генерала армии Толбухина атакуют Турецкий вал и завязали бои у Армянска. Сегодня ночью Крымский полуостров будет совершенно отрезан, и немецко-румынская группировка в Крыму будет изолирована. Вы начинаете атаку Крыма с востока. Высадиться, вцепиться и держаться! Держаться во что бы то ни стало!.. Понятно, Букреев?

— Понятно, товарищ адмирал.

— Звенягин?..

— Понятно, товарищ адмирал.

— Надеюсь на вас, товарищи. Сегодня к вам обещал приехать сам командующий...

Глава двадцать третья

За несколько минут до посадки на суда моряки еще раз проверили свои мешки и карманы, выбросили лишнее, вплоть до белья и писем, и добавили патронов.

Армейские водители автомашин с удивлением наблюдали моряков, разбивающих ящики и расхватывающих боезапасы. Нехватка судов, хорошо известная морякам, почти штормовой ветер и повторный приказ «вцепиться и держаться» усилили жадность к патронам и гранатам.

Командующий, подъехавший незаметно, вышел из машины и направился к причалам. Букреев, извещенный Горбанем, пошел навстречу генералу. Командующий, отставив рапорт, поздоровался с Букреевым и присел на кнехт. Он молчал, как будто прислушиваясь к гудению людей и треску разламываемых ящиков.

— Люди распределены по судам? Задача доведена до каждого?

— Распределены, задача доведена до каждого, товарищ генерал армии.

Командующий устало поднялся:

— Сколько у вас плавсредств, товарищ Букреев?

— Четыре катера «морские охотники», восемь мотоботов, два гребных баркаса и один малый тральщик, товарищ генерал армии.

Узнав о присутствии командующего, к причалу подходили моряки. Они любили генерала. Все тепло именовали его за глаза только по имени и отчеству. Теперь он прибыл к ним в эту бурную ночь, которая для многих, может быть, будет последней.

Командующий не видел лиц людей, но чувствовал движение матросской массы, дыхание, шепот и тревожное ожидание. Он хорошо знал, что предстоит людям, посылаемым им на трудный, жертвенный подвиг.

В этот важный момент, на грани жизни и смерти, нужно было напомнить о целях борьбы, которую вели

эти молодые, но зрелые люди, сгрудившиеся возле него и ожидавшие поддержки и оценки их грядущего подвига, для которого создано их боевое товарищество, скрепленное долгом, дисциплиной и совместно пролитой кровью.

— Матросы и офицеры десанта! — сказал генерал своим хрипловатым голосом. — Мы должны очистить наши земли от врагов. Мы — радетели русской земли. Нам довелось... нам довелось... — Он поднял голос, махнул плотно сжатым кулаком туда, в сторону Крыма. — Наступило время, когда мы придем к их границам! Дорога в их разбойничьи государства лежит для нас, черноморцев, через Крым, через Севастополь. Для нас обходных путей нет, ребята! Нет! Мы появимся на их границах! Мы перейдем их — и ворвемся к ним! Надо наказать преступное их войско! Сегодня ночью вы начинаете новый поход. Надо сломить заслоны! Сломить во что бы то ни стало! Потомки будут вспоминать нас со славой. Желаю успеха, орлы! Вперед на врага, букре-евцы!

Он еще раз взмахнул кулаком, постоял, опустив голову, а затем, попрощавшись с Букреевым, Батраковым, расцеловав Звенягина, быстро пошел к своей машине.

По тому, как моряки двинулись за ним, окружили машину, было понятно все. И прежде всего это понял сам командующий.

— До свиданья, ребятки! — попрощался он.

Вот тут-то и крикнули матросы: «Ур-р-ра!», перекрывая шум вспененного моря.

— Тише... тише... Еще услышит... — сказал растроганный командующий. — Вот наломаем ему рога, тогда и покричим...

Он обратил внимание на стоявшего перед ним Кондратенко. Ничем не отличался этот моряк от других: та же одежда и обувь, то же оружие и диски в брезентовых чехлах, висевшие вокруг пояса, как круглые пироги, но надпись на бескозырке, освещенная светом включенных фар, остановила его взор.

— «Беспощадный»?

— Так точно, товарищ генерал армии.

— За всех!

Он обнял Кондратенко, троекратно, по-русски, расцеловал его и, еле сдерживая волнение, скрылся в машине. Фары отбросили два тонких светлых уса, машина фыркнула и медленно тронулась, провожаемая множеством приветливо машущих рук.

Глава двадцать четвертая

— Иду на сторожевике, товарищ капитан,— сказал Баштовой Букрееву.— Двое суток глаз не сомкнул, хоть часочка два вздремну до того берега. Вот и доктор составит компанию.

Фуркасов, широкий и короткий (ватное обмундирование, сумки, повязанные накрест), неумело подтягивал снаряжение на переводчике Шапсе, только вчера прикомандированном к десанту от политуправления.

— Чувствуете, товарищ капитан, как идеально относится начальник штаба к своему здоровью?..— пыхтя возле Шапса, говорил доктор.— Ну, повернитесь, товарищ старший лейтенант... Так, хорошо. Автомат можете пока снять с загровка — неудобно. Пристройте его на плече, вот так, как я... Теперь отлично. Никто не поверит, что вы впервые идете в десант... — Доктор вынул платок, вспорхнувший в его руках, как голубь, вначале у лба, затем у затылка.— Держусь начальника штаба. Верю в его звезду...

— Правильно, доктор. Начальник штаба в подобных переделках проверенный, не то что комбат,— пошутил Букреев.

Батальон выстраивался. Люди почти сливались с темными, словно срезанными огромной лопатой высокими стенами обрыва. Сочная волна выносилась на берег, пробегала по песку и уходила, накрытая белыми шапками пены, потом другая, третья... Волны возникали из темноты, шумели, обрушивались холодом и брызгами, хрипели, запутавшись в сваях причалов.

Звениягин прошел на пирс в сопровождении трех моряков, одетых в кожаные регланы и зюйдвестки.

— На катерах посадить народ в трюмные отсеки,— говорил на ходу Звениягин.— А то набьются на палубах... Попал — не попал снаряд, а месиво.

Каблуки застучали по свеженастланным доскам причала. Шум моря поглотил еще какие-то приказания командира дивизиона. Подъехал грузовик, осторожно нащупывая дорогу. Из кабинки высунул голову водитель:

— Хлопцы, патроны винтовочные! Кто принимает?

— Давай сюда! — крикнул Баштовой, направляясь к машине. — Стоп! Тут ямка...

Мотор заворчал на малых оборотах. По приказанию начальника штаба, стрелки второй роты быстро расхватили ящики и понесли к тральщику.

Грузовик мягко, но сильно сдал задним ходом. Баштовой инструктировал Плескачева, как лучше предохранить рации при высадке, и сверял позывные пехотных частей и своих рот, занесенные в аккуратно разграфленную записную книжку.

Шагаев подъехал на вездеходе и, выйдя из машины, направился к Букрееву. Рядом с Шагаевым очутились Батраков и Курилов. Они казались очень маленькими в сравнении с начальником политотдела. Шагаев поздоровался, и Букреев ощутил его полную, немного вспотевшую руку.

— Адмирал у полковника Гладышева, — сказал Шагаев. — Просил передать вам пожелание успеха.

— Спасибо, товарищ капитан первого ранга.

— Скоро начнете погрузку?

— Через три минуты.

— А как у вас дела, Батраков?

— Все в порядке, товарищ капитан первого ранга.

— Пить чай теперь будем в Крыму, — пошутил Букреев.

— Кавказ надоел?

— Нагостевались на Кавказе, — серьезно ответил Батраков.

— Разрешите начать погрузку батальона, товарищ капитан первого ранга?

— Добро!

Букреев откомандовал. Его приказание, повторенное ротными командирами, сразу привело в движение весь батальон.

Каждый десантник знал свою «посуду», нацелился на нее и теперь бежал к своему месту. Не нужно было

ни понукать, ни беспокоиться. Но все же Степняк, больше по привычке, чем по необходимости, подбадривал своих пулеметчиков крепко проперченными словечками, в отличие от Цибина, молча пропускавшего мимо себя автоматчиков.

Острые пики флагштоков судов колыхались из стороны в сторону, и в такт их покачиванию тонко и однообразно поскрипывали швартовы. Букреев поднял голову.

Над обрывом на фоне мутной белесоватости угадывались домики и деревца, растопырившие свои голые ветви.

Берег быстро опустел.

— Счастливого пути, Николай Александрович! — Шагаев секунду помялся, но потом обнял Букреева. И тот близко увидел блестящие глаза Шагаева и услышал сдавленный от волнения голос: — Успеха, успеха...

— До свиданья...

В мотоботе Букреева подхватили чьи-то сильные руки. Люди потеснились, освободив командиру батальона место на боковом сиденье, рядом с Таней. Она наклонилась к нему:

— Здесь будет хорошо, пожалуй. Вы даже можете немного прикорнуть, Николай Александрович.

Корабли стартовали одновременно. Теплый чадный воздух понесся мимо. В борт ударила лохматая вода, отброшенная винтами.

Сторожевой корабль буксировал два мотобота и гребной баркас; на них была погружена вся рота Рыбалко, с приданными средствами усиления — пулеметчиками и минометчиками.

Мотобот представлял собой подобие большого низкобортного корыта, сваренного из толстого листового железа, рассчитанного на переброску при благоприятной погоде до пятидесяти человек с соответствующим вооружением. Два автомобильных мотора двигали это несложное суденышко. Любовно окрещенный моряками «лаптем», мотобот пришел на помощь морякам, когда нужно было начинать наступательные действия в Черноморском бассейне против захваченных и укрепленных противником берегов. Мотобот явился тем же оружием, каким в свое время была тачанка или фанерный само-

лет «У-2», превращенный теперь в ночной бомбардировщик.

Первая рота должна была захватить дамбу и причалы рыбацкого поселка и, выйдя на господствующие высоты, подавить противокатерные батареи противника. Рыбалко считался мастером таранного удара, и поэтому ему поручили решать основную задачу. Выбор почетный, связанный с большим риском и потерями, но Рыбалко предпочитал опасные задания, где можно было полностью применить свою решительность, инициативу и личную отвагу.

Не остывший еще от слов командующего, впервые произнесшего: «букреевцы», Букреев чувствовал внутреннее удовлетворение оттого, что ему довелось идти в первое серьезное дело именно с людьми Рыбалко, исповедующими боевой закон: «Победа или смерть». Неужели эти моряки, сломившие железобетонный обвод Новороссийской бухты, прошедшие сотни километров полями битв и улицами пылающих городов, когда-нибудь сами назовут себя букреевцами?..

Корабли еще не вышли из Таманского залива, все же сравнительно защищенного от северо-восточного ветра. С угрюмой последовательностью катились гривастые валы. Скрепленные тросами суденышки взлетали на гребни, опускались и снова плавно взлетали, словно на ярмарочных качелях. И, как всегда, трудолюбиво пыхтел впереди буксирный корабль, то припадая кормой, то поднимаясь, и тогда слышалось гудение туго натянутого троса.

На носу устроился сержант Котляров. Отсюда был виден броневой щиток пулемета, поставленного строго по ходу. У румпеля, рядом с рулевым, старшиной мотобота стоял Рыбалко, когда-то работавший рулевым. И теперь по его фигуре с широко расставленными ногами, по веселым окрикам было заметно, что он доволен, попав хотя бы на короткое время в родную стихию.

Пока все казалось Букрееву простым и обыденным. Так было на десятках учений или в погоне за контрабандистами. Манжула, присевший на вещевые мешки, сваленные на дне мотобота, напоминал большую прикорнувшую птицу. И Котляров, и Рыбалко, и Манжула,

и шестьдесят молодых моряков, пробиравшихся по морю ночью, чтобы напасть на противника, наружно были спокойны. Рядом близко сидела Таня и тихо, запинаясь и не скрывая смущения, рассказывала сейчас Букрееву о ребенке, об убитом муже, обо всем.

— Я все знаю, Таня,— сказал Букреев, когда Таня замолкла.

— А почему не перебили?

— Хотелось вас слушать... Таня.

— Так бывает,— подумав, сказала она,— все знаешь, а слушать хочется.— Таня потерла ладони, спрятала кисти рук под мышки.— Так теплее. А мне нужно сохранить руки. Придется работать... там...

Ветер свежел. Корабли только первое время старались держаться намеченного порядка — не перегонять, не отставать, но потом строй изломался. Радиосвязь не разворачивали, чтобы не выдать себя противнику, и потому сейчас Букреев мог положиться только на искусство и опытность морских офицеров и в первую очередь флагмана.

Рыбалко, умело лавируя среди мешков и ящиков с патронами, подошел к командиру батальона:

— Ну як, товарищ капитан?

— Пока ничего, Рыбалко.

— Ще в нашей зоне идем, а вот скоро минные поля пойдут.

— Поглядите, Рыбалко: справа, по-моему, был корабль, он отстал куда-то...

— Ни, он вперед пошел, товарищ капитан.— Рыбалко догадался об истинной причине беспокойства.— Так завсегда, товарищ капитан. Шнура не протянешь. Выскочим, як нужно.

Рыбалко обошел мотобот и вернулся на корму.

— Вы вообразите,— продолжала Таня, нагнувшись к Букрееву,— когда были у меня на сердце только мама и ребенок, я была свободней. А теперь любовь... или как там ее назвать... к Анатолию по рукам и ногам связала.

— Такая любовь связать не может. Это вам кажется, Таня...

Букреев умолк.

Потерялись берега Тамани. Переход в двадцать ки-

лометров был рассчитан на три часа. Дурная погода предохраняла корабли от вражеского наблюдения до тех лишь пор, пока десант не поймает прожектора, с методической последовательностью вспыхивавшие на том берегу.

Волнение усилилось, и мотоботом трудней было управлять. Рыбалко, не отходивший от рулевого, то появлялся, то пропадал вместе с кормой, падавшей книзу. Ветер, холодный и резкий, дул с каким-то ноющим свистом.

Показалась высокая волна, еще издали видны были кипящие по вершине гривы. Они не падали, не сшибались позади идущим валом, а катились вместе с облачной пылью.

Мотобот не успел увернуться, и волна обрушилась на него. Моряки растащили мешки и принялись вычерпывать воду. Казалось, большое, многоголовое и многорукое чудовище встревоженно зашевелилось на днище.

Сталкивались и стучали автоматы, позвякивали диски патронов, слышалось тяжелое, свистящее дыхание. Позади, за вторым мотоботом, взлетал и опускался баркас с растопыренными веслами. Где-то близко прошел торпедный катер, потом второй. Катера принесли встречную волну.

Корабли вступали в канал, в могучий поток, стремительно выносивший сквозь горловину Тамани и Крыма высокие воды Азовского моря. Здесь еще не было минных полей, но могли бродить плавучие мины, сорвавшиеся с якорей. Четыре моряка всматривались в темноту, выставив шесты. Они оттолкнули шлюпку, плывшую вверх килем. Вынырнул труп. Плюхнувшись мягко по борту, он перевернулся и исчез за кормой.

Снова вкатилась волна. Из трюма кричали мотористы, чтобы быстрее откачивали, так как заливало моторы.

Работая наряду со всеми, чувствуя, как немеют руки и ноги, Букреев понимал: люди могут подойти к крымскому берегу вымотанными и не способными долго сражаться.

Он заметил, что, бросаясь вычерпывать воду, люди оставляли боковые сиденья и как бы разрывали кольцо,

образованное спинами сидящих бойцов и предохраняющее от волн низкобортное судно. «Что, если это «кольцо» будет неразрывным? Что, если не оставлять просветов? Ведь борта как бы поднимутся. Трудно будет прорваться воде. Матросы снабжены плащ-палатками; если надеть плащ-палатки на себя и спустить их по борту — еще лучше будет», — подумал Букреев.

Манжула, лавируя между мешками, привел мокрого и злого командира роты.

— Черт те шо, товарищ капитан... Николы такого не ждал. Штормяга начался, товарищ капитан... Кабы только...

Букреев притянул к себе Рыбалко и, не дав договорить, высказал свою мысль. Рыбалко мгновенно представил все выгоды предложения командира батальона.

— А я, дурило, не догадался, товарищ капитан!

По приказу Рыбалко, моряки заняли боковые сиденья, надели плащ-палатки и спустили их по борту. Теперь они сидели, плотно прижавшись друг к другу. Волны по-прежнему били в судно, но их принимали теперь спины людей.

Кончался второй час похода.

Букреев сидел вместе с бойцами. Волны колотили по позвоночнику, взлетали над головой. Промокли и одежда, и обувь, и фуражка. Тело остыло, ноги затекли.

Корабли пересекали стрежень керченской быстрины. Мимо них промелькнул плот; на нем было орудие и артиллеристы в башлыках. Плот, очевидно, оторвало от буксира. Красноармейцы, заметив судно, что-то кричали, поднимали руки, потом пропали в гремящей волне.

Таня наклонилась к Букрееву, простонала.

— Таня, что с вами?

— Я больше не в силах...

— Старшего лейтенанта Рыбалко ко мне! — передал приказ Букреев.

Рыбалко добрался к командиру батальона быстрыми прыжками.

— Смените-ка главстаршину, — приказал Букреев. — Нельзя оставлять просвет. Да, кстати, вы мне нужны.

Рыбалко осторожно высвободил Таню и уместился, поерзывая плечами и что-то бурча себе под нос. Пово-

жившись с плащ-палаткой, он приблизил к Букрееву свое лицо. Сверив друг у друга часы, они окончательно условились о порядке подхода к берегу и деталях атаки.

Таня лежала на мешках, прикрыв голову палаткой.

— Может, задремлет,— сказал Рыбалко.— Вот лихо! Сами мучаемся да ще дивчат мордуем. Такой войны, мабуть, ще свит не бачив.

Волны неслись и неслись, жестокие, бесчисленные и ко всему безразличные. Они били в человеческие спины, обтянутые парусиной.

Черная ночь — ей не было конца.

Ветер, прилетевший, может быть, от Карского моря и с вершин Урала, рвал тучи, и клочья облаков пролетали вверху, словно птицы, размахивая тяжелыми намокшими крыльями.

Озябшими пальцами Букреев отвернул рукав ватника. Фосфорические стрелки показывали четыре часа двадцать пять минут. Букреев смотрел на часы и мысленно представлял себе тот миг, когда стрелки укажут «4.30» — время артиллерийского налета. Сейчас на «Большой земле» возле орудий поддержки стали комендоры, в каналы стволов досланы снаряды, в каморы вложены гильзы с зарядами и предохранители поставлены в положение: «Огонь».

Приближался Крым. Неясные контуры берега возникли впереди белых гребней. Встал Рыбалко и молча, опираясь на плечи сидевших на боковых банках людей, перешел на корму. Все зашевелились, но не поднялись. Страшный миг приближался. Что будет через несколько минут? Что ждет каждого из них?

Справа ослепительно блеснуло; одновременно со светлым столбом, взметнувшимся кверху, донесся густой гром взрыва, усиленный морем. Столб распался на части, упал, но не весь, а наполовину: волны с рокотом несли еще отголоски взрыва, как будто кто-то гремел огромным куском жести. Один из кораблей попал на мину.

Вскочившая на ноги Таня стояла, поддерживаемая Манжулой, и напряженно всматривалась туда, где, освещенный прямыми бледными пучками, как будто сверху упавшими на рубку, вспыхнул сторожевой корабль,

шедший параллельным с ними курсом. Прожекторный луч упал на буруны, дотянулся до корабля. Черные фигурки шевелились у носового орудия, и до них долетали звуки выстрелов. Прожектор отвернул и погас.

И тогда открылась своя земля, разлука с которой, казалось, продолжалась так долго. В тот же миг на западных обрывах казачьей Кубани зажглось узкое колющее пламя. Свист тяжелых снарядов, быстрый и певучий, пронесся над головами, и сразу на крымской земле вспыхнули сотни разноцветных разрывов.

Всегда угрюмый и немногословный, сержант Котляров первым поднялся возле своего пулемета и озорно заорал:

— Тамань и Тузла дают жизни!

Но осветился и крымский берег. Красные полосы вытянулись из-за высот. Стреляли немецкие орудия. Прожектора вспыхнули и уже не гасли. Теперь впереди, позади и с боков были видны корабли десантной эскадры. За первым эшелоном шел Курасов с армейской пехотой. Его корабли стреляли. Изредка оставляя красные дымчатые следы, с кораблей летели ракетные снаряды.

Люди повеселели, скатали плащ-палатки, осмотрели оружие, закрепили лямки заплечных мешков.

Итак, скоро начнется. Как тогда говорил Баштовой: «На груди автомат, в ватнике, в шапке-ушанке, слегка надвинутой на брови, неся на себе две тысячи патронов и десять гранат, Куников одним из первых подошел к вражескому берегу и начал грозный, победный бой с врагом».

Букреев перевел взгляд на берег. Рокот прибоя достиг его слуха. Итак, вот он должен начать славу «букреевцев». Образ командующего встал перед ним. Букреев вспомнил его мягкий взгляд, нервное подергивание головы.

— Зараз отчипляться! — крикнул Рыбалко. — Пойдем своим ходом.

Рыбалко не успел сделать и нескольких шагов. Огонь, грохот и горячий воздух пронесли над мотоботом. «Охотник», который их буксировал, со сломанной мачтой быстро кренился влево. С узкой палубы, облитой каким-

то жидким, текучим пламенем, прыгали в воду люди. Потом они выныривали. Головы и выброшенные в саженьки руки сбивались в кучки и то проваливались, то, снова вылетая, плыли к берегу.

Заработали моторы. Дрожание железного корпуса сразу успокоило нервы.

— Людей хватать на ходу! — приказал Букреев. — Только на ходу!

Волны окатывали их, борта оседали, где-то близко рвались снаряды. Падали смерчи, подкрашенные голубым светом прожекторов. На минах подорвалось еще два судна.

Первая группа десантников уже успела пристать к берегу. Противник почти оставил в покое корабли, перенося огонь на пляжи. Скорее «туда»! Все напряженно смотрели вперед, и на лицах можно было прочесть одно желание: быть скорее там, на твердой земле, скорее помочь товарищам!

— Цибин там! Автоматчики!

— Вторая рота!

Где-то должна быть дамба. Ее надо штурмовать. Но дамбы не видно, а только однообразная линия высокого берега.

Очевидно, суда снесло влево от цели. Букреев приказал идти напрямик к берегу, высаживаться и на суше уже ориентировать удар.

Но что это? Судно уже не дрожит и не слышно рокота моторов. Откинув крышку трюмного люка, что-то кричал моторист, и его измазанное, искаженное криком лицо освещал прожектор.

«Ду-ду-ду!..» — стучал пулемет с берега.

Гребной баркас проскочил мимо мотобота. Раскачиваясь, яростно и в такт гребли матросы.

— Моторы стали!

Рыбалко пригнулся и, кажется, готов был прыгнуть туда, где идет бой, где их ожидают. Второй мотобот поднят на гребень волны, и с пестро раскрашенных клепаных бортов, овально загнутых к днищу, сбегают светлые, засаленные струйки. Моторы его работают. До слуха доносятся шум, резкие выхлопы глушителей, и видна тугая струя отработанной горючей смеси.

Букреев пытался приблизиться ко второму мотоботу.

Все работали досками, баграми. Наконец борта стукнулись, и оттуда протянулись десятки рук. «Трос намотался на винт!» Крик упал и ушел за ветром. Два суденышка крепко сцепились. Теперь их несло по течению. Берег быстро уходил при свете прожекторов. Букреев видел словно покрытые фосфором окаменевшие лица и волны, падавшие с каким-то металлическим шумом.

Глава двадцать пятая

Уходя от Таманского порта, Звенягин невольно смотрел туда, на оставленный им берег. Как последний привет друзей, вспыхивали и гасли створные огни.

Кораблем командовал Шалунов. Приятно было наблюдать его со стороны. По личному опыту Звенягин знал: сейчас Шалунов не думает об опасности, он только начинал командовать. Перед походом Шалунов обходил корабль и, любовно прикасаясь к разным предметам, ласково произносил: «Резвунчик ты мой... Резвунчик». У бесшабашного Шалунова, это слово звучало очень трогательно. И почему именно «Резвунчик»? Экое придумал! Может быть, новый командир уловил какие-то особые качества корабля, доезольно тяжелого на ходу, мало того — рыскливого и, во всяком случае, не лучшего в дивизионе? Сегодня корабль действительно шел резво. Чувствовалась легкость руки командира. Шалунов умело согласовал ход с направлением ветра, с длиной волны. Корабль не ломало, круто не кренило и не сшибало боковой волной. Если приходилось окунаться, то корабль свободно врезался в гребень волны и выносил свою носовую часть, отбрасывая устремившуюся к палубе воду.

Звенягин щадил самолюбие Шалунова, не подменял его как командира. Но когда Шалунов слишком быстро забрал вперед и потерялись остальные корабли, Звенягин крикнул:

— Не спеши, Шалунов! Флагман должен следить за своими кораблями, как квочка за цыплятами.

Случайно найденное сравнение понравилось самому Звенягину. Почему-то вспомнилась одна из ставрополь-

ских весен, вспомнились двор, огороженный известняком, нарубленным отцом в каменоломнях по дороге к селу Татарке, розовое цветение кураги и мать в платке, по-крестьянски повязанном под подбородком. Мать выпроваживала из сеней цыплят и тревожно квохчущую серую клушу. Желтенькие пушистые шарики попискивали, неумоимо перебирали по земле розовенькими лапками и часто, как будто обжигаясь, отдергивали их. Он, мальчишка, не раз запуская в курицу или гуся палкой, смотрел на эту птичью семью, и ему было стыдно за свои жестокие поступки. Курица попылила крыльями, уселась. Цыплята, наклевавшись мелко нарубленного яйца, сбегались и запутались в ее перьях...

Шалунов повернул и, близко пройдя мимо сторожевого катера, на котором шел Баштовой, направился к группе кораблей, стартовавших во вторую очередь. Под командованием Курасова эти корабли переправляли армейцев Степанова.

Баштовой спал в носовом кубрике сторожевика. Рядом с ним спал Плескачев; лежали, прислушиваясь к наружным шумам, доктор и переводчик Шапс. Тут же устроились еще несколько связистов. Вначале они не решались спускаться вниз, зная, что отсюда в случае беды не выскочить. Но Баштовой первый показал пример, и за ним последовали другие.

На корме, у дымовых шашек, сидел Линник. С хитровой смекалкой опытного десантника, он все же помедлил лезть вниз и остался наверху. Тут же пристроились с пулеметами Шулик, Брызгалов и два друга — Воронков и Василенко.

Поставив пулеметы строго по ходу корабля, чтобы в случае чего отразить атаку противника (в проливе бродили немецкие БДБ¹ и торпедные катера), все четыре пулеметчика уплотнились в кружок.

Ветер свистел. Изредка корму перехлестывало волной. Все спали или притихли. Подремывал Линник. Этот старый коммунист, рабочий судоверфей и в прошлом рыбак, изучил побережье от Одессы до Херсона и потому в начале войны попросился в морскую пехоту, думая

¹ БДБ — быстроходные десантные баржи с артиллерийскими установками.

помочь своим знанием берегов, лиманов, засад. Но война отнесла его от родных мест, и вот он — десантник, парторг батальона. Кто-то говорил, что Линник не рыбак, а учитель; кое-кто хотел приписать ему службу у Котовского и еще какие-то лихие дела в Молдавии во время гражданской войны. Слухи эти Линник не подтверждал и прикрикивал на моряков, любивших рассказывать про боевые дела своего парторга.

Линник сражался осторожно, без выкриков, свойственных матросской молодежи, но в тяжелую минуту его грузная и спокойная фигура появлялась «в самый раз». Шуметь и браниться он не любил; его побаивались, хотя в звании он был невелик.

Все знали, что придется проходить минными полями, и все приготовились к разным неожиданностям. Но все также думали, что именно они не попадут в беду — и обойдется. Баштовой так измотался, что вообще ни над чем не задумывался. Ему хотелось выспаться, так как, по примеру прошлых десантов, он хорошо знал: уцепившись за берег, вряд ли придется хоть чуть вздремнуть в первые дни.

На третьем часу похода сторожевик наткнулся на мину. Взрыв пришелся в носовую часть. Баштовой проснулся от удара в голову. Глазами, залитыми кровью, он все же увидел, как Плескачев, разрезанный надвое, исчез в проломе, куда хлынула вода. При свете еще продолжавших гореть аккумуляторных ламп он увидел доктора, поднявшего руки и словно прилипшего к обшивке, койку, сорванную с пазов, мелькнувшую перед глазами раздробленную руку переводчика Шапса.

Потом Баштового опять ударило в голову чем-то тяжелым, и он потерял сознание. Холодная вода, продолжавшая врываться через пробоину, возвратила его к жизни. Он пополз, переваливаясь через трупы, обломки мебели. Теперь было абсолютно темно. Где-то он слышал голос доктора, и это придавало сил. Корабль накрепился, и потому легче было, привалившись боком, выбираться вверх по узкому трапу. Он судорожно хватался за скользкие поручни, разжимая сцепившиеся пальцы и передвигая руки, не отрывая ладоней. Ухватившись о крайину люка, он почувствовал, что силы окончательно оставили его. Еще немного, и он сорвался бы

туда, где клокотало и хрипело. И вдруг невыносимая боль — казалось, его волосы отдирают от черепа — это доктор схватил его за волосы и вытащил на палубу. Гремящая волна окатила их, загасила зеленоватое пламя, ушла.

— Доктор, доктор... — Баштовой беззвучно шевелил губами и, как слепой, шарил пальцами по мокрой палубе.

Но Фуркасова вблизи не было. Подхваченный волной, доктор расшибся о штурманскую рубку и был смыт в море вместе со щупленьким переводчиком. Очнувшись в воде, доктор пробовал плыть, но обмундирование стянуло тело. Он последний раз вынырнул, хватил жадно воздуху. Все закружилось, заплесало перед его глазами. Он еще понимал, что мимо него прошел малый катер, слышал крики. Белые, светящиеся пузырьки пролетали, как пули. И он погрузился в воду... Шум винта погас...

Малый катер, или каэмка, как называли его черноморцы, приблизился к тонущему сторожевику. На катере стояли матросы, здоровые, сильные, вооруженные кинжалами и пистолетами.

— Живых! — предупреждающе орали они. — Только живых!

Десантники столпились у бортов. Матросы каэмки с силой, словно срывая злость за то, что их задерживают, хватали с бортов десантников и швыряли их на дно катера. Шулик возился с пулеметом. Ему помогали Брызгалов и Воронков.

— Бросай пулемет!

— Что же мы без пулемета! — орал Шулик. — Катись, если некогда.

Матросы сняли пулемет и подхватили с палубы Шулика и его друзей. Слышался нервный смех только что спасшегося от гибели Брызгалова.

На сторожевике оставался освещенный заревом Линник.

— Начальник штаба здесь! Баштовой!

— Сигай! — закричал старшина катера. — Сигай, черт пузатый...

— Начальник штаба...

— Сигай вместе с начальником штаба!

— Ранен начальник штаба...

— Берем только живых!

Катер проскользнул по борту. Брызгалов и Василенко схватили Линника за ноги и спустили его вниз головой.

Каэмка была уже в полукабельтове от корабля. Шулик устанавливал на носу пулемет, заправлял ленту в приемник.

— Пока суд да дело, погрею ствол.

Шулик открыл огонь в ту сторону, где искрили крупнокалиберные пулеметы, повернутые немцами для кинжального действия по пляжу высадки.

— Хорош «максимка»! — сказал Шулик. — Ишь притихли... Ну, пора готовиться. Сейчас начнут нас крестить фрицы.

— Баштовой! — убивался Линник. — Человека бросили...

— Спасут его! — прикрикнул на него старшина катера. — Начальника штаба спасут. Не такой человек, чтобы бросили. Ты готовься штаны полоскать — видишь, где ты нужен...

...Звенягин видел, как подорвался на mine сторожевик...

— Начинается, — выдавил он сквозь зубы и приказал идти на помощь горевшему судну.

Звенягин стал рядом с Шалуновым, но, несмотря на осложнение обстановки, оставался верен себе и подавал только советы. Шалунов мчался по заданному курсу. Когда сторожевик был близко, Звенягин скомандовал:

— Ошвартоваться с правого борта!

Шалунов блеснул на него белками глаз и оскаленным ртом.

— Есть!

Звенягин, схватившись за поручни и изогнувшись вперед, подождал, пока борта стукнулись, перепрыгнул на горевший корабль. Цепко, словно присасываясь подошвами к доскам, он побежал с ловкостью палубного матроса. Заметив Баштового, Звенягин остановился, присел на корточки и, обнаружив, что он еще жив, позвал следовавших за ним двух моряков из экипажа Шалунова.

— Взять на корабль!



Скользя по скошенной палубе, Звенягин нес человека...

Моряки понесли Баштового, лавируя среди обломков и брошенных десантниками вещевых мешков.

С треском занималось и вспыхивало внутри корабля окрашенное дерево, ветер разносил копоть и искры. Матросы передали Баштового на палубу флагмана и возвратились к Звениягину.

Шалунов видел, что командир дивизиона задерживался слишком долго. Немцы успели пристреляться, и снаряды ложились все ближе и ближе. Еще пять тяжело-раненых были перенесены на корабль. Теперь горело все. Жарко плавилось железо, трескалась, вскипала и текла краска. Моряки, погрузив всех раненых, сталкивали в море дымовые шашки и лотки со снарядами. На палубе становилось трудно дышать. Огонь перебрасывало через рубку. «Что же он делает?» — беспокойно думал Шалунов, понимавший, что дальнейшая задержка опасна: могли взорваться бензобаки.

Скользя по скошенной палубе, Звениягин нес человека, безвольно опустившего руки. Звениягину было тяжело. Это легко было заметить по его откинутой назад фигуре, по слишком осторожному движению ног. Шалунов крикнул в мегафон:

— Помогите комдиву!

К комдиву перепрыгнуло сразу несколько человек. Звениягин крикнул им: «Назад!» Люди попятились. Дойдя до поручней, Звениягин бережно с рук на руки передал человека с развороченной грудью. Шалунов и вся команда узнали командира корабля, молоденького, веселого капитан-лейтенанта, в прошлом году прибывшего из Тихоокеанского флота.

Звениягин постоял, отдышался. Облитый пламенем и закрученными поверху багровыми рассыпчатыми дымами, он сам, казалось, был подожжен.

Шалунов, до боли в суставах сжавший коробку телеграфа, смотрел на Звениягина, и его возмущало и восхищало поведение комдива.

Звениягин схватился за поручни и легко прыгнул. Шалунов дал полный вперед и, только очутившись в темноте, снял зюйдвестку и ладонью смахнул пот со лба.

Торчком поднялась корма корабля, огонь округлился, напомнив жирный перевернутый восклицательный знак, и погас.

Звенягин держал в руках фуражку; ветер играл его волосами.

Раньше в десантах Звенягину приходилось самому выбрасываться на берег, бешено торопить людей, а потом лететь за второй, третьей партией, а теперь он, флагман, бродил по морю и следил за порядком.

Шторм спутал расчеты. Десантные суда относило от намеченных пунктов высадки. Пока еще никто не атаковал дамбу. Бой шел левее, на холмах и в рыбацком поселке. Звенягин чаще отдавал приказания, чаще менял курс корабля. Немцы заметили флагмана, цепляли прожекторами, и батарея противника у дамбы вела активную пристрелку по кораблю. Радист принес запрос Мещерякова: «Доложить обстановку». Звенягин ответил медленно, взвешивая каждое слово.

Мещеряков снова радировал. Его беспокоил правый фланг, где должен высаживаться Букреев со стрелковой ротой Рыбалко. Звенягин приказал радировать буксирному кораблю Букреева, чтобы тот брал правее. Радист ушел в свою рубку, чтобы выполнить приказание, и... может быть, через какую-нибудь минуту катер, буксировавший мотобот Букреева, подорвался на mine.

Звенягин видел, как быстро, точно проглоченный морем, затонул буксир, заметил, как мотоботы сразу остановились, сдвоились и куда-то пропали. Надо было спешить на помощь таранной роте и командиру батальона.

Мотоботы несло бугристое течение стрежня. Теперь нельзя было рассчитывать доставить и посадить Букреева и роту Рыбалко. Нужно было спасти роту для дальнейшего удара и постараться вернуть ее в исходное положение. Мотоботы с заглохшими моторами теперь не могли приблизиться к берегу и были только мишенью для германских противотанковых батарей. Надо было забуксировать мотоботы, вывести из-под артиллерийского огня и оттащить обратно к Тамани. Такое решение Звенягин передал Мещерякову.

Мало кто мог бы решиться на спасение роты Рыбалко с большей отвагой и умением, чем это сделал Звенягин: он должен был сблизиться с мотоботами, точно пройти, чтобы не задеть или не захлестнуть их, подать буксирные тросы. Темнота мешала ориентировке. Здесь нужен был точный, математический расчет.

— Шалунов, прожектор!

— Прожектор? — переспросил удивленный Шалунов, зная, что в боевой обстановке так поступать нельзя.

— Луч! — приказал Звенягин.

Сдержанность не покидала теперь Звенягина. Наступило радостное состояние духа, знакомое и привычное ему по прежним походам. То, что он искал, пришло к нему.

Шалунов казался слишком медлительным, неуверенным. Сейчас нужно, чтобы его, Звенягина, приказы, продиктованные обстановкой и всем его долголетним опытом, исполнялись с молниеносной быстротой. Флагманский корабль вел он сам.

Звенягин рывком расстегнул пальто, китель, сбросил фуражку и поставил всего себя морю, ветру.

Луч прожектора выхватил из темноты полузатопленные суденышки, людей, сидевших на боковых банках, и лохматые гривы волн. Звенягин мчался, рассчитав все. Теперь нужно сбавить ход. Так. Хорошо...

Мотоботы были ловко взяты на буксир. Звенягин переменил курс. Радист уже несколько минут стоял возле него.

— Ты чего, брат? — спросил Звенягин.

Радист передал содержание приказа адмирала. Мещеряков утвердил решение Звенягина, приказал передать флагманские функции Курасову, а самому возвращаться обратно к Тамани.

— Добро! — Звенягин подтолкнул Шалунова на свое место. — Продолжай. Не серчай на меня... Вытанцевались, парень. Сегодня гульнем, Шалунов! Небу будет жарко!

Шалунов стоял за спиной рулевого, чтобы всегда были под рукой и штурвал и телеграф, связывающий его с моторными отсеками. Звенягин облокотился о мостик. Рядом, но повыше его, стоял сигнальщик, а внизу лежал капитан-лейтенант, снятый с катера.

Звенягин ощутил холод и застегнулся, откинул волосы взмахом головы и натянул фуражку.

...Снаряд разорвался невдалеке от мостика, и Звенягин почувствовал, что ему обожгло спину и бок. Он покачнулся, ухватился за перегородку мостика, но пальцы безвольно скользили по железу, и он рухнул на палубу.

«Нет... Как же так...»

Беспощадная сила, способная в любой миг расправиться с любым живущим на земле, пригнула его к палубе, и он больше не мог подняться. К нему на коленях подполз комендор, раненный осколком этого же снаряда.

— Товарищ капитан третьего ранга...

Кровь его лилась и смешивалась с кровью Звенягина. Ставропольские теплые дожди и босые пятки сверстников, заревые росы первых трав у Холодного рудника и морщины... морщины матери... запах потухающих самоварных углей... принесло ему море.

Звенягин глотнул воздуха. Кровь хлынула в легкие, забурлила. Дух его еще боролся. Он приподнялся, но снова рухнул, и последние конвульсии потрясли его тело.

Шалунов наклонился над Звенягиным, протянул руку, и она вошла в спину всей кистью. Шалунов в ужасе отдернул руку.

Разорвался еще один снаряд. Шалунов видел падающих людей, но слышать уже ничего не мог — барабанные перепонки лопнули, в голове гудело, стучало.

Корабль получил много пробоин и сразу потерял скорость. Надо было спешить. Рулевой, убитый осколком, обвис на штурвале. Шалунов оттащил рулевого и сам взялся за мокрый и липкий штурвал. Экипаж облетела весть о гибели комдива. В моторных отсеках, затыкая пробоины, по колена в воде, работали люди. Они сражались и с морем, и с врагом, и с горем.

Сверху летели команды, их нужно было немедленно исполнять. Шалунов продолжал вести корабль по курсу, заданному теперь уже мертвым комдивом.

А в это время Звенягин лежал рядом с Баштовым, маленький, щуплый, прикрытый куском парусины, и возле него стали в почетный караул два комендора.

...Шалунов ткнул о таманский берег наполовину затопленный корабль.

— Есть раненые? — спрашивали его.

Шалунов не слышал вопроса, но он знал, что так всегда спрашивают.

— Есть убитые?

— Есть убитые! — заревел Шалунов. — Павшие есть!

— Кто?

— Звенягин, командир дивизиона. Звенягин...

Шалунова вызвали на командный пункт к Мещерякову. Узнав о гибели Звенягина, Мещеряков невидящими глазами посмотрел на Шалунова, измазанного сажей и кровью.

— Звенягин убит? — переспросил он.

— Да, товарищ адмирал.

Мещеряков не мог скрыть своих чувств. Он поднес руки к лицу, опустил голову, тяжелыми и неуверенными шагами вышел в соседнюю комнату.

Начальник штаба спрашивал Шалунова о ходе высадки. Тот ничего не слышал. Начальник штаба положил перед ним лист бумаги и письменно задавал вопросы. Шалунов писал, отвечая ему и оставляя на бумаге следы ладоней.

Глава двадцать шестая

«Все должны с презрением встретить нас,— думал обескураженный Букреев, подваливая к пристани.— Так позорно, ни с чем возвратиться...» Все смешалось: тонкие расчеты, длительная подготовка, пламенные речи...

Весть о гибели Звенягина ошеломила Букреева. «Звенягин погиб, спасая нас,— подумал он.— Погиб потому, что мы замешкались и пришлось нас «нянчить». Командир дивизиона, может быть, погиб из-за нашей нерасторопности».

Манжула принес новое известие: тяжело ранен Баштовой, погиб Плескачев и, кажется, доктор. Выход из строя начальника штаба и начальника взвода связи тяжело отразится на судьбе высадившейся части батальона, лишенной теперь раций, телефонных аппаратов, запасов ракет... Неужели убит жизнерадостный доктор Андрей Андреевич?

На пристани все шло как обычно, по-деловому. Краснофлотцы подтянули баграми мотоботы, ошвартовали их своими привычными мускулистыми руками с посиневшими и мокрыми, как у прачек, пальцами. Катерники, приставшие раньше, возвращались с дымящимися ведрами кипятка и караваем хлеба. Они весело зубоскалили и шутливо стучали зубами, как бы показывая, что утро холодное.

Люди первой таранной роты и сам их командир были наружно тоже совершенно равнодушны к тому, что произошло. Они лениво, как будто неохотно расставаясь с насиженными местами (многие успели вздремнуть), выгрузились. Поторапливаемые взводными, построились; отойдя от пирса, поеживались, притопывали ногами, с завистью посматривая на катерников. Им тоже хотелось попить чайку, поесть и отдохнуть.

С того берега доносился скрадываемый расстоянием гул боя.

Высоты Крыма стояли вдали строго и мертво, но у берега в сизой дымке дугообразно горело пламя. Вспыхивающий и притухающий свет, то светлый с голубизной, то красноватый, острый, напоминал электросварку. Моряки внимательно наблюдали за тем берегом, и лица их суровели.

— Дерутся!

— Ребятам достается! А мы тут...

— Перефорсировать бы пролив!

— Штормит!

— Гляди, немец «козлов» пустил! Мало с земли, еще и с воздуха начал, гад, молотить.

— А где же наши?

Стайки неприятельских пикировщиков, или «козлов», как их называли, покружив в высоте, ринулись вниз. Так ястребы бросаются на высмотренную добычу.

— Влепили, гады! — крикнул какой-то моряк и быстрым движением пальцев расстегнул ватник, гимнастерку. — Влепили!

Позади нарастал низкий, басовый гул, сразу заставивший всех повернуться. Из-за крыш домов, из-за полуголеных стволов деревьев вынеслись штурмовики. Над ними, переворачиваясь и словно купаясь в воздухе, попадая в лучи далеко встающего солнца, летели «ЯКи».

Штурмовики двумя стаями понеслись к Крыму. У всех вырвался вздох облегчения. Это была реальная помощь.

Пехота любила штурмовой самолет. «Летающие танки» делили с ней все тяготы наземной страды, появляясь в самую нужную минуту и не гнушаясь помогать ей в «мелочах», то уничтожая вражеский взвод,

то отдельную пулеметную точку, то прочесывая траншеи.

— Дали.

— Смотри, еще идут...

К тому берегу прошли еще две стаи самолетов, и снова кувыркались в воздухе истребители сопровождения.

— Огненная земля,— сказал кто-то, смотря в ту сторону.

И вот впервые услышанное всеми слово определило название первого клочка земли, откуда началось освобождение Крыма — второй тур причерноморского похода до Измаила и Констанцы.

— Огненная земля,— сразу повторили многие.

— Огненная земля...— раздумчиво произнес Манжула.

— Ну, хватит! — крикнул Рыбалко.— Становись!

Скомандовав, он сорвал голос, откашлялся, хотел еще сказать что-то, но досадливо отмахнулся и, повернув взводы направо, повел их согласно приказанию Букреева.

— Як собака побитая, а не рота,— сказал он Букрееву, хмуря черные, сросшиеся на переносице брови.

И тогда Букреев понял, что наружно невозмутимый Рыбалко тоже не меньше его переживал неудачу.

— Вы организуйте людям горячую пищу,— приказал Букреев лейтенанту Стрельцу, оставленному на этом берегу для организации снабжения батальона.— Обязательно горячую и мясную пищу. Только из свежего мяса.

Стрелец, высокий мужчина с атлетическими плечами и словно сдавленным с боков смуглым лицом, неумело откозырял и потрусил вперед, придерживая рукой кобуру с пистолетом.

— Вы бы не трудили себя, товарищ капитан,— просто сказал Рыбалко.— Шли бы отдыхать.

В это время с корабля сносили Звенягина. Букреев приказал остановить роту.

Звенягина несли на санитарных носилках, прикрыв парусиной. Голова его со слипшимися волосами чуть покачивалась; умиротворенная улыбка сохранилась на его лице.

Букреев опустил руку, взятую под козырек, и снял фуражку. Впереди шел Шалунов, без шапки, в своем кожаном костюме, в высоких сапогах с голенищами, сбежавшимися гармошкой. Шалунов шел, склонив голову и сгорбившись, стараясь не поскользнуться на пригорке. Здесь еще сохранились следы многочисленных подошв, отпечатанных на мокрой глине, рубчатые следы автомобильных баллонов, окурки, вдавленные в грязь, и разорванные на мелкие части письма, выброшенные десантниками. К пристани подбегали матросы и солдаты, останавливались, снимали шапки.

Парусину откинул порыв ветра. Все увидели разорванный китель, ордена, залитые кровью.

— Никого не щадит, — сказал шофер. — Вот генерала нашего тоже угадала бомба. Какой был! Тоже Герой! Сносу, кажись, не было бы.

Непрерывно били по Крыму артиллерийские батареи. Море шумело и выносилось на берег, почти достигая обрывов. Носилки приближались. Солдаты загомонили, подвинулись. Каждому захотелось быть впереди. Моряки раздвинули толпу и очистили дорогу.

Матросы бережно несли командира дивизиона. Они осторожно ступали и почти не покачивали плечами, медленно шли в ногу с Шалуновым.

На пристани была и Таня. Она словно застыла на месте, пропуская мимо себя носилки, экипажи кораблей, стрелковую роту Рыбалко, солдат, шоферов, причальных матросов в брезентовых плащах с откинутыми капюшонами. Гудели возвращавшиеся от Крыма самолеты.

Таня думала о Курасове. Кто-то сказал, что корабли Курасова пристали к Тузле, как и полагалось по плану. Но пока его не было, и кто знает?.. Кто думал, что Звениягина сегодня понесут на плечах?..

Таня поднялась на пригорок. Справа остался памятник, знакомый ей по недавним воспоминаниям. Запорожец на гранитном цоколе смотрел в ее сторону. Девушка свернула в первый переулок. За ней увязалась худая собачонка, полаяла и убежала в кусты засохшей бешенюки. В намокшей одежде морского пехотинца, в сапогах, озябшая, уставшая, с санитарной сумкой, автоматом и кинжалом у пояса, она шла, погрузившись в свои тяжелые думы,

Глава двадцать седьмая

Мещеряков, незаметно почти вплотную подъехавший к Букрееву, пригласил его ехать с собой. Спокойствие адмирала вернуло Букреева в тот спокойный мир, который, казалось, был им потерян. Он вел себя так, как будто они только что расстались и, пока они не виделись, ничего не случилось.

Но, сначала отдавшийся утешительному чувству спокойствия, Букреев вдруг встрепенулся. Он стал сбивчиво объяснять причину неудачи, но понял, что все, что он говорил, неубедительно.

Он рассказал о последней минуте, когда погиб их буксир, и, находясь всего в полукилометре от берега, они не могли подойти, так как повредило моторы и намотало трос на винт второго мотобота. Их понесло течение. Они ничего не могли сделать, и вот подоспел Звениягин...

— Все бывает, — мягко остановил его Мещеряков. — Я уже знаю из доклада Шалунова про те условия, которые не позволили вам провести высадку, Букреев. Куда вы? Сейчас ко мне... ко мне...

Досадное чувство не покинуло Букреева и в домике, куда он приехал с адмиралом. Прислушиваясь к орудийной канонаде, он молчаливо барабанил пальцами по столу. Мещеряков занимался с адъютантом своими делами, бегло просматривал какие-то бумаги, и здесь догнавшие его.

— Начальнику штаба! — приказал он, захлопывая папку. — Меня сейчас интересует десант. По десанту тут еще ничего нет. Еще не запрашивали?

— Кроме утренней радиограммы, ничего.

— Ветер стихает, но из Азовского моря пошла зыбь. Плохо будет с высадкой, — сказал Мещеряков, отпуская адъютанта. — И все же под вечер вас, Букреев, пустим. Батраков высадился, дерется... Молодец... как обычно...

Букреев вздохнул и ничего не ответил.

— Пехота тоже вцепилась, но не вся. Тоже штормяга, как выразился бы Звениягин, помешал. Туго приходится. В армейской пехоте много горных азербайджанцев, не привыкших к морю.

— Может, прикажете сейчас, товарищ адмирал, не дожидаясь вечера? — спросил Букреев, выжидательно смотря на Мещерякова.

— Э, не спешите. И так потери и в людях и в плавсредствах. А сейчас вышли на охоту бэдэбэ. У нас к ним пренебрежительное отношение. Но эти бронированные утюги — прескверная штука.

— Бэдэбэ — плохо, — невпопад вставил Букреев.

Мещеряков взглянул на него мельком, но пытливо.

— Все бывает, Николай Александрович. Гладышев и Степанов пока на этом берегу. Насчет вас справлялись и кланялись. Задача не изменилась, и вам придется поработать... — Мещеряков задумался. — Звенягина не могу забыть... На моих глазах вырастал. Жаль Баштового... Генька у него, сынок. Мой крестник, куниковец. Жена хорошая. Кстати, вашим семьям вызов послали. Снарядили за ними целую экспедицию, а то билеты, пересадки... Ваших придется через Красноводск везти...

— Можно было подождать с семьями.

— К чему ждать? Теперь наступаем. Движение вперед и вперед. Скоро мы здесь будем глубоким тылом. Скучно покажется первое время.

Мещеряков приподнял бровь, прислушался. Послышался нарастающий звук тяжелых моторов. Зенитные пушки открыли огонь, стекла в окнах задребезжали. Свист, больше пойманный чувством, чем слухом, прорезал воздух.

— Сбросил! — У Мещерякова приподнялась выжидательно вторая бровь.

Домик тряхнуло; графин на столе покачнулся.

— В районе порта... — угадал Мещеряков. — Вы своих людей отвели оттуда?

— Отвел, товарищ адмирал.

— Злится немец за десант...

Шагаев пришел возбужденный. Он, захлебываясь, рассказывал, как их «накрыло», как он чуть-чуть не был убит, показывал на плащ, порванный осколками. Сбивчивый его рассказ пересыпался нервным смешком. Когда он умывался, здесь же, в комнате, над тазом, руки его тряслись. Он достал зубную щетку, принялся чистить зубы и, со ртом, забитым порошком, все же продолжал рассказывать, что ему пришлось пережить.

Мещеряков насмешливо заметил Шагаеву:

— Зубы-то зря трешь, Шагаев. Чистил же утром...

— Ах, да...— Шагаев виновато засмеялся. Его мясистые щеки покраснели.— Но зубы-то опять забило. Такая гарь!

Окончив умывание, он присел к столу:

— Да, Иван Сергеевич, Звенягина-то! Не верится!.. Хоронить где будем? Здесь?

— Хоронить? — Мещеряков отвернулся и сидел теперь ссутулившийся и скорбный.— Хоронить Звенягина? Звенягина...

Было совершенно мирное прохладное утро, с установившимся равномерным ветром. Орудийная стрельба стала привычна и не тревожила. По улицам проходила артиллерия. Продавливая глубокие следы в мокром песке, гусеничные тягачи тащили тяжелые гаубицы. Артиллерии проходило много — не меньше бригады. Букреев узнал кое-каких офицеров, присутствовавших на совещании перед десантом. Они стояли на Тузле, а теперь куда-то перебазировались со всеми своими полевыми ремонтными мастерскими, обозами.

Манжула сидел в машине рядом с Букреевым, стараясь не стеснять его и Шагаева. От ординарца пахло кислотой просыхающей ватной одежды, крепким табаком. Мещеряков иногда оборачивался к ним со своего переднего «хозяйского» сиденья и расспрашивал Манжулу, как проходило плавание через пролив. Манжула отвечал односложно. И в этих скупых ответах Мещеряков уловил трудности ночи.

Выйдя из машины невдалеке от морского вокзала, где размещался госпиталь, они повстречали артиллерийского подполковника в короткой морской шинели и в юфтовых сапогах.

Подполковник командовал артиллерией базы. Тонким голосом, зачастую переходящим в фальцет, он самоуверенно докладывал о том, как он «дает флотского огоньку».

Пока еще не стало известно, что артиллерийская подготовка из-за дальности расстояния и отсутствия передовых корректировочных постов не совсем была эффективна, но разбудила немцев, встретивших десант.

Мещеряков отлично понимал, что не все бывает именно так, как склонны изображать дело в своих докладах некоторые начальники, и приказал артиллеристам связаться с передовыми корректировочными постами, если они высадились, и помогать десанту, не жалея снарядов.

— Дадим флотского огоньку, товарищ адмирал!

Подполковник подбросил короткую руку к козырьку и, попросив разрешения, ушел.

Мещеряков поглядел вслед подполковнику:

— Вот так послушать его — кажется, чуть ли не хвастунишка. А дельный офицер. При штурме Новороссийска отлично работал. Обыграли тогда немецких артиллеристов очень ловко.

...Баштовой лежал на спине, со сложенными на груди руками. Короткая бязевая сорочка обнажала бледные руки со слабо пульсирующими жилками. Голова была забинтована.

Военный врач, вводя посетителей, стал в стороне с выражением досады на лице. Ему необходимо было лечить тяжелораненых, только сейчас привезенных, а его оторвали от дела.

Мещеряков взял руку Баштового, легонько ее пожал. Кивком головы разрешил доктору выйти. Мещеряков присел рядом с Баштовым. Тот повел на него глазом и хотел что-то сказать, но адмирал приложил палец к своим губам и отрицательно покачал головой. Лапчатые морщинки у глаз раненого сдвинулись — видимо, Баштовой хотел улыбнуться.

— Эх ты, Баштовой, Баштовой! — Мещеряков погладил его руку.

Баштовой скосил глаза на Букреева и еле выдавил:

— М-мумка.

— Что, Иван Васильевич? — Букреев нагнулся ближе.

— М-мумка...

— Сумка?

Баштовой прикрыл обожженное веко в знак согласия.

Он беспокоился о своей сумке с бумагами, где были расписаны все расчеты десанта.

— Все в порядке, — сказал Букреев успокоительно.

— Поправляйся, Иван Васильевич,— сказал Мещеряков.— Отправим ближе к Ольге, к Геньке. В Геленджик отправим.

Баштовой снова моргнул и пошевелил обескровленными губами.

— Сообщили Ботылеву,— добавил адмирал.— Он хочет лично тебя отвезти. Никому не доверяет.

Глаз раненого наполнился влагой, и, когда он прикрыл веко, на щеку скользнула капля и, дальше не покотившись, разошлась в трещинках обгоревшей кожи.

Мещеряков и Букреев прошли через палаты, где стонали и вскрикивали раненые, привезенные из Тузлы, и вышли на улицу.

Над Огненной землей стояло облако дыма, море приносило рокот. Там шло сражение. Острые красноватые вспышки поднимались, падали и снова поднимались. Жители Тамани собирались группами, с молчаливой тревогой смотрели в ту сторону.

Расставшись с Мещеряковым, Букреев направился пешком к домику, занимаемому Рыбалко. В палисаднике на лавочке сидели Таня, Надя Котлярова и с ними две девушки-рыбачки. Они плели венки из астр и гвоздик — венки для Звенягина и остальных погибших в эту ночь офицеров.

Заметив Букреева, девушки поднялись. Он поздоровался, махнул им рукой, разрешив сесть, и пошел в сени.

Через полуотворенную дверь он видел Рыбалко, опустившего ноги в бачок с горячей водой, и пулеметчика Котлярова, накрывающего на стол.

— Треба стрелять на разные голоса, Котляров,— говорил Рыбалко,— чтобы фрицы думали, что пулеметов богато. А сколько, хай сами кумекают. Особо при ночных атаках...

— Кочующая точка? — спрашивал Котляров больше для приличия, так как в пулеметном деле он разбирался и сам неплохо.

— Да... По-цыгански. Надо наводить тоску на противника.

В сенях, заваленных тыквами и завешанных по стенам кукурузными початками, Букреев медленно очищал

с сапог грязь. Он вошел в комнату. Котляров застыл с полотенцем в руках. Рыбалко сделал вид, что хочет вскочить.

— Продолжайте,— сказал Букреев, вешая куртку на крюк.

На столе были приготовлены к завтраку миска с помидорами, творог, залитый сметаной. На плите жарилась баранина, нарезанная щедрыми кусками. Присев к столу, Букреев взял помидор.

— Готовность к семнадцати...— сказал Букреев.— Сколько всего нашлось людей?

— Из второй роты прибило мотобот за Комсомольской пристанью. Да еще один с автоматчиками. Там «тридцатка» с Кондратенко.

— Кондратенко? Вот оно что... Сколько всего людей?

— Набирается двести с лишним, считая с моими орлами.

— Кончайте, Рыбалко, завтракать и пойдете со мной.

— Война войной, а харчи харчами.— Рыбалко сунул ноги в сапоги и принялся за завтрак.

Котляров медленными и спокойными движениями отвернул рукава блузы, примостился на лавке и потянулся к баранине. Внимательно посматривая на командира батальона и почтительно не вмешиваясь в разговор, Котляров неторопливо обгрызал кость, поворачивая ее в руках, расписанных синими якорями татуировки.

— Кто поведет, товарищ капитан? — спросил Рыбалко.

— Курасов. Он должен зайти сюда.

— Добро. Будет порядок. Звенягин-то... а? — Рыбалко задумчиво жевал.— Ось так завсегда: живешь, живешь, кричишь, свистишь, а потом раз — и все. Как ни було. Я чую, Звенягина порешили в Новороссийске хоронить.

— Решили в Новороссийске.

— Моряков треба хоронить по-морскому,— строго сказал Рыбалко,— в море. Помню, як Звенягин балакал. Треба выстроить в море корабли, дать салют со всех пушек — и в воду...

— Все хоронить да хоронить,— перебил его Букреев.— Не ту песню завели, Рыбалко.

— Тут и так тоска-кручина,— поддержал командира батальона Котляров.

— Люди просушились? — спросил Букреев.

— Ваш приказ передал, товарищ капитан. Кто у печки, кто на солнце, а кто при кострах. Намокли ночью. Живого места не найдешь.— Рыбалко посмотрел в окошко.— А вот и новый флагман.

Курасов вошел в палисадничек и остановился возле девушек. Его сопровождал Шалунов. Оба они были одеты в только что выданные теплые костюмы из искусственного меха, крытые парусиной хаки, с меховыми квадратами воротников, брошенными за спины, как башлыки.

Заметив появившихся на крылечке Букреева и Рыбалко, Курасов оставил девушек и подошел к ним. Он доложил, что корабли готовы. На пробойны наложили временные пластыри, моторы наладили. Курасов говорил медленно, подыскивая слова, и, казалось, мысли его были очень далеко.

Букрееву вспомнилась их первая встреча на рейде, затянутом туманом, вспомнилось свидание в портовой столовой, когда Курасов под веселые крики товарищей разрезал арбуз.

— Я полагаю, что мы обо всем договорились, товарищ Букреев,— сказал Курасов,— и вы разрешите мне вас покинуть... Сегодня мы во что бы то ни стало форсируем пролив. Немцы спешно подтягивают артиллерию, но ничто им не поможет. Батраков подавил береговые противокатерные батареи. А те батареи, которые будут бить из глубины, мне не так страшны... Не страшны...— Курасов с натугой повторил последнюю фразу, кивнул головой Тане и поднялся.

Таня, оставив подруг, вышла к калитке. Курасов направился с ней вдоль улицы.

Рыбалко вышел из калитки и, задержавшись у огорожи, долго глядел в бинокль на Огненную землю.

Вероятно, горел рыбацкий поселок. Дым стлался тяжелыми полосами. Внимание всей Тамани — и солдат проходящих к северу армейских частей, и женщин, и стариков рыбаков — было обращено туда, к высоким

берегам Крыма, где сейчас шел бой. Пустой пролив катил косо срезанные, плоские, но высокие волны.

Вдали угадывалась расположенная у темных высот Керчь и южнее — ясно очерченная гора Митридат. От Керченского порта, различимые только в бинокль, шли, прижимаясь к берегам, плоские безмачтовые германские суда. Они шли курсом на Огненную землю.

Глава двадцать восьмая

Высадившиеся части армейской и морской пехоты шестой час сражались на крымской земле. В ночной атаке десантники выбили противника из рыбацкого поселка, из прибрежных дотов и противотанкового рва и захватили высоты впереди рва. Утром наступательный порыв десанта угас. Сил для продвижения не хватало, да и нельзя было отрываться от берега. Десантники отбили две ожесточенные атаки, и немцы готовились к третьей, непрерывно подбрасывая подкрепления из Керчи.

Батраков, принявший командование над батальоном, ни на минуту не покидал передовой линии. Рядом с ним находился Горбань, с изумлением и гордостью наблюдавший своего комиссара в бою. Куда девались его тихий голос и застенчивость? В железной хватке комиссара Горбань почувствовал питерского металлиста, офицера, закаленного в войне. Оправдались слова моряков-ветеранов, неоднократно слышанные Горбанем на биваках: «Вот поглядишь, когда начнется».

Десант высадился между двумя озерами, на бугристое, поднятое террасами побережье, удобное для противника. Враги, закрепившись на террасах, могли скрытно накапливать войска в складках местности и так же скрытно передвигаться по своим тыловым дорогам. Немецкие войска по шоссе подходили из Керчи на автомашинах, сгружались на северной стороне озера, у правого фланга, и потом пешком рассредоточивались по фронту. Подвозилась артиллерия. Кое-где вспыхивали стекла стереотруб и биноклей. Немцы рассматривали десант, изучали, намечали места, куда ударить. Неторопливо прошли самоходки «фердинанды». К левому

флангу один за другим направились средние танки. Желтые клубы пыли рассосались в воздухе. Танки появились и на правом фланге, против позиций моряков.

Догорали подбитые еще ночью катера. Уцелевшие люди из катерных команд влились в десант. Их можно было легко отличить по костюмам из черной кожи, высоким сапогам и кожаным зюйдвесткам.

Дым, замеченный с таманского берега, поднимался от горевших катеров. Под высоким солнцем ярко белели стены разбросанных по взгорью домов. Снаряды разрушали рыбацьи домики, но не поджигали их.

Степняк с Горленко обменивались улыбками, удовлетворенно вслушиваясь в работу батарей «Большой земли». Горленко лежал на ватнике возле пулеметного расчета Шулика. Батраков смотрел сейчас на Горленко, на беленький ободочек воротничка, подчеркивающий загорелую его шею («Когда только успел пришить?»), и молчаливо одобрил этого всегда подтянутого и спокойного офицера. Конечно, десант попал в опасное положение. Пока не предвиделось ни смены, ни поддержки. Форсировать пролив до сумерек Мещеряков безусловно не позволит. И таким людям, как Горленко — а их было большинство, — не нужно ничего объяснять и доказывать. Они отлично понимали свое положение и готовились разумно расходовать силы.

Пока потери были численно невелики, хотя плацдарм простреливался даже ружейным и пулеметным огнем. Пули свистели, к ним привыкли. Убитых не убирали до ночи, они — и свои и немцы — лежали и позади, где прошла десантная атака, и впереди — на взрытой снарядами земле. Раненые почти не покидали передовой, хотя можно было перебраться в здание школы, где армейцы оборудовали госпиталь. Моряки сами перевязали товарищей и, пользуясь сравнительным затишьем, лопатами откапывали для них укрытия — ниши.

Затишье нервировало. Все чаще головы поворачивались к морю, сверкавшему под солнцем, как стеклярус. Предвиделась штилевая погода, но пока шла высокая зыбь. Берег шумел. Пролив держался под прицельным огнем. Фашисты только ради «психического воздействия» через равные промежутки времени выпускали по морю

серию снарядов, поднимавших красивые колонны из воды. Выгоревший «морской охотник», подбитый зыбью на мелководье, теплился тонкими, струйчатыми дымками. Возле него то опускался, то поднимался перевернутый днищем мотобот. Казалось, какая-то огромная рыба подплыла к еще теплому телу катера и тосковала возле него.

В девять часов десять минут в небе появились черные точки. Из глубины Крыма шли самолеты. Против воздушной атаки десантники пока были бессильны. Батракову невольно представился с воздуха их плацдарм под сиянием солнца: ярко очерченная, как будто разжатая подкова, упершаяся краями в море, и черные куколки людей, приникших к брустверам. Если придут пикирующие самолеты, куда спрячешься от них? Еще ночью Цибин обнаружил в захваченном складе батареи дымовых шашек. По его инициативе автоматчики установили дымовые шашки в разных местах и прикрыли их сверху сухим бурьяном. Зажечь шашки? Но уже было поздно: не разгорятся и только помогут врагу ориентироваться.

Воздух наполнился оглушительным ревом моторов. Тени машин упали на землю, и сразу же стало как-то холодно. Батраков увидел побелевшее лицо своего ординарца, округлившиеся глаза, нервное подергивание щек и какое-то беспомощное выражение на его лице. Батраков притянул к себе Горбаня, толкнул шутливо в бок и прокричал своим глуховатым голосом:

— Саша, живы будем — не помрем! Береги самое главное — черепок!

Первое звено пикирующих бомбардировщиков, словно по команде, странно перевернулось и ринулось вниз. Гул, свист, блеск крыльев и тупоносых кабин. Их недаром называли «козлами»: они и в самом деле были похожи на горных козлов, бросавшихся со скал вниз головами. Грохот и ураганный вихрь пронеслись вместе с осколками и песком. И снова все это повторилось, и еще раз...

Самолеты ушли. Точки становились всё меньше и меньше. Батраков приподнялся, поднес руки к лицу. Руки были липкие и мокрые. К манжетке гимнастерки текла свежая и удивительно алая струйка. Нестерпимая боль в ушах разламывала голову, и все шаталось перед

глазами, как бывает во время большой зыби. Потом боль в ушах сменилась тонким звенящим шумом. Недалеке, охватив бруствер руками, висел почти пополам разорванный солдат в немецком мундире, без пояса и без сапог, с желтыми, закостеневшими ногами и искривленными на них пальцами. Откуда тут немец? Догадался. Труп отбросило взрывом; перед налетом он валялся позади, на песчаном пригорке. Еле сдерживая тошноту, Батраков перебросил труп через бруствер и подтолкнул автоматом.

Из носа и ушей продолжала течь кровь. Горбань, почерневший и неузнаваемый, беспокойно перешагивал его тело.

— Ранены, товарищ комиссар?

— Чепуха, Сашка. Как там, не попало по нашим?

— Ранены,— повторял Горбань и быстрыми движениями закопченных пальцев и зубами раздирал обшивку индивидуального пакета.— Надо перевязать, товарищ комиссар.

Батраков сердито отстранил ординарца:

— Чепуха, говорю. Сейчас ступай на левый фланг, к армейцам. Найдешь капэ дивизии. Узнай, что там и какие будут приказания. Готовится третья...

Густой артиллерийский и минометный огонь заглушил слова Батракова. Горбань видел шевеление его губ, воспаленные глаза, руку, сжатую в кулак. Но слышать ничего нельзя было. Батраков писал, склонившись так, что на спину падали комочки земли, летевшей в окопы. Земля качалась и гудела, неожиданно напомнив Горбаню палубу корабля во время боя или шторма. Так было, когда они ходили на помощь Севастополю, так было, когда их атаковывали в открытом море все те же проклятые «козлы». И сознание того, что их плацдарм — тоже как бы родной корабль, неожиданно наполнило его сердце и гордостью и уверенностью. Надо вести себя так же, как на корабле. Пусть их отрезали. Корабль опоясан морем, но эскадра близко, помогут, выручат. Только надо держаться так, чтобы не стыдно было потом смотреть в глаза друзьям.

Горбань сунул за пазуху записку комиссара и, не раздумывая, выбросил из траншеи свое сильное, проворное тело. Ему хотелось как можно лучше выполнить

боевое поручение комиссара. Горбань попал животом на развороченную, будто только что вспаханную лемехами землю. Здесь плохая, неродящая земля: зеленоватая, сырая, холодная, но все же близкая ему, крестьянскому парню. Родная Украина! Вишенники и ставки, осенние заморозки при подъеме зяби и дымные полосы над вспаханным загоном. Травы, близкие и милые ему, Горбаню. Тот же полынок, что горит вон там, как сухая еловая стружка, и низкий, прижатый приморскими ветрами татарник, и желтая огудина колкого кавунчика так и хватает, так и впивается в ладони...

Горбань полз быстро, ловко и бесстрашно. Солдатские рассказы, слышанные им на завалинке родной хаты, утверждали, что снаряд никогда, мол, дважды не клюнет в одно и то же место. Горбань кругами, словно настигаемый охотниками заяц, петлял от воронки к воронке. Он был и силен, и молод, и ловок, но, чтобы поддержать дух, снова представил себе, что на него откуда-то с высоты глядит вся команда линкора. Под одобрительные крики, под гром своих корабельных орудий бежал теперь Горбань к командному пункту армейцев.

Достигнув окраины поселка, у развалин маяка, ординарец тяжело отдышался. С «Большой земли» прилетели «ястребки», завязался бой с «Юнкерсами» и «Фокке-Вульфами», снова появившимися над плацдармом. Красные и белые клубы разрывов летели теперь по воздуху, прозрачному и густому, освещенному осенним ленивым солнцем. «Ну, ну, давай, давай! — шептал Горбань, облизывая губы. — Давай, давай!» Молодые парни — их он часто встречал во время черноморских боев — гоняли по небу немцев. Может быть, тот стремительный «ЯК», так ловко срезавший хвост тяжелой бомбардировочной машине, ведет прославившийся на Кубани Покрышкин? А может, Глинка, один из братьев храброй воздушной семьи? Вот зажегся факелом немецкий самолет, но вслед за ним клубчатой струей скользнул подбитый «ЯК».

Погиб какой-то храбрец, пришедший к ним на помощь. Горбаню стало до боли жалко этого неизвестного ему летчика. Он сгорел за них, совершив свое дело. Как он завидно дрался, разгоняя в стороны сплоченный строй немецких машин!

Да, в бою надо вести себя так, чтобы люди любовались тобой. Горбань отер ладонью золотые буквы на бескозырке и пошел поселком, не сгибаясь и не прячась. Пусть все видят, как ходят матросы с линкора «Севастополь». Теперь попадались армейцы, спешившие к передовой, знакомые Горбаню еще со степных биваков у Соленого озера. Поселок пустел. Чья-то властная рука вытягивала последние резервные взводы из подвалов, из ям и бросала вперед, где они были нужны.

— Ребята, где капэ? — крикнул Горбань одному из солдат, тащившему станковый пулемет.

Красноармеец остановился, осклабился в добродушной улыбке:

— Подожди... Как там у вас, морячок?

— Что у нас, что у вас — одна петрушка... Капэ ищу, браток.

— Вон там, — указал красноармеец.

Красноармеец поплевал на ладони и покатиł за собой пулемет. Номера вприпрыжку бежали по бокам, клацая коробками пулеметных лент и стараясь прижиматься к стенкам.

Горбань шел посередине улицы и, казалось ему, вызывал восхищенные взоры. КП располагался в погребе полуразрушенного дома. Тут же лежали раненые, возле них суетился доктор, чем-то напоминавший утонувшего Фуркасова. Сестра с косами, достигавшими хлястика шинели, перевязывала оголенную ногу молоденькому азербайджанцу, поминутно вскидывавшему тонкими смуглыми руками и с молящей тоской смотревшему на сестру. Девушку Горбань знал. Это была Зоя из полка Степанова. Горбань кивком головы поздоровался с девушкой и спустился по завалившимся ступенькам в подвал.

Осмотревшись, Горбань увидел пехотного майора с телефонной трубкой в руках, с фуражкой, сбитой на затылок, и орденом Суворова на груди. На столике лежала полевая книжка, и на ней пистолет. Сержант-радиот полужележал на кирпичах и передавал радиogramму, иногда вопросительно поглядывая на майора. На сержанте были надеты наушники, спина перекрещена желтыми ремнями, подмокшими по краям от пота. Рядом, на соломе, две противотанковые гранаты. И пистолет,

вынутый из кобуры, и эти приготовленные на случай гранаты свидетельствовали об очень близкой, непосредственной опасности и о том, что ее приготовились как следует встретить.

Радист снял наушники. Потные полосы протянулись от волос до шеи.

— Требуйте пока одного,— кричал майор,— огня! Огня с Тамани, по указанным мной целям!

Заметив Горбаня, майор подозвал его кивком головы. Прочитав записку, бросил ее на стол.

— Расскажите, что там у вас и как? — Майор наклонился к Горбаню и выслушал его, изредка резко перебивая и поторапливая.

Стрельба заглушала слова, приходилось говорить, близко наклонившись. Горбань видел, как подрагивала выгнутая бровь майора и по виску одна за другой скатывались капли пота.

— Все ясно. Пятьдесят моряков сюда! — закричал майор, прижимая губы к уху ординарца.— А то проврнут немцы...

Он взял телефонную трубку и отдал несколько приказаний, из которых Горбаню стало ясно, что левый фланг отбивает атаку танков и самоходных пушек. Майор переложил пистолет, взял полевую книжку и написал приказание Батракову.

— Беги, парень, и... пятьдесят молодцов сюда! С гранатами! Автоматчиков! У меня никого нет за душой... Никого... Гол как сокол! Если просочатся в глубину, нечем встретить. Беги!

Горбань зажал бумажку в кулак и быстро побежал обратно прежней дорогой. Все время, пока он перебежал поле, в голове билась сказанная майором фраза: «Гол как сокол».

Запыхавшийся, измученный, но довольный собой, Горбань нашел комиссара и на его вопрос неожиданно выпалил только эту фразу.

— Что? — переспросил Батраков, придвигаясь ближе к ординарцу.

— Майор передал: гол как сокол!

Батраков почти вырвал у Горбаня записку и несколько раз ее перечитал. Теперь в глазах его было раздражение и губы подергивались в гневе.

— Знал бы — не посылал, дурья башка!

— Я... я ничего...

— Пятьдесят человек! Ты знаешь, как отдать сейчас пятьдесят человек?

— Там тоже плохо, товарищ комиссар. Пистолет на книжке.

— Какой пистолет? На какой книжке?

— Из кобур уже вынули пистолеты.

— Сашка... Что ты? Отдохни, Саша...

Пятьдесят автоматчиков по приказу Батракова исчезли среди разрывов, как в высокоствольном лесу. Люди в окопах раздвинулись, чтобы заполнить место.

Над буграми поднялись танки и покатались. За ними шла пехота. Были заметны движения ног и колебания темной, пока еще неясной линии голов. По траншеям разбежались связные с приказом Батракова: «Открыть огонь из всех видов оружия только по сигналу зеленой ракеты».

Чем ближе подходили немцы, тем понятнее становилось, что они решили повторить свою тактику концентрации всех сил и средств, не считаясь ни с какими потерями. Известная старая тактика, примененная в густых колоннах германской пехоты первой мировой войны и неоднократно использованная ими в эту войну от Фландрии до Сталинграда.

Батраков отметил рубежи, где нужно накрыть противника, и ожидал, сжимая до хруста в пальцах заряженную ракетницу... Когда-то в Башкирии, прямо в степи, на колеблемом ветром парусиновом экране ему, тогда еще комсомольцу, пришлось смотреть кинокартину «Чапаев». Он пожирал глазами кадры, изображавшие каппелевскую психическую атаку и поразительную выдержку чапаевцев. Как все казалось и страшным и прекрасно-героическим! И в сердце горело преклонение перед первыми бойцами революции и зависть к ним — «самому не придется». И так ясно, так близко, в крымской приморской степи, возникли образы далекой, любимой картины. Его сегодняшние «чапаевцы», моряки, лежат не шевелясь, устремив взоры туда, вперед. Возле длинных стволов противотанковых ружей — бескозырки, а ленточки по штормовой привычке крепко зажаты зубами. Вот краснофлотец Зубковский с «Червоной



Сегодняшние «чапаевцы», моряки, лежат не шевелясь...

Украины», славного крейсера. А чуть подалее Горленко — красивый офицер из бывших художников-керамистов. Говорят, он мечтал делать игрушки из какой-то особой голубой глины. Возле Горленко, на потертом ободке колесика пулемета, где старшим комсомолец Шулик, прикреплена статуэтка, вылепленная им из рыжей глины противотанкового рва. У Степняка полуоткрыт рот, обнажились хорошие зубы, нижняя губа немного отвисла. Порывисто дышит Степняк, и на груди колыхаются и сверкают под солнцем ордена и медали. Дядя Петро приподнялся на локтях из отлично вырытой и обложенной дерном ячейки, смотрит вперед, а потом опускается и устанавливает переводчик с одиночного на автоматический огонь. А чем не чапаевский Петька его верный Горбань?..

На них шли враги. Внезапно упавшая тишина понесла ревуший стон танковых моторов и скрежет траков, перетирающих попавшие в гусеницы камни. Уже ясно видны фигуры людей, очертились головы, плечи, автоматы, прихваченные у магазинов руками. Впереди солдат-пехотинцев, засучив рукава, шли германские матросы-автоматчики, матросы портовых команд, снятые с бездействующих кораблей и разрушенных бомбардировками причалов морских крепостей и по воздуху переброшенные в Керчь.

Немецких моряков Батраков хорошо знал. С ними ему пришлось встречаться и под Севастополем и под Феодосией. Их песочные мундиры, принимаемые некоторыми за форму африканского корпуса Роммеля, были ему хорошо знакомы.

Батраков взглянул на Горбаня, и их взгляды встретились. У Горбаня налились кровью глаза, вздулись вены на висках и шее; ворот расстегнут, видна тельняшка.

На холме, освещенном фиолетовым сиянием, находился лейтенант Шумский с двумя пулеметными расчетами. Батраков впервые наблюдал его в большом деле. Первые две атаки были отбиты при помощи косоприветного, вынесенного на фланг огня с высоты Шумского. Немцы обстреливали, бомбили высоту, и казалось, что там никого в живых не осталось. Но сейчас только Шумский прислал связного с запиской: «Жив... держусь милостью неизвестного бога».

Пехота поравнялась с высотой, и танки медленно прошли мимо, лениво потряхивая гусеницами. Никто из немцев не мог предположить, что на холме кто-нибудь выжил.

Все было напряжено настолько, что лишняя секунда промедления становилась опасной. Время пришло. Батраков выстрелил. Линия светлого дыма как бы подняла вверх трескучий огонек ракеты и, загнувшись леской удочки, рассыпала вниз зеленые, яркие даже при солнечном свете брызги.

И сразу все загрохотало и завывало. Немецкая пехота бежала вперед. Пулеметы Шумского вели непрерывный огонь. Лейтенант отсекал пехоту от танков. Было понятно и по торжествующим выкрикам своих, и по мечущимся танкам, и по залегшей пехоте, что психическая атака расстроена. Часто били противотанковые ружья, но звука их выстрелов почти не было слышно. Батраков и Горбань стреляли короткими очередями. Танки рассредоточились. Один загорелся, и из него выскочили танкисты в черных шлемах.

Перелом еще не наступил. Может быть, нужна контратака? Батраков пожалел, что возле него нет рассудительного Букреева. Сейчас вся ответственность легла только на него. Увлечшись стрельбой, он неожиданно увидел, как один из танков, вероятно определивший командный пункт по густоте противотанковых ружей и пулеметов, повернул и, мелькнув крестом на боковой броне, полетел на них, стреляя из пушки и пулеметов.

Секунда решала все. Теперь не могли помочь ни автоматы, ни пулеметы. Снаряд взвихрил песок и бурьян возле противотанкового ружья, и Батраков увидел заброшенную землей спину Зубковского, отброшенное в сторону ружье и краснофлотца — второго номера, зубоскала-весельчака, с разорванным боком и лицом, залитым темной кровью. Танк был совсем близко. Зубковский зашевелился, отряхнулся и, схватив гранаты, поднялся, высокий, чуть ссутулившийся, как будто приготовившийся сразиться врукопашную. Потом он сразу упал. Неужели убит? Но нет... Зубковский быстро пополз навстречу танку и невдалеке от него поднялся, взмахнул рукой и упал.

Вихрь, осколки...

...Батраков приложился к фляге, сунутой ему Горбанем. Водка обожгла горло. Он хотел обругать ординарца, но отхлебнул еще и почувствовал, как возвращается к нему спокойствие; озноб, охвативший его тело, прошел, и пальцы, в которых он не мог удержать карандаша, теперь свободно повиновались ему.

Он записал в блокнот, ставший отныне журналом боевых действий, то, что стремительно пронеслось перед ним в эти великие минуты.

Матросы бросили свои стеганки на дно траншеи, и Зубковский лежал на них, прикрыв глаза, бледный от потери крови, с руками, сжатыми в кулаки, в изорванном чуть ли не на ленточки обмундировании. Бескозырку с потускневшим названием корабля держал в руках дядя Петро, с состраданием смотревший, как неопытные руки Шулика и Брызгалова перевязывали Зубковского. Тут же с самодельными носилками, присев на корточки, поджидали краснофлотцы. Батраков приблизился к раненому и, наклонившись над ним, что-то тихо сказал. Краснофлотцы возле носилок прислушались, но ничего не расслышали. Батраков поднялся и кивком головы приказал нести. Дядя Петро бережно опустил бескозырку на грудь раненого и снял шапку.

— Чего прощаешься? — строго сказал Шулик. — Жив будет. Героя небось заработал...

Зубковского подняли и бережно понесли четыре человека. Процессии уступали дорогу, прижимаясь к стенкам, и везде по траншее с уважением и товарищеской гордостью повторяли имя героя.

...Четвертую атаку погасили штурмовики, налетевшие с Тамани. Один из самолетов сбросил вымпел адмирала: «Доложить обстановку и непременно держаться до подхода резервов». Горбань снова побежал на КП дивизии.

Батраков вызвал к себе Линника и Курилова, чтобы выяснить, как держатся моряки на остальных участках. Линник сообщил, что моряки сражаются храбро.

— Сказать о нашем моряке, что он сражается храбро, это все равно что сказать о человеке, что у него две ноги, — сказал Батраков, несколько смущаясь, так как сам вычитал где-то подобное изречение.

— Держатся, — добавил Линник.

— Продержатся до вечера?

— До вечера? — Линник поднял глаза на замполита, потом перевел их на солнце, стоявшее в зените. — До вечера удержатся. А вообще будут стоять до смерти.

— Понятно... — раздумчиво произнес Батраков. — А тебе, Курилов, придется принимать штаб. Баштового, сам знаешь, нет, Плескачева нет. Тут кое-каких связистов с катера сняли — собери. Ночью чтобы были телефоны, а то без проволоки как без рук. Гоняю Сашку — скоро ноги парень отмотает.

— Есть, товарищ капитан.

— Если к ночи отобьемся — а отбиться должны, — такой приказ: устраивай компункт и орудуй.

— Здесь, что ли? — Курилов осмотрелся вокруг не веселыми глазами.

— Вижу, неопытный ты человек, — ласково укорил Батраков. — По-моему, надо будет обосноваться пока у маяка. Там, Сашка говорил, имеются подвалы, домишки и строения из камня. Займись погребением убитых. Обязательно нужно убитых хоронить и могилы замечать. Составь такую памятку себе. Раненых из окопов переведешь. А то здесь они только мешают и настроение портят. Доктор, кажется, утонул, так что свяжешься с армейцами, помогут. Сестры почти все на том берегу... В общем, действуй и обживай крымскую землю.

Линник и Курилов ушли. Немцы обстреливали плацдарм по всей площади. Стреляли дальнобойные батареи от крепости и горы Митридат.

Моряки вскрывали консервы, обедали. Воду приносили из колодца. Вода была горько-соленая и плохо утоляла жажду. Немцы пристреляли колодцы. Обживать плацдарм приходилось не так-то легко. Батраков погрыз сухарь, припасенный в полевой сумке, и, прикрыв глаза, принялся восстанавливать в памяти подробности высадки.

Мотобот, на котором он шел вместе с лейтенантом Стонским, был прибуксирован почти к самому берегу. Отцепленный мотобот на своих моторах первым пристал к пляжу высадки. Но волна вернулась в шипении и грохоте камней и отбросила суденышко обратно в море. Если бы Батраков ждал, пока мотобот своим ходом снова подойдет к берегу, прошло бы столько времени,

сколько нужно врагу для того, чтобы утопить судно. Сейчас Батраков с внутренним удовлетворением вспомнил, как он первым прыгнул в студеную воду и как его вынесло прибоем. А потом уже появились Горбань и лейтенант Стонский, собиравший штурмовую группу.

Моряки залегли на прибрежной гальке, накрытые прицельным огнем. Надо было немедленно поднимать людей в атаку. Батраков овладел собой, перескочил проволочные заграждения и перебежал минное поле. Его пример увлек других. Они отштурмовали прибрежные доты и с налету подавили батарею, стрелявшую по кораблям.

Итак, он первым перебежал минное поле, проложил дорогу к прибрежной укрепленной возвышенности и помог внезапно атаковать врага. Личный пример много стоит. Но не будь его, так бы поступил кто-нибудь другой — тот же Горбань, или Стонский, или любой десантник, овладевший собой раньше других...

Только на рассвете Батраков узнал от Курилова о подвиге командира роты пэтээр Ярового. Мина взорвалась у его ног. Тяжело раненный, с перебитыми ногами, Яровой приказал положить себя на плащ-палатку и нести вперед. Истекающий кровью, он лежал на плащ-палатке, стрелял из автомата и кричал: «Ребята, за мной!» Он увлек людей, и они выбили гитлеровцев из их укреплений.

Самым тяжелым было известие о том, что Букреева и Рыбалко нет. Они не высадились. Положение сразу же осложнилось. Размеченная линия берега атакывалась разновременно небольшими группами. Такие атаки могли в общей сложности и не принести успеха. Помня беседы с Букреевым и его образное выражение о ртути, Батраков старался теперь «собрать капельки ртутного шарика, чтобы сжать его в кулаке удара».

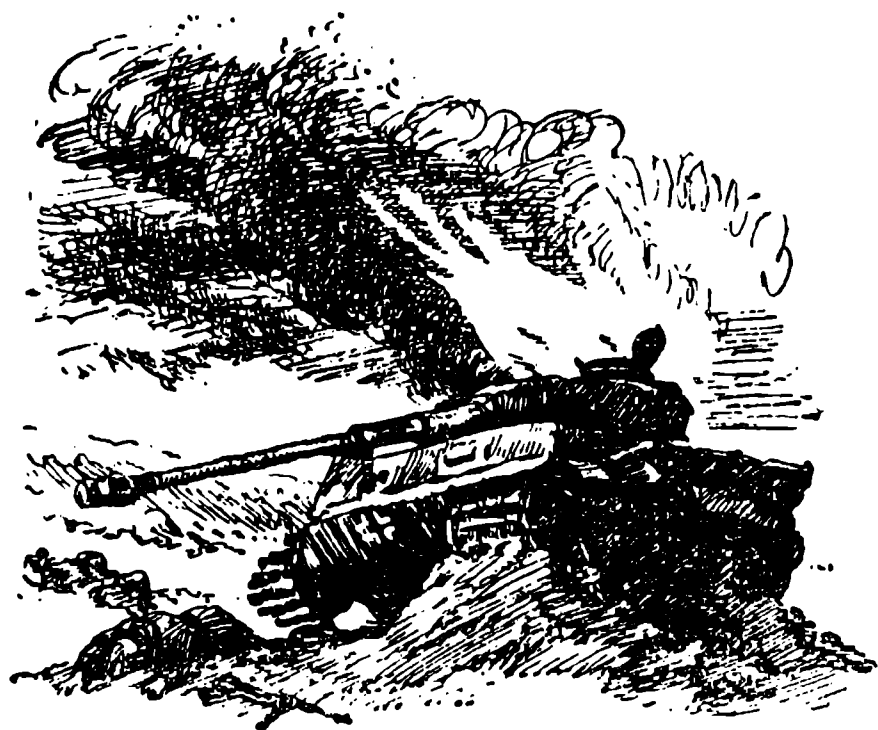
Горбань помог ему связаться с группами высадки. К Батракову, возглавившему батальон, сходились моряки, прорубаясь гранатами и кинжалами. К нему подошел Цибин, занявший с автоматчиками южную окраину рыбацкого поселка и курганы. Затем, выйдя на шум боя, они обнаружили моряков второй роты, прорвавшихся до высот за поселком и до противотанкового рва.

Сам Батраков, непосредственно командуя централь-

ной группой, к рассвету отштурмовал северную окраину поселка, а к восьми часам захватил артиллерийскую батарею, прожекторную станцию и два склада с инженерным имуществом. Выйдя правым флангом к морю, Батраков увидел при свете солнца в низине между озером и морем болото, залитое водой, и поднимающиеся словно в тумане постройки второго рыбацкого поселка, дамбу, откуда палили немецкие батареи.

Закрепив стык с армейской пехотой, Батраков выполнил первую часть задачи, поставленной командованием перед десантным батальоном.

Ночная высадка, несмотря на потери и путаницу, принесла свои результаты. Противник, получивший неожиданный удар и смело атакованный, не знал о силе десанта.





Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

Глава двадцать девятая

Десант, то есть совместная операция морских и сухопутных сил с переброской войск морем и высадкой их на занятый противником участок побережья, был совершен. Кончился период скрытого сосредоточения, ночных маршей, военных хитростей.

Две силы: одна — наступающая и другая — обороняющаяся, встретились в открытой схватке. Немецкие генералы, ожидавшие десанта отовсюду, теперь увидели его.

Позади немцев лежали обширные просторы Крыма, аэродромы, автомобильные дороги, удобные для переброски к угрожаемым местам солдат и военной техники. Восточный берег Керченского полуострова был заблаговременно укреплен и насыщен войсками.

Позади десантников протянулся широкий пролив, соединявший два моря. Далеко синели возвышенности Тамани.

Казалось, в неравных условиях началась атака Крыма.

Германские и румынские генералы, собравшиеся в тот же день на совещание близ Керчи, как рассказы-

вали потом пленные, были несколько встревожены, но рассчитывали на свое превосходство. Не предвидели эти генералы, что именно отсюда пойдут корабли черноморцев к Измаилу, к Констанце, к «дунайским столицам» — Будапешту и Вене. Отсюда началось наступление южного фланга советских войск.

Летняя кампания 1943 года принесла дальнейшие успехи советскому оружию. Наши войска изгнали врага с Левобережной Украины, из Донбасса, Орловщины, Смоленщины, переправились через Днепр и вступили в Правобережную Украину и Белоруссию.

К первому ноября генерал Толбухин подошел со своими войсками к Чонгару, а западнее, на Перекопе, прорвался через Турецкий вал к Армянску. Один из корпусов Толбухина сумел форсировать Сиваш, или Гнилое море, и захватить плацдарм на южном его берегу. Толбухин закупорил горло «крымской бутылки», отрезав полуостров с суши и выйдя на подступы к Херсону.

Достаточно простого взгляда на карту, чтобы понять значение Крымского полуострова в общем ходе войны. Крым, огромный аэродромный узел, оказавшийся в тылу наших наступающих армий, угрожал нам не только вражескими войсками, но и авиацией. Захваченный немцами Крым стеснял операции нашего Черноморского флота: Севастополь находился в руках противника.

Форсирование Керченского пролива, то есть наступление на Крым со стороны Тамани, должно было оттянуть от Перекопа значительные силы врага и позволить войскам 4-го Украинского фронта свободнее решать свои задачи. Противник понял значение первого десантного броска и не жалел сил и средств, чтобы сбросить десант в море.

Немецкие генералы отдали приказ сжечь кусок земли, захваченный русским десантом.

К Керченскому проливу были притянуты добавочные войска. Кроме пехотной немецкой дивизии, защищавшей побережье, сюда подошли части другой пехотной дивизии немцев, кавалерийской и горнострелковой дивизий румын, морская пехота, а также подкрепления из Франции, перебрасываемые несколькими авиагруппами многомоторных транспортных самолетов. Сюда подошли эскадры самоходных артиллерийских барж, торпедные

и сторожевые катера, базировавшиеся на Феодосию, Ялту и Севастополь.

Силы, с которыми должны были сразиться моряки и пехота десанта, были значительны.

Оперативный десант, высаженный в ночь под первое ноября, мог противопоставить противнику, кроме своего мужества, пока только пулеметы, противотанковые ружья, личное оружие и гранаты. Пушек почти не было, исключая, конечно, дальнобойную артиллерию поддержки, действующую с Тамани и Тузлы. Орудия, взятые десантниками на плотках, почти не достигли этого берега. Плоты разбросал шторм и унес в море или прибил там, где они не могли быть полезны.

Десантники не имели укреплений. Долговременные огневые точки, взятые штурмом ночью, были повернуты амбразурами к проливу и, конечно, не могли идти в расчет. Высоты, на которых можно было укрепиться, стояли в глубине, и к ним нужно было еще дотянуться. Единственным местом, куда можно было спрятаться и откуда вести огонь, был противотанковый ров, подготовленный немцами. Ров был захвачен в первой атаке; значение его понимали и немцы. Они решили вырвать эту единственную выгодную позицию и в середине дня начали штурм противотанкового рва.

Ров удерживался только моряками, и на них обрушилось все, чем располагал противник. Левый, армейский фланг в этот миг, хотя и меньше подвергался непосредственным атакам, не мог оказать поддержки. Армейцам нужно было укрепляться почти на открытой местности.

Высокие волны зыби, чуть подбитые гривками пены, казалось, навсегда отрезали десантников от «Большой земли». Ни суденышка, ни шлюпки, ни паруса. Чайки, отогнанные непрерывной стрельбой, носились далеко отсюда, собираясь в крупные стаи. Снаряды глушили рыбу, и птица ожидала затишья, чтобы выловить ее.

На берег выбрасывало трупы утонувших людей. Подхваченные волнами, они снова ныряли в море, пока какой-нибудь более высокий вал не забрасывал их за колья проволочных заграждений. Погребением нельзя было заняться до вечера: немцы обстреливали береговую черту.

Батраков послал людей к поврежденным кораблям за патронами. Матросы раздевались у крутизны и, мускулистые, меднотелые, стремительно перемахнув отмели, бросались в воду. Высокие и узкие смерчи поднимались из воды от разрывов немецких снарядов. К счастью, пока обходилось без потерь, а патроны и гранаты прибавлялись. Плохо было с противотанковыми ружьями. Расчеты ПТР подвергались атакам ударных групп немецких моряков, их пытались раздавить танки, их накрывал минометный и артиллерийский огонь. Пэтээровцы постепенно выходили из строя.

Все несколько перепуталось и произошло не так, как решили перед десантом: не по тем линиям пошли суда и не совсем туда, куда намечалось; при атаке тот или иной взвод не выдерживал строго своего направления. Что поделаешь? Десант — наиболее сложная из всех операций, применяемых в современной войне, а ночная высадка тем более.

...Лейтенант Шумский продолжал сражаться. Немцы разгадали тайну высоты Шумского и обрушили на нее свою четвертую атаку. Люди батальона видели приближение трагического конца. Бойцы выползли к брустверам и, молча, в затаенной тревоге, наблюдали. Танки атаковали высоту, выбрались на ее вершину, покружили и снова исчезли. На холме появились немцы. Высота перестала числиться за батальоном. Оттуда теперь не дожدهшься синих язычков, вылетающих как раз тогда, когда нужно. Батраков сполз с бруствера, приник боком к сырой стенке траншеи, достал карандаш и вычеркнул из своей книжечки Шумского и парторга Шмитько.

От взрывов снарядов глухо подрагивала земля.

Дым от горевшей невдалеке скирды полз по траншее ленивыми клубами. Вот открылись чьи-то ноги, обутые в желтые ботинки и обмотки, забрызганные ржавыми пятнами глины; это был пулеметчик Брызгалов. Он что-то жевал, продолжая выжидательно глядеть вперед, где возле пулемета лежал Шулик. Немецкие саперные лопатки с приметными, новенькими черенками торчали в стенке окопа, и на них висели плащ-палатки, еще мокрые после ночной переправы. Сизый побег ползучей травы шпарыша, напоминавший арбузную огудину, опу-

скался сверху, втоптаный в сырую глину глубоким следом кованого немецкого сапога.

Сняв фуражку, Батраков провел ладонью по вспотевшим волосам. Горбань вытащил из кармана зеркальце, протянул ему. Батраков взял зеркальце и увидел в нем свою вымазанную щеку с характерным провалом — худобой от скулы, голубой ободок расширенного зрачка и прожилки по белку. «Какие-то плохие глаза,— подумал Батраков,— и сам как черт грязный. Утереться? Кажется, был платок, если только не потерял в суматохе». Батраков вытащил из кармана аккуратно заглаженный «восьмеркой» и даже надушенный носовой платок. Свои «холостяцкие» платки Батраков обычно втихомолку стирал сам, прямо под краном, надеясь больше на свои кулаки, чем на горячую воду и мыло. Кто же постарался незаметно сунуть ему такой «легкомысленный» платок? Конечно, Татьяна. Она приходила к ним в хату, шепталась с Горбанем, разогревала паровой утюг... Батраков встряхнул платком и быстро окунул в него лицо. Сразу вместе со свежестью и чистотой ткани как бы возникли знакомые запахи магнолии.

Моторист с подбитого катера, огромный и неуклюжий парень, занимавший окопчик за Горбанем, вдруг сполз на дно траншеи и, уткнувшись головой в стенку, застонал. Моторист вел себя не совсем так, как нужно: все высовывался из-за прикрытия, балагурил. И вот, кажется, подцепила пуля. Он прижал к боку руку, и сквозь крупные пальцы, вымазанные тавотом, проступила кровь.

— Сашка, помоги!

Горбань бросился к раненому, бранчливо, но очень ловко перевернул его на спину, стащил кожаную куртку и, закатав поверх смуглого его живота тельняшку, принялся окручивать сразу же окровавившееся тело тонкой полоской розовой марли.

Вскоре появилась сестра, девушка с круглыми, как у куклы, глазами и рыжими завитками волос, упавшими на воротник. Батраков знал эту девушку из пулеметной роты Степняка, прикомандированную к ним из бригады Потапова после новороссийских боев.

— Алло! Алло! Я у телефона! — неожиданно, с веселым девичьим озорством крикнула она, размахивая сани-

тарной сумкой, чтобы разогнать дым.— А, вот, голубчик... Ай, ай, ай, какая неосторожность!

Девушка отстранила плечом Горбаня, вставшего с перепачканными кровью руками, и наклонилась над раненым. Заботливо взяла она в обе руки голову моряка, прижала к себе:

— Ничего, ничего, кудрявый...— и ловко принялась за перевязку.

Бой разгорался левее, там, где был стык с армейской пехотой.

Ухающие, тяжелые звуки летели оттуда. Батраков физически реально ощущал эти звуки, точно в стык вбивали и вбивали костыли каким-то чудовищным паровым молотом. Такого молота и на Кировском заводе у них не было. Оттуда несло: ух-ух-ух. Земля тряслась, и чувствовалось это всем — грудью, коленями, локтями.

Высокий гвардеец в одной фланелевке, с широкими плечами и тонкой, как у горца, талией, бежал по траншее, почти не пригибаясь. Он высматривал человека с красным околышем на фуражке. Наконец он нашел комиссара среди всех этих одинаково закопченных людей.

— Ворвались немцы, товарищ комиссар! — выпалил он, сдерживая порывистое дыхание.— От лейтенанта Курилова! Товарищ лейтенант просит подмогу...

Батраков понял, что там плохо. Курилов не стал бы напрасно просить поддержки. Но чем помочь? Снимать отсюда людей нельзя: атака готовилась по всему фронту.

— Цибин там?

— Старший лейтенант Цибин ранен, товарищ комиссар.

— Ранен?

— Во время контратаки. Ранен и лежит впереди...

— Где впереди? Ты что-то путаешь, брат.

— Впереди лежит, раненный. Кажется, в ноги. Не подползти...

— Погоди...— Батраков все ближе и ближе притягивал к себе связного. Глаза его стали сразу холодными и безжалостными.— Передай лейтенанту Курилову, чтобы принял пока автоматчиков Цибина, и скажи ему: отходить некуда. Если продержится, придет поддержка. Не продержится... Не нужна нам, понимаешь, не

нужна нам будет тогда поддержка. Ничего не нужно. Понял? Передай лейтенанту: Букреев подойдет с Тамани.

— Капитан Букреев? — Моряк облизнул пересохшие губы, и лицо его стало сразу другим, словно вымытым. — А разве их...

— Что?

— Не потопили?

— Букреев подойдет с Тамани. Обязательно подойдет, — как бы убеждая самого себя, повторил Батраков. — План такой... Иди с ним, Саша. Если там будет совсем того... прибежишь тогда. Сам тогда пойду. Ну, айда, ребята!

Горбань и гвардеец ушли.

Девушка, перевязавшая раненого моториста, приподняла его, помогла ухватить себя за шею. Она нагнулась, и рука моряка прихватила ее волосы на затылке. Она пыталась осторожным поворотом головы высвободить их.

Заметив взгляд комиссара, перед которым она, как и все девушки их батальона, робела, она растерянно улыбнулась и затем сразу, короткими своими ручками обняла раненого, рывком поставила его на ноги и повела.

— На буксире, товарищ комиссар, — сказал виновато моторист, — цилиндры не сработали.

— Пока не ведите в госпиталь, — приказал Батраков, — положите в нишу, ближе к берегу.

— Есть положить в нишу, — прошептала девушка, не глядя на комиссара.

Артиллерия снова начала обрабатывать плацдарм. Теперь шумы куриловского фланга погасли. Везде стало громко, как выразился бы Горбань. Казалось, люди теперь были разобщены стеной густых, железных звуков, вихрями разрывов и воем — всем тем, что приносит с собой ураганный артиллерийский огонь.

Никого близко не было. Отпустив ординарца, Батраков ощутил гнетущее чувство одиночества. Если раньше к нему обращались за помощью, за приказом, то теперь наступил тот момент, когда каждый знал свою обязанность — биться, не сходя с места.

И в этот момент, когда впору только следить за своим скорострельным оружием, за мгновенным переме-

щением целей, к Батракову подполз Линник, покачивая своим коротким телом и по-тюленьи загребая ладонями. Зачем он к нему? Неужели не выдержал этот человек, образец спокойствия и разумной отваги? Не хотелось разочаровываться в нем, может быть, в последнюю минуту. Нет, Линник не должен ничего говорить. Если и умереть, то с мыслью, что он до конца оставался настоящим бойцом и коммунистом.

— Товарищ комиссар...— Парторг тяжело привалился к нему.

— Назад, Линник! Пришло время выполнить клятву. Каждый отступивший...

— Глуховат... эхма, глуховат!..— бормотал Линник.

Дотянувшись до комиссара, он заорал во всю силу своего рыбацкого голоса:

— Корабли!

— Не жди сейчас кораблей... Не разводи панику.

— Корабли! — Линник стиснул его за плечи и рывком повернул назад, к проливу.

Туда давно не оглядывался Батраков, чтобы не расстраиваться. Оттуда, от моря, он сам, взвесив всю обстановку, не ждал помощи раньше ночи. И вот, обернувшись назад, он увидел: ныряя в валах зыби, строем фронта подходили корабли. Батраков, не веря еще своим глазам, приложился к биноклю.

Вот на тонком флагштоке корабля Курасова взвился флагманский флаг. Значит, там был командир высадки — Звенягин. Он вел свою эскадру наперекор всему, не дожидаясь сумерек, ночи. Его, звенягинский, стиль.

Батраков не знал, что Звенягин погиб, что не пронесется больше он по крутым волнам на своем крылатом боевом корабле. Живые — люди с плацдарма — еще считали живым своего бесстрашного друга.

Растрепанный дым относилось по норду.

Последние лучи заходящего солнца промчались сквозь багровую облачность, и на общем голубовато-сером фоне моря и темных кораблей вспыхнули яркие звездочки-блестки не то снарядных гильз, не то зеркал сигнальных ламп. Светлячки перебегали от корабля к кораблю, между массивными валами зыби. От этих неожиданных «зайчиков» сразу повеселело на душе. Ко-

рабли, подходившие к ним, связывали их с «Большой землей». Там все — и Ростов, и Москва, и Урал, и Кавказ, и Мурманск, и Хабаровск...

Невдалеке от берега корабли открыли огонь. Это был голос своих, черноморцев.

— Наши! Корабли!

Батраков оторвался от бинокля и поддал плечом парторга.

К ним шли все те же бесстрашные сторожевики, «морские охотники», тральщики, тендеры¹, мотоботы. Это был флот. Поддержка, подходившая от своего, родного моря в самую нужную минуту.

— Давай к ребятам, чертило! Что хочешь делай — кричи, кувыркайся... но чтобы люди знали: наши идут!

Линник скользнул по комиссару веселым взглядом и, смешно, как-то по-мальчишески подпрыгивая, убежал.

«Рад старичина! Теперь еще, пожалуй, сумеет повидать свой Херсон».

Батраков, расправив свои не такие уж широкие плечи, пошел по траншее налево, на участок Курилова и Цибина:

— Держаться, ребята! Не подкачать!

Комиссар шел нарочито неторопливо. Он нагибался к раненым и ободрял их все теми же словами: «Наши подходят, корабли!» Когда близко падал снаряд, он бросался на землю, ощущая ее и ладонями и лицом. Перележав сколько нужно, поднимался, отряхивался и продолжал свой путь. Все больше и больше раненых. Они были перемешаны с окровавленными и похолодевшими уже телами. Невдалеке рукопашная. Слышалась стрельба накоротке, в упор...

Пулеметчики, сберегая патроны, выстукивали короткие, злые строчки, стараясь пригнуть перебежавших по полю немецких солдат.

Горбань появился в изорванном обмундировании, с окровавленными руками.

— Ты что это? — прокричал ему Батраков. — Что такое?

— Я их... Я их...

Он больше ничего не мог вымолвить. Желваки бежали

¹ Тендер — одномачтовое парусное судно.

под кожей скул, как свинцовые шарики, зубы ознобно стучали.

— Сашка! Корабли! Видишь, чертило?

— Вижу... Все видят... И они видят...

Он быстро слизал кровь с разбитых до костей суставов рук, сплюнул:

— Так будет ладно... Он меня грызть взялся. Я его кулаками... Посек руки до мослов...

— Успокойся. Ну? Беги навстречу к десанту и нацель их сюда.

Горбань встрепенулся, взгляделся непонимающими глазами. Батраков нарочито грубо повторил приказание, и тогда Горбань, поняв, что от него требуют, прихватил зубами ленточки бескозырки и побежал.

Корабли вел Курасов. Прищулив свои узкие глаза, он командовал уверенно и жестко. Он развернулся фронтом, чтобы достичь наибольших скоростей и одновременно высадить десантные группы. Курасов хотел походить сейчас на Звениягина; сраженный комдив стоял перед ним как живой, с горькой своей последней улыбкой.

Когда над головой Курасова проревели штурмовые самолеты, поднятые с кубанских аэродромов, он невольно вздрогнул. Машины летели туда, куда всей своей жизнью воина стремился Звениягин. На запад! Штурмовики легко пересекли пролив и как бы упали на Огненную землю.

Курасов прорвался к самому берегу и удовлетворенно увидел россыпь морской и армейской пехоты, выброшенную с кораблей как будто гигантскими горстями. Разозленные утренней неудачей, собравшие себя для удара по врагу, десантники молниеносно достигали берега бродом и вплавь.

Курасов следил в бинокль за тем суденышком, где была Таня. Приметный мотобот, камуфлированный черным и желтым, с Букреевым, поднявшимся на носу во весь рост, высоко подняла волна и боком выбросила на пляж. Вторая волна подхватила мотобот, уже освободившийся от людей, и сразу отнесла от берега. Курасов искал Татьяну, но неуклюжие, одинаково одетые фигурки сразу залегли и пропали из глаз. Совместная, плечо к плечу, боевая жизнь, о чем мечтала Татьяна,

окончилась. У каждого из них было свое дело, и с каждым кабельтовым на его обратном пути к Тамани Таня удалялась от него все дальше и дальше.

Глава тридцатая

Плетение проржавленной колючей проволоки, натянутой на сырые столбы, и за ней немецкое минное поле — сюда отнесло мотобот Букреева.

Мотобот подбросило к берегу. Первым выпрыгнул Букреев, и за ним моряки «тридцатки».

Впереди простиралось замытое волнами и покрытое крупнозернистым песком и камнями минное поле. Казалось, чутьем угадывались бугорки, где их поджидали мины. Противник обстреливал берег и при высадке сгустил огонь точно по целям.

Букреев бросился вперед и с разгона перепрыгнул «колючку», натянутую в два кола. Преодолев первое препятствие, Букреев видел косые взлеты песка — шов крупнокалиберных пулеметов. Их накрывали. Моряки залегли. Он оглянулся и увидел распластанных на песке людей, мотобот, отшвырнутый на гребень, боцмана, бежавшего зигзагами от носа к корме, и только что вынырнувшего на берег Кондратенко. Вода струями стекала с его плеч, с автомата, с дисков.

— За мной! — крикнул Букреев, рассерженный заминкой.

Кто-то, повинуясь его приказанию, перепрыгнул проволоку и побежал по минному полю.

— Таня!

Это была она. Она первая последовала приказу командира батальона и бросилась на минное поле. Елочка глубоких следов легла на песке. Матросы поднялись и ринулись по дорожке, протоптанной Таней. Букреев догнал ее. Ведь он обещал Курасову следить за ней, сохранить ее, и вот в первый же миг...

— Что вы делаете, черт вас возьми?! Девчонка!..

Таня глянула на его посеревшее лицо, обозленные глаза. Торжествующе блеснув своими острыми зубками, она подбросила руку ко лбу, чтобы поправить упавший из-под шапки локон, и это походило на озорство, как

будто она «козыряла» начальнику. Она снова побежала вперед. И Букреев мог догнать ее только на взгорке возле Рыбалко, собиравшего роту для удара.

— Вы... меня... простите...— Таня стояла возле Букреева.

— Смотрите, вот где вы нужны...

Двое раненых моряков ползли к укрытию — камням, сваленным пирамидой. Мешки на спинах и медленные движения тел делали их похожими на огромных улиток.

Таня вернулась к раненым, а Букреев присоединился к Рыбалко.

Рыбалко бежал, чуть пригнувшись, прихватив ремень автомата пальцами, чтобы не болтало. Букреев невольно подражал ему.

Рыбалко не признавал переползаний, хитроумных перебежек и всяких других тонкостей в тех случаях, когда дело решалось исключительно быстротой. Он проповедовал теорию «прямой пули». «Пуля летит прямо, а будешь кружиться, больше нахватаешь», — так говорил он.

Убитые, на которых они натолкнулись, были сложены на восточном склоне рва. Задымленные, оборванные и раскромсанные люди с оскаленными ртами и обострившимися носами. Бескозырки были положены на грудь и судорожно прихвачены пальцами.

Рыбалко на секунду задержался.

— Хлопцев яких побили! — простонал он.

Рыбалко с размаху прыгнул в траншею, где отбивали атаку автоматчики.

Букреев очутился в траншее рядом с ним. Надо было разыскать Батракова, выяснить обстановку, узнать, где требуются подошедшие резервы. Помог Горбань, спешивший к ним от Батракова.

— Туда! — закричал он, налетев на Букреева. — Туда, товарищ капитан!

По внешнему виду Горбаня можно было определить, насколько за каких-то полдня изменились защитники плацдарма. Не расспрашивая Горбаня, Букреев побежал вслед за ним. Он вспомнил Куникова, и ощущение величия подвига охватило все его существо. Рыбалко несколько отстал, подбирая своих людей. Манжула

проскользнул вперед и бежал как-то по-особенному, вобрав голову в плечи.

Рыбалко сблизился с Букреевым.

— Немцы уже в окопах! — хрипло орал он. — В окопах!

Букреев чувствовал свое сердце. Стук бегущей по артериям крови бил в его виски, в затылок. Сердце как будто вырывалось. Он прислонился к стенке окопа.

— Атаковать сверху! — приказал он Рыбалко. — Расширить фронт удара!

Он боялся, что его не поймут, и повторил приказание. Рыбалко глянул на него остановившимся взором; вначале он и в самом деле не понял, но потом широко осклабился и, помогая себе автоматом, выбрался на гребень.

Топот тяжелых ботинок и какой-то рев пронеслись вблизи Букреева.

Передохнув, Букреев побежал снова вперед. В тумане он узнал Горленко, ставшего на колени у пулемета и что-то кричавшего.

Дальше Букреев увидел спины людей, то нагибающиеся вперед, то отскакивающие, и сернистую гарь, заполнившую траншеи. Разрывы гранат сразу оглушили его настолько, что все дальнейшее, казалось, происходило уже помимо его воли и сознания.

Кондратенко обогнал Букреева, что-то прокричал, и за ним в траншею вломились моряки «тридцатки».

...Вспоминая потом свой первый бой, Букреев не мог точно сказать, убил ли он лично кого-нибудь. Ему пришлось стрелять по фигурам в чужих мундирах, бежавшим по полю, он сшиб кого-то прикладом и почувствовал под ногами хруст обмершего человеческого тела. Он кричал до хрипоты, потому что все кричали. Он знал, что кричал зря — никто его не слушал, все уже совершилось помимо команд. Все шло само собой, ибо все было подготовлено раньше.

Если бы не было предварительного опыта у моряков его батальона, если бы он не закрепил его подготовкой в Геленджике, если бы люди не верили друг в друга, то они не выбили бы немцев из рва, не сумели бы переломить противника.

Выбив немцев из рва, они решили исход первого дня.

Единственная позиция (дальше было море) сохранилась за десантниками.

Немцы сразу же пошли в очередную атаку. Но у защитников плацдарма теперь был поднят воинский дух. Теперь каждый снова сражался за десятерых. Люди шли на танки и, ободренные восхищенными взорами товарищей, взрывали машины. В первый же день родились первые в батальоне Герои Советского Союза.

Батраков разыскал Букреева, подполз к нему и, схватив обе его руки, пожал их.

— Дружище, чертило! — орал он ему в ухо. — Вот вовремя ты! Чуть в ящик не сыграли...

Впервые произнесенное «ты» было так понятно и уместно. Букреев взял у кого-то папироску (свои подмокли), покрутил ее в руках и, прикурив, затянулся. Закружилась голова. Он ничего не мог ответить сейчас. Голос сорвался совсем, а Батракову нужно было каждое слово кричать, чтобы он услышал. Они любовно смотрели друг на друга, и Букреев улыбался своей милой «гражданской» улыбкой.

— Все же мы их того... — сказал Букреев, ласково взглядываясь в Батракова.

— Я же говорил: начнем, и будет все ясно и понятно... Что у тебя на носу, Букреев?

— На носу?

Батраков пощелкал себя по кончику носа.

— Нос тебе оцарапало. Понимаешь, такая чепуха! Сколько железа летит кругом и только чуть-чуть кончик носа, а? Смешно прямо...

Букреев провел ладонью по носу, обнаружил кровь:

— Ничего, что оцарапало.

— Что ты? — наклонившись к нему, переспросил Батраков.

— Ничего, говорю.

— Я думал, ты что-нибудь другое. — Он огладил свои колени. — Набегался я, Николай Александрович. Ноги не носят... Сижу за весь день в охотку. А конца-края пока нет. Все же решили нас вытурить отсюда... Ложись!

И тотчас же снаряд поднял вверх землю и камни. Лежа на пожелтевшей траве, Букреев с тревогой в душе наблюдал, как закрутилось бурое курчавое облачко, как

разнесло от конуса взрыва осколки и на него, больно ударяя по спине, упала земля. Он чувствовал, что на этот раз пронесло, и вместе с радостью пришло чувство страха. За первым должен последовать второй снаряд; вероятно, их группу заметили и накрывают. Надо скорее выкарабкаться и приспособиться где-либо в другом месте.

К нему подполз Манжула и принялся его раскапывать, отбрасывая под себя горстями землю.

— Комиссара, комиссара! — прикрикнул на него Букреев.

Но комиссар уже без посторонней помощи выбрался из завала. Отплевываясь и отирая шею фуражкой, он оглядел комбата внимательными глазами.

— Кажется, ты опять ничего, — сказал он. — Надо нам разбежаться. Если двоих сразу накроет — непорядок.

Батраков перекинул на плечо автомат:

— Я буду во второй роте, а ты пока здесь, а потом надо делать капэ, Букреев. Тебе не стоит рисковать.

Распаханная снарядами земля дымилась, как подожженная. Парные запахи земли мешались с гарью взрывчатки.

Здесь не так давно люди пасли коз и коров, на пригорках резвились детишки-пастушата, пилюкая на свирелках; на побережье рыбаки сушили сети и выносили в ивовых корзинах живое серебро сельдей, кефали и султанки...

В цепи участилась стрельба, и приятные звуки своих автоматов переплетались с длинными и однообразными, татакающими очередями вражеских.

Невдалеке от Кондратенко стреляла Таня. Букреев давно наблюдал за нею, но Батраков только сейчас ее заметил.

— Не в свое дело! — прокричал он комбату. — Не в свое дело влезла!

Батраков ушел, а следом за ним, цепляя локтями за стенки окопа, подошел Курилов.

— Лейтенант Курилов. Прибыл по вашему приказанию, товарищ капитан.

— Я хотел вместе с вами обойти наших...

Глава тридцать первая

Внимательно присматриваясь к утомленному узкому лицу Курилова, Букреев выслушивал его соображения о переходе батальона к обороне. Комдив Гладышев и Степанов были уже на этом берегу. Они высадились вместе с Букреевым. Письменное приказание комдива, полученное Букреевым, было подписано также Степановым, с короткой его припиской: «Осмотрите и развивайте укрепления. По-моему, ров пристрелян и потому так велики потери».

Курилов замолчал. Букреев уместился поудобнее и принялся набрасывать на бумаге схему обороны. Еще не пришедший в равновесие после рукопашного боя, Курилов рассеянно следил за карандашом, рисующим овальные круги, заштрихованные косыми линиями, клеточками и пунктирами. Трудно было сосредоточиться на этих кружочках, когда тряслась земля, били скорострельные пушки, а прибежавший от автоматчиков моряк горячо просил разрешения отрывать сап¹, чтобы выручить их командира роты, по-прежнему лежавшего впереди окопов. На выручке Цибина было уже потеряно четыре человека, и Букреев запретил до темноты вести сап. Курилову казалось странным такое жестокосердие Букреева по отношению к лучшему командиру роты, которого всегда ценил комбат. Букреев заканчивал разрисовку кружков.

— Смотрите внимательно сюда! — Кончик карандаша постучал по бумаге. — Надо вам проследить, и строго проследить, чтобы было именно так.

— По боевому уставу пехоты?

— По боевому уставу, — глаза Букреева потемнели, — придумывать ничего не будем. Недостаток наших позиций в том, что мы сидим во рву, заготовленном для нас противником, и теряем людей.

— Но ведь атаки...

— При атаках противник теряет гораздо больше нашего. Мы несем потери от огня. Я бы на месте немцев не атакывал. Только огонь! И нам туго пришлось бы во рву... Итак... пока немцы не оценят своих преиму-

¹ Сап — скрытый ход в земле.

ществ... Я наметил здесь ротные районы, главные опорные пункты и распределил средства усиления. Берегите противотанковые ружья и минометы. Сегодня потеряно много пэтээр. Земляные работы начинать с наступлением темноты и копать всю ночь, если только противник не возобновит штурм... — Букреев помедлил, по-прежнему пристально наблюдая Курилова. — Вот приходили от автоматчиков... Вы, вероятно, тоже упрекнули меня?

Курилов сделал неуверенный жест.

— Цибина я люблю не меньше вашего, но, если выручать его сейчас, а немцы заметили нашу возню, мы совершенно зря потратим людей... Каковы потери в роте?

Курилов назвал цифру. Рота быстро истаяла. Отданные армейцам пятьдесят человек пока не были возвращены.

— По-моему, нет смысла сохранять роту автоматчиков как боевую единицу...

— Расформировать? Автоматную роту?

Букрееву было трудно принимать решение по этой сплоченной роте смельчаков, к которым он так привык в дни подготовки.

— Распределить... Мы пополним убыль в стрелковых ротах. Укрепим их.

Курилов молчал. Тогда Букреев решительно начертил на схеме еще несколько кружочков.

— Примерно так распределите автоматчиков. А сейчас — к ним!

Курилов шел за Букреевым и видел его чуть ссутулившуюся, запыленную спину, локти, плотно прижатые к бедрам по привычке кавалериста, сапоги с задниками, потертыми шпорами. Вспомнил, как вначале Цибин втихомолку подшучивал над комбатом по причине этих следов шпор и за бриджи с леями. Теперь Цибин лежал с перебитыми ногами где-то за бугром.

Автоматчики собрались кучкой. Среди них были моряк, прибежавший к Букрееву, и лейтенант Стонский. Автоматчики о чем-то горячо спорили и при приближении комбата медленно и неохотно разошлись по своим местам. Надя Котлярова спокойно перевязывала раненого в голову русого ясноглазого парня и журила его.

Раненый кривился от боли и виновато после каждого витка бинта прощупывал голову.

— Что с ним, товарищ лейтенант?

Стонский, так, чтобы слышал раненый, доложил, что, несмотря на запрещение, он пополз к Цибину.

— Командир наш там...— бормотал в оправдание раненый.— Слышите? Опять...

Букреев прислушался и разобрал, что кричал Цибин: «Не надо!.. Не губитесь!»

Немцы стреляли редко, но на высотках выжидали их снайперы.

— В воронке он, сам перевязался,— докладывал Стонский.— Мы ему передали медикаменты, флягу с водой, две плитки шоколаду, табаку.

— Кто передал?

— Их нет...— Стонский замялся.— Побили. Там лежат. Только не высовывайтесь, товарищ капитан.

— Цибин! — крикнул Букреев, приставив ладони ко рту.

— Ау! — отозвалось оттуда.

— Я Букреев, слышишь?

— Ау! — снова донеслось сюда.

— Слышишь?

— Слы-шу!

— Подержись до вечера, Цибин!

— Подержусь...

Букреев опустил на патронный ящик, снял фуражку.

— Вот что, лейтенант: Цибин сам просит людей больше не губить. Ждать до вечера. А если вот такие штучки повторятся,— Букреев повел глазами на раненого,— то ответите вы, лейтенант.

— Есть, товарищ капитан.

Плотно сжав губы, стоял перед ним короткий и крепкий, похожий на слиток металла Стонский. Небольшие его серые глаза с жидкими ресницами строго установились на командира батальона.

Букреев миролюбиво добавил:

— К Цибину могут подползти оттуда. Следите, чтобы немцы до вечера не тронули его.

К исходу дня немцы поджали армейскую пехоту вплотную к рыбацкому поселку. Весь плацдарм простре-

ливался перекрестным пулеметным и минометным огнем. Противник пытался раздробить десант на части. Танки и самоходные орудия, чтобы пробиться к морю, подходили и стреляли в упор, буквально разрывая людей на части. Подражая Зубковскому, краснофлотец Киселев с пятнадцати метров подбил гранатой танк и, простреленный пулеметной очередью, отбивался, стреляя из автомата.

Оружие не отдыхало до полуночи. Стволы раскалились и обжигали руки.

К полуночи было отбито девятнадцать пехотно-танковых атак. Под светом ракет дымилась развороченная земля. Впереди рва лежали трупы убитых немцев, были и трупы моряков, ходивших в контратаки. Безлунная ночь спустилась над Керченским полуостровом. Трассирующие пули летели, оставляя разноцветные стежки. Голубыми клубочками вспыхивали разрывные пули. Моряки считали отдыхом такую перестрелку и, привалившись в наскоро вырытых окопчиках, притихли. Кое-кто пополз за водой к колодцу.

Ночью атаки могли возобновиться. Движение машин и танков не прекращалось на шоссе, у озера.

Командирам передали приказ — окапываться. В немецком складе инженерного имущества были захвачены лопаты, кирки, мотки колючей проволоки, железные колья. Все вытаскивалось и распределялось по ротам. Командиры рот, получив задачу на оборону, должны были организовать наблюдение и охранение, произвести разведку своего района и впереди лежащей местности. Дневное сражение помогло определить рубежи для ведения огня и танкоопасные места. Пэтээровцы переменили огневые позиции, так же как и пулеметчики. Приданные средства усиления распределились так, чтобы прикрыть позиции батальона завесой фронтального, флангового, косопрцельного и кинжального огня. Днем приходилось вступать врукопашную и слишком близко подпускать атакующую немецкую пехоту еще и потому, что не совсем хорошо использовались минометы и тяжелые пулеметы.

Пока Курилов устраивал командный пункт, Букреев, отдав распоряжение по обороне, задержался с Горленко.

— Почему так пренебрежительны наши люди к своей

собственной жизни? — спросил Букреев. — Я заметил, как скептически все воспринимают необходимость фортификационных работ. Хмурятся, еле-еле тащат ноги. Даже наш уважаемый командир первой роты Рыбалко.

— Моряки не хотят окапываться, — сказал Горленко. — А для Рыбалко это просто нож по горлу.

— Почему?

Горленко засмеялся:

— Трудно понять. На корабле ведь земли нет, не привыкли, что ли...

— Но они воевали на суше?

— Воевали. Но обычно при десанте врываются в город. Там здания всё заменят — возьмите хотя бы Керчь, Новороссийск. А полевую войну кто же вел? Кто был на перевалах, тоже избалован. Все естественно. Воевали на готовом рельефе.

— А севастопольцы?

— Ну, разве кто в Севастополе. Там крепко учили.

Перещупав всю коробку папирос, Букреев нашел одну непромокшую и, прикрывшись полкой, закурил. Светящиеся трассеры бродили над головой; ракеты отбрасывали на стенку перекрещенные тени от оставленного на бруствере ежа, сваренного из кусков толстого швеллера. Где-то слышался стук разматываемой катушки. Очевидно, Курилов уже потянул связь от КП батальона к ротным опорным пунктам. Букреев курил и думал, что у Степанова придется выпросить саперов: поставить на переднем крае мины, помочь распланировать участок обороны, наметить ходы сообщения, запасные огневые позиции.

— Помню, отступали по степям и потеряли, прямо скажу, интерес к фортификации, — сказал Горленко. — Только создадим рубеж, окопаемся, глядим, уж танки где-то прорвали и вглубь ринулись. Бросай все свои труды! Я сам десятки раз волдыри набивал на ладонях. Помню, добирался и до камня и до воды. Все лопатой перевернешь, а потом опять мешок на плечи — и айда.

В окоп спрыгнул Курилов.

— Командный пункт готов, товарищ капитан! — весело объявил он. — Аппараты пока поставил немецкие.

— С капэ дивизии связались?

— Повели линию, товарищ капитан. Площадка не-

большая, управятся быстро. Я приказал тянуть провод к берегу, а там — по мертвому пространству. А то начнет завтра швырять — всё порвет.

Поднявшись вверх, Букреев пошел к поселку. По шуршанию шагов позади себя он знал: Манжула не отстает. В Геленджике и на Тамани постоянное присутствие ординарца иногда докучало. Теперь же близость его успокаивала. У Манжулы выработались им самим узаконенные нормы поведения: в атаке забежать вперед, как бы прикрывая командира своим телом; в переходах стараться находиться с угрожаемой стороны.

Маяк белел грудой развалин. В поселке горел дом. Языки пламени стоймя поднимались между стропилами, освещая крыши домиков.

Ближе можно было различить разрушенные постройки, вероятно склады, черневшие на фоне одинокого пожарища.

Поджидавший комбата Горбань провел его и Манжулу через пролом в стене, как будто сохранивший еще теплоту и запахи взрыва, и, присвечивая фонариком, указал на ступеньки, оббитые по закраинам. Ступеньки вели в подвал.

В подвале разливался подрагивающий желтоватый свет коптилки. Возле стола Батраков что-то быстро писал. Над ним склонился Линник. Пистолет в германской кобуре свисал с его живота, шапка сдвинута на затылок. В одном из углов расположился Кулибаба, успевший расставить на столике консервные банки, кастрюльки, посуду, подобранную, очевидно, в немецких блиндажах. Дежурный мичман наклеивал на коробки телефонных аппаратов ярлычки с цифрами рот. Человек в кожаной куртке, стоя на коленях, мастерил в углу печку. Невольно улыбнувшись этому поразительному умению приспособляться в любой обстановке, Букреев присел к столу. Замполит намечал план партийно-комсомольской работы на плацдарме и даже готовил копию плана для отсылки Шагаеву. Это было также удивительно, и, только сейчас почувствовав страшную усталость, Букреев следил за работой замполита, может быть, с таким же чувством, с каким недавно за ним самим наблюдал Курилов. Наружные шумы глухо долетали сюда. Лениво взяв трубку, Букреев, не переставая

смотреть на тонкие пальцы замполита, снующие по бумаге, соединился с КП дивизии. Ему ответил Гладышев спокойным и тонким своим голосом. Расспросив о ходе фортификационных работ, Гладышев извинился, оборвал разговор. Букреев еще немного подержал трубку; звонкий шум летел по проводам.

— На партийно-комсомольском собрании я прошу обязательно поставить вопрос о фортификации нашего участка,— медленно сказал Букреев.

— В плане я поставил этот вопрос первым,— сказал Батраков.

— Уже?

— Конечно,— глаза его прищурились,— насчет окапывания надо будет ломать настроения, Николай Александрович. Особенно у Рыбалко.

— Мне об этом говорил и Горленко.

— Горленко тоже, как и я, давно знает Рыбалко. Перед твоим приходом звонил сей доблестный муж. Представь себе, он находит возможным ограничиться тем, что ему отрыли немцы.

Линник незаметно вышел. В присутствии комбата он держался всегда несколько стеснительно. Манжула помогал выкладывать печку, засучив рукава и открыв свои мохнатые руки.

Кок консультировал, куда и как класть кирпичи, и просил обязательно достать где-нибудь духовку. Моряки коротко посмеялись и притихли. Слышались только их дыхание, стук кирпичей и поскрипывание сжимаемого для труб железа.

— Мне рассказал Линник вот только что, перед твоим приходом, об Иване Васильевиче,— сказал Батраков.— Не повезло парню. Как не повезло! Готовился, готовился, и вот нате... Ты просил адмирала отправить Баштового в Геленджик?

— Мещеряков обещал. Радировали Ботылеву, и он обещал лично отвезти его. А насчет Звенягина знаешь?

Батраков утвердительно покачал головой. На его сразу как бы застывшем лице медленно подрагивали тени.

— Ничего не попишешь, Николай Васильевич. Такая наша солдатская судьба. Представь себе, мне вдвойне

тяжело. До сих пор гложет: спасал он кого? Меня. Может, потому?

— Не думай.— Батраков шевельнул кистью руки.— Это случается всегда по какой-нибудь причине. Не подвернись ты, другого нужно было выручать, или тот же снаряд шальной... На войне, если во все причины начнешь вдумываться, с ума сойдешь.

— Яровой тоже плох,— сказал Букреев.— Был я у него. Просит не отправлять его отсюда. Хочет быть с нами. Когда, мол, пойдете вперед, все же я ближе буду.

— Пока, конечно, трогать не будем. Как там? Кто-нибудь обслуживает их?

— Назначил я начальника медсанчасти...

— Кого? Уж не Татьяну ли?

— Ее. Одна осталась, если не считать Котлярову. Ты возражаешь?

— Чего возражать... Доктора-то принесло зыбью, чуть повыше расположения второй роты. Я приказал закопать под обрывом и приметить.

Дежурный попросил комбата к телефону. Стонский сообщал, что Цибина вытащили и понесли в армейский госпиталь.

— Я приказал автоматчиков рассредоточить по остальным ротам,— сказал Букреев, отходя от телефона.— Роты почти не существует.

— Ребята не бузили?

— Тихо приняли.

— Конечно, это временное мероприятие,— подумав, сказал Батраков.— Когда укрепимся и пойдем вперед, тогда надо просить пополнение у адмирала и роту восстановить. Нужно ее целиком довести до Севастополя.

Степанов вошел в сопровождении вестового Куприенко.

— Представьте себе, знакомые все места! — здороваясь, сказал Степанов.— Вот в этом самом подвале я держал свой компункт в сорок втором. Жаль, нет Баштового! Он оборонял район повыше, за Соленым озером. Возвращаемся к старым местам...

Степанов быстро ознакомился с обстановкой, утвердил мероприятия командования батальоном, «прощупал» Курилова как начальника штаба, а затем дружески разговорился.

— Помните, я рассказывал, Николай Александрович, про туапсинское наше стоянье. Здесь не лучше будет, уверяю вас.

— Почему же? — спросил Батраков.

— Как — почему? Там хотя позади что-то было, площадь какая-то. А здесь отросток, а позади пролив шириной с Ла-Манш. Тут, братцы мои, назад действительно ни шагу. Море...

Скрывая внутреннюю тревогу, Степанов просидел на КП часа два, а потом обошел позиции батальона у болота и долго смотрел в сторону мыса, где сидел насторожившийся враг.

— Воспоминания, Букреев! Ведь там та самая переправа, где мы поскандалили с Баштовым.— Степанов снизил голос до шепота, и в голосе его слышались грустные нотки.— Как будто вернулся к родным местам. Здесь мы горя хлебнули — долго помнить будем. Долго! Не знаю, куда нас дальше кобылка повезет, а вот сюда довезла. Вину искупим, как говорится... А пока пойдемте-ка вздремнем, а то утром долго спать не дадут. Не у тещи на именинах...

Глава тридцать вторая

День второй начинался в мутном, огненном рассвете. Подожженные снарядами, горели дома поселка. Освеженный сном, Букреев обходил боевые участки. На берегу в пене прибоя возились матросы, вытаскивая из воды крупнокалиберные пулеметы с погибшего катера. Валы зыби поднимались и иногда накрывали людей с головой; они отряхивались и снова продолжали тащить пулемет. Заметив комбата, моряки заработали еще веселей. В одном из них Букреев узнал старшину первой статьи Жатько, служившего вместе с Таней в 144-м батальоне. Старшина Жатько особенно отличился в известном бою под станицей Широчанской, когда матросы буквально срезали из таких вот крупнокалиберных пулеметов атаковавшую их румынскую кавалерию. Отступая с боями до Ахтарей, Жатько на шаланде добрался к Темрюку. Шаланды, как рассказывала Таня, потопила авиация, и пришлось выплывать. Была ли Таня на ша-

ланде? Вероятно, была, хотя, как ему помнится, о себе она умолчала. Но в обороне вместе с батальоном у совхоза «Красный Октябрь», у станиц Курчанской и Варениковской Таня была.

Жатько тащил пулемет, ухватившись за стояки и напрягаясь так, что на шее вздулись синие жилы. Под темной кожей его обнаженного тела напряглись крутые мускулы, мокрый чуб упал на лоб.

Ему помогали Воронков, Павленко и еще двое из второй роты. Пулемет уже волна не догоняла, и оставленную на песке борозду затягивало на глазах. Сильные тела моряков дымились на холодном утреннем воздухе.

Качались обломки тонких мачт на катерах, и волны лизали боевые рубки. Два мотобота, побитые осколками и наполненные водой, лежали на берегу возле камней. Солнце поднималось над таманскими высотами. Далеко по морскому горизонту, за острием плоской Тузлы, ввинчивался в небо буравчик дыма. Транспорт ли шел? Или, может быть, пожар? Если проложить линию от этого дымка, пожалуй, попадешь в Геленджик. Что там? Кто сейчас живет в их казармах? Казалось, очень давно они ушли из Геленджика.

Букреев подошел к морякам:

— Молодцы, ребята! Кто приказал?

— Сами, товарищ капитан, — ответил Жатько. — Не пропадать же пулеметам! Один вытащили, там еще один остался, на «охотнике».

У Жатько были смелые глаза и хорошее, открытое лицо, усеянное редкими рябинками.

— Продолжайте. Теперь нам нужно самим хозяйство собирать.

Моряки посмеялись. Похлопав друг друга по мокрым спинам, они снова бросились в воду и, заметив, что на них смотрит комбат, поплыли к катеру наперегонки.

Продолжая обход, Букреев все больше убеждался в том, что люди батальона совершенно точно определили свои обязанности, не сетуют ни на что и приготовились ко всему. Было ли это равнодушие? Конечно, нет. Все эти молодые люди отлично знали, что удача или неуспех зависели прежде всего от них самих.

Блеклые туманы плыли над керченской равниной, над



Сильные тела моряков дымились на холодном утреннем воздухе.

местами, где стояли знаменитые Юз-Оба, или сто курганов. Противник готовился к атаке. И все знали, что войска у него больше и опасность для десанта большая. Но никто не задавал комбату вопросов о поддержке. Люди надеялись на свои силы, на тесное сплочение своего боевого коллектива.

«Тридцатка» Кондратенко готовила завтрак. Горели бездымные костры, и на маленьком, но жарком огне варилась свекла, разрезанная кинжалами. Моряки нетерпеливо посматривали на пищу с голодным любопытством, совали пальцы в закипавшую воду. Кондратенко приказал выбросить на том берегу все продовольствие, и теперь его люди перешли на «подножный корм». Но где они достали свеклу? Оказалось, что немецкие снаряды, упавшие в районе поселка, открыли ямы с запасами свеклы, сырого зерна и кукурузы, вырытые в свое время жителями. Зерно можно молотить, в крайнем случае не так трудно размять зерна ячменя или кукурузы. Подсев к Кондратенко, Букреев побеседовал с ним и поручил заняться добычей продовольствия для всего батальона.

— А как с боеприпасами?

— На двое суток хватит, если расходовать тонко, — ответил Кондратенко. — Нажимает немец все время. Кулаками не отобьешь.

— Расходуйте тонко, товарищ Кондратенко.

Шулик сноровисто набивал пулеметные ленты. Недалеке от него дядя Петро, нахмутив нависшие брови, сгребал на дно траншеи стреляные гильзы и проталкивал их медленными движениями ног в мокрый, глинистый грунт. При появлении комбата Курдюмов прекратил работу, чтобы пропустить его. Вымазанную в глине руку он поднес к своей ушанке. Старый солдат успел отрыть себе стрелковую ячейку, углубил ее в полный рост и, подрубив ниши, начал выводить ход сообщения. Его примеру следовали другие, но все же окапывание шло медленно. Земляных работ было сделано за ночь очень мало, особенно в роте Рыбалко.

Букреев нашел Рыбалко в игривом расположении духа.

— Ты плохо, плохо окапываешься, Рыбалко!

— Окапываюсь плохо? — удивленно переспросил Рыбалко, поблескивая смешливыми глазами.

— Плохо!

— Як же лучше, товарищ капитан? Земля сырая и така вязка, як резина. Да и вперед пойдём — бросим, а жителям опять зарывать ямки...

— Рыбалко, у вас странное отношение к исполнению приказаний,— остановил его Букреев.— Командир такой отважной и дисциплинированной роты...

Поняв, что комбат не шутит, Рыбалко оглянулся, словно стесняясь, и, смущенно сдернув с головы фуражку, принялся вытирать пот, проводя ладонью по своей остриженной черноволосой голове с жестким чубчиком-ежиком. Букреев выговаривал ему, и этот смешливый и, казалось, бездумный человек вдруг сделался совсем другим. Сдвинул брови, лицо стало узким и острым.

— Вы должны быть примером, Рыбалко,— заключил Букреев, продолжая обращаться к нему на «вы». — Я требую сохранения каждого человека и потому настаиваю на развитии укреплений.

— Я вже все поняв, товарищ капитан.

Когда комбат отошел, Рыбалко еще долго смотрел вслед, на уголок траншеи, где последний раз он увидел его чуть ссутулившуюся спину и выбритый до синевы затылок.

— Взводных командиров ко мне! — приказал он.

Взводные сбежались к нему очень быстро — Рыбалко держал людей в строгом подчинении, и его побаивались.

Хмуро смотря в землю, Рыбалко повторил почти все, что сказал ему командир батальона. Вскоре замелькали лопаты и наверх полетели комья земли. Соединившись по телефону со своим соседом Степняком, Рыбалко поговорил с ним и сдержанно похвалил комбата:

— Ты чуешь, Степняк? Я его спужался. Як гляне, як гляне на меня! Був тихий, а туточка озлил, на крымской земле... Як ты там окапываешься?.. Добре? Ось я приду сам побачу.

Букреев возвратился на свой КП в хорошем настроении. Ему не хотелось быть мелочно-придирчивым и тем более прослыть таким среди моряков, но он отлично понимал беспокойство и Гладышева и Степанова и решил настойчиво заставить всех врыться в землю. Найдя на

КП связного от комдива. Букреев переобулся, подтянул ремни и вышел с Батраковым и ординарцем.

Артиллерийский обстрел усиливался по армейскому флангу. В одном месте пришлось «приземлиться». Отряхнувшись от кирпичной пылицы, Букреев встал, чтобы продолжать путь, но вдруг услышал нарастающий гул танковых моторов. Танки подавили своим гулом все остальные звуки и, казалось, находились совсем близко. Букреев выскочил по улице на пригорье, чтобы ориентироваться. Окраинные домики с сорванными крышами и ребрами стропил приютили возле себя несколько десятков фигурок в армейских шинелях. Выгон с многочисленными воронками, казалось, был только что вспахан, и по нему, то припадая, то выныривая в косматинах дыма, бежали какие-то люди, как будто бы всплескивая руками.

Батраков — у него как будто сразу еще больше провалились щеки — стоял, сжимая автомат и глядя вперед. Шевелились побледневшие губы, и на висках пульсировали вены.

— Бегут! Драпают!

Батраков побежал посередине улицы, размахивая автоматом. Навстречу ему бежало, пожалуй, не меньше сотни людей. Батраков остановился, поднял над головой автомат и закружил им, как цепом. Снаряд рванул угол дома, подняв пыль и коричневый дым. Букреев услышал треск автомата. Бежавшие остановились. Батраков, увлекаая за собой людей, бросился туда, где шел бой.

Букреев добрался на командный пункт к Гладышеву только с одним Манжулой. Нужно было объяснить, почему явился без Батракова, но все разъяснилось само собой. Букреев был свидетелем того, как Степанов, вошедший на КП, подал командиру дивизии какую-то скомканную бумажку и опустился на табурет.

— Здравствуйте, Букреев,— сказал Степанов и усталым жестом снял фуражку.

Гладышев, пробежав записку, молча передал ее Букрееву.

В записке, написанной Батраковым и адресованной майору Степанову, после ругательства было дописано: «Вы выйдете командовать своим храбрым войском или нет?»

— Да-а,— неопределенно протянул Букреев, возвращая записку.

— Нехорошо,— сказал командир дивизии.

Букреев, стараясь быть объективным, рассказал только что происшедший случай, когда Батраков вынужден был остановить бежавшую группу пехотинцев и повести ее в контратаку.

Командир дивизии, внимательно выслушав Букреева, поднял глаза на Степанова с укоризной:

— Что ж это там у вас, товарищ майор?

— Был такой случай, товарищ полковник. Комроты убили, и молодняк испугался.

— Записка написана в запальчивости,— сказал полковник.— Конечно, так нехорошо, но... товарищ майор, в другой раз не ожидайте, пока вам будут помогать офицеры других подразделений.

Полковник перешел к оперативным делам. Связные докладывали о положении на передовой. Вслед за второй атакой немцы сразу перешли в третью атаку и потеснили армейскую пехоту еще на пятьдесят метров.

Командир дивизии был удивительно спокоен. Не поднимаясь с места, он приказал отдать на наиболее угрожаемый участок все, что у него было под руками, даже связных, и там эта небольшая поддержка восстановила положение. Он приказал расстрелять двух солдат, пытавшихся уйти в море на резиновой лодке, и представил к награждению орденами саперный взвод, отбивший гранатами атаку самоходок. Кто его знает, может быть, на душе у него было совсем не так, как казалось, но Букреев уходил от него, будто проникнувшись его спокойствием.

В мутном голубом небе носились дымки, постепенно рассасываясь в воздухе, и среди этих разноцветных букетов летали «Ильюшины». Чувствовалась поддержка «Большой земли». Днем дважды прорывались бронекатера с боеприпасами, но вынуждены были уйти на ломаных курсах, уваливая от снарядов.

День прошел в каком-то бешеном темпе. Батальон выдержал четырнадцать атак, отдав только одну высоту. В единоборстве с танками сгорел сержант Василий Котляров. Он погиб на глазах всего батальона, и вместе с ним геройски пал весь пулеметный расчет. На плане Ог-

ненной земли появилась «высота сержанта Котлярова», отмеченная Куриловым.

Только к вечеру люди могли оторвать руки от оружия. Холодные звезды вспыхнули в небе, и сырой ветер доносил запахи моря. За озером горели костры, но на плацдарме огни не разжигали. Звякали котелки — приносили из колодца воду; звякали и шуршали лопаты — десантники укреплялись. Вдоль берега прошли германские быstroходные баржи, вспыхивающие острыми огоньками. И тогда, глядя на эти гулко стрелявшие корабли, пытавшиеся отрезать защитников плацдарма от моря, впервые было произнесено слово «блокада». Радиорупоры, подвезенные гитлеровцами к переднему краю, неожиданно прокричали это злое слово:

— Мещеряковские матросы! Вас бросили на смерть. Сдавайтесь, мещеряковские матросы! Сегодня объявлена вам блокада.

Ночью враги двинулись в пятнадцатую атаку под прикрытием сильного артиллерийского огня. Все стонало, ревело и дрожало. Звезды погасли в дыму. В атаку шли кадровые батальоны и морская пехота противника. Букреев и Батраков появились на передовой, в расположении роты Рыбалко. Моряки, приготовившиеся ужинать, отбросили котелки, спрятали за пазухи сухари и легли на обмятые свои места. Может, это был бы последний бой на Огненной земле, но именно в этот критический момент, когда каждый думал только о том, как бы подороже продать свою жизнь, Букреева вызвали к ротному телефону. Удивительно веселый голос Гладышева кричал ему в трубку: «Поздравляю, Букреев!» — «С чем, товарищ полковник?» — «Наши начали высадку под Керчью, с Чушки. Атакуют Опасную, Маяк, Еникале. Командующий приказал нам радировать фамилии для представления к Героям и награждению орденами».

Манжула появился с этой новостью в окопах. Пятнадцатая атака была отбита с какой-то ожесточенной лихостью. Немцы откатились и затихли.

От локтя к локтю, от дыхания к дыханию передавалось сообщение о высадке главных сил.

Доносилась крупная, раскатистая артиллерийская канонада. Зарево круговыми вспышками окрашивало

небо над Керчью, над Митридатом. Волны приносили немолчный рокот тяжелых калибров. Моряки вслушивались в эти рокочущие звуки, припадали к земле. «Наши в Крыму!», «Наши высадились!» Никто еще не знал, что предстоит испытать им впереди, но успешная высадка стратегического десанта (а они помогли ему своим подвигом), естественно, наполняла их сердца гордостью. Все перенесено во имя общего дела.

Затишье позволило похоронить убитых. Друзья снимали с бескозырок павших ленточки с именами кораблей или названием военно-морских частей для сохранения в памяти. Могилы не копали — достаточно было воронок. Требовалось только придать им форму могил. Из карманов убитых вынимали документы, неотправленные письма (они всегда бывают у бойца), открепляли ордена, чтобы передать их на память родным.

Таня переписывала убитых — она знала их, все они для нее словно родные; в графе «диагноз» она ставила одну латинскую букву «М», что означало «смерть».

Густой ночной воздух как будто придавил изувеченную землю. Над побережьем тревожно и таинственно кричали птицы. Керчь по-прежнему гудела; прикерченские гряды, прилегшие к морю, выделялись темными вершинами, взгорбленными, как спины верблюдов.

— Я провожу тебя, Таня, на капэ, — сказал Горленко. — Пройдем по рву, низом, второй ротой.

Они пошли. Горленко иногда поддерживал Таню под локоть, и они оба молчали. Спустились к морю. Берег был темен и казался очень высоким. Расстались у маяка.

— Спасибо, — поблагодарила Таня.

— Не прогневайся, — пошутил Горленко и скрылся в темноте.

Таня спустилась вниз. Ее как будто поджидали, так как сразу заметили ее присутствие, хотя она старалась войти тихо. От столика поднялся Батраков и, подавая руку, смущенно сказал:

— Поздравляю с представлением к званию Героя Советского Союза.

— Меня?

— Вас.

И странно, совершенно по-женски Таня вспыхнула от обиды и резко бросила комиссару:

— Неужели и здесь можно шутить?

Батраков, не ожидавший такого ответа, запыхтел, сердито присел к столу.

— Бабы бабами и останутся! — проговорил он раздосадованно.

Таня поняла, что с ней сейчас не шутили. Но почему все смотрят на нее с улыбкой, молчат? Даже командир батальона. Она положила список на стол и попросила разрешения уйти.

— Позвольте, Таня, — сказал Букреев, — вас поздравляют, а вы...

— Неужели... Николай Александрович?

— Пока представили, но, думаю, утвердят. Все вполне заслуженно, все серьезно.

И в тот момент, когда до нее дошел смысл сказанного комбатом, она показалась самой себе такой маленькой! Она Герой! Если бы они знали все, что происходит в ее душе!.. Чтобы броситься на минное поле, она должна была побороть чувство страха. И какое! Тогда она как бы нырнула в прорубь и, казалось ей, ушла глубоко-глубоко на дно. А сегодня при десятой атаке бредил и ругался Цибин, срывал повязки, и она, чувствуя, что разрыдается, придавливала его голову к подушке. Ее вызвали в первую роту. Искромсанные, валялись ребята, звали ее, надеялись на нее. Остолбеневшая от этих криков, от зрелища изуродованных тел, она опять почувствовала страх. Ей хотелось бежать отсюда, бежать туда, в тихие уже города, где нет этого ужаса, в свою маленькую комнатку в Геленджике.

В подвале появился веселый Рыбалко. Его поздравили с представлением к званию Героя. Рыбалко приподнял свои черные брови:

— Так-то оно так. Да де ж будем только звездочки получать?

Его неожиданное заявление встретили смехом. Даже Кулибаба, повернув свое круглое, лоснящееся лицо, смеялся так, что ходили щеки. Рыбалко, довольный впечатлением от своих слов, поставил в угол автомат, присел к столу.

— Ужинать пришел, товарищ капитан.

— Каждый день ужинать! — сказал Букреев, не переставая с улыбкой наблюдать за Рыбалко.

— А шо нам, товарищ капитан! Мы люди темни! Нам треба гроши да харчи хороши,— продолжал он шутить.

Смех, вызванный Рыбалко, улегся. Букреев читал список погибших, принесенный Таней. В нем значились люди, только что намеченные к награждению орденами Ленина, Красного Знамени. Среди них были Шумский, Котляров, Шмитько... В подвале школы метались от ран Яровой, Цибин и многие другие...

Букреев и Таня поднялись по ступенькам. Чистота ночи опьяняла. Тускло светилось море, покоробленное ветерком. Бледный хвост Млечного Пути повис между облаками.

От Тамани с сухим треском маломощного мотора летел самолет. Он взял курс на поселок и вот сразу стал огромен; будто накрыв тенью своих крыльев их «Малую землю».

Где-то слева закашлял зенитный автомат, и в ночную тень пошли косые трассы разноцветных снарядов — красные, зеленые, белые. Выключив мотор, самолет спустился еще ниже, чья-то черная, в шлеме голова отклонилась от борта кабинки, и сверху донесся сердитый девичий голос:

— Полундра! Лови воблу!

От самолета отделились какие-то темные предметы и тяжело ударились о землю. Сонно ворочая мотором, вспыхивая голубоватыми блесками глушителя, самолет пошел почти над самым морем.

— Девчата полка майора Бершанской,— сказал Манжула.— Гвардейцы-девчата. Они стоят у Ахтанизовского лимана.

— Что они нам сбросили?

Таня оживилась и, неожиданно схватив Букреева за руку, побежала вперед.

На земле, сравнительно недалеко друг от друга, разбившись при падении, валялись кули. В них оказался сухой азовский чебак.

Самолета не было слышно. Зенитки не стреляли, а по берегу переливался медузный прожекторный свет. Букреев и Таня ушли к госпиталю.

Глава тридцать третья

Армейский доктор, рыжеватый, с морщинистыми щеками, поросшими седоватой щетинкой, скользил взглядом по Букрееву. В стеклах его очков отражались тусклые огоньки коптилки. Доктор говорил со злым убеждением расстроенного и уставшего человека, повторяя слова по два, по три раза. Слушая его, Букреев все еще находился под впечатлением посещения раненых. Он видел Ярового — его теперь трудно и узнать; видел Цибина, кричавшего в бреду только одно: «Не надо!.. Не губитесь!», и смирного, спокойного Зубковского, державшего в пожелтевших, как воск, руках обгорелую бескозырку с надписью «Червоная Украина». В подвале школы, где были собраны раненые, пахло лекарствами, нечистым, больным телом и гноем. Многих тошнило от горько-соленой колодезной воды. Шприцы и хирургический инструментарий кипятились на добытой в поселке керосинке с прожженным слюдяным окошком.

— Живучесть человека невероятна, — говорил доктор, — велика сила жизни. Вот те же наши офицеры Яровой или Зубковский. У них или у Цибина, пролежавшего с открытыми ранами почти целый день, — смертельная потеря крови. Живут, тянутся. Точно цветок. Вырван, казалось бы, с корнем выдран, а потом стоит опять примять землей, хлоп-хлоп — и пошел жить. Смял траву — кажется, не подняться. Прошли по ней и колесом, и сапогом, и танком придавили, а вот нет! Утро, роса — и встала тихонько, растопырилась, стоит. Мне не нужно бы удивляться: профессия не та, все якобы понятно, а вот удивляюсь. А особенно на войне. Лежит сейчас у меня один азербайджанец, маленький, хлипкий. Если его крепкий мужчина, к примеру, ударит кулаком — убьет. Семь пуль прошло насквозь, пулеметная строчка, легкие пробиты, а живет и, если обстановка позволит, вернется в свои горы. — Стекла очков доктора засверкали на молчаливо слушавшего Букреева. Жилистые руки, стянутые у кисти тесемками халата, нервно отглаживали салфетку, покрывавшую тумбочку. — Есть наука — сопротивление материалов. Там все формулами доказано, все предполагаемое испытано

умными машинами, а вот сопротивляемость человеческого организма никто еще толком не измерил. А самое главное — не нашли точной оценки стремления к жизни. Потеряй это стремление — и пропал. Вот поэтому иногда от фурункула умирают, а от семи пуль ничего. А мы, медики, считаем: когда красных шариков столько-то, когда желудочный сок содержит определенное количество кислоты, пульс такой-то, дыхание такое-то, вот это и есть сопротивляемость! Нет, мы ничего не знаем! Мы не умеем многое учитывать! Чем ты можешь измерить в человеке стремление к жизни? Дух... Воля... Не станет духа, не будет воли, и даже здоровый человек погибнет, умрет.

Вы извините меня, но вы сами попросили меня высказаться. Вы командуете моряками. Вот на ком особенно применимы мои заключения. В одном моряке, кажется, сидит сразу три человека. Что же, разве они особенные люди? Помню, у Соленого озера беседовал я с Андреем Андреевичем Фуркасовым. Расхваливал он ваших людей. Я тогда с сомнением отнесся к его выводам. А теперь вижу — Фуркасов прав... Попади вот фашисты в наше положение, давно бы мы сбросили их в море. Танки у них, самоходные пушки, прожектора, самолеты и войска в три раза больше. А не сдвинули нас. И впредь ничего не получится, пока будет жив дух... Дело не в калибре оружия, ей-богу. Дело в калибре воли, в воспитании человека перед опасностью. И не просто человека, а советского человека, воспитанного Коммунистической партией. Партия, знаете, очень помогает и нам, докторам. Сегодня отбили атаку, потому что загорелось зарево за Митридатом. Помощь близится. Почувствовали близко своих, советских людей, которые не бросят попавших в беду товарищей. Силы внутренние поднялись у людей. И самое главное, что страшно, Николай Александрович, — разрешите вас называть так, как называет вас Таня, — самое главное, чтобы не стало безразличие...

— Безразличие? — переспросил Букреев, внимательно изучая доктора и пытаясь отыскать у него признаки тех болезней, которые сам доктор боялся обнаружить у других.

Надо бы уходить, но почему-то хотелось слушать

именно здесь, в дурно пахнущем подвале, где люди корчились и стонали, надеялись и отчаивались.

— Продолжайте, доктор,— попросил Букреев.

Доктор приблизил свое лицо к Букрееву, и за очками глаза его казались огромными и неподвижными.

— Ужаснейшая штука — безразличие. Тогда все теряет значение — и родные, и товарищи, и общее дело, ничего тогда не существует. Чувствуете, какое это страшное дело? Человек превращается в простейшее существо. Спротивляться трудно, но страшнее всего, когда исчезает сопротивляемость. Как доктор я вижу больше, может быть, чем вы, и предупреждаю вас: страшней всего безразличие! Не допускайте до него! Поднимайте тонус жизни! Я вот сейчас могу спать в сутки два часа, и то выплюсь. У меня сейчас то возбуждение, то торможение, повышенный тонус, а вот если... — Доктор поднялся, тряхнул плечами и как-то неуклюже махнул кулаком. — Э, сам выдумал! У меня дочка на фронте, о ней думаю. Такая же дочка, как Таня, даже внешне напоминает. Я-то сам пошел добровольно. Работал в поликлинике, попросился вслед за дочкой. Она у меня студентка, медичка, молоденькая. Меня в эвакогоспиталь переотправляли, в Краснодар, а я вот сам напросился в десант...

— Вы хорошо сделали. Вы честно поступили.

— У какого-нибудь молодого врача отбил место. Меня полковник знает давно, он порекомендовал... Извините меня, Николай Александрович. Разговор, прямо-таки скажу, не десантный. Всякая чепуха в голове сидит. А ваши ребята хорошие! Постараемся всех вылечить... Вы что, сестра?

Девушка стояла на фоне просвечивающей на слабом свете простыни-перегородки. Лица ее не было видно, но золотистые волосы короной окружали голову.

— Капитан Турецкий просит пантопон.

— Капитан Турецкий? Это из штаба дивизии? А у вас остался еще пантопон?

— Немного есть.

— Дайте!.. — Доктор обернулся к Букрееву и извинительно добавил: — Очень страдает. У него одна нога ампутирована по колено, вторая — по щиколотку, вот

так...— Нагнувшись, он провел линию по ноге.— Кстати, я сейчас должен сам к нему пойти...

Доктор торопливо прощался.

— Вы когда же успели сюда? — спросил Букреев.

— Вместе с вами. Как говорится — второй волной.

Глава тридцать четвертая

На третий день плацдарм обстреливался дальнобойной артиллерией и минометами.

Батраков, пришедший с передовой, был недоволен.

— Немцы окапываются, Николай Александрович.

— Ну что ж им остается делать?

— Вот это-то и плохо. Мне не нравится.

— Нравится или не нравится, Николай Васильевич, но так бы поступил и ты на их месте. На берегу не удержались — присасываются к глубине. Боятся прорыва. Как любят сейчас выражаться — парируют наш выход на оперативные просторы.

— Пока они не влезли в землю, нужно бы нам расширять плацдарм, именно выходить на простор.

Букреев промолчал, так как не поддерживал этих стремлений своего заместителя. За столиком, приспособленным в углу их КП, сняв куртку, трудился Кулибаба. Быстрыми, сноровистыми движениями он резал морковку. Поверх обмундирования у него был повязан фартук, рядом был прислонен к стене автомат, и на нем обвисла сумка, набитая дисками. Второй вещевой мешок, с провизией и специями, висел на гвозде. Кулибаба был корабельным коком, знал и любил свое дело, но при высадке он дрался наряду со всеми и из оружия предпочитал автомат и кинжал.

Морковка лежала на доске оранжевой кучкой. Кулибаба, покончив с морковкой, бросал в ладонях кочан капусты, осматривал его глазом специалиста. Нож, воткнутый им в стол, покачивался. Манжула, пристроившись на корточках у входа, покуривая, наблюдал за коком.

— Сегодня борщом угощу,— сказал Кулибаба, отдирая верхние гнилые листья.— Где капусту достал, Манжула?

— На колхозном базаре.

— Шуткуешь, Манжула! — Нож расхватил кочан на две части. — Росистый изнутри. Видать, прямо с грядки.

— Прямо с грядки, Кулибаба. Горбань к ужину хотел рыбу принести. Немец наглушил в море, а он на тузике¹ достанет.

Букреев вслушался в разноголосый шум, доходивший в их убежище.

Взрывались мины, снаряды. Землю ощутимо трясло. Кулибабе приходилось выбрасывать из шинкованной капусты комочки земли, падавшие с потолка.

В пiske зуммеров телефонных аппаратов было что-то жалобное.

Дежурный тихо басил:

— «Буран». Слушает «Буран». Да, да... слышу... Жара?

— Как там? — спросил Букреев дежурного.

— Атакуют левый фланг. У нас спокойно, товарищ капитан, — отвечал дежурный, чуть приподнимаясь и не отрывая уха от трубки.

— Выйдем, Николай Васильевич, посмотрим.

— Лучше бы нас атаковали. Как-нибудь отбились бы, — ворчал Батраков, выходя из КП. — А вот заметь: опять помощи туда потребуют...

На ротных участках стрелки раздвигали противотанковый ров ходами сообщения, пулеметными гнездами и щелями — для укрытия при танковых прорывах. Букреев лег на выброшенную лопатами теплую землю и приложился к биноклю. Справа алюминиевыми блестками рябило плес озера, и за ним террасами поднимались к горизонту плоские высоты. Ближе к ним, у озера и влево, улавливалось движение автомашин, танков и пехоты. Столбы земли и дыма, поднятые снарядами нашей артиллерии, стрелявшей через пролив, гасили это движение, но ненадолго. Артиллерийский подполковник, встреченный Букреевым в Тамани, обрабатывал глубину удачней, нежели передний край, и, может быть, к лучшему. Надо было тревожить вражеские батареи, от них все зло, а обстреливая передний край, не мудрено было накрыть и своих.

Младший лейтенант передового корректировочного

¹ Тузик — маленькая двухвесельная шлюпка на одного гребца.

поста устроился в узкой расщелине, прикрытой от противника позеленевшим валуном. У него была рация, и тонкий стержень антенки покачивался над кустами присохшего молочая. Над пригорками, где засел враг, поднимались прозрачные маревца, радужно подсвеченные косыми лучами солнца. Маревца поднимались только над изгибом окопов противника, и, вероятно, дымилась парная земля, выброшенная на брустверы.

— Да... окапываются,— сказал Букреев.

— Попробуй вымолоти их потом оттуда.

— Вымолотить будет трудно.

— Вот потому и надо наступать.

— Наступать будем, но только оттуда... со стороны стратегического десанта. Чтобы сразу до Турецкого вала.

Дядя Петро остановился возле них с лопатой, вытирая пот с лысины подкладкой ушанки.

— Немец умеет грызть землю,— сказал он,— кротовый нрав.

— Откуда у них к земле привычка? — спросил Брызгалов, поднимаясь от пулемета.

— Как — откуда?

— Там же крестьян мало.

— У них, может, и совсем крестьян нет, не в том суть. Суть у них в приказе. Приказ лезть в землю — и лезут. А вот вы кичитесь, матросы, и второй день боитесь лишнюю жменю земли из-под себя выкинуть.

— Нам опускаться вредно,— сказал Шулик, выглянув из-за плеча Брызгалова.— Мы тогда обзор потеряем. Нам неохота палить в белый свет, как в копейку.

— У тебя, Шулик, все с прибауткой.

— У него язык на шарнирах.— Брызгалов посмеялся, искоса посматривая на командиров, прильнувших к биноклям.

— Вы думаете, он больше нашего землю нашу любит, что день и ночь в ней возится,— степенно сказал дядя Петро.— Все для спасения шкуры. Помню, в прошлую войну стояли мы перед ним на Искюльском предместном укреплении, вблизи Риги. Так у нас была одна забота — рыть под собой до вулкана. Искюль был Искюль, зубом не возьмешь.

— Я прямо скажу, дядя Петро: рыли вы тогда до

вулкана без толку. Не сумели его свалить, а вот теперь мы вашу ошибку исправляем.

— Попробовал теперь сам, Шулик, как его свалить?

— Пробуем. Свалим. Видишь, сколько их землю нюхают? Тут мы с Брызгаловым тоже потрудились будь здоров!

Впереди траншей в разных позах лежали убитые в первые два штурмовых дня. Как раз напротив пулеметного расчета Шулика, словно поскользнувшись на бугорке, поросшем полынью и чабором, валялся, подмяв под себя руки, сытый немец-морьяк. Лица не было видно, но стриженная голова светилась среди травы, как дыня в огудине. Дальше серые и желтые кочки трупов постепенно мельчали с расстоянием. Между убитыми ползали наши армейские саперы, бойцы в заношенных шинелях, и, мелькая худыми подошвами ботинок, вкапывали круглые мины, снятые с прибрежных минных полей. Моряки одобрительно наблюдали их ловкую и бесстрашную работу.

Обстрел усилился. Люди перестали балагурить. Дядя Петро, пригнувшись, пошел к своему месту, перещупал гранаты, разложенные в нишах. На синем фоне неба, как на экране кино, прошли танки.

— На левый фланг кантуются,— сказал Шулик,— опять попадет пехоте.

Послышались ровный гул танковых моторов, пробные клевки пушек. За танками, то падая, то снова поднимаясь, умело передвигалась пехота. Шулик повернул пулемет на вертлюге, покрутил целик:

— Поможем ребятам, Брызгалов?

— Не дотянешь, Шулик! — Брызгалов большими пальцами перещупал ленту, чтобы избежать перекосов.

— Была не была!

Щиток затрясся; подрагивая, поползли зубья патронов. Стеляя, Шулик прищурился, и на лицо его легло злое, отчужденное выражение. Возле них появился Горленко. Он был свежий, подтянутый, в начищенных сапогах, чуть измазанных глиной, в синих штанах-галифе. Покачивая плечами, держа красивую голову на мускулистой загорелой шее, оттененной беленьким целлулоидным подворотником, он подошел к пулемету и посмотрел в ту сторону, куда стрелял Шулик.

— Косоприцельным, Шулик?

Шулик обернулся, подморгнул, и снова его лопатки поднялись.

— Отставить, Шулик! — сказал Горленко. — Видишь, зря патроны переводишь.

Шулик отпустил ручки пулемета:

— Думал помочь, товарищ лейтенант.

— Такая помощь — с поля ветер, с трубы дым. — Горленко подошел к Букрееву и Батракову, откозырял по всем правилам. — На пехоту сегодня прет, товарищ капитан.

В середине дня, после повторных атак танков и «фердинандов», Гладышев потребовал полуроту моряков на поддержку левого фланга. Моряков повел Горленко, а вслед за ним на КП дивизии отправился Батраков, решивший доказать нецелесообразность дробления батальона. Букреев не удерживал, решил не мешать Батракову объясниться с Гладышевым.

Батраков вернулся раздосадованный. Только после обеда, съеденного на скорую руку, он решил рассказать Букрееву все, что произошло на командном пункте.

— Пришел к нему и поговорил с ним начистоту. Попросил у него обратно всех наших моряков. Нельзя, говорю я ему, чтобы моряки сражались и тут и там и таяли...

— Так нельзя ставить вопрос, — сказал Букреев, — сражаются не только одни моряки. Солдаты тоже дерутся и стойко и безропотно.

— Видал, как сражаются! — Батраков рассерженно отмахнулся. — Помнишь, как пришлось под автоматом вести их в атаку?

— Но то была небольшая группа. У моряков тоже имеются такие субъекты, Николай Васильевич.

— А ну тебя... Тоже заодно...

— Ну, продолжай...

— Что продолжать, если ты...

— Продолжай, горячка!

— Разрешите, говорю, наступать, товарищ полковник. Там, где немцы укрепятся, — плохо. После не выкуришь. Где нужен один человек, понадобится два. Надо,

мол, наступать и расширять плацдарм. А потому и не мельчите нас...

— Что он ответил?

— Подумал и тихо так сказал: «Нельзя». Почему нельзя? Наших, мол, сил не хватит наступать. Нас тогда по частям разобьют на просторе, и мы плацдарм не удержим. А сейчас, мол, самое главное — нервировать противника здесь, чтобы он не мог сконцентрировать силы на направлении нашего главного удара и сбросить наш стратегический десант. В этом, мол, наша основная задача.

— Он прав,— сказал Букреев,— совершенно прав.

— А я, думаешь, дурак? Я тоже понял, что он прав. Моряков отпущу, говорит, когда отпадет в них необходимость. И рассказал мне, как маленькому, в чем сила единого командования, в чем смысл разумного распределения сил и в чем слабость цеховых интересов.

— И ты с ним, наверное, не согласился?

— Я с ним согласился. Но когда он сказал мне, что, если у него не хватит людей для отражения атак, он снова затребует моряков, я не мог удержаться, Николай Александрович. Говорю тогда ему: «Проходил я по берегу, видел, сколько там ваших прячется. Дайте мне право, я возьму десяток матросов и выковыряю их из ямок».

— Что ответил полковник?

— Он сказал: «Мы знаем, что вы, моряки, очень храбрые, но берег охранять тоже нужно»... — Батраков помялся.— Если сказать тебе откровенно, он прав, может быть, и в этом, хотя вряд ли те охраняют берег. Но когда он сказал насчет храбрости моряков, показалось мне, что он смеется над нами...

— Ну какой ему смысл над нами смеяться, Николай Васильевич! — пожурил его Букреев.

— После я сам догадался, что так. Но тут еще помешала моя глухота. Ты представляешь, я кое-что недослышу, а мимику можно истолковать по-разному. А тут еще такая пальба пошла, совсем я оглох. Вот тогда я и ответил ему: «Если бы не было моряков, товарищ полковник, ни вы бы не сидели здесь, ни нас бы не было». Он разгорячился от моих слов, ну конечно, перегрызлись с ним, и ушел я восвояси...

— Что же он приказал?

— Наступать не будем. Надо совершенствовать позиции.

— Будем точно выполнять приказ.

— Что ты на меня так смотришь? Приказы не подлежат обсуждению и критике.— Батраков поднялся.— Кстати, ее видел.

— Кого ее?

— Татьяну.

— Где?

— В санбате. Доложила мне все под козырек, по-настоящему.

— Оказалась все же Таня настоящим человеком, а?

— Что такое «оказалась»? Да пусти на ее место любую нашу женщину, то же будет делать, так же. По-моему, у нас все такие, только вот ей повезло попасть в самый раз...

— Но ты всегда против женщин, Николай Васильевич.

— Что ты! Как я могу быть против женщин? Я только против того, чтобы они шли в десантные части. Нечего им тут делать. У Степняка вчера убило двух пулеметчиц. Увидел я девчат — убиты. Такая на меня тоска нашла! Лежит раскромсанная девушка, руки раскинула, голова пробита... Эх ты, Букреев! Тяжело! Степняк слезы заглатывал. А его трудно пронять. Хотя и стишки пописывает, но парень железный и нервничать не любит. Рыбалко не уступит.

— Чую, тут за мэнэ балачка? — спросил ввалившийся Рыбалко.

— Ты зачем пожаловал, Рыбалко? — спросил Букреев.— Кто вызывал?

Рыбалко посерьезнел:

— Просить хочу, товарищ капитан.

— Чего?

— Взять высотку, ось той бугор, что праворучь. Ну, прямо-таки той бугор меня заризал! Ни пройти, ни проползти. Со вчерашнего дня снайпера вже третьего у меня сняли. Торчит той бугор, як бородавка на носе.

— Нужно взять высотку? Так, что ли?

— Да.

— Кто же ее возьмет?

— Я сам возьму.

— Сам?

Букреев остановил на Рыбалко выжидательный взгляд.

— Я возьму, товарищ капитан. Дышать нельзя через той клятый бугор. Без потерь возьму, ось побачите. Я все обкумекал, товарищ капитан.

— Ну, иди к роте. Подждидай меня, решим на месте.

Высотку атаковали при поддержке минометного огня. Рыбалко повел ударную группу. Букреев руководил операцией и выдержал сильный огневой налет, открытый немцами по позициям первой роты. Через час, при сгущенных сумерках, высотка была взята штурмом и закреплена. Пьяный от удачи Рыбалко хвалился трофеями. Им были захвачены три пулемета, ротный миномет и восемнадцать винтовок.

— Хоть подремать з́араз можно, товарищ капитан. Цеплялись за нее фрицы, не дай боже! Отчаливать пришлось вручную.

Букреев возвращался в хорошем расположении духа. Манжула с удивлением услышал, как его командир насвистывал арию из «Травиаты», известную ему — не один раз исполнялась она на линкоре шефами-певцами:

Высоко поднимем наш кубок заздравный
И жадно прильнем мы уста-ми...

Из темноты вышла Таня и незаметно приблизилась к Букрееву, когда он выходил из траншеи, подрытой к маяку.

— Я очень рад, Таня. Очень рад вас видеть.

— Вы сегодня себя неправильно ведете,— мягко укорила она.— Зачем рисковать?

— Ну, какой риск! Мы вот здесь, на этом месте, не меньше рискуем: в любую секунду можем протянуть ноги от шального снаряда. Давайте в укрытие.— Он взял ее за руку.— За мной, Таня!

В кубрике пахло рыбой. Кулибаба жарил на жире из консервов султанку и ставриду, наглушенную вражескими снарядами и выловленную в море Горбанем.

— Вот и готов ужин! — Букреев снял ватник, фуражку, с удовольствием расчесал волосы гребнем.— Можно и умыться.

Букреев мылил озябшие руки, наблюдая, как Таня, склонившись у печки, жарила семечки, выдираемые Горбанем из розовотелой тыквы, разрубленной надвое тесаком.

Букреев тихонько напевал:

Ловите счастья миг златой —
Его тяжка утрата.
Промчится без возврата
Он с жизнью молодой....

— Скоро октябрьские праздники, Николай Александрович, — не оборачиваясь, сказала Таня. — В Москве театры, кино... Есть счастливцы, которые сходят на «Травиату». Я люблю, например, «Пиковую даму». Какая там чудесная музыка! «Три карты, три карты...» Помните вступление к картине «В спальне графини»?

— Помню... Но в Москве я не слышал «Пиковой дамы». Только в Ленинграде. Арию Германа пел, кажется, Нэллел...

Букреев застегнулся и присел возле Тани, посвежевший, пахнувший мылом.

— Опять стреляют. Третий день — сколько шума на таком крошечном кусочке земли! — сказала Таня.

— Кончится война, будем вспоминать этот день.

— Я определенно буду вспоминать, Николай Александрович. — Она подняла на него свои лучистые, приветливые глаза. Огонь, гудевший в печурке, освещал ее исхудавшие щеки.

— Приедем сюда, Таня, а?

— Выберем времечко и приедем. Вернее, придем... Мой Курасов тогда будет командовать крупным соединением. — Таня сложила руки на колене, покачивалась, наблюдая пламя. — Он, вопреки законам моря, возьмет меня на свой флагманский корабль. Именно флагманский. Он любит быть флагманом...

— Да-а-а... — неопределенно протянул Букреев.

— Мы будем бродить по берегу, среди вновь отстроенных домов поселка... и никто нас не признает. Никто! Ведь никого сейчас из жителей нет. Как странно! Бьемся, страдаем, защищаем каждый камень, а никого нет. И даже полюбоваться нами некому со стороны.

— Все едино побило бы их, жителей,— сказал Горбань.— Лучше, что нет.

— Да, их бы побило,— задумчиво сказала Таня.— Они меньше нас были бы приспособлены к этой бойне. А мы живем...— Она вскинула волосами, словно стряхивая какие-то ненужные думы.— Вы сегодня веселы особенно, Николай Александрович.

— Сегодня все удачно получается. Кажется, чепуха — высотка, или, как ее назвал Рыбалко, клятый бугор, а вот взяли ее и, главное, без единой царапины, и приятно. Отобрали все же у них. Нравится мне Рыбалко. Помните наш переход через пролив? И знаете, кто еще мне по душе? Горленко. Сегодня вижу его, начищенного, красивого, уверенного в себе...

— Вы его послали на левый фланг?

— Послал. Там необходим был решительный офицер. Он появился и сразу переломил обстановку.

— Он хороший товарищ. Я ведь знаю его давно. Первый, кто помог мне по-дружески в морской пехоте, это Горленко. Незадолго перед войной он был студентом керамического техникума. Вы же знаете, как хорошо он лепит из глины игрушки. Помню, в Геленджике он мне подарил статуэтку — Будду. Сам вылепил, тонко...

Кулибаба стоял, выжидая, когда разговор окончится.

— Ты что-то хочешь нам сообщить, Кулибаба?

— Рыба готова, можно к столу. Только вот с посудой... Вилки нету, товарищ капитан.

— Природные вилки тоже в плохом состоянии.— Таня посмотрела на свои пальцы.— Горбань, ну-ка покажи свои лапы... Ей-богу, смотрите, Николай Александрович, разницы никакой.

У стола Таня развеселилась, шутила, и Букреев с удовольствием видел ее какой-то совершенно новой. Может быть, вот такой она будет тогда, когда можно будет пойти в театр, сесть за настоящий стол со скатертью, вилками и, может быть, даже с цветами. «Курасов в ней не ошибся,— подумал он.— Мне вот и самому приятно, весело и как-то легко, когда она здесь, с нами».

Писк зуммера позвал его к телефону. Дежурный

встал, уступая ему место. Присев на табурет, он слушал беззаботный голос Степанова.

— Что? Горленко? — переспросил Букреев. — Вы знаете, кто для нас Горленко?..

Отодвинув табурет, Таня встала:

— Горленко? Убили?

Оттуда, от земли, обстреливаемой тяжелой артиллерией, долетало: «Горленко ранен. Мы представляем его к ордену Ленина...»

— Горленко тяжело ранен, Таня... Отбивал танковую атаку...

Глава тридцать пятая

«...Если раньше у меня были к тебе какие-то требования — одежда нужна, обувь, и мне казалось почему-то, что вам легче, то теперь я хочу только одного — чтобы ты остался жив.

Я переживу все материальные невзгоды. Дети ежедневно спрашивают о тебе, и я по ночам рассказываю им, придумываю. Ты скуп на письма, и мне приходится, рассказывая подробности о тебе, конечно, фантазировать, и извини меня, если что-нибудь не сходится.

Мы страдаем не только от каких-то бытовых неурядиц, а больше всего от волнений — живы ли вы будете.

Судя по твоему последнему письму, тебе предстоит что-то очень важное. Хайдар настойчиво предложил мне собираться, и как можно скорее. Сейчас он спит на диване и во сне бормочет что-то по-узбекски. Я не могу понять, что он говорит. Я смотрю на него и вижу тебя возле него. Ведь Хайдар не так давно был счастливее нас и видел тебя. Твое письмо короткое, а я люблю длинные письма.

Ты перешел в морскую пехоту, и мне кажется, что ты обязательно должен быть сейчас в бескозырке, с автоматом на груди, с татуированными руками. Я смотрю на карточку, еще ту, с тремя кубиками, долго смотрю. Вспоминаю своего кавалериста...

Тоскливо и грустно без тебя! Детишки прибегают: «Мама, дай хлеба», и уносятся, и, если я задумаюсь, они ищут в моих глазах ответа, не о тебе ли, не слу-

чилося ли чего-нибудь с их папкой. Они чрезвычайно обрадовались отъезду. «Мы поедem на корабле! — кричит Тоня. — Мой папа теперь моряк».

Мне ничего не нужно теперь, Коля, ничего. Я буду теперь близко от тебя, и все в мыслях моих, чтобы ты был жив, чтобы судьба сохранила тебя для семьи...»

Письмо от жены было помечено седьмым ноября. В этот праздничный день Огненная земля узнала об освобождении Киева. Украинцы — а их было большинство в батальоне — принялись кричать «ура», что всполошило немцев, открывших по позициям беглый артиллерийский огонь. Вспоминая день седьмого ноября, Букреев представлял себе умирающего Цибина, еле шевелящего губами, мутные его глаза, черные курчавые волосы, оттенявшие его желтоватый, словно стеклянный, лоб.

Манжула стоял перед Букреевым по-прежнему такой же строгий. Выжженные на прикладе автомата слова: «Мстим за погибших товарищей! Вперед, до Берлина!» — звучали, как клятва.

— Бронекатер идет с «Большой земли».

— Выяснили у старморнач, кто?

— Капитан-лейтенант Шалунов.

— Капитан-лейтенант Шалунов? Его повысили в звании?

— Не могу знать, товарищ капитан. Старморнач звонил: идет капитан-лейтенант Шалунов.

— Какое сегодня число, Манжула?

— Двадцать первое ноября, товарищ капитан.

— Спасибо. Идите, Манжула. Бронекатер разгрузить быстро...

Букреев находился на командном пункте, перенесенном с маяка в подземное помещение немецкой противокатерной батареи, отштурмованной Батраковым еще в первую десантную ночь.

Батарея стояла на высоком, пятидесятиметровом обрывистом берегу с хорошим обзором, и, хотя орудия были повреждены, орудийные дворики и железобетонная часть сохранились. Чтобы попасть на командный пункт, нужно было спуститься из орудийного дворика вниз метра на три и через тамбур пройти в первую комнату, или, как ее стали называть моряки, кубрик. В кубрике в целости сохранились двойные нары, стояли печь, стол

с телефонными аппаратами и штабными бумагами и несколько табуреток. При немцах сюда была проложена электропроводка от полевой станции укрепрайона. Сейчас кубрик день и ночь освещался только мигалкой, сделанной из гильзы зенитного снаряда.

Железная дверь вела в другую комнату, занятую связными и ординарцами. Туда, через амбразуру, вырезанную в бетонной стене, проникал дневной свет и открывался вид на море и на берега Таманского полуострова. Здесь при прежних хозяевах располагался наблюдательный пункт батареи. До сих пор вдоль амбразуры по секторам сохранились прицельные отметки по угломеру, наряду с выщербинами — укусами моряцкой гранаты. Эту комнату называли кубриком НП.

Вторая железная дверь НП выходила к морю. Отсюда по ступенькам можно было спуститься к берегу.

Противник узнал новое место командного пункта батальона морской пехоты и обстреливал его. Прямых попаданий пока не было, а боковые удары только трясли кручу, и всегда при активном обстреле людям, находившимся на командном пункте, казалось, что они сползают к морю.

Немецкие артиллерийские самоходные суда ночью или днем, в туманы, подходили почти до самых отмельных наносов и били в упор по наблюдательному пункту. Это обычно вызывало только раздражение и брань ординарцев, но существенного вреда не приносило. Морские самоходы неприятеля не отличались меткостью.

Противник мог рискнуть высадить десант, чтобы атаковать командный пункт. На этот случай подходы были минированы и пляж простреливался косоприцельным пулеметным огнем, за что лично отвечал Степняк, вынесший на крайние приморские точки обороны лучшие расчеты Шулика и Воронкова.

В первые дни после ухода из маяка немцы не оставляли в покое новый командный пункт, и Горбань назвал это новое убежище двумя словами: «гамак» и «трясогузка».

Манжула сидел у амбразуры с биноклем в руках, продолжая наблюдать за морем.

Зимняя, крутая, с белым завитком волна шла по про-

ливу и, вырвавшись на берег, шипела в камнях-валунцах. Дробный дождь рябил волновые отвалы и песчаные намывы. У Керчи беспрерывно погромыхивало, и, если бы дело было весной или летом, можно было и впрямь принять это за гром. Но какой гром в ноябре?

Манжула с завистью профессионала наблюдал, как умело и бесстрашно маневрирует бронекатер Шалунова, идущий к Огненной земле. Белые колонны воды взлетали и падали, но катер продолжал свой ход. Стрельба отдавалась на наблюдательном пункте со звоном, как будто кто-то ударял по этой железобетонной коробке.

Дремавший Горбань полуоткрыл свои голубые насмешливые глаза и перевел взгляд на дружка. Он видел только его спину, ремень матросского пояса, низко прихватившего ватник, пистолет в морской кобуре на удлиненных поясных портупеях и возле кобуры кожаный мешочек, набитый патронами, затянутый у горлышка, как кисет.

На ржавых дверях, заклепанных крупноголовой заклепкой, было написано мелом «Смерть немецким оккупантам» и нарисован восьмиконечный крест, а сбоку череп и скрещенные кости — это рисовал в минуты досуга Рыбалко, приходивший на НП перекурить и «потравить баланду».

— Точка номер три кашляет? — спросил Горбань.

— А тебе какая разница?

— Побудила.

— Сон у тебя будкий, девичий.

— Поспать, пока мой Николай Васильевич опять за собой не потащил. — Горбань потянулся. — Сейчас бы чего-нибудь на зуб положить! Чудной я был человек — не любил пирожков с картошкой. На всю, может, Украину один. А теперь бы пирожка с картошкой, а, Манжула? Ты слышишь?

— Не дражни...

— Опять дают. Точка номер четыре, из-за озера.

— Издали бьют. Может быть, Митридат, — не оборачиваясь, сказал Манжула.

— Митридат бьет — у нас почти не слышно. Как бронекатер?

— Кабельтовых в двадцати.

— Самая жара. У берега немец бьет резко.

Горбань пристроился возле амбразуры.

— Вот те всплески, толстые,— бэдэбэ. Быют с Буруна.

— Узнал? По всплеску?

Манжула недоверчиво взглянул на друга, увидел его белокурую бородку и волосы, отросшие так, что свисали на ворот.

— Занехаялся ты, Сашка! Вернешься — все девчата откажутся.

— Не откажутся, Манжула. Мы теперь с тобой ордена Ленина имеем. Прическу сделать легко, а вот такой орден заработать... У меня-то он первый.

— Абы получить первый, там уже один к одному пойдет.

— Гляди, гляди, как он крутит! Вот тепло команде! Небось на пятом поте ворочают. Проскочил! Опять проскочил! У Шалунова, видать, позади чертячий хвост.

— Не сглазь.

— Вот сидим мы тут три недели. Жрать нечего, патронов не хватает, гранат тоже по тихому счету. А держимся! А посади на наше место фашиста, давно бы отдал концы. Вчера приходил Степняк, завел беседу. Знаешь, что он говорит о нашем комбате?

— Что хорошего может тот Степняк сказать! — неодобрительно заметил Манжула. — Для него все не то...

— Хвалил комбата. А знаешь, за что? За фортификацию. — Горбань с наслаждением произнес слово «фортификация» и посмотрел на приятеля со снисходительной улыбкой, зная, что тот никак не отвыкнет от своей «хвортификации».

— Ну и что?

— Фортификация помогла. Сколько комбат с нашим братом повоевал! А вот врылись и сидим. Теперь нас ничем не выключешь из земли. Копают ребята до сих пор. Копают, копают, свалится, передохнет и опять. Ниши везде, укрытия, канавы-водоотливы, колодцы для водосброса... — Горбань подтолкнул в бок приятеля. — Гляди! Опять выпрыгнул. Ну, теперь ближе. Эх, туману бы еще такого вот больше подпустить!

— Не туман это, Горбань. Дымзавесы идут, что наши от Чушки ставят.

— Сюда доходят? — недоверчиво спросил Горбань.

— Сырость, погода давят дым к воде.

В кубрик вошел Букреев, нагнулся к амбразуре. Ординарцы встали. Предложили бинокль. Комбат отказался. Теперь даже невооруженным глазом был хорошо виден бронекатер, его серые борта, резавшие волны, покачивание мачты, пенистый след. Но ни одного человека не было видно на палубе судна. Обстрел у берега усилился, но бронекатер мчался к ним, ломая курсы, и, чем ближе он подходил, тем заметнее становилась его скорость.

— Манжула,— сказал Букреев,— я уже предупредил старморнача и рекомендовал Шалунову ошвартоваться между погибшими «охотниками». Прикроется от противника. Как ваше мнение, моряки?

Польщенные обращением комбата, ординарцы переглянулись.

— Серьезно спрашиваю...

— Больше негде ошвартоваться, товарищ капитан,— ответил Манжула.— Бронекатер не тузик, его на берегу меж камней не сховаешь.

— Идите и помогите Шалунову. Плотами разгружать, да и тузик в ход пойдет. Тузик еще не угнали, Манжула?

— Вчера его опять кто-то ближе ко второй роте перетащил. Я уже думаю...

— Что ты думал? — рассеянно спросил Букреев.

— Может, кто готовится уйти...

— Уйти? — внимательно переспросил Букреев. — Кто же думает уйти?

— Во второй роте есть несколько таких субчиков, товарищ капитан. Подбивают уйти.

— Ты их знаешь?

— Почти что. Только нужно еще раз проверить.

— Проверь. А Шалунова — сюда.

Ординарцы ушли. В кубрик влетели запахи моря и сырой земли. Дежурный прикрыл за ординарцами дверь на засов. Букреев присел к амбразуре. Бронекатер приблизился к островам погибших кораблей, сбавил ход и ошвартовался. Через несколько минут оттуда отделилась лодка. В ней сидел Шалунов и с ним двое моряков. Лодка попала в береговую волну-толкунец и скры-

лась из поля зрения. Одинокaя чайкa с криком летала низко над водой. Спугнутая разрывом снаряда, она рванулась кверху и замахала острыми крыльями, похожими на запятые.

Пришедший с передовой Батраков снял мокрую плащ-палатку, отряхнул ее и повесил на крюк. Озябшими и мокрыми пальцами он расстегнул ватник, стасил его и остался в гимнастерке. Шеврон морской пехоты на левом рукаве из золотого стал черным; на спине белели пятна и видны были потертости от ремня автомата. У Батракова была худая шея и заросшее лицо, но глаза его были все так же ясны — серые, с обычным недовольным прихмуром.

Растирая захладевшие руки, Батраков склонился над Куриловым, записывавшим приход бронекатера в журнал боевых действий. Дверь во второй кубрик была полуоткрыта, и оттуда доходил свежий воздух. Поддежурный главстаршина спал на верхних нарах, и в кубрике слышалось его тяжелое всхрапывание.

В это время Шалунов, выйдя из лодки и выгрузив при помощи двух своих матросов и ординарцев тюки, завернутые в парусину и перевязанные джутовым шпагатом, пошел к командному пункту глубинными ходами.

Старший морской начальник, как громко именовался молоденький лейтенант в брезентовом плаще, получив приказание комбата разгрузить боеприпасы, доставленные бронекатером, позвонил Рыбалко. От него к блиндажу старморнача, вырытому в обрыве, уже спускалось несколько автоматчиков, чтобы начать выгрузку.

Ход сообщения — ровик в человеческий рост — выходил к обрыву. Оттуда по извилистой промоине текла желтая грязь. Тяжело нагруженные моряки катера, Манжула и Горбань шли позади Шалунова. Встречаемые по пути подносчики патронов, связные или саперы, по-прежнему улучшавшие предполье, пропускали гостей, прижимаясь к стенкам. В нишах, накрывшись плащ-палатками, отдыхали люди резервных взводов. Дождь стучал по брезентам. Шалунов сразу, всем своим существом, ощутил промозглую сырость и понял, как тяжелы условия окопной жизни. Если вначале, взбираясь по обрыву и увязая в грязи, он бранился и подтрунивал, то теперь замолчал, посерьезнел.

Только что Шалунов был еще горд самим собой — как же, прорвал блокаду на виду у людей, понимавших толк в таких делах. Хотелось немедленно в кругу друзей похвастать хитростью, ловкостью, мастерством. Но теперь... Здесь испытали больше, здесь никого не удивишь.

Встречались люди строгие, худые, грязные. Просидев три недели в земле, под открытым небом, под огнем, они приобрели совершенно новые черты и несколько не были похожи на тех моряков, которых он поторапливал при посадке в Геленджикском порту. Ими командовал тот самый офицер-пограничник со шпорами, в кавалерийской шинели, забрызганной песчаной грязью, которого они встретили в портовой столовке, в задымленном туманами приморском городе.

Траншея поднялась в горку и вывела к орудийному дворику.

Войдя в командный пункт, Шалунов осмотрелся со света, шагнул вперед и, чувствуя, как у него закипают ненужные слезы, принялся тискать в своих объятиях и Букреева, и Батракова, и Курилова, и кока...

Гурьбой ввалились Рыбалко, Линник, Степняк. Шалунова любили и как хорошего боевого офицера и как общительного товарища.

— Яки новости на «Большой земле»? — допытывался Рыбалко, толкая Шалунова кулаками в грудь. — Яки новости?

Быстрыми и легкими движениями Шалунов разрезал шпагат на тюках, раскатал парусину. В тюках не было ни патронов, ни сухарей, но были газеты, разные газеты — и «Правда», и «Известия», и «Красная звезда», и «Красный флот», и своя, флотская, сопутствовавшая их радостям и горю, — «Красный черноморец». Газеты, освобожденные от тугого шпагата, рассыпались, и к ним потянулись озябшие, обветренные руки. Все замолчали и только читали, а Шалунов, спрятав в ножны кинжал, смотрел на всех и качал головой. Неужели этот человек, похожий на цыгана, с узкой черной бородкой, и есть Рыбалко? А этот, с большими, словно обведенными сажей глазами и запавшими, обожженными щеками, красавец Степняк? А Букреев, всегда чистый, выглаженный, подчеркнуто подтянутый, неужели это он,



Все замолчали и только читали...

этот человек с некрасивой щетиной, закрывшей почти все лицо? А Батраков...

В газетах, привезенных Шалуновым, был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении их за форсирование Керченского пролива. Указ правительства передавали по радио, но всем хотелось прочитать свои фамилии собственными глазами. К единственному светильнику склонились напряженные и озабоченные лица. Вот слышались восклицания, смех, похлопывание ладоней по коленям и спинам. Все было написано в газетах, изданных на «Большой земле». Там узнали о них, никто не представлял себе их страданий, но их подвиг стал известен. Их страдания остались здесь, с ними, а там гуляла о них крылатая, красивая слава. Они не были одиноки. Страна следила за ними, помогала, ценила, одобряла. Никто не видел их грязными, голодными, вшивыми. Они предстали перед страной как витязи духа, и с газетных страниц смотрели их прежние фотографии — выбритые, улыбающиеся лица.

Букреев несколько раз перечитал свою фамилию под портретом. И ощущение удовлетворенной радости какой-то теплотой разлилось по его телу. Он жал чьи-то протянувшиеся к нему руки, сам кого-то поздравлял, расцеловался с Рыбалко, с Манжулой, награжденными орденами Ленина, и ласково назвал Горбаня Сашей.

— Теперь держись!

— Напишем на линкор, товарищ капитан?

— Напишем, конечно. Кстати, надо будет в госпиталь отнести газеты, там у нас несколько Героев: Таня, Цибин, Зубковский

— В госпиталь я сам схожу, — предложил Шалунов, — у меня поручение к Тане от Курасова. Да... совсем забыл! Вам тоже посылка есть от адмирала и Шагаева.

Шалунова мяли в объятиях, благодарили. Большой и неуклюжий в своем кожаном костюме и высоких сапогах, он стоял посередине кубрика и улыбался. Газеты и листовки разобрали и унесли на передовую. Командный пункт опустел. Шалунов ушел к берегу за посылками...

Букреев писал Мещерякову:

«Батальон держится на прежних рубежах. Враги не

сумели сдвинуть нас ни на один шаг и пока, отказавшись от фронтальных атак, как вам известно, блокировали нас и хотят, вероятно, добить артогнем и измором. Награды Родины воодушевили моряков на новые героические дела. Вы спрашиваете в своем письме, переданном через капитан-лейтенанта Шалунова, каково положение с питанием и боеприпасами. Надо признаться, что люди батальона, в большинстве своем молодые, физически здоровые, к тому же все время пребывающие в сражениях, требуют много пищи. Оперативный паек был съеден в первые два дня, так как состоял всего из двух килограммов подмоченных при высадке сухарей, плитки шоколада и консервов. Прорывающиеся корабли подвозят боеприпасы, но мало. Парашютные сброски почти прекратились. Приходится вступать в рукопашные схватки. Мы обшарили дно моря на небольших глубинах, очистили погибшие катера и мотоботы, чтобы пополнить запас патронов, но собрали немного. Продовольствие, сброшенное самолетами, мы отдаем раненым. Таким образом, единственным средством питания являются кукуруза в початках и пшеница. Но и эти запасы кончаются. Мы выкопали свеклу на огородах, съели тыквы. Мы не имеем табака. Люди курят вату, выдирая ее из своего обмундирования. Но, несмотря ни на что, батальон держится и готов выполнить любой ваш приказ...»

Перечитав написанное Букреевым, Батраков поднял набрякшие веки и тихо сказал:

— На бумаге мрачно. Мы как будто жалуемся.

— Всё так.

— Ты даже преуменьшил. Съедена вся кукурузная будылка, перещелкали все семечки. Люди потеряли в весе ровно половину.

— Ну и что же?

— Мы привыкли... а на «Большой земле» покажется мрачно. Еще снимут корабли с главного направления. Ты читал, как нас в газетах расписали... А если бы ленинградцы разрисовали все, что им приходится испытывать? От кручины бы все позеленели.

— Как же ты рекомендуешь ответить адмиралу?

— Спрячь донесение в свою сумку. После войны детишкам покажешь, а командование флота не волнуй.

— Надо же объяснить обстановку.

— Напиши так адмиралу: «Будем держаться несмотря ни на что. Если есть возможность, подбросьте еще патронов, табачку и воблы». Тем более, что в таком духе информируют и армейцы.— Батраков потер виски и внимательно посмотрел на Букреева.— Нам приходится вести политическую работу... Многие спрашивают, почему нас бросили, почему не выручают. Для простого ума кажется и в самом деле странным. Такая огромная страна, столько ресурсов, столько богатств, а вот сидим на клочке в пять квадратных километров...

— Ну, я надеюсь, объяснение нашли, Николай Васильевич?

— Объяснение, конечно, очень простое. Приказ есть приказ. Но это формально. А нам приходится — имеем мы ведь дело с моряками — просто по пальцам пересчитывать все корабли и решать, могут ли нам сейчас помочь, пока не накопились силы у Керчи, или нет. Моряки знают, что сюда нельзя бросать крупные корабли. Что они сделают на наших отмелях, на минных полях? Не пошлешь же эскадру! А мелкий флот весь на учете. Перебираем все корабли, все дивизионы и черноморцев и Азовской флотилии адмирала Горшкова и ясно видим: пока керченская группировка накапливается, надо драться.

— Правильно,— сказал Букреев,— мы свою первую задачу выполнили и теперь будем ожидать дальнейших приказов командования. Мне, кстати, сообщил Манжула, что во второй роте имеются нездоровые настроения.

— Не целиком во второй роте, а имеются. У них, может быть, один-два человека с длинными языками и короткими мозгами, Николай Александрович. Вторая рота вся, до одного человека, давала клятву еще на Тамани. Если кто нарушил ее, ты сам знаешь, моряки не пощадят.

— Манжула следит за какими-то людьми, которые перетащили тузик в другое место. Манжула думает, что кто-то пытается бежать через пролив.

— Такого позора нельзя допустить.— Батраков сжал губы, нахмурился. Его пальцы нервно забегали по столу.— Если даже выгребут подальше от берега, из

пулеметов снимем — потопим. Я не представляю себе даже в мыслях: к Тамани вдруг пристанут беглецы. Кто? Моряки. Не представляю. Не было такого случая среди морской пехоты.

С НП были видны море, шумевший прибоем берег, ржавые остовы кораблей, приютившие возле себя шалунский бронекатер.

На шлюпках и плотках перевозили боеприпасы. С мыса Бурун глухими, отдаленными звуками—дж-жу-жу!..—доносилась работа крупнокалиберных пулеметов. Им отвечали минометчики.

Ввалился Шалунов, мокрый, веселый, в сапогах, вымазанных глиной по самые колени. За ним внесли посылки от Мещерякова и Шагаева для Букреева, Батракова и Курилова.

Кулибаба с восклицаниями, идущими из глубины его поварской души, устанавливал на стол все, что добывали его руки из фанерных ящичков.

— Вот так харч! Колбаса! Полтавская! Ах, ах!.. Мы ее поджарим.— Кулибаба нюхал, закатывал глаза, причмокивал.— Печенье! А, водочка! А, вино! Му-с-кат! Нема картофельной муки, а то бы я с цего вина наварил киселя, якого киселя, товарищ капитан!

— Не верится, что где-то запросто подают к столу такие продукты,— с голодным удивлением сказал дежурный мичман.

— По всей базе искали, насилу нашли,— ответил Шалунов.— Где там запросто!.. На Тамани тоже с продуктами плохо. Дороги раскисли, транспорт занят подвозкой снарядов к Чушке. Морем — штормит, да и немец рыщет...

Отведя в сторону Батракова, Букреев что-то шепнул ему, и тот удовлетворенно закивал головой. Букреев взял телефонную трубку.

Кулибаба вытаскивал шоколад, складывал стопкой и любовался.

На столе, рядом с бутылками, появились папиросы в твердых коробках, табак, спички.

— Только, товарищ капитан, чтобы я сам распоряжался продуктами,— попросил Кулибаба.— На всех не хватит, а я потяну. И сыты будете в кают-компании, и нос в табаке.

С улыбкой наблюдая размечтавшегося кока, Букреев вызвал к аппарату Таню. Почувствовав неладное уже в первых словах комбата, кок замахал руками, как будто предупреждая его против того, что могло неоправимо нарушить все им задуманное.

— Таня,— сказал Букреев,— наш общий знакомый Шалунов привез посылки для раненых... Передать ему привет? Хорошо. Передам. Эти посылки сейчас я вам переотправляю, и распределите их между моряками и между армейцами... Праздник? Ну, задним числом пусть отпразднуют...

Кулибаба стоял с опущенными руками. На его лице застыло горькое, обидное чувство.

— Ты чего, Кулибаба? — спросил Букреев.

— Шо ж вы... Их не накормишь, а мы...

— А мы люди здоровые. Складывай-ка обратно, Кулибаба. И отнесешь вместе с Манжулой в госпиталь. Вот если адмирал мыльца прислал, отрежь полкусочка. Хочу наконец помыть свои лапы и спилить проклятую щетину. Не привык... И не откажемся от удовольствия закурить по чудесной папироске.

Они сидели и курили. Коробка с изображением скачущего всадника в черной бурке лежала на столе. Дымок вился колечками, наслаивался и тащился в кубрик НП через открытую дверь.

Рассказывая о том, как высадилась армия с Чушки и как там благодарили «букреевцев», Шалунов вдруг шутливо ударил себя по голове:

— Самое главное забыл! Письма я привез от ваших. В Геленджике они.

И он вытащил письма.

«Я прочитала о представлении тебя к званию Героя Советского Союза, — писала Букрееву жена. — Неужели? Неужели мой тихий и скромный и такой спокойный Николай — и вдруг Герой! Я побежала к Ольге Баштовой, с которой мы сразу же по приезде моем подружались. Мы сидели, обнявшись, как девочки, и... плакали. Она только что пришла из госпиталя: ее муж награжден орденом Ленина «за форсирование Керченского пролива». Но он очень плох. А может, тебя нет в живых? Ведь героев даже посмертно награждают. Вот почему я плакала. А вечером через штаб базы мне позвонил из

Тамани адмирал Мещеряков и успокоил. Живи, живи! Возвращайся. О вашей Огненной земле говорят все. Говорят, что на базу приходят сотни добровольцев-моряков, чтобы идти к вам. Я горжусь тобой, но тоскую. Теперь я знаю, где ты, и мне страшно...»

— Пишите ответ, как-нибудь доведу, а мне нужно еще к Татьяне забежать. Поручение Курасова выполнить,— сказал Шалунов, поднимаясь.— Передал он ей кое-что по мелочи. Хотел еще арбуз сунуть. Что бы я с ним делал на таком скользком подъеме, как у вас! Все равно расколол бы. Такую чушь придумал — арбуз! Только влюбленный мог такую штуку отмочить.

— Курасов на Тамани? — спросил Букреев.

— На сутки приезжал машиной из Сенной. Они оттуда ночами ходят на коммуникацию, к Чушке. Я тоже был там — жарко! Квартирку они еще вместе с Таней подыскали в Тамани. А сейчас Анатолий картину приволок, что-то вроде «Аленушки». Ждет свою Татьяну. Ничего не скажешь — хорошо ждет! Мечтателем стал...

После ухода Шалунова Букреев тщательно выбрился, теперь явственно ощущая свою неудобу. Бритва проваливалась в тех местах, где ходила когда-то округло, как по яблочку.

— Эге-е-е! — протянул он, поворачиваясь перед зеркальцем то одной, то другой стороной.— Кошей Бессмертный — и того хуже. Что же вы, мичман, молчали? Видите такого хутородного комбата и не протестуете.

Дежурный мичман удивленно разглядывал незнакомое лицо комбата.

Глава тридцать шестая

Вечерело. Холодный туман, прижавшись к земле, засеребрил кочки, закраины воронок и вмятины следов. Куда ни ступишь, везде слякотно, нехорошо. В окопах читали газеты, кучками и в одиночку. Печатные листы бережно держали в руках, и вряд ли кто-нибудь посмел бы теперь использовать такую газету на перекурку. Букреева встречали радушно и дружно отвечали на поздравления. Моряки оценили его настойчивость в форти-

фикационных работах: созданный укрепленный узел сохранил немало жизней. Но многих из перечисленных в списках не было в живых. Много сил было положено им, Букреевым, чтобы сохранить каждого человека. С каждым он свыкся, и чем дольше они находились на плацдарме, чем ближе он узнавал своих людей, тем тяжелее переживал каждую потерю.

По траншее, от взвода к взводу, Букреев вышел к морю.

У противника на всхолмках горели костры. Вместе с туманом покачивался слоистый дымок, и сейчас казались глубоко мирными все эти картины приморья. Обрывки обветшалых сетей с прилипшей чешуей завернулись вокруг редких стеблей бурьяна; невидимый в мороке, бакланил морской ворон, и приятен был его резкий, отрывистый крик.

Бронекатер Шалунова еле угадывался между островами «охотников», вынесенных штормами к отмелям. Погибшие корабли были тщательно выпотрошены моряками, и последнее время оттуда таскали щепки для печурок.

Под склоном берега два моряка, стоя на коленях, рыли могилу в мокром песке. Моряки трудились медленно, для сохранения сил часто отдыхали, присаживаясь на лопаты. Возле них лежал выброшенный морем труп матроса в кожаных брюках и бушлате.

Над берегом, с автоматом наготове, не обращая внимания на волны, захлестывавшие его по колена, крался Манжула. Так хороший охотник выслеживает дичь. Манжула умел также слышать крик баклана, и желание угостить хотя бы этой дурно пахнущей птицей своего командира, может быть, и заставило его брести к прибою. Последние дни Манжула и Горбань отдавали все свое время поискам пищи для своих командиров.

Букреев хотел уже окликнуть ординарца, но тот бросился вперед, разбрызгивая воду, и пропал в тумане. Вскоре с той стороны, куда он исчез, донеслись короткая очередь автомата, крики и брань. Букреев, выхватив пистолет, побежал на помощь ординарцу.

Манжула, то спрыгивая, то наскакивая, размахивая прикладом, дрался с двумя неизвестными людьми. Один из них, очевидно только что раненный им, получив

отмашный удар прикладом, зашатался и упал, раскинув руки. Пальцы его несколько раз конвульсивно сжались, разжались — и застыли.

Второй, сшибленный кулаком ординарца, подняться не мог, так как на нем верхом сидел Манжула и крутил на спине руки.

Уткнувшись лицом в песок, рыча и отплевываясь, человек пытался вырваться. На шее вздулись жилы, лицо густо налилось кровью.

— Не уйдешь! — бормотал Манжула, сдавливая пленника коленями и упираясь в его спину локтями.— Не уйдешь!

— Пусти! — рычал тот.— Пусти! Шестерка проклятая!

— Шестерка?

Манжула крепче стиснул его и с размаху ударил кулаком по затылку.

Снова выплеснулись грубые ругательства и какой-то хрипящий клекот.

На выстрелы прибежали пулеметчики крайней точки, и среди них возбужденный Шулик с гранатой в руках и в бескозырке, отброшенной на затылок.

— Манжула! Те самые? — крикнул Шулик.

Заметив комбата, Манжула встал, но не отпускал ногами лежавшего человека.

— Что вы делаете, Манжула?

— Те самые, товарищ капитан, что я говорил,— прерывающимся голосом ответил ординарец и опустил свои побитые до крови руки.— Я за ними третьи сутки слежу. Позавчера не мог опознать, утекли по яру... Хотели на бочке-перерезе уходить. А сегодня по туману хотели тикать на нашем тузике...

Тузик подбивало волной. В лодке виднелись вещевой мешок, чайник, доски, обструганные под весла, кастрюля, вероятно прихваченная для выкачки воды, винтовка, автомат, несколько патронных дисков в чехлах.

Возле лодки орудовал Шулик, выбрасывая оттуда все эти предметы. Диски перекинул в ладонях.

— Краденые, товарищ капитан! — возмущенно выпалил он, подбежав к Букрееву.— Вот метины чужие! Сами тикали, да еще других обобрали.

— Ты хотел бежать? — спросил Букреев.

Связанный перемаялся с ноги на ногу и отвел глаза в сторону.

— Отвечай командиру батальона! — пригрозил Шулик.

Пулеметчики, собравшиеся вокруг, зашумели. Ни в одном лице Букреев не нашел сожаления.

— Ты решил предать своих друзей?

— Все равно побьют...

— И потому решил бежать?

— Все равно побьют! — с озлобленным раздражением, не поднимая глаз, повторил он.

— Перед десантом ты давал клятву?

— Давал.

— Присягу принимал?

— Как полагается... Принимал.

— А если каждый из нас так поступит? Ты знаешь, что делают с такими, как ты?

— Деваться некуда... Что тут, что там... — Связанный рванулся вперед, закричал: — Вы тут за орденами сидите, а мы!..

— Разрешите, товарищ капитан! — горячо запросился Шулик. — Я его срежу по уху за такие слова. Ах ты, ряшка!

— А пошли вы... Развяжите! Развяжите!

Букреев взгляделся в лица окружавших его людей и прочитал приговор.

— Убить его, как собаку! — крикнул Шулик.

И его поддержали остальные.

Человек упал и натужно пополз к Букрееву, оставляя в песке колею.

Он полз и как будто тихо повизгивал. На губах его, растресканных и обветренных, появилась кровь, в глазах был ужас, такой ужас, что Букреев не мог смотреть на него. Еще немного, и он не в состоянии будет проявить ту твердость духа, которая сейчас от него требуется.

— Манжула!

— Я слушаю вас, товарищ капитан.

Сдерживая свое волнение огромным напряжением воли, Букреев сказал:

— Манжула, исполняйте приговор...

Он видел, как полились слезы из глаз осужденного,

как, всхлипывая, он поднялся на ноги и, повинувшись Манжуле, покорно повернулся лицом к морю.

Букреев отошел в сторону, но заметил, как Шулик зло ударил осужденного кулаком, и услышал голос Манжулы: «Не тронь, Шулик».

Выносилась длинная и сильная волна, как это бывает при отмелях. Тузик повернуло и захлестывало, и он, словно живой, кивал носом. На армейском фланге редко стреляла полевая пушка и стучали пулеметы.

Манжула крикнул:

— Гляди последний раз на море, шкура!

Раздались два негромких пистолетных выстрела. Кажется, на сырой песок рухнуло тело. Не оглядываясь назад, Букреев поднимался к командному пункту.

Ночью Шалунов ушел к Тамани, захватив раненых и письма. Моряки поднимались в траншеях и своим чутким слухом улавливали постепенно затухающий шум моторов бронекатера. Говорили о своих кораблях, вспоминали мирные дни и боевые походы, а потом отправлялись на поиски пищи. С щупами и лопатами тщетно искали ямы с зерном и овощами: варили листья свеклы с консервами — на десять человек одна банка — и ужинали. Кое-кто ходил в разведку, просачиваясь через линию фронта. Разведка связывалась с добычей продовольствия: приносили сухие овощи, консервы, кофе и редко — спирт.

Разведчики добывали сведения о противнике, иногда притаскивали «языка». Пленные показывали, что от плацдарма отведены войска, штурмовавшие в первые дни, а на их место пришли свежие части с южного побережья и от Сиваша.

Этой же ночью, после того как утихла стрельба, Гладышев прислал красноармейцев за газетами, привезенными Шалуновым для дивизии. Вместе с ним пошел Букреев, решивший проведать Таню.

Отделившись от красноармейцев, Букреев повернул к школе, где находился госпиталь. Он нашел Таню радостной и возбужденной.

— Жаль, что темно, Николай Александрович, — сказала она, пожимая ему руку, — я прочтала бы вам, что пишет мой Анатолий. Он, оказывается, умеет писать чудесные письма.

Бумага шелестела в ее руках. Белое пятно то шевелилось у ее коленей, то вспархивало как голубь, повыше. Они сидели на камнях. Сырые облака напоминали им их первое становище на Таманском полуострове, возле Соленого озера. Букрееву хотелось о многом поговорить, рассказать о письмах жены, многим поделиться. Но он молчал и видел только этот порхающий лист, светлые глаза своей собеседницы, поблескивающие даже сейчас, в темноте.

Она перестала говорить о Курасове, о себе и, приблизившись к нему, тихо произнесла:

— Я так счастлива за вас, Николай Александрович!

— Вы... насчет награды?

— Нет, нет. То мы уже пережили, порадовались. Я говорю о вашей семье. Она в Геленджике. Совсем близко отсюда. Анатолий и об этом мне написал.

— Да, Таня. Они уже в Геленджике. Сегодня я получил от жены два письма: одно еще из Самарканда, а второе, привезенное Шалуновым, уже из Геленджика. Такие случаи могут быть только в нашем положении.

— Действительно, наше положение...— сказала она задумчиво.

— Вы что-то вспомнили?

Таня приблизила к нему свое лицо, и теперь были видны ее глаза и губы и ощущалась теплота ее дыхания.

— Когда ранили Горленко и я тогда, помните, прибежала к нему, он вспомнил нашу первую встречу в Новороссийске. Тогда дул страшный норд-ост. Тогда еще дрались в Севастополе, но здесь, где мы сейчас, стояли враги. И знаете, что еще он сказал мне: «Я подарю тебе, Таня, игрушку. Сам вылеплю ее из синей глины. На нее будут смотреть люди и никогда не захотят войны...»

— Что же за игрушка?

— Не знаю, не объяснил. Игрушка из синей глины. Игрушка...— задумчиво протянула Таня.— Кто же ею будет забавляться?.. Сколько лет вашей старшей дочери?

— Через восемь лет ей будет столько же, сколько сейчас вам.

— Пусть она не будет похожа на меня...

— Почему?

— Пусть не придется ей воевать. Очень тяжело.

Слева поднялись ракеты, осветили серые рваные края облаков, цеплявшиеся за крутые обрывы, где прятались в траншеях стрелки Рыбалко, пулеметчики Степняка.

Отдаленный гул долетал до Керчи. По причалам Чушки, песчаной косы, похожей на копье, нацеленное к бедру Крыма, били батареи с Митридата.

Из школы кто-то выходил, слышались негромкие голоса: «Не завали, Иван»... «Живой — легкий, а мертвого будто свинцом наливает»... «Держи выше».

— И все же мне хотелось бы, чтобы моя дочь была похожа на вас, Таня,— сказал Букреев.

— Что вы, Николай Александрович! Вы же меня мало знаете. Я — плохая, злая, вернее — вспыльчивая. Помню, как меня прорабатывали в Геленджике, в госпитале...— Она тихо засмеялась, охватив колени руками.— К тому же я... тщеславна.

— Неверно.

— Совершенно верно. Я мечтала стать Героем и стала. Честное слово, мечтала.

— Наговариваете на себя, Таня.

— А это неплохо... мечтать и самой осуществить свою мечту. Вот мне хочется сейчас, сидя вот на этом камне, в рыбацьем поселке, куда вряд ли вас снова забросит судьба, хочется дожить до победы, до мира. Вернуться в Москву, пройти по улице Горького, мимо больших домов, пройти в новенькой форме, с погонями, с золотой звездочкой, побывать в Большом театре... Как чудесно!.. Я мало жила в Москве, но об этом городе у меня самые лучшие воспоминания. Там жил Матвей, там родился наш мальчик... Тоска, тоска, товарищ комбат! Вот вчера мы сидели с девушками и так же серьезно говорили, как сейчас. Говорили о прошлом и будущем. Окончится война, и назовут нас, воевавших девушек, тяжелым и мужским словом — «ветераны». Придем мы с войны, будем первые дни еще в моде, а потом девушки в шелковых чулках, вот с такими завитушками, оттеснят нас... Будем мы ходить «ветеранами». На праздник какой-нибудь вызовут нас, усадят, как полагается, в президиум, заставят выступить, рассказать. Если еще хорошо будешь говорить, с юмором,

будут кое-как слушать. А если панихидные речи заведешь, начнут шуметь, переговариваться и думать: когда же она кончит?

— Что вы, Таня! Нельзя так думать. Кончим операцию, отправят вас на «Большую землю»... Вас любит хороший человек, заживете счастливо.

— Я и не думаю. К слову пришлось, рассказала. А насчет тихой жизни... Не знаю. Пока своих не разыщу, от вас не откочую. Правда, странное слово «откочую»? У нас санитаром работает тамбовский колхозник, очень серьезный пожилой человек. Он ввел это слово. Только он другой смысл вкладывает. Вы слышали, недавно пронесли кого-то из школы — это он и называет «откочевался». — Таня встрепенулась, потерла ладони. — А впрочем, не будем отравлять себе немногие хорошие минуты. Если по правде вам сказать, мне сейчас хочется одного — есть.

— Вы голодны?

— Нет, нет, не очень...

— Я вам пришлю... Кстати, Шалунов передал вам посылку Курасова?

— Передал. Но я последовала вашему «дурному» примеру.

— Напрасно. Мы — одно, вы — другое.

— Совсем не напрасно. Да и что такое шоколад? Что я, ребенок? Вот бы покушать чего-нибудь вкусненького! Поджарить бы картошечки с салом, с луком, а? Вилкой бы положить на тарелку. Понимаете, вилкой! Сегодня раздавала раненым ваши посылки, а у самой слюнки текли. Пришел Батраков. Достал стаканчик серебряный с голубой эмалью, и мы всем по такому стаканчику вина роздали. Как мало все же человеку нужно! Выпьет раненый, ляжет, зажмурится от удовольствия.

Кто-то позвал: «Таня».

— Это ты, Надя?

— Я...

Надя Котлярова приблизилась к ним, поздоровалась.

— Горленко хочет тебя видеть.

— Хуже ему?

— Нет... По-прежнему... но хочет видеть.

— Вы решили задержать пока Горленко? — спросил Букреев. — Мне докладывали. Не лучше ли все же его увезти отсюда?

— Эвакуировать тяжело. Можем изломать и не поправим. Пусть свои шесть недель здесь пролежит... Я пойду. До свиданья.

— До свиданья, Таня.

По знакомой дорожке Букреев спустился к морю и пошел выше минного поля.

Под ногами скрипели камешки. Глухо выплескивались тяжелые зимние волны. У моря было несколько теплей, но сырость пронизывала. Возле подъема на командный пункт его поджидал Манжула.

— Я уж чего только не передумал, товарищ капитан!

— Что же ты передумал, Манжула?

— Нет и нет вас.

— Отдыхал бы...

Ординарец пропустил его вперед:

— Мы с Горбанем пышек достали. Повечеряете.

В кубрике НП, лежа на спине, похрапывал Горбань. Возле амбразуры сидел Кулибаба, мгновенно вскочивший при появлении комбата. Во второй комнате на нижних нарах спал Батраков.

Поужинав лепешкой, испеченной из плохо размолотой ячменной муки, Букреев выпил воды и присел на нары возле Батракова. Тот проснулся и открыл глаза.

— Заждались тебя. Куда ни звонили, никто не знает.

— Я был возле госпиталя.

— А-а-а... Я и не догадался. Думал, ты к Степанову пошел покалякать... Разувайся, Николай... Ноги-то не казенные.

Букреев прилег, заложил руки под голову. Дежурный сидел, облокотившись на стол, и лениво поправлял фитиль в коптилке. Тишина не успокаивала. Букреев не мог уснуть. Повернувшись, он увидел пытливый взгляд Батракова, устремленный на него.

— Чего не спишь?

— Думаю о своих. Добрались откуда! За тысячи километров! А молодец адмирал! Сказано — сделано... Тебе передавали происшествие, Николай Васильевич?

— Насчет дезертиров?

— Да.

— Еще бы! Мы этот случай в ротах обсуждали.

— Успел уже...

Засыпая, Букреев слышал ровный голос Батракова, рассказывавшего ему о своей семье, о дочках. А ночью приснился расстрелянный, глубокие следы на песке и хмурое море, по которому носились как бы свитые из тумана толстые шипящие змеи.

Глава тридцать седьмая

Утром, проснувшись с сильной головной болью, Букреев позвонил в госпиталь. «Э, батенька мой,— пошутил доктор,— никакие пирамидоны вам сейчас не помогут. Свежий воздух и соответствующая пища». В госпитале оказался майор Степанов, который радушно поздравил Букреева со званием Героя и просил забежать к нему. Букреев уже несколько дней не видел майора, ограничиваясь телефонными разговорами, а познакомиться с ним хотелось.

На табурете сидел дежурный офицер — молодой лейтенант, командир взвода автоматчиков, когда-то лихой, или, как его называл Цибин, «забубенный», парень. Строгому Цибину приходилось не раз заниматься им. Теперь его не узнать. Землистое лицо, борода, так изменяющая облик людей, стоптанные ботинки, вымазанные глиной, и ватник со следами дождя. Дежурный сменился утром (до этого был в окопах) и теперь, придя в «помещение с крышей», был, как говорится, рад месту. Коптилка не горела, и тусклый свет распространялся из открытой двери НП. Оттуда слышался разговор Манжулы и Курилова.

— Выручать нас не нужно,— говорил Курилов,— не тот термин — «выручать». Понимаешь, почему не тот термин?

— Понимаю,— густым голосом отозвался Манжула.

— Теперь мы навязали свою инициативу, мы наступаем, и пусть выручают немца из Крыма, а не нас,— продолжал Курилов.— Мы продержимся сколько нужно. Главный удар у Керчи, а мы будем помогать.

— Ослабел народ, охлял очень,— сказал Ман-

жула.— Я вот на своего комбата смотрю. Еще на две дырки пояс подтянул. А он и так не очень-то был справный.

— Кости останутся, а мясо наростим... Я вот думаю: если нас начнут выручать, худо для нас будет. Потом не оберемся стыда.

— Верно. Засмеют потом. «Красная Армия почти три четверти Украины отвоевала, а вы что делали? — спросят нас.— На подсобках воевали?..»

Дежурный тоже прислушался к тому, что говорили в кубрике, и изредка то подымалась, то опускалась его бровь, но позу, в которой выражена была крайняя усталость, он не менял, а так и сидел, облокотившись о стол и широко расставив ноги.

— В окопах тоже об этом разговоры, товарищ лейтенант? — спросил Букреев, умываясь над эмалированным тазиком.

— В большей или меньшей мере, товарищ капитан.— Дежурный приподнялся, но, повинуясь разрешительному взмаху руки комбата, снова присел.— Морякам, сделавшим свое десантное дело, нудно сидеть, закопавшись в землю. Мы, откровенно сказать, привыкли к действию, товарищ капитан. Привыкли все делать на нерве, на порыве. Вот когда нас гоняли на занятиях в Геленджике или у Соленого, все было нормально. А такая стабильность положения — хуже нет. Армейская пехота — мне пришлось изучать их на стыке — дело другое. Сели, окопались, вросли, привыкли. Прикажут идти вперед — пойдут и пойдут. Удивлялся им. Ничего не скажешь — молодцы! У них другая структура, если детально разобраться.

Разговорившись, лейтенант оживился и уже не казался таким безнадежно изнуренным человеком, с вялыми движениями рук и тусклыми глазами.

От холодной воды Букреев почувствовал себя свежее: и голова меньше болела, и воспоминания о вчерашнем дне, так мучившие его, отошли в сторону.

— Вы, очевидно, во флот попали только во время войны? — спросил он дежурного.

— До войны учился в Севастополе, в училище имени ЛКСМУ.

— Следовательно, артиллерист?

— По призыванию. А вот попал в морскую пехоту и пошел, товарищ капитан. У Куникова был, у Потапова. А там уже не хотелось переходить, расставаться с товарищами, бросать товарищей.

— Вас Цибин что-то всегда поругивал.

— Цибин? У нас с ним характеры разные. Он сибиряк, я южанин.— Лейтенант смутился и, не поднимая глаз, принялся обтирать приклад автомата, выпачканный свежей грязью.— Я вытаскивал тогда Цибина. Со мной был еще один, с «Бодрого»...

В кубрик вошел Курилов, отрапортовал. За его спиной виднелось широкое лицо Манжулы.

— На рассвете стреляли, Курилов?

— Зенитка била. Прорывались наши штурмовики. Пошли в глубь полуострова.

— Я ухожу на капэ полка. Оставайтесь за меня, Курилов. Где Батраков?

— В расположении первой роты, товарищ капитан...

— Вы что-то не договариваете, Курилов?

— Рыбалко звонил, товарищ капитан. Сказал, что Горбаня ранило.

— Горбаня? Где же?

— На берегу. Дали немцы пулеметную очередь — зацепило.

— Серьезное ранение?

— Кажется, ранение не серьезное, товарищ капитан.

— Еще не хватало, чтоб вышел из строя Горбань! — Букреев натянул перчатки, взял автомат на плечо.— Манжула! Ты отправляйся к первой роте и узнай, что с Горбанем. Что же это, твой друг, а ты даже не поинтересовался?

— Ждал, пока вы... товарищ капитан.

— Что я? — с улыбкой спросил Букреев.

— Встанете, товарищ капитан. Снедать я приготовил...

— У майора чего-нибудь перехвачу, а ты поделись вот с ними. Что там у тебя? Бифштекс по-гамбургски?

— Пышку спекли пулеметчики для вас...— Манжула развернул какую-то тряпицу, и в руках его появилась круглая лепешка, серая от золы.— Пулеметчики сказали — для вас, товарищ капитан. Так и оставляю для вас, товарищ капитан.

— Ох, и скупой ты, Манжула! Скажи пулеметчикам спасибо, и комбат, мол, просил еще одну спечь, если можно, а эту разделишь. Позавтракаете... Курилов, когда вы обедали?

— Вчера.

— А ужинали?

— Позавчера.

В расположении армейцев наблюдался тот особый солдатский порядок, за которым следили и сам Гладышев, и командиры его полков. На поверхности, поскольку южная окраина поселка всегда усиленно обстреливалась, никого не было. Связь с передовой проходила искусно вырытыми траншеями полного профиля. Командные пункты в подвалах домов были усилены бревнами и каменными рубашками. Красноармейцы продолжали совершенствовать свои позиции. Казалось, ни одного метра земли не осталось, не поднятой лопатами.

Степанов, поджидавший Букреева на командном пункте, гостеприимно подвел его к столу, где был приготовлен чай. Куприенко налил кружки.

— Тебя, Букреев, наш полковник назвал однажды полпредом фортификации у моряков,— сказал Степанов, грея руки о кружку и посматривая на гостя своими умными глазами.

— Неожиданный титул.

— А получилось так.— Степанов очень осторожно, не роняя крошек, разломил пышку.— У всех твоих связных в первые дни мы только и слышали: «фортификация». «Как дела?» — спрашиваем. «Идет фортификация». Мы тогда еще стали с вами соревноваться. Заметил, каких я фортов и фортелей понаделал?

Букреев прихлебывал чай и наблюдал за постаревшим лицом майора, за его неторопливыми движениями. Эту неторопливость он замечал везде. Люди старались делать меньше движений, чтобы не растрачивать силы.

— Я боюсь одного слова, которым напугал меня ваш доктор,— сказал Букреев.

— Чем же это мог напугать такого смельчака наш тихонький доктор?

— Одним страшным словом — «безразличие».

— А-а-а,— протянул Степанов,— его теория...

— Я опасаюсь этого проклятого слова «безразличие»... Сегодня просыпаюсь, сидит дежурный лейтенант. Такие, бывало, коленца откалывал, удержу не было! Молодой парень, комсомолец. А глянул на него сейчас, тяжело на душе стало — так изменился. У него даже своя теория неожиданно появилась: морская пехота не может пребывать долго в бездействии, должна жить на порыве, на нерве...

Почти полтора часа беседовали Степанов и Букреев. Трехнедельное сидение на плацдарме объединило их мысли, сблизило их. Степанов рассказал, что маршал Ворошилов, прибывший на Керченский плацдарм, на одном из совещаний назвал их операцию эпопеей. Итак, их непрерывная боевая страда, такая будничная и невеселая, названа эпопеей.

— Так что нужно держаться и не подвести,— сказал Степанов.— Для врага мы бельмо на глазу и «непонятное явление». Вчера прихватила наша разведка двух пленных. Один из них — небольшой офицерик из Бранденбурга, с образованием. Он прямо показал на допросе, что наш плацдарм — непонятное для них явление и заставляет их много думать. Буквально так сказал: «заставляет много думать».

— Пусть думают. Им это полезно.

— Показал также, что подтягиваются еще силы. Нас крепко обвязывают. Хотят сделать, как они выражаются, мышеловку. Даже не котел, а мышеловку. Это уже от злости... Ты собираешься уходить? Извини, что попотчевали так слабовато. Мой Куприенко, кажется, буквально из-под земли может все достать, и то последние дни оплошал.

— Под землей ничего нема, товарищ майор,— сказал Куприенко,— все выкопали, до последнего буряка.

Степанов вывел Букреева с командного пункта и простился с ним тепло, задержав в ладонях его руку. По лужам, с затвердевшими уже от утреннего морозца краями, ветерок гонял слабую рябь. Красноармеец в подоткнутой шинели, не разбирая дорожек, шел по лужам, опустив голову, и, казалось, ничего не видел под собой. К плечам его лямками был прикреплен термос и висела

винтовка с привернутым штыком, густо смазанным ружейным маслом, на поясе висели туго набитые подсумки. Все казалось тяжелым: и термос, и винтовка, и подсумки с патронами; и казалось, красноармейцу, невысокому и узкоплечему, не под силу таскать весь этот груз. Но стоило ему только увидеть командира полка и рядом с ним известного каждому солдату комбата морской пехоты, как боец приободрился, сразу перешел на дорожку, подтянулся. Поздоровавшись, солдат той же твердой походкой завернул за угол, где начинались ходы сообщения.

— До безразличия еще далеко,— сказал Степанов.— Ты знаешь, откуда этот красноармеец? Из хорошей, хлебной Ставропольщины. Был председателем колхоза «Первая пятилетка», а началась война — добровольцем на фронт попросился. Оставил за себя одну колхозницу, переписывается с ней. Даже сюда на плацдарм недавно пришло... Пойдем-ка, я низом поведу, а то опять из крупнокалиберных бьет, шут его дери!

Низовой тропкой Букреев пошел до капонира старшего морского начальника. Узкое отверстие, пробитое в глине, вело в блиндаж, напоминавший какую-то часть корабля. Все здесь было оборудовано в результате рискованных заплывов, все снято было с погибших «охотников». Матросы на плотках доставили койки, отвинченные в кают-компании, стол с внутренним ящиком, тумбочки, резиновые маты, вешалки и даже плафоны, отвинченные с потолков.

Горбань лежал на корабельной койке, возле него расположилась Таня. Девушка встала при появлении комбата; Горбань тоже сделал попытку подняться.

— Лежи, лежи! — Букреев поздоровался со всеми за руку, присел у койки.— Что говорит медицина, Горбань?

— Пятку пробило, товарищ капитан.

— Что скажет медицина?

— Не хотел перевязываться,— сказала Таня,— еле уговорили. Ранили, намял еще дополнительно, и развезло. Видите, жар. Температура даже поднялась.

— Что же ты, Саша?

— Я думал — так себе.

— Так себе! Деревенщина! — строго пожурила его Таня.

- Придется отправить на «Большую землю».
- Не поеду.
- Если нужно будет — поедешь, — сказала Таня.
- Товарищ капитан, я прошу... — Горбань приподнялся. — Перевязали — и ладно.
- Ладно, помолчи. Отлежись пока.
- А кто с комиссаром будет, товарищ капитан?
- Не твоя кручина.
- Будут еще катера? — спросила Таня.
- Обещали прислать. Надо вывезти тяжелораненых.
- Меня только в тяжелые не зачисляйте.
- Хорошо, не зачислим, Саша! — Таня погладила его спутавшиеся волосы. — До свиданья, Санчо Панса.
- До свиданья, Таня.
- Она собралась уходить.
- Если будет катер, товарищ капитан, узнаете насчет Курасова?
- Все узнаю. Он, наверное, опять у Чушки.
- Где же... Вероятно, там.
- Таня кивнула головой и вышла из капонира.
- Букреев остался один возле Горбаня.
- Когда же письмо на «Севастополь» будем писать?
- Придется с «Большой земли».
- Теперь можешь отчитаться.
- Вот когда вручат орден, тогда и напишу на линкор.
- Примета?
- Просто так... — Горбань замялся. — Придумал сам для себя такой морской порядок.
- Они поговорили о разном и незаметно перешли к Батракову. Горбань беспокоился, как будет обходиться без него комиссар, что будет кушать, «не попадет ли в какой-нибудь случай».
- Трудно стало с ним, — искренне сетовал Горбань, — очень он смелый человек, ходит куда надо и куда не надо. Ранили меня тоже по дурному случаю. Идем по берегу, вижу — песок бьет по рукам, стреляют. А он идет себе шагом и идет. Ну, пока уговорил его свернуть, мне и попало. И то еще плохо, что он дюже глуховат стал.
- Как же вы с ним обходитесь?

— У нас морской порядок — если потеряемся, он меня окликнет, а не я его. Я старался нарочно теряться, а сам слежу. Он обо мне беспокоится и не так спешит.— Горбань застенчиво улыбнулся.

Глава тридцать восьмая

Три дня пролежал Горбань в капони́ре. И ежедневно Батраков навещал его, приносил что-нибудь из пищи и долгонько просиживал у кровати своего ординарца. Беседы их, если послушать со стороны, носили странный характер. Казалось, они все время ссорились. А происходило это потому, что Батраков, чувствуя, что он так или иначе виноват в том, что ранили ординарца, старался не показать этого и нарочито грубовато с ним говорил. А Горбаню казалось, что комиссар на него гневается, и он пытался искупить «вину» и быстрее приступить к исполнению своих обязанностей.

Иногда раненый ковылял к телефону и разговаривал по душам с приятелем Манжулой, хотя тот обычно только выслушивал друга, но сам отделялся какими-то междометиями.

Лежа на койке, Горбань в который уже раз пересчитывал заклепки на бортовом листе, содранном с катера и приспособленном к потолку, и с тоской сильного человека, вынужденного бездействовать, прислушивался к непрерывной стрельбе и рокоту моря. Волны шуршали камешками, хрипели между кольями проволочных заграждений и приносили дурные мысли, такие естественные в одиночестве. А Горбань был один. Держать теперь лишнего человека для дежурства не было смысла, так как корабли пока не появлялись, и даже сам старший морской начальник перекочевал на передовую, поближе к своей роте.

Нога распухла. Горбань боялся, что она не влезет в сапог и придется, быть может, ходить в каком-нибудь лапте. Проснувшись утром после памятного ему посещения комбата, он обнаружил возле койки домашние туфли, сшитые из шинельного сукна. Вначале он подумал, что их забыл Букреев, но опрошенный им по телефону Манжула недовольно буркнул: «Подарил товарищ капитан».

На четвертые сутки, в пасмурную погоду, от Тамани прорвался катер с продовольствием и боеприпасами. С появлением судна старший морской начальник оживил свое «учреждение», и в капони́ре за корабельный столик уселся дежурный, а сам старморнач отправился на берег для спешной разгрузки.

Примерно через час после прихода катера на КП позвонил Манжула и своим густым баском сообщил приятелю о приезде его сестры Раи.

Пораженный неожиданной новостью, Горбань пробормотал в трубку что-то невнятное, но вдруг услышал такой знакомый, быстрый, с картавинкой, голос сестры: «Я здесь, Саша... Мы будем воевать вместе, Саша. Я быстренько пойду к тебе».

Как ни скучал Горбань по оставленной на «Большой земле» сестре, но ее приезд расстроил его. Сюда, в такое время! Он прилег на койку и с какой-то ненавистью разглядывал свою забинтованную ногу, поджидая сестру.

Рая пришла веселая, одетая в чистенькую шинель (от таких шинелей давно здесь отвыкли). Сестру сопровождал сам старморнач. С шумными восклицаниями она набросилась на брата, принялась его целовать, тормошить.

— Я привезла тебе подарок!

— Покушать?

— Покушать? Нет. Я подарю тебе наган, Саша. Помнишь, ты еще мальчишкой мечтал о нагане?

Из санитарной сумки она вытащила быстрыми своими пальчиками наган в обмятой кобуре, с немецким металлическим шомполом.

Подарок был отложен Горбанем в сторону без особого ликования, что несколько обидело сестру. Она приподняла свои черные брови, подбритые поверху, прикрылась:

— Какое равнодушие, подумайте!

— Как ты попала сюда? — тихо спросил Горбань. — И зачем тебя сюда принесло?

— Принесло? — Рая засмеялась, хлопнула брата по лбу, быстро сняла шинель, оставшись в хорошо сшитом кителе с беленькими погончиками лейтенанта медицинской службы. — Видите, слышите? — Ее глаза блеснули

в сторону старморнача, молоденького офицера с полными, юношески свежими губами, алевшими под жесткой щетиной небритых усов.— Сказано — брат! А если бы девушка-невеста приехала, не обижал бы так... Отвечаю тебе, непутевый. Попала сюда благодаря любезности адмирала. Узнала, что ты ранен, и попросилась.

Что-то напевая, она быстро опорожнила свою сумку, встряхнула белую клееночку и разложила на ней привезенный с собой хирургический инструмент.

— А теперь посмотрим рану! — Она раскрыла бинты, сняла пропитанную мазью повязку.— Перевязывался три дня назад? Угадала?

— Верно... Угадала...

— Так... так... Распутаем... Опухоль! Так больно?

— Нет.

— А так? — Она нажимала пальцами припухшую загорелую ногу брата, внимательно вглядываясь в него.— Больно?.. Тут тоже больно?.. Чего же молчишь? Вылечим и пустим в строй.

Задержавшись на Огненной земле, Рая сразу сдружилась с Таней и помогала ей в госпитале.

Подходил к концу ноябрь. Горбань, почувствовавший себя лучше, вылез из своей норы и снова укрепился обеими ногами на земле. А выйдя из капонира, он загрустил. Уже не бродила по его открытому лицу безмятежная улыбка, не был спокоен тот короткий сон, который редко теперь ему доставался. Ординарец бегал прихрамывая, выполнял разнообразные поручения комиссара и всегда, если это было хоть немножко по пути, сворачивал в сторону белокаменного здания школы. Он засиживался у сестры и с видимым удовольствием, от которого разглаживались ранние морщинки на его лице, слушал болтовню сестренки, как он ее и мысленно и вслух называл, и в свой подземный «дворец» возвращался в плохом расположении духа.

Чуткий Батраков уловил эту перемену и, когда они остались вдвоем, по душам объяснился со своим Сашкой. Горбань боялся потерять сестру на Огненной земле. Находясь близко к пульту управления, он знал о сосредоточении немецких войск вокруг плацдарма, знал о тех испытаниях, которые должны вот-вот обрушиться на их головы, и глубокая тоска разъедала его сердце. «Тоска

по сестренке», — откровенно, как отцу, признался он комиссару.

Выслушав очень понятные ему тревоги ординарца, Батраков лично отправился на КП дивизии и попросил передать радиошифровку Мещерякову. По своему обыкновению, адмирал не задержал ответа, и в тот же день поступило его приказание.

Обеспокоенная неожиданным вызовом, Рая прибежала к брату и, узнав от него всю правду, поругалась с ним.

Горбань не отрывался теперь от моря, стараясь распознать в его шумах приближение спасительного судна. Кто-то должен был прийти за ранеными из Тамани и увезти сестру. Но успеют ли? Глухая артиллерийская канонада доносилась с северо-востока. «Работала Чушка», как говорили здесь. Когда «работала Чушка», корабли притягивались туда и побережье пустело от Тузлы до Сенной. Разорванные в клочья дымовые завесы, прикрывающие переправу, клубились вместе с туманом над проливом и напоминали облака заводского дыма, отработавшего свое и выброшенного трубами в пространство.

Тендер пришел тогда, когда Горбань, повесив на крюк у амбразуры великолепный морской бинокль, высказывал свои горькие мысли по-прежнему румяному Кулибабе, пытавшемуся «смастерить» подобие супа из каких-то малосъедобных трав, добытых им с риском для жизни на огородах, которые простреливались немецкими снайперами.

— Сестренка Раечка — последняя во всем, может быть, нашем роде, — говорил Горбань, беспомощно разводя широкими кистями рук. — Мамашу пока не обнаружили. Выжила или нет — не знаю... А ее кто заставлял ехать сюда? Что ей, мало было места на «Большой земле»?

Свежий ветер ворвался из двери, открытой Манжуйлой. Он вошел, нагруженный ящиком с патронами. Свалив ящик с плеч, он прикрыл дверь и захлопнул засов, с ржавым стуком упавший на скобку.

— Тендер пришел, Сашка.

— Где?

— Уже ошвартовался.

— Что же ты молнишь?

— Суета,— неодобрительно пробасил Манжула.

Он хотел возразить приятелю и собрал уже в мыслях кое-что, чтобы наконец-то хоть раз осадить его, но Горбаня уже не было.

Рискуя сломать себе шею, Горбань, не считая ступенек, скатился по обрыву, измазавшись глиной по самую макушку, придерживая готовую слететь от ветра и бега бескозырку, и достиг «причала», как громко именовалась дощатая кладка, где принимались шлюпки и плоты.

Командир тендера — боцман с сизыми щеками, украшенными бакенбардами, как какой-нибудь шотландский матрос, с трубкой в прокуренных зубах и сдвинутой набекрень мичманке — поторапливал двух красноармейцев, неумело вязавших плоты из досок и сельдяных бочонков.

— Не ночевать сюда пришел! — хрипел боцман, сплевывая желтую слюну.— Шевелись! Вяжи схватку рифовым узлом! Все одно, уйдем — плоты на дрова пустите. Рифовым вяжи!

Плоскодонная лодка и тузик, тяжело окунаясь, перевозили боеприпасы. Плоты же вязались для переотправки на тендер тяжелораненых, которых должны были поднести из госпиталя. Боцману нужно было поскорей убраться отсюда восвояси, потому он и торопил бойцов. Заметив Горбаня, боцман удовлетворенно взглянул на остатки его матросского костюма.

— Браток, помоги им! — крикнул он и вдруг захохотал.— Парень! Тебе не жалко скоблить каждое утро свою морду? А? Вот бородка!

Боцман смеялся, на его сизых щеках дрожали бакенбарды; волны крутились у его ног, и вода скатывалась по смазанному жиром высокому сапогам с раструбами голенищ, поднятыми почти до самых пахов. Пена летела на его спину и грудь, будто зашитую в порыжевшую кожу реглана. Завидным очарованием дышала вся его фигура на кромке прибоя, в мокром песке, среди пены, брызг и соленого ветра. От всего этого был теперь так далек Горбань! Море даже стало недругом, отделив его от своих. И, может быть, от этой горькой зависти захотелось ему сбить спесь с боцмана, поставить его на свое место.

— Эй ты, салага! — небрежно сказал Горбань.— Ты

не грузил еще в свое корыто девушку, лейтенанта-медика?

— Салага? — Боцман сунул трубку в карман.— Я салага? А ты что, плавал на галюне, рыба чешуя?

Ординарец решил уже сцепиться с человеком, так неуважительно ступившим на их землю. Но к берегу спустились сестра, комиссар, и за ними в сопровождении Тани и Котляровой несли раненых, укрытых серыми трофейными одеялами. С другой стороны, из хода сообщения, выскочили моряки, и среди них был сам Рыбалко. Моряки на ходу снимали пояса, ватники, стаскивали через головы гимнастерки. Казалось, они, разгоряченные зноем, стремились быстро искупаться в море.

Батраков направился к плотам.

Горбань очутился возле сестры:

— Я думал, ты уже в тендере.

— Сашка, где ты так выпачкался? Повернись... Ай, ай, ай!..— Она всплеснула руками.— Таня, видишь моего милого братца?

— К тебе спешил кувырком.

Он пошел рядом с ней. Она по-прежнему болтала без умолку и с ним и с Таней, сдержанной и грустной.

Окончив вязку и проверив прочность креплений, моряки быстро и не стеснясь присутствия женщин разделись теперь догола. Тяжелораненых на носилках положили на два плоты и укрепили, привязав рамы носилок скрипевшими в руках стеклинями¹.

Надо было осторожно довести плоты до тендера. Для этого люди и разделись, чтобы доставить тяжело-раненых фактически на руках. Матросы вошли в воду, и легкий пар окутал их тела. Боцман теперь уже не бранился, не покрикивал. Он стоял наклонившись и затаив дыхание следил за людьми, так просто вошедшими в ледяную воду.

Люди шли по пояс в воде. Волна накрыла их спины. Руки приподнялись, чтобы удержать плот. Виднелись наполовину погруженные бочки, носилки и раненые, прикрытые поверх одеял зелеными плащ-палатками.

— Холодно! — сказала Таня, вздрагивая всем телом.

— После такой баньки спирту бы...— Боцман повер-

¹ С т е к л и н ь — веревка из тонкой прочной пеньки.

нул к Тане свое украшенное странными бакенбардами лицо.

— Спирта нет,— сказала Таня, смотря туда, где между островами «охотников» в бледном тумане потерялись и плоты, и сопровождавшие их люди.

Через несколько минут вслед за тузиком, низко осевшим под грузом патронов, на волнах показался пустой плот, потом второй, послышались крики, и моряки быстро пригнали плоты к берегу.

— Давай скорее! А то в предбаннике дует! — крикнул выпрыгнувший на песок Жатько.— Не надо мне шубы-бы-бы, шубы-бы-бы. У меня есть два халата-та-та, та-та, та-та-та...

Он в шутку ритмично стучал зубами: «Шубы-бы-бы, два халата, тата-тата-та-та-та».

На плот перенесли Горленко. Завернутый в одеяло и привязанный вначале ремнями к самим носилкам, а потом уже стекляшками — к плоту, он мог только со страдальческим удивлением чуть-чуть поворачивать голову и посматривать и на голых, посиневших людей, и на пасмурное небо, и на все окружавшее его.

— Сейчас доставим голубым экспрессом,— сказал Жатько, опускаясь возле Горленко и деловито проверяя вязку. От тела Жатько уже не шел пар. На спине шевелились лопатки, и под кожей ходили клубки мускулов.

— Ты озяб,— тихо сказал ему Горленко.

Жатько ничего ему не ответил, поднялся, подозвал товарищей.

Таня прикоснулась губами ко лбу Горленко, а Батраков, очень любивший его, боясь «разрюмиться», буркнул ему на прощание что-то невнятное.

Моряки повели плот. Пена летела на согнутые спины, на головы. Короткие струйки пара вылетали из их ртов. Вот они окунулись в воду. В тумане закричал баклан. Волна пришла и замыла впадины в песке от голых ступней.

Рядом с притихшим боцманом жадно курил Рыбалко, с хозяйской настороженностью наблюдавший за плотами.

— Дотянули,— облегченно выдавил он,— довели Горленку.

На передовой противник начал огонь длинными очередями из нескольких пулеметов, а десантники отвечали редко и зло. Рыбалко повернулся и прислушивался к перестрелке, как к фразам, сказанным на хорошо понятном ему языке.

Моряки быстро одевались.

Рая, прощаясь с Таней, поцеловала ее один, другой, третий раз.

— Помни наш уговор,— сказала Таня.

— Все, все передам ему.

— Не расстраивай только его. Скажи, что здесь все в порядке. Скажи ему обязательно...— Таня взглянула своими серыми глазами на подругу и решительно добавила: — Люблю его. И... хочу встретиться с ним.

Рая устроилась на тузике вместе с боцманом. На весла сел Горбань. Перегруженный тузик внесло на волну. Горбань осторожно повел шлюпку и пристал к тендеру. Моторы тендера работали, и дым клубился между ржавыми остовами кораблей. С борта протянулись чьи-то руки, приняли боцмана и сестру, и Горбань остался один.

— Саша, прощай! — сказала Рая, наклонившись сверху.

— Прощай, Раечка!

Тендер отвалил задним ходом, погнав по заводи кудрявый бурун. Тузик подбило к проломленному борту «охотника». Горбань увидел водоросли, зацепившиеся за перегородки, набухший пробковый пояс, повисший на ржавом моторе, чуть-чуть торчавшем из воды. Тендер пропал в полосе густого тумана.

Горбань оттолкнулся и, выскочив на свежую волну, понесся к берегу, со злым наслаждением работая веслами, которые скрипели и гнулись в его сильных матросских руках.

Брошенные плоты раскачивались на волнах. По морю стреляли противокатерные пушки. Оттащив тузик подальше, Горбань вернулся и не заметил, как очутился по колена в воде. Его чуткий слух уловил гудение дизелей бэдэбэ, и это наполнило все его существо тревогой... Неужели бэдэбэ пошли на охоту и настигнут тендер?

Дежурный по причалу вышел из капонира в тайной

надежде зацепить удочкой что-нибудь для своего голодного желудка.

— Нельзя так,— сказал он Горбаню.— Нога-то еще еле-еле, а ты мочишь и трудишь ее. Сеструха будет в порядке, а ты какую-нибудь холеру подцепишь...

Дежурный почти силой отвел Горбаня в капонир и долго рассказывал ему что-то, пытаясь развеять его тревожные мысли.

Глава тридцать девятая

Вечером из Тамани сообщили о благополучном возвращении тендера. Это было последнее судно, навестившее Огненную землю. Погода окончательно испортилась. Пенные валы грызли обрывы, вымывали даже колья заграждений и минные поля. Часто брошенные волной камни падали на мины, и грохот взрывов на берегах заставлял тех, кто дежурил на командном пункте, бросаться к амбразуре. Может быть, десант? Немецкие самоходные баржи ходили на виду у всех, за отмелями, обстреливая плацдарм. Призванная на помощь таманская артиллерийская группа была по морю, но за все время только одна баржа была подожжена, и то только потому, что попала ночью на мель и не могла сняться до рассвета. Наши самолеты встречались бешеным огнем многослойного зенитного пояса. Бомбить можно было только с больших высот и только тылы немецких войск. Девушки-гвардейцы больше не появлялись на своих «У-2». «Забыли женихов»,— шутили моряки, поглядывая вверх и тщетно пытаясь услышать трескучий шумок легких авиационных моторов.

Артиллерия врага была теперь очень прицельно, и приходилось переносить пулеметные и минометные точки на новые места. Немецкие радиоустановки кричали почти круглые сутки, предлагая десанту капитулировать. Им отвечали выходившие на передний край Степняк и краснофлотец Бычков. Их слова никак нельзя опубликовать.

К концу ноября противник начал подтягивать пехоту и танки, насыщая ближайшие села свежими войсками. Захваченные пленные на допросах не скрывали замыс-

лов своего командования. Гладышев прощупывал кольцо окружения во многих местах, и везде оно было предельно сжато. Боевые разведывательные группы не могли проникнуть далеко в глубину, хотя возглавлялись опытными и смелыми офицерами. Казалось, никакой отдушины нет.

Отчетливо представляя себе положение, Букреев ни на кого не мог сетовать. Пожертвовать остатками флота для спасения десанта не было смысла. Противник обдуманно ставил в безвыходное положение группу Гладышева, чтобы вынудить советское командование принять меры к ее выручке и тем самым ослабить и лишит коммуниций десантные войска главного удара. Задача десанта Огненной земли — сковывать крупные силы врага и лихорадить германское командование — даже при нынешних обстоятельствах по-прежнему оставалась неизменной. Как долго это могло продолжаться?

В батальоне морской пехоты оставалось триста восемьдесят человек. В траншеях люди стояли далеко друг от друга. Они сражались не только с врагом, но и с голодом, с холодом, с общей усталостью. На Огненной земле не могли разжечь костров, не могли переодеться, не могли согреться, почти не спали. Курили вату из обмундирования и, скулив всю бумагу, не могли написать письмо родным. Моряки просили передать по радио всей стране только одно: «Огненная земля держится!» Им казалось, что даже во время таких крупнейших военных событий за их подвигом следят все. Они не знали, что их страдания пока еще не известны всему народу, и только войска их фронта и жители прибрежных районов Таманского полуострова следят за огнем, горящим на туманных берегах Крыма.

Второй день на командном пункте питались только супом, сваренным из гнилых свекловичных листьев и заправленным кусками свиной кожи, найденными в рыбачьих домах. Кожа-сырец предназначалась для изготовления постолов, примитивной крымской обуви, но пошла в пищу. Последний запас сухарей отдали на передовую.

В ночь под третье декабря Букреев поручил Манжуле и Горбаню точнее разведать болото, лежавшее между озером и морем. Ординарцы ушли, и Букреев до зари

просидел в окопах второй роты. По кочковинам ползли лучи прожекторов. Редкие, как их называли — «дежурные», снаряды поднимали столбы грязи, и за ними с хрипом затягивались воронки. У озера слышались фыркание моторов, крики вражеских солдат и, как всегда, поднимались и повисали над водой ракеты. Заметно было, что болото мало привлекает внимание противника, — видимо, оно считалось непроходимым.

Отпустив ординарцев, Букреев не был спокоен. Он прислушивался к редким винтовочным выстрелам, долетавшим из мрака, к разговору Степняка с каким-то краснофлотцем, но думал прежде всего о том, оправдаются ли его предположения, будет ли болото «отдушиной» для вывода десанта к своим.

Заря начиналась по-зимнему. Темнота постепенно бледнела. Вырисовывались высоты, задымленные туманом, бугры брустверов и воронок и люди, лежавшие в нишах возле своего оружия. Кто-то прошел по траншейному зигзагу, послышалось хлюпанье ног, и чей-то негромкий голос сказал: «Павленко, чем будем снедать?» Павленко ничего не ответил, и снова хлюп-хлюп-хлюп, покашливание и предрассветная, сонная тишина.

У Степняка было какое-то зеленое лицо — и губы зеленые и лоб, и весь он казался похожим на утопленника, а когда-то адмирал называл его красавцем...

По болоту кто-то шел. Медленно, осторожно. Но как ни таился человек, топь хлупала и выдавала его.

— Возвращаются, — сказал Степняк.

Первым в окоп спрыгнул Манжула, за ним Горбань. Отдыхались.

— Как свинья в калюжине, — усмехнулся краснофлотец, стоявший в узкой нише, недалеко от Степняка. — Как только можно так вымазаться!

Ординарцы заметили комбата, приблизились к нему. Манжула хотел было доложить результаты разведки, но Букреев прервал его и повел разведчиков за собой.

На командном пункте он заставил ординарцев умыться, снять куртки и только тогда выслушал их. Они прошли все болото, добрались до дамбы, перевалили ее и достигли поселка, куда решили не заходить. Там — вражеские части. Манжула рассказывал медленно, продумывая каждое слово, и Букреев его не торопил.

— Итак, болотом пройти можно?
— Мы прошли.
— Дамба укреплена?
— Стоят крупнокалиберные, товарищ капитан.
— Сколько, Манжула? Только не вскакивай, сиди.
— Трудно подсчитать, товарищ капитан, штук пять...
— А дальше?
— Артиллерия, как положено. А потом степь.
— Когда мы пробирались, прислуга, видать, спала,— добавил Горбань.— Можно было ее взять...
— И все, товарищ капитан,— добавил Манжула.— А харчей только ось...

Он засунул руку за пазуху и вытащил бутылку, заткнутую кукурузной кочерыжкой, и узелок с лепешками, сплюснутыми, очевидно, оттого, что приходилось много ползти.

— Где же вы достали?

— Там у ровчика нашли в хате одну старушку. Сказали ей: «Мамаша, наши командиры дюже охляли, спеки чего хочешь». Показали ей газету «Красный флот», где про нас написано. Спекла старушка и самогонки дала...

И у Манжулы неожиданно задергались губы, увлажнились глаза, и он замолчал, отвернувшись. Букреев доложил командиру дивизии об успешных результатах разведки.

...В десять часов началась воздушная атака Огненной земли. Весь день, без перерыва, налетали пикирующие бомбардировщики и со свистом бросались вниз. Земля тряслась, стонала. Бомбы вырывали огромные ямы. Ночью, после ураганного огня, поднялась в атаку германская пехота, поддержанная танками и самоходными пушками. Немцы атаковали позиции стрелковой дивизии, и моряки видели, как разгорался бой на левом фланге.

— Самое страшное! — крикнул Курилов, лежавший в окопе рядом с Букреевым.— Атакуется сосед, а мы в стороне. Страшно!

Его глаза блестели очень близко, и искривленный рот выбрасывал еще какие-то слова, которых нельзя было расслышать.

Гладышев приказал немедленно подбросить сотню

моряков. Мимо быстро прошли люди, пригибаясь и разбрызгивая грязь. Люди шли молча, один за другим; слышалось их тяжелое дыхание. На помощь дивизии пошли куниковцы, герои новороссийского штурма, бойцы за перевалы. Вместе с ними ушли последние из «тридцатки» Кондратенко.

Днем было выведено из строя двадцать восемь человек, теперь было отдано еще сто. В батальоне осталось двести пятьдесят два человека.

Захватившие южную окраину поселка фашисты были выбиты моряками врукопашную.

Поднялась оранжевая луна с выщербленным краем. Кровавый ее свет лег на поле боя, покрытое трупами и обломками оружия...

Глава сороковая

Все ждали утра, и оно пришло, но не для всех. Рассвет был бледный, холодный. Гребни волн летели, накрытые белым кружевом. Далеко отсюда, между двумя полуостровами — Керченским и Таманским, — носились, как голуби, стаи чаек.

— Мне приснилось, Шулик, будто я в станице, — сказал Брызгалов, — и сижу на лавочке возле хаты. Пыль приснилась, и камыши, и лодка, и сеть-раколовка приснилась.

Брызгалов напился воды и лег в свое нагретое глинистое место.

— У меня зашлись ноги, — сказал Шулик, в свою очередь. — Мне ничего не снилось. А я люблю, когда снится что-нибудь. Интересно!.. Давай готовь пулемет, Брызгалов. Что-то вчера два раза заедало на подаче и в замке.

Шулик и Брызгалов пришли на левый фланг помогать армейской пехоте и сейчас разговаривали, сидя в окопе вместе с красноармейцами, которые чистили винтовки, мазали их синим ружейным маслом. Солдатам тоже нечего было есть, и мало было боеприпасов, но они снесли к пулеметам винтовочные патроны и сами черными от ружейного масла пальцами набили ленты.

Полотняные ленты сделались сразу тяжелыми, скру-

тились и были похожи на змей, свернувшихся в клубок в утренней дреме.

Штурман, широкоплечий мужчина, с таким же широким, квадратным лицом и белесыми бровями, лежал на боку, прислонившись щекой к автомату. Вчера штурман дрался великолепно. Сам командир полка Степанов поблагодарил его и записал фамилию в книжку. «Боевое Красное Знамя заработал,— говорили вчера красноармейцы.— Майор доложит о штурмане полковнику, а тот по радио — командующему, и готово боевое Красное Знамя».

— Спишь, штурман? — сказал Брызгалов.

— Не сплю,— ответил тот лениво, разлепив набрякшие веки.

— Ты все знаешь. Скажи, когда фашист начнет?

— В десять ноль-ноль начнет,— сказал штурман и снова прикрыл веки.

— Ой, дай бы дожить бы до свадьбы-женитьбы! — сказал Шулик.

— Птица не поет, трава не растет,— неопределенно заметил Брызгалов, подставляя худое лицо скучным лучам солнца.

Возле школы курился в яме дымок. Девушка-санитарка, присев на корточки, подкладывала щепки под закопченное днище ведра. Она варила кофе для раненых.

Из подвала вышла Таня с полотенцем на плече, с кружкой и зубной щеткой в руках. Зубы она будет чистить мелко истолченным мелом, найденным в школе. Таня обязательно забрызгает мелом ватник, а потом, умывшись, рассмотрит, вскрикнет: «Опять!» — и быстрыми движениями ладошки почистит пятнышки.

Тихое утро предвещало недоброе. Таня умылась. Аккуратными движениями пальцев опустила подвернутые для умывания рукава, застегнула пуговицы и на рукавах и на гимнастерке и, накинув на плечи ватник, подошла к санитарке, присела возле огня:

— До десяти закипит?

— Трудно сказать, закипит ли. Ведрище какое!

— Скучно жить по расписанию даже на войне.

— Сегодня мне придется идти на передовую.

— А тут кто?

— Котлярова останется. А завтра она пойдет. А тебе все время здесь придется быть.

— Нет, я пойду...— Таня встала, помедлила. Милая, горькая улыбка дернула ее губы.— Давай поцелуемся...

— Зачем? — Девушка поднялась, и ее лицо выразило испуг.

— До вечера не увидимся.

Они поцеловались. Таня, опустив голову, пошла в подвал. Вдали гроыхнуло, и рокот тяжелыми, отдаленными звуками долетел сюда от моря. Стреляли у Керчи.

Вскоре началась артиллерийская подготовка. Снаряды рвались по всей площади и залетали в море. Санитарка схватила ведро с дымящимся кофе и побежала в подвал. У входа на нее наскочила Таня с сумкой через плечо и автоматом.

— Опоздала я! — крикнула она.

— Только началась подготовка. Еще минут сорок в твоём распоряжении. Переждала бы, Таня...

— Пусти, родная!

Таня почти оттолкнула ее и выскочила наружу. Где-то близко упал снаряд. Взвился вихрь земли, золы и щепок.

Не выпуская из рук ведра, санитарка прильнула к стене. Горячее ведро обжигало ей колени. Только не упустить бы, не разлить кофе! Переждав вихрь, она быстро распахнула дверь и вбежала в подвал.

Сверху гудело, трясло. С расшатанных креплений осыпалась земля. Раненые стонали, бредили. Тяжелый устойчивый запах нечистого тела и лекарств держался в сыром подzemелье.

— Сестра! — кричал кто-то требовательно.— Воды!

— Воздуха!

— Пустите меня!

В подвал вносили новых раненых, обсыпанных землей, черных, с оскаленными от страдания ртами. Доктор ампутировал руку сержанту, лежавшему крепко стиснув зубы. Сержант не кричал, никого не ругал, хотя операцию делали без наркоза. Доктор тихонько ворчал на Надю Котлярову, помогавшую ему.

Атака снова пришлась на левый фланг. Геройски сражавшиеся красноармейцы полка Степанова вынуж-

дены были отойти на двести метров. Букреев бросил на помощь Степанову еще полуроту своих моряков. Положение не изменилось. Немцы подвозили десантные группы на танках в самую гущу боя. К двум часам дня на позиции батальона двинулись свежие вражеские пехотные части.

Сто пятьдесят моряков приняли ожесточенную атаку и с большими потерями для противника отбили ее.

Стреляли артиллеристы с Тамани по высотам, по приозерным складкам. Корректировщики лежали у своих раций, оглушенные, окровавленные, и передавали цели на «Большую землю».

Незадолго перед атакой Букреев встретил Таню, спешившую в роту Рыбалко. Путь ей преградил завал. Подниматься было опасно, так как участок простреливался пулеметчиками. Пока Манжула разделявал проход в завале, Букреев поговорил с Таней. На прощание она подала ему руку...

Эта встреча произошла час тому назад. И вот... она тяжело ранена. Манжула и Горбань несли ее. Таня сидела на их скрещенных руках, сразу ставшая какой-то маленькой.

— Ножки мои, ножки...— шептала она, покусывая губы, чтобы не разрыдаться.

В школе с нее сняли сапоги, разрезав их. Обнажились ноги, розовая кость перебитой голени, кровь.

Доктор, осмотрев раны, неутешительно покряхтел.

— Не повезло,— сказал он Букрееву,— перебило обе ноги. Такая несуразность!

Надя Котлярова прикрыла подругу простыней, отвернулась. Ткнув ее пальцем в спину, доктор строго сказал: «Нельзя, нельзя». Потом у кадушки, куда сбрасывали использованные бинты и вату, вымыл руки.

— У меня самого такая же на фронте. Помните, я говорил вам?

— Ее можно вылечить? Таню?

— Вылечить? — Доктор протер очки, и на Букреева глянули увеличенные стеклами глаза.— Где вылечить? Когда?

Букреев наклонился к Тане, прикоснулся к ее лбу.

— Я поправлюсь, Николай Александрович?

— Поправитесь, Таня.

— Пока не расстраивайте его...

— Обещаю.

— Спасибо.

Белое пятно простыни, кадушка с бинтами и сырые, липкие ступеньки подвала... Кто-то толкнул его у выхода и даже, кажется, обругал.

Небо было затянуто дымом.

Он прошел по дворику школы, где когда-то бегали беззаботные, перепачканные чернилами дети. Букреев не обращал внимания на посвистывание осколков. Откинув фуражку на затылок и расстегнув ворот, он думал только о Тане. Она помогала ему в тяжелых испытаниях. Она частенько наведывалась в кубрик командного пункта, и ее приходы были неизменно приятны его сердцу. Теперь она уже не могла прийти... Как ее вывезти отсюда? Может быть, сообщить Курасову? Но она просила ничего ему пока не говорить. Пусть горе наступит для него днем позже.

Холодное море било в берега. Скрученные волны набегали и снова мчались обратно, обгладывая камни. Вечные, надоедливые волны! Тамани не было видно. Ветер словно раздробил и развеял те наши берега. Оттуда стреляли батареи поддержки.

В кубрике не было Батракова. Букреев знал, что сейчас он сражается как рядовой. Вот так и свалится, когда придет его час, придавив своим телом натруженные руки. Командир дивизии больше не требовал поддержки. Бой шел везде, и везде нужны были люди. В сумерки враги предприняли огнеметную атаку. Жидкое пламя, выброшенное стволами десятков ранцевых огнеметов, сжигало травы, обугливало трупы.

На людях загоралась одежда, и ее тушили, бросаясь в жидкую грязь на дно траншеи. Задыхаясь в дыму, срывали и выбрасывали обгоревшие куртки, но отбивали атаки, и никто не ушел, никто не струсил, не подвел товарищей...

Глава сорок первая

В декабрьское утро, когда от приморских отрогов еще падали тяжелые и холодные тени, командующий объезжал войска стратегического десанта, укрепившиеся

на крымской земле, на плацдарме северо-восточней Керчи. Цепкий и сильный вездеход взбирался по крутым дорогам, прижимаясь к скалам, осторожно ныряя в свежие воронки, не засыпанные еще саперами, и выпрыгивал снова на дорогу.

В это раннее утро командующего видели на артиллерийских позициях, где подготавливались к стрельбе уральские пушки-гаубицы, переправленные ночью с Чушки; его видели в траншеях пехоты, пробитых у русла речки на окраине Керчи; у полевых кухонь за развалинами крепости Еникале. Везде, где бы он ни находился, с кем бы и где ни беседовал, его внимание, его слух обращались туда, где сегодня за высокой грядой Митридата непривычно молчала Огненная земля.

Противник обычно начинал с десяти. Но сегодня гораздо раньше срока стартовали фашистские пикировщики, и навстречу им полетели истребители воздушной армии Вершинина, завязавшие бой над степью за Акмоном. К аэродромам врага были посланы «Петляковы», и где-то в небе гудели возвращавшиеся с Дуная дальние бомбардировщики.

В окопах, на пристани, на аэродромах, у артиллеристов знали, что начался штурм Огненной земли. В глазах людей командующий читал обращенный к нему вопрос: «Как же быть?» Этот молчаливый вопрос казался ему упреком и заставлял его недовольно хмуриться и придирчиво относиться к мелким неполадкам.

В дурном расположении духа он возвратился на командный пункт — небольшой, под железной кровлей дом, стоявший на возвышенности, правее причалов у Опасной. Выходя из машины, генерал почувствовал боль в пояснице, хотел остановиться, размяться, но, заметив его, уже замерли офицеры и рядовые, находившиеся у штаба. Генерал подбросил руку к козырьку и, не глядя ни на кого, прошел на крылечко.

Дом штаба с двух сторон, обращенных к противнику, был одет глухими, вровень с карнизами, стенами из дикого камня, усиленными брусковыми подпорами. С домом соприкасалась крыша подземного салона-убежища, накатанная бревнами и рельсами и поверху замаскированная дерном и маскировочными сетями. Во дворе были отрыты щели полного профиля — для укрытия при

воздушных налетах и активном артиллерийском обстреле.

Командующий прошел к себе в кабинет, снял плащ и фуражку и, быстро поглаживая голову, присел к столу.

Адъютант, высокий черноватый подполковник с туго застегнутым воротником кителя, вошедший вместе с командующим, с учтивой предупредительностью ожидал приказаний. Он видел багровую, в крупных складках шею командующего, коротко стриженные волосы и небольшую, не по фигуре, руку, прикрывшую приготовленные для просмотра бумаги. Сверху лежала расшифрованная радиограмма — сводка полковника Гладышева. Командующий достал очки, заправил за уши роговые дужки.

— Попросите сюда начальника оперативного отдела! — не оборачиваясь, приказал он своим хрипловатым голосом.

Адъютант вышел. В приемной слышались негромкие голоса, осторожное шарканье подошв. Командующий не обращал внимания на эти посторонние шумы и вдумывался в скупые строки донесения. По личному опыту ему было хорошо известно, что значило для людей, занимавших площадь в пять квадратных километров, донесение: «Снова потеснили на двести—триста метров». Когда-то так же неумолимо уменьшалась сева-стопольская земля, и воспоминания о тех ушедших в сравнительно далекое прошлое днях сейчас не оставляли его.

Букреев отдал на восстановление положения двести человек. Вчера Мещеряков, разговаривая по телефону, намекнул, что, пожалуй, можно будет разрешить десантной группе Гладышева самостоятельно прорвать блокаду. Но как прорваться? У Гладышева таяли и люди и территория, а у противника за последние сутки появились еще две новые гаубичные батареи, танковая рота и свежая команда, сформированная, по данным разведки, из немецких матросов, обслуживавших Феодосийский порт.

Из окна был виден узкий, всегда задымленный язык Чушки, пролив, косо расчерченный белогривой волной, и мачты подвесной дороги, перетянутые сюда с перевала Небержет. Канатка может доставлять сюда боеприпасы,

чтобы не загружать понтоны и катера. Все накапливалось, но с каким трудом! Все до последнего гвоздя, как говорится, нужно тащить сюда водой, на этот небольшой кусок земли, завоеванный кровью людей, первыми форсировавших с Тамани Керченский пролив.

Командующий мучительно думал. Он чувствовал почти физическую тяжесть, понимая, что сейчас от него зависит судьба смелых людей, посланных им на Огненную землю. Он говорил с ними перед посадкой на суда, и они ждут сейчас от него поддержки. Но нельзя рисковать кораблями, артиллерией, нельзя разрешить безрассудную операцию. Оставить сражаться? Люди сгорят в неравной борьбе. Что же делать? Вчера маршал сказал: «Мы наступаем!»

Выход только в наступлении. Так думают и маршал, и член Военного совета, так думают на флотском КП. Для защитников Огненной земли наступать — это прорваться к главным силам. Но осилят ли они?

Дверь отворилась, и, мягко ступая по ковру, вошел полковник с усталым худощавым лицом и настороженным взглядом. Сегодня решался трудный вопрос, и полковник понимал душевное состояние командующего.

Начальник оперативного отдела, присев у стола, высказал свои соображения: есть только один выход — наступать.

Командующий соединился по бронепроводу с Мещеряковым. Адмирал в этот час находился в районе Сенной, в дивизионе Курасова, куда прибыл вместе с Шагаевым из Тамани. Мещеряков сообщил дополнительные сведения об Огненной земле: «Провианта нет. Вчера выдержали огнеметную атаку. Количество тяжелораненых увеличилось почти вдвое».

— Они могут прорваться, Иван Сергеевич?

— Единственный выход. Пустите вперед моряков, букреевцев. Только как быть с тяжелоранеными?..

Закончив разговор с Мещеряковым, командующий глотнул из стакана чай. В выжидательном, прямо устремленном взгляде полковника не было вопроса. Все было ясно. Сейчас нужно только оформить решение. Снова ответственность перед страной, а следовательно, перед семьями, женами, матерями и отцами, невестами

и возлюбленными тех, кто должен беспрекословно выполнить его приказ.

— Уточните еще раз положение,— сказал командующий.

Положение Огненной земли известно, определено, вычерчено на штабных кальках. Полковник знал, как решение, созревшее в мыслях, превращается в неумолимое слово: приказ. Он отвечал так, как будто все докладывал впервые. Командующий ходил по комнате, заложив руки за спину. Поскрипывали подошвы сапог. Он остановился у окна, внимательно прислушался. До его слуха дошел все нарастающий гром. Значит, Огненная земля еще держится. Было восемь часов. Штурм начался на два часа раньше обычного.

— Там нет пещер Севастополя или хотя бы таких гор, которые вначале нас сюда не пускали, а теперь помогают нам,— сказал командующий.

Отсюда были видны голые, скалистые возвышенности и дорога, вырезанная в круто падающем взгорье. По дороге, под обстрелом гаубичных батарей, расположенных у Феодосийского шоссе, поднималась колонна грузовиков. Командующий наклонился к столу, не сгибая колен, положил на стол руки и смотрел на подвинутую ему кальку, испещренную условными военными знаками.

— Они должны сами прорываться,— сказал командующий.— Поставьте Гладышеву такую задачу... Прорваться! Захватить вот эти высоты, Митридат, причалы. И тогда мы от Чушки и наших крымских переправ пошлем и войска и корабли. Выполнение поставленной задачи в деталях предоставим Гладышеву. Ему там, на месте, видней.— Командующий приподнялся и посмотрел на полковника из-под нахмуренных бровей.— В шифровке укажите: все вышедшие к главным силам будут награждены боевыми орденами. Все без исключения...

Отпустив полковника, командующий задумчиво загляделся на пролив, на далекие берега Тамани, плохо различимые отсюда. Ветер усиливался; погромыхивал лист железа, и схваченные с дорожки камешки и песок застучали по крыше. Генерал посмотрел на часы. Его, вероятно, заждались. Надо идти завтракать. Медленно

закрыв папку с бумагами, командующий осмотрел себя в настенное зеркало и остался недоволен своим внешним видом — набрякшими веками, синими прожилками на щеках и каким-то нездоровым, припухлым лицом. Он вздохнул и вышел из кабинета. В коридоре, у входа в салон, стоял часовой — бравый гвардеец в короткой шинели. Часовой «по-ефрейторски» взял на караул и впился в генерала голубыми навывкате глазами. Командующий внутренне одобрил и выправку гвардейца, и броско сделанное «на караул», и это русское белобрысое лицо, сочетавшее в себе и уважение к начальству, и гордость самим собой.

Командующий спустился вниз по довольно крутой лестнице, освещенной электрическими лампочками.

Постепенно уходили шумы орудийной стрельбы; запахло отсыревшим неокрашенным деревом и еле уловимой плесенью подземелья.

За стол усаживались тихо. Разноголосый говор, стоявший здесь до прихода командующего, прекратился.

В небольшом помещении салона стояли кровать и диван. На стенах, обшитых неокрашенными, хорошо пригнанными досками, висели картина с деревенским пейзажем и карта советско-германского фронта. Одну стену занимало фальшивое венецианское окно, прикрытое занавеской. К салону примыкала кухня, куда было прорублено окошечко для подачи кушаний. Из кухни доносились приглушенные голоса прислуги, а в полуоткрытую дверь, ведущую в прикухонный тамбур, виднелись ступеньки второго, запасного хода, выводившего на площадку, противоположную фасадному дворику, откуда открывался вид на горы, Еникале и лощину, занятую ветеринарным госпиталем и резервными войсками, ископавшими землянками все склоны гор. Свежий воздух поступал сейчас не через вентиляционное устройство, а через эту полуоткрытую дверь. Но вместе со свежим воздухом доносились приглушенные подземельем звуки канонады: ближней — с плацдарма, более отдаленной — с Кордона и Батарейки — с Тамани и устойчивый, нервирующий гул артиллерийского штурма — «оттуда», с Огненной земли.

Молчание за столом нарушалось только тихими вопросами обслуживающей салон пожилой женщины

и стуком ножей и вилок. Командующий знал, что положение Огненной земли является предметом разговоров и обсуждений во всех сферах фронта. Сидевшие с ним, конечно, хотели бы узнать, что решено. В конце завтрака, после коротких, малозначительных вопросов, командующий внимательно оглядел всех и негромко сказал:

— Я приказал им наступать.

И все присутствовавшие в салоне поняли, что означает слово «им».

Глава сорок вторая

— Командующий приказал выходить к главным силам, к Керчи,— сказал Гладышев, внимательно изучая своими пытливыми глазами вызванного им Букреева.— Вот радиошифровка.

Букреев, сняв свою морскую потрепанную фуражку, затянутую маскировочным чехлом, провел ладонью по зачесанным назад волосам. Белые нити, незаметные раньше, увидел полковник в волосах комбата. Расшифрованное и написанное карандашом на серой оберточной бумаге приказание командующего Букреев сжимал пальцами, черными от вьевшейся в кожу копоты и сплошь в заусенцах.

— Понятно?

— Понятно, товарищ полковник. Но... как быть с нашими ранеными?

— Раненые пойдут, конечно, с нами.

— А тяжелораненые?

— Надо смотреть правде в лицо,— сказал Гладышев.— Что мы можем сделать с тяжелоранеными? Нессти их на плечах? Нужен стремительный бросок, штурм на прорыв.

Букреев молчал.

— Тяжелораненых, тех, кого не успеем вывезти морем, придется нести... А как мы сумеем вывезти морем? — Полковник прошелся по блиндажу, уперся в стенку, вернулся.

Дежурный радист, принимавший радиogramму, на-

стороженно посмотрел на него и снова принялся за свое дело.

— На берегу валяются старые шлюпки,— сказал Букреев,— мы не чинили их, чтобы не давать повода, не соблазнять...

— Шлюпки дырявые. Их побило и осколками и камнями. Их, очевидно, нужно — как это там у вас, у моряков, делается — конопатить, смолить? А чем конопатить и смолить и когда? Я поручил Степанову выискать все, что может послужить переправочными средствами... Но ведь это все ненадежно...

— Бутылка с каэс¹ против танка — тоже ненадежно,— осторожно сказал Букреев.— Однако пользовались, и... помогало.

— Вообще подумайте. Но думайте недолго. В нашем распоряжении меньше суток... Потом, чтобы переправлять тяжелораненых, нужны опять-таки опытные моряки. А нам дорог каждый человек для выполнения боевой задачи. Прорывать придется вам, морякам. Мои красноармейцы втрое больше выдержали атак за эти дни... Большие потери... И оставшиеся в живых так поизносились...— Полковник твердо, будто досадуя на какую-то допущенную им слабость, сказал:— Приказ командующего объявите вашим офицерам, детали обсудим сообща.

Офицеры батальона, собранные Букреевым на командном пункте, мало походили на прежних геленджикских молодцов, любивших позубоскалить, пошутить. Офицеров оставалось немного. Многие погибли или выбыли из строя. После дневного напряженного боя офицеры пришли из траншей какие-то обугленные, взвинченные. Они пили воду, нервно пересмеивались, а потом сразу замыкались и притихали.

Степняк прищурил глаза, откинулся спиной к стене. Казалось, он спит. Из-под шапки у него по вискам и лбу скатилась черная струйка пота. Рыбалко зубами потуже затягивал бинт на руке.

Никто еще не знал причину сбора. Вечерами обычно подытоживались результаты дня, и заснувший Степняк,

¹ К а э с — зажигательная жидкость.

вероятно, рассчитывал, что и сейчас будет разговор о том же. Его роль теперь была невелика, так как пулеметная рота давно была расформирована, и, по шутливому выражению Рыбалко, Степняк теперь как командир роты ничего не стоил.

Но когда Букреев коротко передал приказ командующего и сказал, что трудно будет вывезти раненых, Степняк открыл глаза и с недоумением взгляделся в Букреева.

— Мы так никогда не поступали,— сказал он медленно и провел кулаком по запекшимся губам.

— Как надо поступить в данном случае?

— Биться до конца!

Степняк встал, схватился за ослабленный пояс, туго подтянул его и долго не мог попасть острием пряжки в нужное отверстие. Руки его дрожали, и он старался сдерживать гнев. Букреев отлично понимал его состояние, понимал и свое трудное положение. То, о чем предупреждал Тузин, случилось. Рыбалко горячо поддерживал Степняка.

— До конца? Но наш конец — выигрыш для врагов,— ответил Букреев, стараясь не быть резким.

— Вы слышали, как погибал один наш военный корабль у Констанцы, товарищ капитан? — по-прежнему со злостью проговорил Степняк.— Ребята не покинули своих раненых друзей, и никто не ушел. Они отстреливались до последней минуты. Они вели себя, как матросы «Варяга». Они, утопая, махали бескозырками и ушли с кораблем на дно моря. Но мы их помним и чтим.

— Но гибель корабля со всем экипажем все же выгода для противника!

— Пусть так! — твердо отрезал Степняк.— Но самим уходить нельзя. Нельзя оставить хотя бы одного раненого. Они наши товарищи...

Перед мысленным взором Букреева встала картина, как будто навсегда застывшая в его зрительной памяти: розовая раздробленная кость голени, и ее, Танины, пальцы, теребившие полу ватника. Ее оставить? В подвале школы могли так же лежать и его жена или сестра... «Они наши товарищи»... Степняку было легче, так как он отвечал только перед собой, перед своей совестью.

— А если невозможно будет захватить с собой тяжелораненых? — тихо сказал Букреев. — И невозможно будет отправить всех на Тамань? Погода тяжелая... И не на чем...

— Тогда нужно защищаться до конца.

— Самим наверняка стать добычей врага?

— У нас есть для себя личное оружие, товарищ капитан!

— Застрелиться?

— Хотя бы.

— Как думают остальные офицеры?

Наступило тягостное молчание, и никто не хотел встречаться со взглядом командира батальона. Все знали, что этот обычно сдержанный человек шутить не любит и может пойти наперекор всему, чтобы заставить выполнить свою волю.

Порывистый в силу своей молодости и живого склада характера, Курилов поддерживал Степняка и молча сжал его руку, вызываясь глядя на комбата. Командир второй роты Захаров, плотный, широкогрудый морской офицер, из бывших инженеров-нефтяников, понимал Букреева очень хорошо, сочувствовал ему, но все же симпатии свои в этот момент должен был отдать опять-таки Степняку. Захаров старался понасть в тень своим большим курносым лицом, чтобы не встречаться глазами с командиром батальона: тут ему изменила обычная храбрость. Присутствовавший на собрании офицеров Линник также был на стороне Степняка и Рыбалко.

— Разрешите мне? — сказал Батраков, подняв свои светлые глаза. — У нас сравнительно много тяжелораненых, и мы не можем так просто оставить их на произвол судьбы. У нас в одной только школе вместе с армейцами, пожалуй, наберется полсотни, а то и больше раненых, которые не могут двигаться без посторонней помощи. Если бы мы имели дело с гуманным противником, можно было бы оставить командование противника письмо, поручить раненых своему медперсоналу. Но так, на беду, писали только в старых романах. Где-то я читал такое... Против нас — фашисты, а они вырежут всех наших... Вот что тяжело.

— Разнесут, — поддержал его Рыбалко, — порежут.

— Что же делать? Как поступить, товарищи? — Бат-

раков передернул плечами.— Командующий обещал выслать катера в дополнение к нашим плавсредствам. Вывезем всех тяжелых, а тогда и на прорыв. А пока удержимся.

— Правильно! — воскликнул Степняк, ловивший слова замполита, шевеля пальцами, будто проверяя каждое из них на ощупь.

Слова Батракова, произнесенные тихо, вдумчиво, в противовес бурным высказываниям Степняка, разрядили атмосферу. Степняк теперь виновато поглядывал на Букреева, может быть досадуя на слишком резкий тон своего выступления. Рыбалко тоже был смущен. Теперь последнее слово принадлежало комбату.

Букреев поднялся; за ним, гремя оружием, поднялись все, сразу же заполнив тесный кубрик.

— Я поставлю в известность командира дивизии о принятом вами решении биться до конца, он снесется с командующим. Отправляйтесь по своим местам, товарищи.

Кубрик опустел. Степняк нарочито замешкался у входа:

— Товарищ капитан, можно обратиться?

-- Говорите.

— Ваше мнение, товарищ капитан?

— Я его высказал.

— Но вы решили передать комдиву наше решение, а не ваше...

— Меня, знаете ли, товарищ Степняк, пятнадцать лет учили безусловному выполнению приказаний. В этом я видел отличие армии от завкома, месткома или провинциальной ячейки Осоавиахима.

— Вы меня извините, товарищ капитан, я не хотел вас обидеть... Я сказал то, что хотел, но, может быть, не так... не в удачной форме. Ведь тяжело даже подумать, что можно покинуть своих друзей, покинуть из-за того, что они были храбры, не щадили своей жизни! И вот... Вы знаете, у каждого из нас нервы взвинчены. А мне показалось... Даже постановка вопроса о раненых показалась мне странной... Как же иначе? Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. Я мысленно и вслух называю себя букреевцем, и мне неприятно будет, если мой командир Букреев вдруг решит...

По выражению глаз, по дрожи в голосе и внутреннему порыву, сдерживаемому только усилием воли, Букреев почувствовал искренность Степняка. Сейчас, оставшись наедине, говорили два человека, говорили просто и откровенно. Сейчас Букреев мог объяснить ему свое душевное состояние, поведать свои мысли, не стесняясь своей ролью старшего начальника, не думая о том, что его высказывания, будучи неправильно истолкованы, могут повлиять на характер решения. Букрееву хотелось самому оправдаться как человеку, чтобы никто не мог обвинить его в жестокости, в пренебрежении к раненому солдату. Он без обиняков объяснился со Степняком, чувствуя, что тот в данный момент его поймет, правильно истолкует его мысли. Степняк ушел от Букреева взволнованный и примиренный.

Букреев позвонил командиру дивизии и несколько сбивчиво рассказал ему о результатах совещания. Гладышев потребовал формулировки принятого решения и обещал срочно снестись с командующим. После разговора с командиром дивизии Букреев как бы снова вернулся в определенный мир, подчиненный суровым уставам войны, и все вокруг снова приняло привычные формы.

Он почувствовал какую-то неловкость и за свое поведение на совещании, и за разговор со Степняком, и за все мысли, нахлынувшие на него и затопившие то обязательное, чему он был подчинен. Продиктовав дежурному радиогранму на имя командующего и поручив передать ее по телефону на КП дивизии, Букреев вышел вместе с ординарцем. Кулибаба закрыл за ними железную дверь.

Густая темнота, какая бывает только на юге при затянутом небе, поглотила все. Букреев спустился по ступенькам запасного хода.

Волны шумели у берега, и в воздухе носился мелкий рассыпчатый дождь прибоя.

Букреев разыскал Степанова на прибрежной окраине поселка, возле домов, куда были стянуты лодки и большие чаны-перерезы, где рыбаки обычно присаливали паровой улов. Майор и несколько красноармейцев на ощупь (факела не зажечь) проверяли эти «подручные переправочные средства». Сюда же принесли паклю, и

два человека, сидя в чанах, стучали обушками, закопачивали щели.

— Хорошо, что пришел, Букреев,— сказал майор.— Представь себе, мои орлы уверяют, что на этих бочках можно переплыть пролив.

— По тихой погоде?

— По тихой погоде и на топоре переплывешь. Надо форсировать пролив при любой погоде. Какие лодки, такая и погода. Я только что решил испробовать. Сел это я в бочку, взял весло, столкнули меня в воду. Кипит, колотит! Выбросило меня через минуту вместе с перерезом на берег и еще, в добавление ко всему, чуть голову не проломило.

— Вот видишь...

— Ничего покамест не вижу. Меня выбросило потому, что проводил испытания, а не всерьез. А когда попал бы в безвыходное положение и стоял бы вопрос — либо жизнь, либо смерть, ушел бы через пролив и на бочке. Тогда и силы, и уверенности, и, самое главное, смекалки прибавляется. Вот только руки порезал. На обручах ржавчина отложилась. Кусками, кристаллами. Надо ее чем-нибудь снять, чтобы ребята не пострадали. Прикажи-ка ты своему Манжуле — пусть своим морским умом моим сухопутчикам поможет, а мы тут, где меньше дует, покалякаем.

После ухода Манжулы они укрылись от ветра за стеной турлучного домика. Здесь ветер был слабее, и можно было говорить, не надсаживаясь от крика.

Степанову уже стало известно от комдива решение офицеров батальона.

— Я их знаю,— говорил Степанов.— У них имеется все, что отличало и твоего Баштового. Чувства! На одних чувствах воевать нельзя. Мы должны тяжело-раненых вывезти и вывезем. А уж если не сумеем, что попишешь? Ведь еще давно говорили: «В бою только трус может быть жалостливым». Я, конечно, не хочу обвинить твоих храбрецов в трусости, дико было бы. Но объективно так. Нужно быть очень смелым и солдатски устойчивым, чтобы выполнять, казалось бы, невыполнимые приказы... Вот погляжу я на нас самих. Странно! Немцы уже на окраине. К ним улицей можно пройти, а два чудака, из коих один майор, а второй заслуженный

капитан, готовят какие-то бочки, чтобы раненых эвакуировать...

Ракеты взлетели над буграми, и сюда доходили сухие выстрелы ракетных пистолетов. Бугры обливались прозрачным, мертвым светом, а потом как будто таяли в чистом черном воздухе. Невдалеке слышался рокот моторов. Вероятно, немцы подтягивали поближе к передовой артиллерию или танки.

И наверху, по буграм, и внизу, по берегу, в тяжелых глинищах и зимних песках лежали солдаты.

Они приготовились ко всему. В упорстве их чувствовалось прежде всего сознание своей великой мощи. Солдат не видно сейчас и не слышно. Загадочная тишина траншей. Вот сильнее засвистал ветер. Заскрипело дерево, а у берега монотонно стучал обушок, с уверенной настойчивостью врываясь в раскатный шум моря.

Опять взлетела ракета. Осветились голое дерево, его странно серебристый ствол и белые стены домов на взгорье.

— Хорошие у меня ребята! — сказал Степанов, близко наклонившись к Букрееву. — Ведь казалось бы — по краю глубоченного оврага ходим на одной ножке, комар крылышком собьет. А никто не скулит. Выберется минута свободная, и пошла шутка, а то еще вприсядку пробуют. Послушаешь их невзначай, что за разговоры! Мечты! Вроде не бородачи, а девушки. Все обсудят. И что раньше было, и что в настоящее время, и что им в будущем предвидится. Оригинальный народ, Букреев... У тебя курить тоже нечего? Нудно без табачку. Возьму бумажку и кручу и верчу ее в руках. А где-то, сравнительно недалеко, какие табаки! Тюками лежат в папушах. Да и резаного сколько хочешь. Враг безусловно всего не сумел вывезти. Начнем двигаться в глубь полуострова — обязательно запасусь крымским табачком.

Степанов, не дождавшись ответного слова собеседника, замолчал. Бесшумно приблизился Манжула. Он остановился в двух шагах от офицеров.

— Что-нибудь годится, Манжула?

— Шлюпки пойдут, товарищ майор.

— Баркас?

— Баркас подремонттировать надо, товарищ капитан, а то дырявый. До Тамани не дотянет.

— А бочки?

— На них можно попробовать. Посуда устойчивая.

— Ладно,— сказал Степанов.

Майор попрощался, подозвал Куприенко, работавшего вместе с красноармейцами, и пошел вверх над дворами.

Осмотрев перерезы, Букреев возвратился на свой командный пункт, думая застать Батракова. Но его не было.

Приближались бомбардировщики, налетавшие сегодня пятый раз. Ровный гул моторов как бы проник в самое сердце Букреева как новое тягостное предупреждение. Бомбардировщики заходили от Митридата, по другому курсу. Все ближе раздавался их тяжелый рокот. В амбразуру были видны яркие, остро отточенные иглы трасс. Пулеметы открыли огонь по самолетам с новых, береговых позиций.

Взрыв. Кубрик тряхнуло. В амбразуру как будто кто-то дунул огромным мехом. Хлопнула и зазвенела дверь. На пол слетели телефонные аппараты, коптилка.

Дежурный, бывалый мичман, отброшенный взрывом к Букрееву, ударил его всей тяжестью своего тела и, видимо, инстинктивно, чтобы за что-нибудь удержаться, схватил его руками у пояса.

Снова взрыв и вихрь. В голове Букреева шумело, и темнота наполнилась едкой гарью.

Надо было скорее зажечь огонь и рассеять этот могильный мрак. Надо проверить проводку, поднять телефонные аппараты.

— Давайте скорее, черт вас заберит! — заорал Букреев, отдирая от себя руки мичмана.

Мичман пополз по полу, поднял аппарат, и в его пальцах запрыгал огонек спички.

— Кажется, пронесло,— сказал мичман.— Бетон лопнул, смотрите...

— Соединитесь с подразделением...

Квадраты их «Малой земли» были расчерчены просто чутьем, и Букреев мог почти безошибочно по звуку определять места поражений. «Юнкерсы» повесили «лампы» и сбросили с прицельной высоты бомбы на командный пункт и на поселок. В сторону расположения

армейской пехоты связь оборвалась. Манжула, захваченный взрывом на НП, стоял у стенки, пошатываясь и вытирая рот ладонью.

— Ты ранен, Манжула?

— Ничего, ничего, товарищ капитан,— сказал ординарец.— Я выйду дыхну. Можно?

— Выйди, выйди...

Манжула повернулся, шагнул к двери, лязгнув засовом.

Свежий, холодный воздух ворвался в блокгауз.

И в это время Букреев увидел у дверей силуэт комиссара, автомат, приложенный к груди, и глубоко надвинутую фуражку. Он стоял, прислонившись к двери, какой-то неестественно маленький, с темными впадинами глазниц. На Букреева смотрели два внимательных, настороженных глаза. И вот не только по внешнему его виду, но и по ощущению страшной тоски, сжавшей сердце, Букреев понял все.

— В школу? Неужели в школу? — спросил он Батракова, задыхаясь.

— Да...

Букреев все понял, ничего не расспрашивал и вышел наружу.

В поселке горели дома. Растрепанные ветром клочья дыма носились, как чудовищные птицы. Ему показалось, что по земле пронеслись тени бомбардировщиков. Вся планета будто пылала и крутилась, и космические вихри разносили огонь и смерть. С ржавым стоном рвались снаряды. Ветер пронизывал. Гудело и ревело обозленное море.

И, несмотря на ветер, на брызги волн, почти достигавших вершины, Букрееву было душно. Хотелось сбросить куртку, так рвануть пуговицы гимнастерки, чтобы сразу подставить все свое тело ветру и брызгам.

— Вас просит комиссар зайти в капэ, товарищ капитан,— настойчиво проговорил Манжула, вышедший из блокгауза.— Звонил с передовой старший лейтенант Рыбалко, товарищ капитан...

— Ты знаешь, Манжула, мне что-то плохо... Опять...

Манжула поддержал командира, и они спустились вниз.

— Рыбалко просит поддержки, его атаковали,— сказал встретивший их Батраков. — Я звонил в полк. Степанов обещал отдать обратно двадцать пять наших...

— Хорошо...

— Есть счастливая возможность вырвать у них Кондратенко. Что с тобой?

Батраков подскочил к Букрееву, и тот опустился на его руки.

— Опять оно...

Кровь как будто покидала его тело, холодели конечности, легкие хватали каждый грамм кислорода. Бессильная злоба против самого себя, против недуга подняла его, но только на одну секунду, а затем он, стиснув зубы, опустился и лег на спину. Ординарец расстегнул воротник, ослабил снаряжение, вытащил из карманов запалы гранат, письма, газету, где был описан его подвиг и где он всенародно был назван Героем.

Манжула откупорил пузырек с лекарством и приложил кружку к губам Букреева. Он ощутил эфирное масло и еще что-то знакомое, освежающее.

— Откуда это у тебя?

— Она еще тогда принесла.

— Кто она?

— Главстаршина Татьяна Иванова...

Главстаршина Иванова — и только. Сегодня при атаке фашистских пикирующих самолетов убита на крымской земле главстаршина Иванова — и только. Так были убиты капитан третьего ранга Звенягин, сержант Котляров, лейтенант Шумский и сотни других.

Нужно смотреть на все проще. Сжиматься, становиться обычным, вот таким, как Манжула. Никто не должен догадываться о твоих муках. Никто не должен знать, что тебе тоже бывает худо, и даже Степняк не должен был знать. Как горька для него была самая мысль о невозможности вывезти всех раненых!

Глава сорок третья

Светильник играл тенями на стенах, на потолке. Липкая копоть оседала на руки, цеплялась за волосы и подрагивала. Может, они в последний раз видят этот

мирный огонь, не похожий на хищное пламя взрывчатки. Батраков поглаживал гильзу своими похолодевшими пальцами, ища тепла. Тяжелое топливо — соляр, — добытое в моторных отсеках погибших кораблей, чуть-чуть нагревало стакан снаряда. Пальцы не согревались, суставы ломило.

— Вместе с командирами в двадцать ноль-ноль нужно собрать и парторгов, Букреев.

— Да. Нам надо подыскать людей для заслона. Когда пойдем на прорыв, кто-то должен остаться, чтобы ввести в заблуждение противника.

— Снова жертвы!

— Что сделаешь! По-моему, надо оставить на нашем участке немного: два-три пулемета, несколько автоматчиков. До утра противник не разберется. Тем более, что он не думает ночью нас трогать... отложил до утра.

— Немного людей — тоже жаль...

Морщины обрезают с двух сторон рот Батракова и потерялись в спутанной русой бородке. Фуражка давно перестала считаться боевой приметой комиссара. Обожженная, заношенная, она сделалась такой же неразличимой, как и морская фуражка Букреева.

Смотря на Батракова, Букреев чувствовал, как глубока его привязанность к замполиту. Дружба их окрепла — строго, по-мужски, без лишних слов и объяснений.

Все проверялось делами. Ничего нельзя было утаить — ни хорошее, ни плохое, все проверено на острой грани двух крайностей — жизни и смерти. Много хороших людей погибло на их глазах, и в душе каждый из них одинаково оплакал потери. Пока смерть обходила их, хотя они и не бегали от нее.

Перед уходом хотелось сказать все то хорошее, что он думает о Батракове, сказать все, что на душе, — от первых встреч и до сегодняшнего, последнего дня.

— Николай, — сказал Букреев, — я верю, что мы останемся жить...

Батраков посмотрел на него:

— Почему ты вдруг сразу об этом?

— Прости меня, Николай, — смущенно ответил Букреев, — но показалось мне, что ты как-то нехорошо задумался... И вдруг решил тебя... успокоить.

— Я думал хорошее,— просто сказал Батраков,— ты ошибся.

— Тогда прости.

— Чего же тут прощать! — Батраков медленно, всем туловищем, повернулся к собеседнику.— Ты чувствуешь, какой сегодня чистый вечер?

— Как — чистый?

— Особенный. То всё были темные вечера. Ничего на память не приходило. Дрались, отбивали атаки, бросались носом в землю от снарядов и бомб. Ни о чем не думали постороннем. А сегодня всё по-иному. Мне кажется, будто я очищаюсь. Было с тобой когда-нибудь такое, Николай? Раньше было?

— В молодости был у меня такой же день, как сегодня,— сказал Букреев.— Когда я получил партийный билет. Я тогда был еще юношей. Ожидаю, когда секретарь дивизионного партбюро эту самую книжечку мне передаст, а у самого ясно на сердце, прозрачно, как будто только первый день живу на свете. Все, что есть у меня плохого, думал, исчезнет навсегда. Начну новую жизнь — чистую, благородную, такую, чтобы через нее, как через хорошее стекло, было все видно. Коммунист! И вот, смотрю, секретарь что-то замешкался, по списку водит, мой партбилет откладывает. Все во мне рухнуло, в глазах туман, все колышется из стороны в сторону. Но секретарь, конечно, просто так замешкался. Подает партбилет, поздравляет. Вышел я — как будто крылья выросли...

Батраков еще немного подождал, как бы давая договорить собеседнику. Но Букреев молчал.

— Каждый из нас, коммунистов, пережил этот ясный день,— тихо сказал Батраков.— Пора тебе, кажется, идти, Букреич. Будешь у Гладышева, скажи ему, что я... ничего обидного против него не имею. Это я насчет той горячей записки. Не извиняйся за меня, а просто так, в разговоре.

— Скажу, Николай.

Пришел дежурный с передовой.

— Всего способных двигаться, вместе со штабом, сто семьдесят человек,— сообщил он.

— Патроны остались на прорыв? — спросил Батраков.— Не растранижирили?

— Патронов и гранат для прорыва хватит, товарищ капитан. Тяжелые пулеметы тянуть некому...

— Придется привести в негодность,— сказал Букреев,— но только в последнюю минуту, перед выходом. Я из медсанпункта зайду к Гладышеву, там окончательно решим...

Букреев шел по тропке, угадываемой просто чутьем в ранней декабрьской тьме, точно тушью залившей землю. Над расположением противника поднимались ракеты, но свет их не доходил сюда.

— Я было в ящик сыграл, товарищ капитан,— сказал на ходу Манжула.

— Как же так?

— Шальной пулей угодило, товарищ капитан. Как раз возле самого Рыбалко.

— Что же ты молчал? Перевязаться нужно.

— Перевязали... Ну-ка, сюда, товарищ капитан,— Манжула схватил его за рукав,— а то тут страшная яма от фугаски... Прямо смех... Как нарочно угадала пуля в мякоть, в руку. Но никак кости не захватила.

— Проверить еще нужно, Манжула.

— Сам чую, что ничего, товарищ капитан. Организм сам проверяет.

— А как твой организм без пищи привыкает, Манжула?

Манжула коротко засмеялся:

— Цыган кобылу без сена приучал — двенадцать дней жила. Кабы на тринадцатый не сдохла — привыкла бы. Прошу извинения за присказку, товарищ капитан. Сельщину вспомнил, там так говорили.

— У меня сосет под ложечкой, Манжула. Ты знаешь, где у человека «ложечка»?

— Знаю, конечно. Воды надо выпить, товарищ капитан. У вас есть в фляжке?

Вода как бы провалилась внутрь холодным комком. От быстрой ходьбы перед глазами кружились черные шары со светлыми ободками. Шум моря напомнил ему Курасова, их переход к Туапсе и Геленджику. Тогда были солянка в железной миске, капуста, покрасневшая от томата, кусочки сала в капусте. «Надо прогонять

мысль о еде», — подумал Букреев. Но черные шары закрутились снова. «Дельфины! Дельфинов едят... Где это? Да, в Сочи продавали мясо дельфинов. Курасов тогда стрелял из пистолета по дельфинам».

— Вот мы и на траверсе школы, товарищ капитан.

— Что-то долго тащились.

— Я тут не знаю еще, куда теперь раненых кладут, товарищ капитан. Сейчас пойду спрошу вон тех солдат.

— Давай немного отдышимся, Манжула.

От школы остались только зубья стен. Здесь погибла Таня. Обратилось в ничто ее тело... На мотоботе, в десантную ночь, она рассказала историю своей жизни. Звенягин тогда еще жил и спас их. Потом Звенягин погиб. Таня в палисаднике казачьего двора вплетала в погребальный венок желтые гвоздики...

Солдаты, забравшись в воронку, что-то варили в котелке, скрючившись у огонька. На том месте, где доктор рассматривал искалеченные ноги Тани, разговаривали люди, отделенные от них курчавинами сгоревшего кровельного железа и швеллерных балок.

— Под рождество, как и положено, кололи кабана, брат, — говорил кто-то. — Не какого-нибудь хряка, что шилом не возьмешь, а хлебного кабана — годовика. Сало в ладонь, брат! Выкармливали не лебедой, а кукурузой аль дертью. Кишки одни, бывалоча, через сало еле отдерешь одна от другой. А гусачок — легкие, печонки — во, брат, в обхват! Пирогов бабы напекут с гусачком. Румяные, по бокам пузырьки. Кипят, пойми, в смальце. Кинешь пирожок с ладошки на ладошку, крикнешь да как цапнешь зубами, аж зайдутся, брат, зубы от пылкости! А потом поваляешь во рту, остудишь, значит, чуток и глотанешь. Пойдет он в тебя, как живой, — в сале, пойми! Идет, можно сказать, без всякой задержки.

— Вот мастак! — воскликнул кто-то. — Давай, давай!

— Что давать! Давать нечего, — продолжал тот же булькающий влажный говорок. — Ежели к такому делу прибавить колбасы на сковородке, да тоже с салом, не с нутряком, а со спинки аль, того слаще, — от хвостика, хрящевого, во, брат, лихо! А лафитник присудобить, а? Да не один сиротский, а в компании...

— Брось, Никита! — перебил его кто-то в голодном восхищении. — И зубы есть, да нечего есть. Вот жизнь была! Это у вас все так, а?

— Наша Ставропольщина — место ветреное, но сытное, брат. Колхозы развернулись лихо. Вот не знаю, как только теперь после немца... — ответил тот, кого только что называли Никитой. — Когдась тавричане у нас отары водили. Кошары ставили длинные, на версту. Вот был замашной народ, ожги меня со спины! Право слово, брат. Отсюда тавричане-то приходили к нам, с Крыма. И верно делали, брат. Ну что здесь? Камни, пусторосль, море — зачурай себя от него! Траву вот хлопцы варят, и то какая тут трава? Один жабник. От такого провьян-ту последний причубок вылезет, брат.

Букреев вышел из-за развалин, спросил, куда сегодня перевезли санбат. Солдаты переглянулись.

— Сказали бы словечко, да волк недалечко, — все еще посмеиваясь, ответил Никита.

— А если толком? — строже спросил Букреев.

Поняв, что перед ними офицер, солдаты поднялись:

— Ниже к берегу берите. Ежели видели днем перекинутый баркас и бочки, так за тем баркасом и бочками. А этот санбат, что тут был, сами видите, в распыл...

Отойдя, Букреев услышал за своей спиной:

— Кто-то с букреевцев. Их форма. Ребята такие, что дай бог каждому.

Под ногами твердело: подмерзло. Вода в воронках подернулась легким салом, отсвечивающим в темноте. Часовой, приткнувшийся у разваленного дымогара, указал месторасположение медсанбата.

Они нашли землянку, оборудованную из подполья рыбацкого дома, и спустились по ступенькам. Откинув одеяло, закрывающее вход, Букреев почувствовал запах лекарств и особый, сладкий и тошнотворный привкус крови.

У самого входа, на полу, расставив ноги, сидела Надя Котлярова, стучала медным пестиком в ступке. Раненые лежали на полу на плащ-палатках и, увидев командира батальона, сразу повернули к нему головы. Обострившиеся носы, провалины щек и измученные страданиями лица. Здесь лежали последние раненые, доставленные с левого фланга.

Букреев поздоровался с ними, и они тихим разноглосьем ответили ему. Надя приподнялась и стряхнула бережно на ладонь крупинки растолченных ячменных зерен.

— Кофе думаю сварить ребятам, товарищ капитан,— сказала она.— Ребята ходили в контратаку, у немца отняли и сюда прислали. Шулик просит кофе.

— Шулик тоже здесь? — Букреев взгляделся в лица раненых, до неузнаваемости переменившиеся от худобы и копоты.

— Здесь, товарищ капитан.

При неверном свете мигалки этот двадцатилетний парнишка казался чуть ли не стариком. Растопыренные усы, реденькая, кустиками, бородка. Букреев опустился возле него на корточки:

— Что случилось, Шулик?

— Рука, товарищ капитан. Опухла рука.

— Ишь как тебя угораздило, Шулик! Посылали тебя на левый фланг, можно сказать, для перелома положения, а ты сам сломался. Сегодня, что ли?

— Меня вчера еще, товарищ капитан,— виновато оправдывался Шулик.— Кабы одна рука, товарищ капитан, а то и боку попало...— Шулик принялся рассказывать со всеми подробностями.— Меня сначала бомбой накрыло, когда вчера после полудня шестнадцать «козлов» пришло. Вижу я, товарищ капитан, завалило Брызгалова так, что только одни ноги наружу торчат. И вижу штурмана рядом с Брызгаловым. Помочь бы им, а не могу: ни вдохнуть, ни выдохнуть — бок. Взял тогда я рукой одной автомат, сумку, восемь гранат, четыре диска и похромал к комвзвода. Видит он, какой я есть, и говорит мне: «Иди в санбат». А я ему говорю: «Как же я уйду в санбат, если надо Брызгалова и штурмана откопать». — «Сам же не сумеешь, а людей дать не могу, потому что людей у меня нет». Вижу и сам — откуда у него люди? — и говорю тогда комвзвода: «Прикажите мне, я сам как-нибудь постараюсь». Разрешил он мне, пошел я еле-еле. Откопал — и зря, товарищ капитан. Оба готовы, а пулемет цел, только перевернуло. Присыпал я Брызгалова и штурмана, взял пулемет и потащил. Ползу на животе... бок так болит, хоть кричи криком. А тут опять фашист пикирует. Перебежал я, ко-

гда черт убрал «козлов», хотел продолжать, но открыл немец огонь пулеметный, потом минометный, потом термитными стал бить, все кругом палить. Дополз я все же кое-как до комвзвода, доложил — и вовремя. Поднялся враг в атаку. Говорит мне комвзвода: «Погоди с санбатов, Шулик. Помоги нам со своим пулеметом». — «Попробую», — сказал я. Дал он мне второго номера — узбек не узбек, армян не армян, стойкий парень, — и отбивались мы с ним до вечера... Я сейчас кончу, товарищ капитан. Вам стоять неудобно. Сюда можно сесть, тут место чище.

— Давай, Шулик, продолжай... Тебе досталось, я вижу...

— Досталось, товарищ капитан. — Шулик улыбнулся, под усами шевельнулись его бескровные узкие губы. — Как горячка кончилась, отбили их, вижу — мне плохо. Послал тогда меня комвзвода продолжать свою дорогу до санбата. Дополз я тогда кое-как, на карачках, вот сюда, — в школу тогда уже угадало. Сидит наша Надя, по Татьянке плачет. Узнал я ее, узнала и она меня. — Шулик провел рукой по бороде, скосил глаза в сторону внимательно прислушивавшейся Котляровой. — «В чем дело, Шулик?» — спрашивает она меня. «Рука, говорю, Надя». — «Покажи». Показал я ей. «Да у тебя рука того...» Сделала она мне ванночку, наложила досточку. «Не разматывай только, — приказала мне, — а то все напортишь. Лопнула у тебя кость, потому и рука деревянная». Хотел я уходить и не смог, товарищ капитан. Свалил меня окаянный бок. И стыдно: морская пехота, а тут какой-то бок, да еще рука... Все едино, думаю, не больше суток отваляюсь и туда опять, к пулемету...

— Не спеши, Шулик! — строго сказала Надя. — А то без руки останешься.

— Товарищ командир! — Один раненый приподнялся на локте и прямо смотрел на Букреева лихорадочно блестящими глазами. — Товарищ командир...

— Ну говори, Татаринцев, — сказал Букреев, зная этого моряка, пришедшего на флот из кубанской станицы. — Что хотел спросить?

— Передавали ребята-автоматчики — уходить будем...

— Откуда?

— Отсюда. Будем, товарищ капитан?

— Какой будет приказ, Татаринцев,— уклончиво ответил Букреев.— Будет приказ — уйдем.

Татаринцев, опустившись на спину, скривился от боли.

— Приказа еще не было? — спросил он с закрытыми глазами.

Букреев молчал.

— Если будет, скажите... Мы... тут решили... сами себя кончим. Тащить нас некуда и некому...

Взяв руку Татаринцева, Букреев почувствовал, как пальцы его благодарно сжались. Букреев поднялся, простился со всеми и вышел наружу. Ветер свистел в развалинах, в обрубленных ветвях деревьев. Тучи и ветер. Ни луны, ни звездочки — ничего.

Рядом с ним стояла Надя. Кажется, она была подружкой Тани. Надя некрасивая: нос пуговкой, как говорится, с вечными веснушками, прямыми волосами и грустным взглядом невыразительных глаз. Но Таня всегда хвалила ее и всегда отзывалась о ней хорошо.

— Сегодня будем прорываться,— сказал Букреев.

— А их?

— Сделаем все, чтобы отправить.

— Ведь всех трудно очень?

— Да.

— Я буду сопровождать их?

— У нас вы последняя сестра. Вы будете нужны в прорыве.

— Но как же так? Там же люди беспомощные, одни! Через пролив... В такую погоду!..

Надя всплеснула руками и неожиданно зарыдала, громко всхлипывая. Букреев понимал, что с ней происходит.

— Перестаньте, Котлярова! — строго сказал он.— Там могут услышать раненые. Что могут подумать?

Она притихла, отняла руку от лица. Прямые ее волосы свисали из-под шапки, на поясе матово поблескивала бляха. На бляхе был выдавлен якорь. Люди, выполнившие свой долг и лишённые возможности двигаться без посторонней помощи,— тоже якорь. Букреев резко спросил Котлярову о том, кто из порученных ей раненых может самостоятельно двигаться.

— Может только один Шулик и вот в той землянке еще трое,— после короткого раздумья ответила Надя.

— Приведите сюда Шулика.

Надя вернулась с Шуликом, опиравшимся на нее.

— Вот и еще раз сегодня повидались, товарищ капитан! — сказал он весело. — А темно как! И, кажется, нордовый дует.

— Шулик,— тихо произнес Букреев,— сегодня мы уходим к главным силам. Сегодня мы прорываем блокаду и уходим.

— Здрóрово! — воскликнул Шулик. — То-то, когда Татаринцев вас спрашивал, товарищ капитан, вы не сразу... Конечно, при всех такое нельзя было сказать.

— Сумеешь ли ты, Шулик, пройти сам, без всякой помощи, примерно... двадцать километров?

— Ежели спокойно, чтобы не торопить, смогу.

— А с боем?

— С боем двадцать километров? Не осилю. Мимо — и то не смогу. Бок, товарищ капитан...

— А если поручить тебе доставку раненых морем... без Котляровой... Она нужна в прорыве... Сможешь?

— Смогу... так... — Шулик растерялся, но затем, справившись с волнением, горячо добавил: — Только чтобы помогли разместить раненых по лодкам!

Букреев чувствовал тягостную стеснительность. Но уходило время, нужно было еще обойти лазаретные землянки, попасть на КП к полковнику.

— Так вот, Шулик, как я тебе и сказал: сегодня ночью мы уходим, согласно приказу командования. Сегодня ночью мы должны не только прорваться, но взять штурмом кое-какие объекты. Все живые и здоровые пойдут на операцию. Нужно, прежде чем немцы догадятся, что мы ушли, вывезти раненых. Даю тебе пятерых бывалых матросов. Говорю с тобой как с боевым товарищем, Шулик. Ты понял меня?

Шулик с минуту молчал, пока слова командира — а в них были и приказание и просьба — не дошли до его сознания. Пока в его душе не созрело решение, продиктованное не только долгом, но и всей его короткой и правильной жизнью.

— Есть доставить раненых, товарищ капитан, — сказал он, и его глаза горели каким-то новым светом.

— Спасибо, Шулик! — Букреев, помня о его раненой руке, осторожно обнял его и прикоснулся губами к ключей щеке. — Манжула сейчас поможет тебе.

— Только прошу еще...

— Говори, Шулик.

— Мне полагается орден, товарищ капитан. Первая степень «Отечественной войны». По Указу — еще за высадку. В газете было пропечатано. Если случится что, перешлите его мамке. Кажется, этот орден семье можно оставить. Да подпишите ей от себя, что и как... Вот адрес... И Брызгалова вот адрес... Тоже сообщите...

Букреев взял у Шулика бумажку, скомкал ее в кулаке:

— Встретимся еще, Шулик!

— Да, может, и встретимся... — Голос его дрогнул. — Может, я еще фашиста обхитрю как-нибудь...

Не разбирая дороги, не обращая внимания на грязь, вылетавшую сквозь раздавленный ледок и попадавшую на руки и лицо, Букреев шел, бережно зажав в руке бумажку с адресами.

Глава сорок четвертая

К двадцати ноль-ноль на командный пункт батальона собирались офицеры, вызванные командиром дивизии. Офицеры сходились либо по глубинным ходам сообщения, попадая вначале на оружейный дворик, а потом уже спускались вниз, либо берегом, под прикрытием обрыва, и входили через НП, где дежурил Манжула.

Когда открывалась железная дверь НП, в кубрик врывались холодный и сырой ветер, шум моря. Огонь светильника бросало в стороны, к огню тянулось сразу несколько ладоней, потом слышался лязг запираемой Манжулой двери, и руки, прикрывавшие огонь, опускались. Снова ровно потрескивало шинельное сукно фитиля, спиной к двери становился Манжула, и в амбразуре, прикрытой стальным корабельным листом, свистел и ныл ветер.

Офицеры садились на нары, на табуреты, на лавки, ставили между колен свои автоматы и сидели молчаливые, внимательные. Все знали, для какой цели они вызваны сюда, и в их молчании и настороженности чувствовалось

затаенное ожидание. Сюда пришли не все офицеры. В окопах в ожидании «рассветного» штурма оставались командиры и бойцы. Все люди в эту последнюю ночь были связаны вторично принятой добровольной клятвой «драться до последней капли крови». Клятвой, принятой летучими собраниями коммунистов, комсомольцев и тех, кого принято называть не менее благородно — беспартийными большевиками.

Полковник, в отличие от многих, был чисто выбрит, и черты его сурового, исхудавшего лица ярче оттенялись. Сидевший рядом с ним с полужакрытыми глазами и руками, положенными на колени, майор Степанов напоминал смертельно уставшего человека, но стоило Гладышеву произнести фразу, как он встрепенулся, выпрямился. Его глаза из-под нависших бровей оглядели офицеров морской пехоты, занимавших нижние нары, и остановились на командире дивизии.

— Сегодня ночью нашей группировке приказано прорвать линию вражеской обороны и идти на соединение с основными силами, находящимися в северной части полуострова,— сказал медленно Гладышев, как бы подчеркивая значение каждого слова.— Мы созвали вас сюда, чтобы посоветоваться, как нам лучше выполнить приказ командования. Мы предварительно обсудили у себя кое-что, посоветовались с капитаном Букреевым, прикинули и как будто отыскивали слабое место у врага, где мы решили прорываться. Противник ничего не знает о наших намерениях. Все наши расчеты мы, товарищи, строим на хитрости и на внезапности...

Рыбалко устроился рядом с Куриловым и Степняком. Когда командир дивизии говорил о приказе командования, Рыбалко выдвинулся вперед, вытянул свою сильную смуглую шею и весь, как говорится, превратился во внимание. Брови его сошлись на переносице, и лицо из обычно добродушного от этих сдвинутых бровей стало узким, каким-то твердым и острым, как обнаженный кинжал.

За пятнадцать минут до совещания Рыбалко выслушал сообщение своего дружка Степняка о том, что комбат организовал у поселка вместе с армейцами переправочные средства для раненых. Сообщение Степняка пришлось не по вкусу Рыбалко. В переправочных сред-

ствах, конечно, больше разбирались моряки, и жаль, что комбат их не привлек. Гребцов для сопровождения раненых на «Большую землю» также якобы выделили пехотинцы, что было совсем непонятно. Разногласия на совещании теперь уже не имели значения. Бомба, попавшая в госпиталь, решила все. Погибли и Таня, и доктор в очках, и многие боевые товарищи. Об этом тоже думал Рыбалко, слушая командира дивизии, развивавшего свою мысль о прорыве. Рыбалко думал и о заслоне. Почему опять-таки комбат не привлечет к этому делу моряков? Разве кто-нибудь задумался бы отдать свою жизнь ради спасения товарища? Рыбалко продолжал слушать комдива. Речь шла об авангардной группе прорыва. Кому идти вперед? Кто должен сломить немецкие укрепления? Кто должен первым разорвать кольцо окружения? Неужели опять обойдутся без них, как обошлись при организации переправы, при создании заслона?

Рыбалко почувствовал, что ему не вмоготу, что высокое звание Героя, присвоенное ему, он еще не оправдал, что в самый решительный миг его обходят. Он сжал руки на своем автомате.

Офицеры положили на колени планшеты, нашли участок в квадрате, указанном комдивом,— Чертово болото, где не один разведчик нахлебался вонючей жижи. Степняк подтолкнул Рыбалко и указал пальцем: «Здесь». Букреев говорил о целесообразности прорыва именно через болото. Разведка приносила хорошие сведения об этом участке. Высказывая свои соображения, комбат упомянул Манжулу, Горбаня...

Когда окончил Букреев, говорил пехотный капитан, ни на кого не глядя. Он не совсем уверенно высказался о перспективах прорыва и привел в подтверждение цифры по своему батальону, обескровленному последними боями; каждый понял капитана правильно и в душе не упрекнул его. Так же правильно понял капитана и Рыбалко, и в душе его неожиданно поднялась надежда. Если так плохо у армейцев,— то спасти положение могут лишь моряки. Комдив внимательно выслушал еще нескольких офицеров и кивком головы разрешил Букрееву говорить во второй раз. Букреев встал, встретился взглядом с колючими черными глазами Рыбалко и улыбнулся.

И эта улыбка комбата, обращенная к нему, заставила как бы распусться недовольные морщины на лице Рыбалко. Блеснули его зубы с щербатинкой из-под несбритых усов, и лицо его теперь не было похоже на кинжал. Рыбалко снял фуражку, и Букреев увидел, что волосы Рыбалко, когда-то выстриженные «под бокс», отросли. Раньше жесткий чубчик торчал метелкой, а теперь он спускался на половину лба. Сильная шея и затылок, раньше выстриженные до синевы, теперь тоже «обмохнатели», как выразился бы Манжула. Рука выше кисти была перевязана. Тело его по-прежнему было сильным, напряженным, и длинные руки тоже были сильными. Беспощадная воля чувствовалась и в посадке головы, и в упрямом взгляде, и во всей его собранности. Букреев характеризовал группу прорыва и смотрел на Рыбалко, пока не называя его фамилии, но Рыбалко уже понимал, что речь идет о нем, что просто моряков приберегали: не распыляли на переправу, на заслоны.

Букреев сделал паузу.

— Кто же будет у вас командовать штурмовой группой прорыва? — спросил Гладышев.

Командир батальона чуть наклонил голову, чтобы поймать из-под тени, отбрасываемой нарами, глаза своего заместителя, и, как будто глазами посоветовавшись с ним, ответил:

— Во главе штурмовой группы пойдет Герой Советского Союза старший лейтенант Рыбалко, товарищ полковник.

Рыбалко не мог сдержать улыбки, сразу осветившей его смуглое бородатое лицо. Гора, давившая его плечи, как бы свалилась, и он почувствовал такое облегчение, что казалось, за его спиной сразу выросли крылья. Мало того, что ему поручали решение основной задачи, — с огромным удовлетворением он услышал ясно и громко произнесенное: «Герой Советского Союза Рыбалко». Ведь даже прочитав в газете о присвоении ему этого звания, он долго не верил своему счастью.

— Прорвете, товарищ старший лейтенант? — спросил полковник, с удовольствием глядя на этого прославленного офицера.

Рыбалко встал, двинул бровью, и словно ласточкино крыло мелькнуло над его лицом.

— Прорву, товарищ полковник!

Рыбалковское «прорву» и самый тон, каким было произнесено это слово, развеселили присутствующих.

— Я ему верю,— шепнул Букрееву Степанов.— Он прорвет, право слово.

Рыбалко, победоносно подморгнув Степняку, уместился на прежнее место и горделиво напыжился, чувствуя, что на нем сосредоточилось общее внимание.

Полковник коротко изложил дальнейшие свои соображения о порядке прорыва, о связи, дозорах, дисциплине движения...

Все оперативные документы, исключая журналы боевых действий, уничтожались, тяжелое оружие, как свое, так и трофейное, приводилось в негодность.

Расходились молча. На прощание полковник подал руку Батракову и душевно сказал:

— Видите, как объединили нас общие труды, Николай Васильевич...

— Я все понимаю, товарищ полковник,— смущенно сказал Батраков.

...Букреев после ухода полковника принялся потрошить ящики, сундучок с бумагами, перебирать тряпье на нарах.

— Загнул-то полковник,— сказал Батраков.— «Объединили»...

— Ничего не загнул, Батраков.

— Мне все же как-то было не по себе.

— Естественно. Примирения всегда бывают несколько тягостны.

— Да мы с ним и не ссорились.

— Я не говорю, что ссорились. Так, черная кошка пробежала...

— Степанов что тебе говорил? Шептались вы с ним.

Батраков вынимал из патронного ящика дела о приеме в партию и бросал их в печку. Огонь гудел. Краснели, как кровяные надрезы, прогоревшие колена трубы. В кубрике стало теплей и уютней.

— Ну, что же тебе говорил Степанов обо мне?

— О тебе ничего. Сетовал на самого себя за то, что раньше не понимал вкуса помидоров и чеснока. Говорил: если вырвемся, нажрись, мол, того и другого.

— Где же он нажрется? Зима, чай!

— Ну, в будущем году.

— Надолго он загадывает, майор! — Батраков раскрыл дело Тани. — От главстаршины Героя Советского Союза Татьяны Ивановой. Да-а... Давно ли писала! И твое поручительство...

— И твое...

— И мое. Не ошибся в ней.

Букрееву ясно припомнилось заседание партийного бюро в подвале на маяке, в холодную ночь двадцатого ноября. Таня пришла прямо из траншей, в ватнике, в мичманке, в сапогах, с автоматом. Тогда шла сильная ночная стрельба, близко падали снаряды, а Таня сидела на кончике скамьи и взволнованно и торжественно обещала в дальнейшем оправдать звание коммуниста. Уходя, запнулась у двери и чуть не упала. Батраков вскочил, хотел ее поддержать, застеснялся и потом сердился, очевидно, сам на себя.

Перелистав дело Тани, Батраков хотел бросить папку в печь. Букреев взял у него папку и спрятал в полевую сумку:

— Отвезу Курасову.

Батраков перечитывал заявления о приеме в партию, и перед его глазами проходили все эти люди, кровью своей доказавшие великую правду того, что писали они на этих клочках бумаги. За тридцать шесть дней было подано сто двадцать заявлений и принято в партию девяносто восемь человек. И все показали образцы мужества и стойкости. Вот радист краснофлотец Смоляр из взвода связи Плескачева. Наткнувшись вместе со своим командиром взвода и начальником штаба на мину, Смоляр не бросил рацию, выплыл, уцепился за проходивший мотобот и достиг берега. А затем работал на своей рации в штабе дивизии и дрался на передовой с оружием в руках. Или краснофлотец Лопатин, пулеметчик, сражавшийся до последнего патрона при отражении немецкой атаки на противотанковый ров в первый день десанта. Он поклялся защитникам противотанкового рва, что со своего места не сойдет. И дрался, пока не подоспела стремительная рота Рыбалко. Или младший лейтенант Антонович, награжденный орденом Ленина. Его называли душой сражения, образцом распорядительности, смелости и стойкости. Антоно-

вич отразил со своими орлами девятнадцать танковых и пехотных атак. Взвод его истаял, кончились патроны и гранаты, но Антонович, так же как и Лопатин, не сдвинулся с места до прихода Рыбалко...

— Бессымянов, Барабан, Слесарев, Шкурогатов, Матвиец, Тоболов,— читал Батраков.— Если только останемся жить, вот будет о чем порассказать... Ведь потом могут и не поверить. Было или не было? Огненная земля! Сюда приедем и то ничего не узнаем. Если даже через год появимся, все восстановят, все закопают — и траншеи и воронки,— дома снова отгрохают, огороды насадят...

— Ты что, жалеешь, что так будет?

— Не жалею. Но вот хочется поглядеть сразу на все эти места, когда уже мы плотно ногой сюда ступим. Исторические места — так их назовут, не сомневаюсь. Гляди, ещеobeliski поставят.

— Назовут и что нужно поставят. Вот и Таня мечтала: «Приедем сюда после войны, и никто нас не узнает, и никто не поблагодарит. Жителей-то ни одного нет». Жители будут, а вот ее нет... Тани...

— Таня, Таня...— Батраков бросил в пламя последние бумаги и встал, маленький, решительный, сразу преобразившийся.— Пора! Вот что, Букреев: что бы там ни было, а давай здесь, чтобы никто не видел, простимся.

— Давай, Николай.

Они расцеловались. И тот и другой вытирали слезы, которых они не стыдились. Потом Батраков, как будто отгоняя тоску, размахнулся автоматом и ударил по телефонному аппарату. Треск приклада, ноющий звон мембраны — и тишина. Он прислушался и вышел первым.

На орудийном дворике их поджидал вооруженный до зубов Кулибаба.

В девять часов вечера остатки батальона снялись с занимаемых рубежей и сосредоточились в траншеях, обращенных к болотистой низине, ответвленной от озера к морю.

Чтобы атаковать пулеметные гнезда, сосредоточенные впереди дамбы, надо было пробираться около двух километров по этой трясине.

Обессиленные боями и голодом, десантники должны были провести ночной бой, форсировать болото, пробить первую линию блокады, артиллерийские позиции и, пройдя двадцать километров по тылам противника, по прибрежному укрепленному району, ворваться на южные окраины Керчи.

Букреев увидел подтягиваемую к месту прорыва пехоту. Темнота препятствовала ему всмотреться в лица, но по походке, по ссутулившимся спинам и ритму движения было заметно, как были измотаны красноармейцы последними трехдневными боями.

Пехотинцы дошли до исходного пункта и легли. Взбугренная земля, казалось, тяжело дышала.

Недвижно торчали стволы винтовок и автоматов. Дул сильный ветер от Керчи.

Букреев и Батраков шли по рву мимо людей, прильнувших к его стенкам. Разыскивая Рыбалко, они остановились недалеко от группы моряков, вооруженных ручными пулеметами.

Пулеметчики продолжали свой тихий разговор. Букреев узнал Воронкова, его друга Василенко и пулеметчика Павленко.

— Навряд прорвемся,— сказал Павленко, пристукивая от холода сапогами.

— Раз пойдем, значит, прорвемся, — степенно заявил Воронков.

— Не прорвемся,— повторил Павленко.

— Рыбалко всегда прорвет. А там уж в поле две воли.

— Болото, разгона нет, Воронков.

— С такими думками и мыша не раздавишь...

— Что ты с ним байки точишь, Воронков? — вмешался Василенко.— Пущай свое крикает. Все одно слушать некому.

Воронков отвернулся, и все трое замолчали.

Рыбалко прислонился у бруса, крепившего пулеметное гнездо. На первый вопрос он не ответил, но после дружеского толчка в бок встрепенулся:

— Це вы, товарищ капитан?.. Эге, тут и комиссар! Чи не заспал я?

— Еще восемь минут.

— Добро.— Рыбалко поежился.— Ну и ветер! В

затишке можно терпеть, но наверху насквозь прорезает. Я вот шо хочу спытать, товарищ капитан. Пулеметы ихние брать с «полундрой», а?

— А как твое мнение, Рыбалко?

— Мое мнение? Мое мнение такое: на подходе треба тихо, як и полагается, а брать с «полундрой». Семь точек. Надо спужать!

— Нацельте группы на все пулеметные точки. Подведите как можно ближе и врывайтесь без криков и, если можно, не открывая огня.

— Не спужаем тогда их, товарищ капитан, — убежденно возразил Рыбалко. — Без «полундры» не спужаем.

— Здесь испугаем, но вызовем на себя огонь из глубины. После дамбы надо дойти и атаковать артиллерийские батареи.

— Ну, колы хлопцы утерпят, возьмем без «полундры».

К ним подошел Степняк. В прорыв он шел заместителем Рыбалко.

Чей-то женский голос упорно напевал один и тот же припев: «Софья Павловна! Софья Павловна!» В этом бесконечном повторении, в самом голосе чувствовалась заглушаемая нервозность ожидания. Степняк внимательно прислушался и тихо сказал: «Котлярова». Он опустился на корточки, и не видно стало его лица. Уже снизу долетел его голос: «Шулик-то мой! Каким молодцом оказался!»

Минуты за две до условленного времени их разыскали Манжула и Горбань. Они доложили, что раненые уже отправлены морем и заслон на месте.

Восемь человек добровольцев, решивших умереть, чтобы выручить товарищей, должны сейчас ввести в заблуждение дивизию немцев, десятки орудийных расчетов, танковых экипажей... Два пулеметных расчета и два автоматчика — вот что называлось у них теперь громким словом «заслон».

Они лежали, эти восемь героев, под свистящим декабрьским ветром на растерзанном клочке русской земли, готовые отдать во имя своего солдатского долга лучшее, что есть у них, — жизнь.

Стрелка прыгнула к последней минуте.

Оставшиеся у заслона открыли пулеметный огонь короткими злыми очередями. Немцы сразу зажгли подкову артиллерийских позиций. Все понеслось на клочок земли, защищаемой сейчас восемью бойцами.

Люди перекатывались через бруствер.

Букреев выскочил из траншеи, пробежал несколько шагов, а затем его ноги потеряли опору и провалились. Ломая тонкую корочку льда и с трудом вытаскивая ноги из донного ила, он зашагал вперед. Позади он видел знакомую феерическую картину артиллерийского обстрела плацдарма.

Вместе с Букреевым двигались последние из моряков «тридцатки» во главе с Кондратенко — Курилов, Манжула, Кулибаба и Надя Котлярова, единственная медицинская сестра, оставшаяся в батальоне.

Рыбалко только первую секунду находился рядом с ними, а потом скрылся в темноте вместе со своей ударной группой. Батраков присоединился к Рыбалко. Присутствие этого пылкого и решительного человека в первой волне было необходимо.

«Только бы не подвело сердце», — тревожно думал Букреев, то окунаясь в грязь выше колен, то выскакивая на мочажинные островки.

Если вначале Букреев следил, как выбирались из траншеи пехотинцы и моряки, направлял первую и вторую группы, обменивался своими соображениями с офицерами, то теперь, вплоть до непосредственного сближения с противником, у него была одна задача — пройти эти две тысячи метров и не свалиться. Теперь все уже было направлено, все двигалось. Команды пока были излишни, так как задача была чрезвычайно проста — форсировать болото. Отставать нельзя!

Изнуренной пехоте трудно было сделать первый бросок, и если он удался, то потому, что люди были спаяны дисциплиной и чувством, естественным в их положении, — скорее со всеми! Только бы не отстать и не остаться в одиночестве!

Их пока не открыли.

Не разгадав хитрости, противник обстреливал пустое, оставленное ими место. Нервный подъем, спутник всякой опасности, и разгорающиеся надежды на спасение прибавили силы.



Они лежали под свистящим декабрьским ветром.

Болото было покрыто мелкими, тускло поблескивавшими озерками с вязким дном и зыбкими моховинами по кромкам. Брести было трудно и по озеркам, где всасывало, и по мочажинам, где на ноги наматывалась грязь, как на колеса. Начавшийся мелкий дождь — ситничек — при сильном встречном ветре бил по лицу. Изредка у приозерных террас вспыхивали прожектора и лениво шарили по болоту. Десантники делали присадку, и неподвижные, залепленные грязью тела людей становились похожими на кочкарник и не вызывали подозрения у противника.

Грязь набилась Букрееву в сапоги. Вначале холодная, она потеплела и чавкала. Руки зашлись. Вот он провалился по пояс. Сердце участило удары. Манжула подхватил его:

— Угадывайте за мной, товарищ капитан! Я був тут тогда в разведке. Еще чуток...

Букреев старался держаться Манжулы, и тот вел его с опытностью хорошего проводника.

Позади по-прежнему горела оставленная земля. Сверху, оставляя метеоритные трассы, с еле уловимым посвистом неслись снаряды.

Второй эшелон начал сближаться с группой Рыбалко. Точно определить пройденное расстояние было трудно, но, видимо, дело подходило к атаке.

Букреев ускорил шаги. Склонившись вперед, ухватив автомат, висевший на шее, за оба конца, он двигался по узкой полосе воды, уходившей языком куда-то в черноту ночи.

Наконец они достигли головы колонны. Различить самого Рыбалко было трудно среди круглых спин, катящихся по болоту словно стая дельфинов. Тяжелое дыхание, бульканье сопровождали эту стаю. В ожидании первой атаки моряки накапливались и потому передние несколько замедлили движение.

Букреев сблизился с Рыбалко. Они пошли рядом. Ракеты полетели вверх совсем неподалеку, и слышен был даже треск пистолетов-ракетниц. Яркие цветные дымы открыли группу Рыбалко, но осветили также и насыпанные холмы, ответвленные от дамбы, — те самые пулеметные гнезда, которые нужно было атаковать.

Свет погас. Не успели глаза снова освоиться с темнотой, как слышались знакомые рокочущие звуки крупнокалиберных пулеметов, и над холмиками появились искрасна-голубоватые жальца.

Моряки Рыбалко ответили автоматной стрельбой и криком «полундра», который, казалось, должен был разбудить сразу всех врагов, занявших эти прибрежья Тавриды. Вслед за криком, подхваченным в глубине колонны, вслед за быстро пронесшимися вперед людьми поднялись звонкие столбы гранатных разрывов.

Букреев бегом достиг холмиков, перепрыгнул неглубокий окопчик и заметил трупы фашистов, пулеметы и картонные пакеты патронов, напоминавшие пчелиные соты. Рядом оказался Гладышев, а с ним Степанов со своим ординарцем.

Полковник весело прокричал Букрееву:

— Прорвали дамбу! Вот только орали зря. Впереди еще артиллеристы и минометчики!

Автоматы продолжали трещать. Стреляли из немецких трофейных.

Полковник, остановившись на бугорке, поторапливал пехоту. Солдаты поднимались от болота на дамбу и, перевалив ее, уже бегом бросались вперед.

Рыбалко давно потерялся в свистящем ветре и в темноте, сразу упавшей, как бархатный занавес ночи.

Прорыв удался. Впереди была степь. Оттуда неслись зимние запахи и ветер.

Первый успех окрылил измученных до крайности людей. Стремясь вперед, они могли увидеть теперь солнце, могли выйти из ночи. Тревожные сомнения сменялись радужными мечтами.

Но Букреев помнил: впереди, до рассвета, еще восемнадцать километров, впереди тяжелый штурм Митридата.

Глава сорок пятая

Разламывая вражескую оборону, с фанатичным упорством двигались люди Рыбалко.

Степь, изрытая глубокими ямами, сморщенная балками, вела их к своим, к жизни.

Рыбалко достиг позиций артиллерийских батарей. Прислуга была беспощадно вырезана матросами. Никто из артиллеристов не мог сообщить штабу о продвижении группы прорыва.

От Рыбалко появились вестовые. Он присылал их после того, как разрывал очередную цепь. Моряки-вестовые появлялись, как маяки на вершинах курганов, докладывали комдиву и снова исчезали в темноте.

Враги не могли представить себе, что весь десант ушел из их рук. Они не могли поверить, чтобы люди, обреченные ими на смерть, могли выскользнуть и уйти куда-то в ночь. Они выслали в степь патрульные автомобили и мотоциклистов. Вспыхивающие фары неслись по дорогам, изредка бесцельно стреляли пулеметы. Патрульных пропускали, если они не мешали, но, когда патрули останавливались на дороге, догадываясь, в чем дело, матросы бросались на них из засад и закалывали кинжалами. Все было подчинено единственной цели — прорваться к своим. Там будет утро, день, встреча с друзьями, там будет жизнь.

На пути попадались ямы. Здесь до войны на большой площади разворачивалось строительство и были вырыты котлованы разной глубины. Люди оступались, попадали в котлованы, залитые сточной водой. Бойцы отфыркивались; иногда приходилось окунаться в воду с головой. Их вытаскивали при помощи протянутых винтовок, связанных поясов. Они выбирались, обжимали полы шинелей, проверяли винтовки и догоняли товарищей.

Перевалили довольно высокую гряду, опускающуюся не то к оврагу, не то к морю, и пошли степным твердым грунтом.

Огненная земля пламенела далеко позади. Противник не переставал ее разрушать. На высотах у моря вспыхивали длинные огни — стреляли туда же батареи Керченской крепости, расположенной южнее Митридата.

Гладышев поторапливал людей с железной настойчивостью. Десантники шли кучно, близко друг к другу, чувствуя и локти товарищей, и спины, и дыхание — тяжелое, свистящее. Больше пятнадцати километров было пройдено по бездорожью. Никто не отставал. Какая-то магнетическая сила сцепила теперь людей и несла

вперед. Букреев сбросил ватник, намокший при форсировании болота и густо выпачканный грязью. Он шел в одной гимнастерке, с расстегнутым воротом, чувствуя на шее скользкий ремень автомата. Ноги согрелись, подошвы жгло. Впереди виднелись силуэт Кондратенко, развевающиеся ленточки его бескозырки и покачивание прямых его плеч.

Становилось все темней. Воздух как будто сгущался. Ветер затих.

— Митридат,— прошептал над ухом Букреева Курилов.

Отдаленный свет поднялся, перевалил гору и на мгновение очертил контуры спускающейся к морю горной гряды. Казалось, огромный четырехгорбый верблюд приготовился напиться и застыл у моря, успев только согнуть передние ноги. Свет исчез так же внезапно, как и появился, и венец горы растворился в черном воздухе.

Бойцы накапливались и под команды офицеров, отдаваемые тихими голосами, обтекали комель горы. Моряки авангардной группы сгрудились возле Рыбалко, молчаливые, запыхавшиеся, с гранатами в руках.

— Врывайтесь на вершину, Букреев! — приказал Гладышев. И его тихий голос, еще более приглушенный, чтобы сдержать волнение, зазвенел в ушах.— Мы обяжем гору, а Степанов подведет людей ко второй вершине — там наиболее крепкий орешек.

Укрепления горы Митридат были изучены еще в предпоследнюю ночь, в блиндаже командира дивизии. Четыре последовательно понижающиеся к морю вершины, по сведениям разведки и согласно шифрограмме главных сил, были укреплены неравномерно. Вершина, которую сейчас нужно было штурмовать, была наиболее высокой, но менее укрепленной, так как находилась она в глубине, и противник, конечно, не предполагал, что ее могут атаковать с тыла.

Букреев передал Рыбалко приказ комдива. Моряки тронулись вверх. Проволочные заграждения были разрезаны, и колья выворочены «с корнем». В проходы, сделанные умело и быстро, вливались люди и веером расходились на подъеме. Ни кустика, ни скал. Ровный склон, уложенный скользкими от дождя травами. Бойцы обгоняли Букреева; из-под их ног вылетали камешки,

ошметки грязи. Чем ближе было к вершине, тем более ускорялось движение, напряжение росло. Никто ничего не говорил, никто никого не подбадривал, но чувствовалась объединяющая всех мысль: скорее туда, скорее ворваться. Скорее отвести душу и стрельбой, и рукопашной, и криком. Букреев откинул на затылок фуражку. Вспотевшие пряди его волос прилипли ко лбу. Он чувствовал свое разгоряченное тело. Горячий дух, казалось, вырывался из-под его расстегнутого ворота и обвевал подбородок, щеки. Но лоб был холоден. Быстро стучало сердце, и как будто в такт этому стуку звенели слова той памятной песни. Ее пел его батальон еще в Геленджике:

Девятый вал дойдет до Митридата,—
Пускай гора над Керчью высока!
Полундра, фриц! Схарчит тебя граната!
Земля родная крымская близка!

Мотив песни и слова привязались и не оставляли его. Все движение вперед, казалось, было подчинено этому песенному ритму: «Де-вя-тый вал дойдет до Ми-три-дата,— пу-скай го-ра над Керчью вы-сока!..»

И когда моряки проревели свой боевой клич, это было неожиданно. Это было все тем же продолжением песни. Букреев, не стесняясь, что он командир батальона, закричал вместе со всеми. Рокошующее, как боевые барабаны, матросское слово «по-лунд-р-р-р-р-а!» объединило всех, кто не был до этого виден, и бросило вперед на приступ вершины.

По-прежнему было темно, и гранаты, брошенные в окопы передними атакующими, только на миг осветили каменные брустверы и черные силуэты добежавших до вершины людей. Послышались короткая, какая бывает при прочесывании траншей, автоматная стрельба, пистолетные выстрелы, и крики, и шум, воспринимаемый уже почти подсознательно. Букреев добежал до камней, перепрыгнул их и полетел куда-то вниз. Казалось, что все ошиблись, никаких врагов нет, а есть каменная стенка ограждения, какая бывает на автомобильных горных дорогах, и за ней пропасть. Такое ощущение продолжалось до соприкосновения ног с чем-то неподвижным,

мягким, как куль, набитый шерстью. Подумав, что он попал на человека, Букреев инстинктивно отпрыгнул в сторону и ударился боком о камни. Он понял, что это стена каменоломни, приспособленной под траншею, и, следовательно, атака пришлась именно по тому месту, куда было заранее намечено. Совсем близко кто-то несколько раз выстрелил из пистолета, кто-то пронзительно закричал по-немецки и сразу же захлебнулся, кто-то выпустил очередь из «вальтера», личного оружия немецких офицеров. Светло-огненным раструбом поднялся большой и трескучий столб противотанковой гранаты. Возле Букреева появилось чье-то лицо; фосфорическим блеском вспыхнули глаза.

— Товарищ капитан! Первую взяли! Бегут туда!

— Курилов?

— Я! Я! — Курилов схватил руку Букреева повыше кисти липкими и горячими пальцами. — Взяли!

— У вас мокрые руки, Курилов.

— Я был в рукопашной! — срывающимся голосом выкрикнул Курилов. — Там было немного немцев. Но мне досталось! Досталось!

— Выводите людей из каменоломни. Собирайте и выводите. Надо брать вторую вершину.

Курилов мгновенно оторвался и пропал в темноте. Вскоре послышался хриплый надсадный крик Рыбалко. Сверху прыгали красноармейцы второго полка дивизии. Прыгнув, они притихали, переводили дыхание, потом их точно выбрасывала пружина, и они, очень правильно выбрав направление, бежали вдоль высокой отвесной стены. Букреев выбрался наверх, подхваченный Манжухой и Кулибабой, выпрыгнувшими из каменоломни раньше его.

Десант выбрался на гору, господствующую над Керчью и над тылами германских войск прикерченского укрепленного района. Первое препятствие было взято с ходу и почти без потерь. Надо было разыскать командира дивизии. Заранее намеченный план штурма выполнялся, но темнота и какое-то стихийное передвижение людей возле Букреева (все бежали, стучали по камням ногами, тяжело дышали после крутого подъема) беспокоили его.

Керчь не была видна, а только ощущалась где-то

внизу, огромная, разваленная, опасно притихшая. На линии главных сил стреляли гаубицы, и вспышками на короткие мгновения освещался контур гряды. Слева угадывался вражеский аэродром — по светло-голубому свету посадочных прожекторов. Доносился отдаленный рокот снижающихся бомбардировщиков. Кое-где светлячками зажигались сигнальные и опознавательные фонарики. Над Огненной землей по-прежнему горело, и близко — казалось, от подножия горы — по ней били тяжелые пушки. Ветер летал над вершиной, теперь уже ничем не задержанный. В гимнастерке было холодно, тело сразу остыло. Дрожа от озноба, Букреев услышал, как кто-то собирал и командовал красноармейцами, как они задерживались и уже не бежали неизвестно куда. Появился запыхавшийся и возбужденный командир второго полка. Он радостно охватил Букреева руками, коротко, с каким-то булькающим смешком сообщил ему, что комдив недалеко, в блиндаже, что там есть свет и что ему приказано помогать морякам. Для этого ему надо спуститься с горы и нанести вместе со Степановым штурмовой удар с другой, противоположной удару моряков стороны.

Командир полка отдал приказания офицерам, и колонна двинулась слитной кучей, чтобы не растеряться в темноте, так как местность знали плохо — здесь не бывали: могли встретиться и впадины и обрывы. А потому что было темно и от возбуждения все казалось увеличенным — и самая гора и спуск, — естественно, увеличивались и размеры опасности. Всеми руководило глухое, подсознательное чувство во что бы то ни стало держаться вместе — кругом враги, и только вместе можно было противостоять им и победить их. Удачный штурм первой вершины укрепил уверенность в своих силах. Бойцы быстро спускались под гору, и в темноту крутого спуска удалялись сотни шуршащих камешками и травами ног.

Надо было найти Рыбалко. Букреев пошел вперед, под откос. Рыбалко стоял у камня вместе с Батраковым и что-то ему горячо доказывал. Замполит тихо возражал ему. Оказывается, только что было получено приказание комдива координировать удар по второй вершине с группой Степанова. Пехотинцы задержались, но Рыбалко не терпелось. Со второй вершины редкими

очередями стреляли пулеметы, пока еще просто в темноту.

— Мы их з́араз срубаем, товарищ капитан! — горячился Рыбалко. — Ишь як палит! Один, два, три, четыре... десять пулеметов повернул.

Трассирующие пули с ясно обозначенной траекторией летели к ним, посвистывали и цокали о камни. От первой ко второй вершине как бы перебрасывались светящиеся пролеты какого-то воздушного, феерического мостика. Моряки лежали, готовые к атаке, молчаливые, напряженные. Букреев, не отвечая Рыбалко, а только придерживая его поддрагивающую мохнатую руку своей рукой, следил за движением светящейся минутной стрелки. Расчеты штурма были согласованы с майором, и солдаты, вероятно, уже накопились с другой стороны. Букреев отпустил руку Рыбалко и приказал ему поднимать матросов.

Вторая вершина была немного ниже первой, но сильнее укреплена, и противник теперь поджидал их. На второй вершине располагались немецкий штаб укрепления, подземные блокгаузы, радиостанция. Туда вела автомобильная дорога. По данным армейской разведки, вершина была опоясана проволочными заграждениями, но без минных прикрытий.

Моряки поднялись и ринулись вниз. Впадина между двумя вершинами считалась мертвым пространством и предохраняла наступающих от пулеметного огня. Миновав впадину, моряки быстро побежали вверх. Сбежав вниз, Букреев передохнул и медленно, не успевая угнаться за быстрыми матросскими ногами, двинулся вверх. Теперь они выбрались из непростреливаемого пространства и попали под действительный огонь, попали на рубежи, заранее пристрелянные. Несколько человек свалились. К ним подбежала Надя, пригибаясь и поддерживая руками сумку. На пологом скате не росло ни одного кустика. Десять пулеметов били теперь длинными очередями, немцы не жалели патронов. Сверху полетели гранаты. Они пока не достигали атакующих, но, взрываясь, создавали как бы стену, преградившую дорогу к вершине. Букреев понял, что Степанов не успевает и что они поднялись рановато. Моряки залегли. Рыбалко выскочил вперед, обернулся и закричал. Светя-

щиеся пули летали возле него. Он кричал сорвавшимся, но громким голосом, привыкшим командовать в шторм, не обращая внимания ни на эти фосфорические, свистящие нити пуль, ни на столбы огня, осколков и дыма, возникавшие то тут, то там. Казалось, он был заколдован, этот стремительный и храбрый человек.

Замешательство продолжалось недолго, но Букрееву показалось, что прошло много времени, что они очень задержались. Ему невольно вспомнились первый бросок с десантных судов, песок, взбуравленный пулями, Таня, побежавшая на минное поле. Букреев пошел к Рыбалко. Вперед выпрыгнул Манжула. Поднялись все моряки, побежали. Они первыми достигли проволочных заграждений и забросали их ватными куртками. Казалось, они готовы были сорвать все обмундирование с себя и бежали теперь на штурм полураздетые, только с оружием в руках, задерживаясь лишь для того, чтобы метнуть гранату.

Прихватив ремни оружия руками, выкрикивая не то ругательства, не то проклятия, они шли на штурм. Люди падали, разрываемые снарядами. Вот свалился Стонский, схватившись за живот. Он упал, поджав под себя ноги и ударившись лбом о камни. Где-то слышалось перекатное солдатское «ура». Степанов атаковал вершину.

Букреев бросился на врага, как на зло, которое он должен уничтожить, несмотря ни на что. Несмотря на то, что он еще хочет жить, несмотря на то, что у него семья, ожидавшая с трепетом его возвращения у высоких обрывов Геленджикской бухты.

Еще немного! Еще!

Яркие корончатые взрывы гранат. Оружие, присланное детьми-ремесленниками Сибири и Урала. Кинжалы, откованные в Златоусте, где ковались шпаги Суворова и Кутузова, сабли Фрунзе и Чапая.

Букреев ворвался в траншею. И, как всегда, все было решено еще в тот миг, когда люди были подняты чьим-то примером и брошены вперед. Теперь враг почти не сопротивлялся. Его докалывали, достреливали, расходуя остатки человеческой ярости и воинской злобы.

Теперь надо идти дальше, вплоть до моря. И Букреев пошел вперед, заглатывая воздух, который уже не

мог напитать его. В ушах стучало. Атака вершины далась нелегко. Он не мог разобрать, зачем зовет его Манжула. Мимо бежали красноармейцы. Подковы сапог высекали искры о камни. Пахло потом, кислым сукном и сернистыми запахами взрывчатки, еще не рассеявшейся в воздухе. Букреев ступил еще несколько шагов, почувствовал, как заколебалась под ним почва и вершина раскачалась, как качели, и такой же ветер, когда падаешь вниз и так сладко и больно замирает сердце.

Букреев упал. Надо подняться. Он царапал землю, прелые корневища трав вылетали из-под его пальцев. Ветер донес к нему шумы атаки, и все провалилось, исчезло...

Десантники ворвались на последнюю, четвертую вершину Митридата. Многие ползком, на четвереньках, сцепив судорожными пальцами свое оружие, чуть ли не в зубах держа последние запалы для гранат.

С гранатами и этим оружием они бросились на врагов, захвативших часовню, последний укрепленный кусок горы, и молча, с хрипом, выбили, вырезали тех, кто там еще пытался сопротивляться.

Где-то вставало солнце. Темнота дрогнула. Все увидели блеснувший под обрывом обрез воды, неясные очертания города, лежащего у подножия горы. Все увидели полковника с хмурым, посеревшим лицом. Полковник бросил в кобуру пистолет и потер ладони, поживаясь от пронизывающего ветра.

Причалы таранил Рыбалко. По улицам Керчи с поразительной настойчивостью двигался Батраков, захватывая улицы и склады.

В это время Манжула выносил командира. На его плече висели два автомата дулами книзу, обмундирование было порвано и забрызгано кровью, колени разбиты до костей. Он бережно, как нянька, опустил Букреева, а потом поднялся медленно на ноги и строго сказал обступившим его морякам: «Жив».

Гладышев стал на колени возле Букреева, подsunул руку ему под затылок, приподнял. Букреев очнулся, и страдальческая гримаса дернула его губы. Прижавшись

локтями к камням, он хотел подняться, но его сразу подхватили десятки рук и осторожно поставили на ноги.

Моряки смотрели на него с благодарностью. Они вышли сюда, и сюда к ним идет помощь Великой земли. Букреев был вместе с ними все героические дни.

— Ребята, мы будем жить!..— сказал Букреев. И на лице его, где-то в уголках черных глаз, появилась сдержанная, с хитринкой улыбка.

Снизу, рассыпая искристый хвост, взлетела ракета — условный сигнал. Причалы были полностью в руках Рыбалко. Полковник быстрыми движениями пальцев застегнул ворот гимнастерки, веселым голосом приказал:

— Сигнал кораблям!

Невдалеке от часовни быстро сложили в кучу обломки патронных ящиков, ивовых корзин от снарядов, выброшенные из блиндажей матрацы и разную рвань. Все это сверху полили керосином. Костры загорелись. Вначале поднялся черный дым, а потом светлое пламя. Дым посветлел и высоким столбом поднялся кверху. Огни загорелись под рев истребителей. Летчики снижались, проносились низко над вершиной, раскачивали крыльями, на которых краснели советские звезды. Немецкие пикировщики сбросили бомбы у подножия первой вершины и уходили не по курсу, атакованные шестеркой «ЯКов». От таманских берегов снимались корабли поддержки. Их вел Курасов, еще ничего не знавший о гибели своей невесты.

Возле часовни, с наветренной стороны, располагалась группа моряков и красноармейцев. Они сидели на корточках и на ящиках и жадно курили. Степняк с усталым видом протягивал вновь подходившим красноармейцам пачку трофейных сигарет, и к ним тянулись грязные, окровавленные пальцы. Внизу, по шоссе, освещенному первыми лучами солнца, бежали автомашины. Германские солдаты умело спрыгивали и сейчас же ложились, а затем перебежали змейкой ближе к горе, накапливаясь у подножия. С хитроватым безразличием смотрел на всю эту картину Степняк.

Из ночного тумана выплывали высоты крепости, похожие на замок. Крепость стояла над большим серым озером, накрытым длинной ветровой волной. Из крепо-

сти, от черных провалов светотени, показались острые огоньки и донеслись тяжелые звуки. Снаряды впились в гору ниже вершины. Раскатистый гром пронесся над проливом. Вниз, оттуда, где упали снаряды, летели комья и, смешиваясь с туманом, поднимались коричневые дымки.

О камни стучали и звенели лопаты. Красноармейцы сноровисто рыли траншеи, подтягивали трофейные пулеметы и пушку, подносили снаряды. Они готовились оборонять эту древнюю гору, чтобы немного спустя, когда пойдут корабли, спуститься в долину, туда, где под первыми лучами солнца, пробившими тучи, засияли курганы Юз-Оба.

Букреев стоял рядом с Гладышевым, чувствовал его локоть и видел крепость, золотое солнце, бурный пролив, бьющий сильной волной по скалам горы Митридат, и косое пламя над Огненной землей — пламя, поглотившее много прекрасных жизней, но осветившее будущее. И во имя этого большого будущего нужно было и дальше бороться и жить...

1944—1945

Туапсе—Геленджик —

Керчь—Севастополь—

Краснодар



ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	31
Глава шестая	36
Глава седьмая	42
Глава восьмая	52
Глава девятая	57
Глава десятая	61
Глава одиннадцатая	66
Глава двенадцатая	72
Глава тринадцатая	75

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава четырнадцатая	89
Глава пятнадцатая	96
Глава шестнадцатая	102
Глава семнадцатая	106
Глава восемнадцатая	117
Глава девятнадцатая	123
Глава двадцатая	130
Глава двадцать первая	136
Глава двадцать вторая	140

Глава двадцать третья	146
Глава двадцать четвертая	148
Глава двадцать пятая	158
Глава двадцать шестая	168
Глава двадцать седьмая	172
Глава двадцать восьмая	179

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава двадцать девятая	194
Глава тридцатая	204
Глава тридцать первая	209
Глава тридцать вторая	217
Глава тридцать третья	228
Глава тридцать четвертая	231
Глава тридцать пятая	241
Глава тридцать шестая	255
Глава тридцать седьмая	264
Глава тридцать восьмая	271
Глава тридцать девятая	279
Глава сороковая	283
Глава сорок первая	287
Глава сорок вторая	293
Глава сорок третья	303
Глава сорок четвертая	313
Глава сорок пятая	325

Д л я с р е д н е й ш к о л ы

Первенцев Аркадий Алексеевич

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Ответственный редактор *Н. С. Абрамова*. Художественный редактор *Н. Г. Холодоевская*. Технический редактор *Н. Г. Леканова*. Корректоры *Н. А. Сафронова* и *Э. Н. Сизова*. Сдано в набор 15/XI 1965 г. Подписано к печати 18/I 1966 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 17,51. Тираж 100 000 экз. ТП 1966 № 295. Цена 69 коп. на бум. № 2.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.
Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 3234.

69 коп.